

брюки и рубашка. Вторая ходка за мешком с обувью оказалась безуспешной, поскольку дневальный засек визит Бори и стал допытываться, с какой такой целью он тут ошивается. Приятели решили не искушать судьбу и сочли за благо retirроваться.

Примерка Бориных вещей оставила у Кирилла двойное впечатление. С одной стороны, это все же не спортивный костюм, что, конечно же, хорошо для маскировки. Надо было принять во внимание, что в воинскую часть уже поступила информация о поимке патрулем в Выборге одетого в олимпийку студента, который несколько дней тому назад прошмыгнул-таки через КПП. Об этом сразу же было сообщено в комендатуру города, и после проверки нескольких спортсменов на улицах нарушитель режима был наконец изловлен и водворен обратно, к месту его временного расквартирования.

С другой стороны, костюм и рубашка Бори были изрядно помяты за время пребывания их в каптерке, да к тому же были явно малы Кириллу. Вопрос об уличной обуви так и не был положительно решен. Кирилл был вынужден оставаться в своих китайских спортивных тапочках с белыми шнурками бантиком. Да, видок! Впрочем, глаза боятся, а руки делают.

Оставалось придумать благовидный и надежный предлог, для того чтобы в ближайшее воскресенье, когда ожидается приезд пассии, напроочь, на весь день слинять с глаз долой как собственно университетского, так и местного военного начальства студенческих сборов.

Случай, как настаивает автор этих строк, всегда приходит на помощь тому, кто его неустанно ищет (кабакаясь по каменистым тропам, разумеется).

* * *

На субботу был назначен принципиальный матч по футболу между сборными командами двух отделений (весь курс был примерно поровну поделен на два отделения, располагавшихся в двух крыльях просторного здания казармы). Матч ожидался не просто принципиальный, а принципиальнейший! Еще бы! В пятницу после отбоя, ближе к полуночи, первое отделение в трусах и кирзовых сапогах в полном составе промаршировало на суверенную территорию второго отделения и, дружно проскандировав: «Второе отделение – ж...!», в том же боевом порядке без жертв и разрушений вернулось за демаркационную линию, где мгновенно рассредоточилось по койкам. (Будущие младшие инженер-лейтенанты, конечно, употребили это широко известное слово без многоточия. Купюру я вставил по просьбе составителей сборника.) Сейчас эту акцию называли бы флешмобом с явными признаками подстрекательства к экстремизму по отношению к студенческой социальной группе.

Попытка своевременного, симметричного и адекватного демарша со стороны второго отделения была в зародыше пресечена подоспевшими старшиной и ефрейтором из местных. Таким образом, момент для ответной акции возмездия был явно упущен. К тому же именно в эту ночь начальство было не просто бдительным, но форменно встало на уши, поскольку произошел невиданный в истории части инцидент.

Это был первый раз, когда студентам-курсантам по плану боевой подготовки была поручена караульная служба на двух важнейших постах: в казарме возле знамени полка (пост № 1) и у гаража, где стояли все автомашины (пост № 2).

Зловредный местный майор решил проверить несение службы на посту № 1 и с деловым видом подошел к нашему ничего не подозревающему однокурснику с невинной просьбой дать ему в руки автомат с «целью сверки номеров в ходе плановой инвентаризации стрелкового оружия». Интеллигентный молодой человек не мог отказать старшему по званию. Результат, понятное дело, был для курсанта плачевным: отдать на важнейшем посту боевое оружие постороннему лицу, не имеющему никаких на то официальных полномочий!

Ах так, решили обидевшиеся наши. Мы к вам с чистой душой и открытым сердцем, а вы... В таком случае дружба обнуляется, а отношения меняются кардинально. На вашу подлянку мы ответим формальным и безусловным исполнением буквы, и только буквы, всех ваших приказов. Как это делается, мы знаем, все читали про храброго солдата Швейка!

И когда в ту же ночь в части была объявлена учебная тревога (кстати, совершенно не согласованная с университетской частью военного руководства сборов) и водители стремглав побежали к гаражу выводить свои машины, курсант Юра Аблин (история факультета сохранила имя этого выпускника кафедры теоретической физики), действуя строго по уставу караульной службы, скомандовал бегущей ему навстречу и матюгающейся толпе: «Стой! Стрелять буду!» Понятно, что результат от его слов был нулевой – подумаешь, какой-то хлюпик-сморчок. Тогда наш Юрик героически передернул затвор и... выстрелил в воздух!

Превращение мальчика в мужа, способного с оружием постоять за себя, произошло по-дзенски «здесь и сейчас»; атака шоферюг захлебнулась, учебная тревога была сорвана, курсанту Аблину пришлось приказом по части объявить благодарность.

Юрочка Аблин, как и уже упоминавшийся выше тов. Чечин, стал героем знаменитого физфаковского капустника, в котором на мотив известной песни о школе бальных танцев Соломона Пляра пели: «Часовой – лицо неприкосновенное. / Отойдите – вам говорят! / Две шага налево, две шага направо. / Шаг вперед и две назад». Слава богу, повторного выстрела не потребовалось, а то возмужавшему Юрию пришлось бы руководствоваться указаниями полковника Соломатина, данными во время первых учебных стрельб.

О, этот день забываем! Вышеуказанный полковник расстелил перед строем студентов свою плащ-палатку, сноровисто лег на нее, мгновенно изготовился для стрельбы в положении лежа и снял с предохранителя свой АКМ.

– А куда, собственно, надо целиться? – чирикнул из второго ряда самый смелый.

Полковник Соломатин с величайшим изумлением посмотрел на салагу, не знающего фундаментальных основ армейской, да и всей прочей гражданской жизни. Этот вопрос его как бы даже немного и озадачил.

– А целиться надо всегда НИЖЕ ПОЯСА, НО ВЫШЕ КОЛЕНЕЙ (Соломатин, конечно, употребил одно короткое и точное слово, которое я по просьбе

составителей сборника заменил на пять слов), – отрезал он и без промаха разрядил весь рожок в мишень.

Этот своеобразный импринтинг поведенческого акта, если выражаться биологическими терминами, постоянно всплывал из глубин подсознания Кирилла как спасительная подсказка в трудные минуты, когда ситуация требовала быстрых и четких решений. Так что Юра Аблин твердо знал, куда целиться, ежели что.

Но вернемся к вопросу, являются ли студенты второго отделения ж... , как бездоказательно, неубедительно и голословно утверждали их коллеги из первого отделения? Ввиду невозможности послать вербальную ноту протеста из-за разыгравшихся в ту ночь событий парламентарии договорились разрешить коллизию в ходе футбольного матча.

Сборная ЛГУ в спортлагере в Сухуми (1965)

Кирилл, член команды, пришел к выводу, что лучшего момента для своего выбытия из-под контроля начальства на весь воскресный день, чем субботняя битва на поле, и не придумаешь.

Он рвался вперед, к воротам соперников, таранил оборону, сознательно нарывался на full contact с защитниками и наконец на последних минутах первого тайма забил гол. Во второй половине игры противник оперативно перестроил тактику: к шустрому форварду прикрепили аж двух сторожей – мощного Салама Тибилова и Вову с весьма подходящей для данного случая фамилией Ломасов. Они играли жестко, на грани фола и постоянно норовили взять Кирилла «в коробочку». В конце концов они просто завалили форварда, и Кирилл ушел с поля с синяками и приличными царапинами на ногах и руках – что и требовалось доказать!

Лишь только раздался финальный свисток, он, нарочито прихрамывая, потихоньку поплелся в медпункт, после чего всем разрезвонил, что и остаток субботы, и полное воскресенье будет отлеживаться либо в казарме, либо где-нибудь у забора, под кустиком, и посему просит всех учесть, чтобы никакой активности с его стороны в эти дни не ждали. Поскольку футбол смотрело и военное началь-

ство, то факт временного убытия Кирилла из активной жизни сборов на эти два дня был понятен для всех.

Все, порядок! Свобода, принимающая радостно у входа, в обмен на царапины и синяки! Свобода же явно лучше несвободы, кто бы спорил с нашим гарантом.

* * *

Воскресным утром Кирилл аккуратно пробрался к уборной возле западной части стены, по поперечным перекладинам взобрался на крышу, перекинул мешок с одеждой через стену, после чего перелез на другую сторону и сам.

Только после прыжка со стены он сообразил, что с наружной стороны никакого сортира нет и как залезать обратно – большой вопрос. Походив вдоль стены, он вскоре обнаружил достаточно длинную и широкую доску, которую, в принципе, можно было поднять одному и приставить к стене под углом. Вот и способ возвращения в часть; правда, доска останется приставленной к стене, и каждый догадается, для какой цели вся эта конструкция была предназначена. А фиг с ней, этой доской, сейчас важнее всего гнать на Выборгский вокзал к приходу долгожданной электрички.

Кирилл снял ремень, гимнастерку, кирзачи, штаны, спрятал все казенное имущество под облюбованную доску и быстро переоделся в штатское. Вид был аховый! Кисти рук торчали из рукавов пиджака, брюки, как у рыжего в цирке, едва доходили до лодыжек. Особенно прикольно выглядели на этом фоне китайские тапочки с белыми шнурками, как уже говорилось, бантиком. Итак, курсант Кирилл к свиданию готов!

Выбирая малолюдные переулки, он наконец добрался до центрального входа в вокзал – массивное здание в типичном для финнов стиле северного модерна. Ждать долго не пришлось. Кирилл сразу же заметил идущую от платформы Наташу, и ему стало ужасно стыдно за свой непрезентабельный вид на фоне бесспорных преимуществ его пассии – прически волосок к волосочку, летнего короткого платья в талию, туфелек на каблучках и прочая, прочая, прочая! В руках у предусмотрительной Наташи была объемистая сумка с разнообразными домашними вкусностями.

* * *

Но что это? Рядом с девушкой, оживленно беседуя словно со старой знакомой, обнаружился одетый с иголочки молодой лейтенант весьма привлекательной наружности.

Ужас! Откуда этот фрукт нарисовался и, собственно, к кому конкретно Наташа приехала? Проще всего без всякой словесной разборки накостылять новоявленному ухажеру в репу как следует. Из личного опыта следовало, что девушки, как правило, такой подход уважают и выбирают победителя. Но в данном случае «весовые категории» были не сопоставимы. Тот – офицер в форме, быть может, даже при исполнении, а Кирилл – беглый курсант, кстати, уже принявший присягу. Так что в случае рукоприкладства его заметут по полной программе. Кто бы

сомневался, что по крайней мере один из военных патрулей наверняка дежурит на вокзале.

Безвыходную, на первый взгляд, ситуацию быстренько разрешила Наташа. Она в секунды бортанула случайного вагонного попутчика, с которым мило беседовала всю дорогу из Ленинграда, представляясь, что едет «к брату». Лейтенантик, уже, видимо, строивший коварные мужские планы, был уязвлен мгновенной и четкой отставкой, не нашелся что сказать и канул в неизвестность.

Кирилл и Наташа остались одни... Рассказчик пасует, его способностей не хватает для литературного описания, о чем они говорили весь день, как глядели друг на друга, как держались за руки. Да и нужны ли все эти подробные детали, читатель, если ей двадцать, а ему двадцать один!

Отметим только, что Кирилл, дабы не нарваться ненароком на патрули, пригласил Наташу в кино. Сейчас из нашей пары уже никто не вспомнит ни названия фильма, ни его сюжета – на экран они почти что и не смотрели. Да разве смотрят на экран те, кто предусмотрительно покупает билеты в последний ряд? В ответ на такую просьбу Кирилла кассирша понимающе посмотрела на парочку. Наташа смутилась лишь на секунду, но отважно, держась за руку Кирилла, шагнула в полутемный зал...

На обратном пути на вокзал все-таки не удалось избежать встречи с патрулем, но Кириллу уже было все равно. В конце концов дело сделано – встрече с Наташей никто не смог помешать. Ну, задержат, ну, доставят в комендатуру, ну, сдадут в часть, ну, наваляют телегу в университет. И что из этого? В принципе, можно и не сдаться в плен – не догонят, он в спортивных тапочках с белыми шнурками бантиком, чтобы не мешали при беге, а патрульные – в кирзовых сапогах. Наташа же фамилию кавалера ни за что не выдаст, не на таковскую напали!

Патруль покосился на странную пару: девушка симпатичная, очень даже ничего, все при ней, а рядом какой-то клоун. Впрочем, Кирилл никакой ауры страха или волнения, к которой так чувствительны ищейки-проверяющие, вокруг себя не создавал, так что все обошлось.

...Вечером в расположении части Кирилл пригласил на праздничный ужин своих товарищей. Курсанты в единый миг слопали все привезенные бутерброды с сыром и колбаской, нахваливая Кирюшину пассию.

* * *

С тех пор Кирилл, окончивший ЛГУ с красным дипломом, бережно хранит ГРАМОТУ (!) от военной кафедры, врученную ему 7 февраля 1969 года «за отличное усвоение курса военной подготовки и [что особенно клево] за образцовую дисциплину в процессе учебы».

Через семь месяцев и два дня после принятия присяги Кирилл и Наташа поженились и с тех пор не расстаются.

* * *

Впрочем, попытка принудительной разлуки со стороны патруля все-таки была предпринята несколько позже, в 1971 году.

Летом того года Кирилл и Наташа отдыхали на крымском пляже возле пионерлагеря «Артек», куда, в принципе, вход посторонним был воспрещен. К загорающей парочке подкатил милицейский «Урал» с коляской. Милиции не понравилась тональность ответа Кирилла на грубое предложение убраться с пляжа подобру-поздорову.

Короче, Кирилла уже было собралось грузить в мотоциклетную коляску и везти в отделение. Положение мужа спасла Наташа, которая как коршун накинулась на представителей власти, огорошив их неожиданным вопросом:

– Вам новую отличную форму наше народное государство выдало, а вы занимаетесь черт знает чем, отдыхающих задерживаете!

Милицейский патруль, видимо, первый раз столкнулся с таким образчиком густопсовой филологической демагогии выпускницы ЛГУ и решил не связываться с напористой девушкой. Может, чья-то дочь нам тут права качает? Кто этих питерских поймет, понаехали тут.

ЛГУ. Лектор. Герой. Управленец

К.А. Мошков (студент 1963–1969 гг.,
кандидат биологических наук, доктор химических наук)

За что я люблю свой университет, чем я ему обязан? Автор этого очерка давно задавался ответами на эти вопросы. Ну, во-первых, он дал мне широкие знания. Но объем знаний стремительно растет, и то, что вложил в меня университет, во многом устарело. Однако образование – это не только набор знаний, умений и навыков. Справедливо же говорят, что образование – это то, что остается, когда все остальное забывается.

Более важна вторая часть ответа на эти вопросы. Университет вооружил меня естественно-научной методологией, научил учиться. Методология для меня – как поплавков, не позволяющий утонуть в море все более усложняющихся проблем и разнообразных вызовов на жизненном пути.

И, наконец, в-третьих. И образование, и методология были переданы мне и другим выпускникам университета конкретными людьми – как правило, людьми яркими, неординарными, запоминающимися надолго. Иногда это общение было длительным, как с профессорско-преподавательским составом, иногда – очень кратким, даже разовым, как, например, с приглашенными гостями университета.

О некоторых из них и пойдет речь. По принципу контраста я выбрал троих.

Лектор

Солнечное сентябрьское утро 1963 года. Мы, вчерашняя абитура, а сегодня первокурсники физфака, собираемся на первую лекцию у входа в здание НИФИ во дворе Главного здания ЛГУ. Уже известно, что наш первый лектор – профессор Никита Алексеевич Толстой, выпускник нашего же физфака, сын графа Алексея Николаевича Толстого, известного нам со школьных времен писателя.

За несколько минут до начала лекции к входу подъезжает белая «Волга» (да-да, белая, читатель!), из которой вальяжно вылезает сам Н.А., полностью соответствующий нашим смутным юношеским представлениям о том, каким должен быть светило науки, ее небожитель. Породистый дворянин-интеллигент в очках с тонкой металлической оправой, галстук-бабочке, фирменном клетчатом пиджаке, с большой толстой палкой для ходьбы. На груди – золотой значок лауреата Сталинской премии. Потом была замечена и брендовая зажигалка «Ронсон».

Начинается лекция – но нет, это не просто лекция, а подлинное пиршество общения Учителя с учениками, современная Платоновская академия. В из-

лагаемом Н.А. материале тщательно продуманы каждый тезис, каждая формула, каждая запятая. Сначала – устное изложение (великолепная русская литературная речь, которой Н.А., рассказчик от Бога, владел виртуозно), потом диктовка разъясненных положений. Каждая страница его лекции помещена в прозрачный конвертик (файлик), все пронумеровано, ссылок на параграфы. Выдающийся образец педагогического мастерства!

А в конце лекции авторское блюдо Н.А. – ответы на вопросы неофитов. С каждой встречей с Н.А. мы все более смеем. Наши записочки быстро выходят за пределы лекционного материала, да и физики вообще. Вот уже выпускники спецшкол строчат свои послания на европейских языках. Но Н.А., принципиально не пропуская ни одного вопроса, как всегда, доминирует.

Мы распоясываемся дальше и, можно сказать, наглеем. В тот период университетской жизни в общаге на Мытнинской набережной распространялся в магнитофонной записи (прообраз современных аудиокниг) эротический рассказ «Возмездие» про русского офицера и немецкую шпионку времен Первой мировой войны. Авторство рассказа приписывалось А.Н. Толстому. Нам, конечно же, не терпелось спросить: а правда ли, что именно ваш отец...

Как хорошо помнится, только при этом вопросе Н.А. вышел из себя и стал очень эмоционально доказывать, что как раз по художественным достоинствам «Возмездие» и близко не приближается к подлинному творчеству Алексея Николаевича. Это просто чья-то переделка его же повести «Прекрасная дама», где главного героя звали, кстати, Никита Алексеевич.

Но и среди универсантов-первокурсников нашлись знатоки отечественной прозы. Они стали ссылаться на то, что выдающийся советский писатель любил мистификацию и вместе с историком, членом Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Павлом Щеголевым состряпал интимный лжедневник Анны Вырубовой, фрейлины императрицы. Подделка была настолько мастерской, что приехавший в СССР племянник фрейлины на полном серьезе доказывал, что, мол, не спала Аня ни с Гришкой Распутиным, ни с Николаем Александровичем.

Тут Н.А. только развел руками – да, было такое совместное литературное произведение, но зато какой высокий класс работы!

Однажды Н.А. рассказал нам о том, как он пытался в качестве физика-эксперта вмешаться в творческий процесс Алексея Николаевича. Сын научно доказал отцу, что гиперболоид дает расходящийся пучок от источника излучения, находящегося в его фокусе. Лишь параболоид обеспечивает параллельный пучок. Отец послушал, послушал сына и ответил, что слово «гиперболоид» ему нравится как более впечатляющее, и оставил название романа про инженера Гарина без изменений.

После окончания университета автору этих строк довелось часто видеть Н.А. на всевозможных городских мероприятиях, в частности как президента Всемирного клуба петербуржцев. Везде он был душой общества, что называется, центровым. Н.А. сам многократно говорил, что больше всего он любит находиться в обществе приятных, интеллигентных людей и вести с ними беседы обо всем.

Как-то раз он с возмущением откликнулся на широко бытовавшее в годы перестройки утверждение, что, дескать, в нашей стране «секса нет». «Как нет? – изумился отец семерых (!) детей. – Есть у нас это, да и всегда было! Я сам со своей ненаглядной Наташей постоянно занимаюсь этим богоугодным делом. (Наталья Михайловна – жена Н.А., дочь знаменитого переводчика М.Л. Лозинского, также студентка физфака, с ней Н.А. прожил 55 лет.)

Профессор Н.А. Толстой и мисс физика – Анечка Кузнецова (1967)

Всем хорошо известна и демократическая позиция Н.А., который в течение трех лет, с 1990 года, был депутатом Верховного Совета РСФСР. Я сам присутствовал на одном из собраний на Малой Охте по выдвижению кандидатов в депутаты. Его соперником был Михаил Владиславович Маневич, будущий вице-губернатор Петербурга. Помнится, что своим шармом, умением держать аудиторию под контролем и напряжением, блестящими ответами на любые вопросы из зала Н.А. буквально затопил в море своего обаяния, как он называл, «молодого коллегу», личность также во многом неординарную.

Спасибо Вам за все, Никита Алексеевич, вечная Вам память – Вы открыли нам дверь в мир Большой науки и показали на личном примере, каким может (и должен!) быть настоящий русский интеллигент и патриот своего народа.

Герой

В университете очередной гость со своей лекцией. Да какой же он гость, он наш – выпускник биофака по специальности «генетика». Выступает один из открывателей химического мутагенеза, лауреат Ленинской премии и членкор АН СССР Иосиф Абрамович Раппопорт. Плавно и логично течет лекция, но я ни-

как не могу сосредоточиться на супермутагенах и их роли в повышении урожайности. Все мое внимание – на И.А., человеке с военной выправкой и с точными движениями, несмотря на то, что видит он из-за фронтального ранения лишь одним правым глазом.

Какой эпитет подобрать к И.А., занимающему совершенно особое место в отечественной науке? Есть ученые известные, выдающиеся, знаменитые, герои... А кто выше героя? Пожалуй, только уникальный И.А.

На войну он ушел добровольцем, а вернулся гвардии майором, защитившим докторскую диссертацию в период лечения и вновь возвратившимся на передовую (хотя и имел бронь). Его трижды представляли к званию героя Советского Союза, но каждый раз все складывалось не в пользу И.А., подчас из-за его независимого и смелого характера.

Вот и Нобелевский комитет представлял его к абсолютно заслуженной Нобелевской премии за открытие химического мутагенеза. Однако памятуя о том скандале, который разразился в СССР в связи с присуждением этой премии Борису Пастернаку, комитет вначале проинформировал советское правительство о своем намерении. И.А. вызвали в ЦК КПСС и сообщили о согласии властей на присуждение Нобелевки при условии, что товарищ ученый напишет заявление с просьбой о его восстановлении в рядах партии, откуда он был исключен в 1949 году за отказ признать классическую генетику буржуазной лженаукой. И.А. ответил, что никакого заявления писать не собирается: власть сама его из партии исключила, вот пусть и восстанавливает сама, да еще и вернет партбилет с тем же номером. Сам же он за шестьдесят тысяч долларов (цена премии в те годы) не продается. На этом вопрос с Нобелевской премией и закрылся.

«Я никогда не откажусь от своих убеждений из-за соображений материального порядка», – так заявил И.А. раньше, когда его исключали из рядов ВКП(б).

Власть частично загладила свою вину перед И.А. в конце 1990 года, уже на излете существования СССР, когда ему вместе с группой отечественных биологов было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Это произошло за два месяца до трагической гибели И.А. под колесами грузовика: отсутствие одного глаза не позволило вовремя заметить приближающуюся машину.

Особого упоминания заслуживает Поступок (да, именно так – с большой буквы) на сессии ВАСХНИЛ 1948 года, на которой генетика в СССР была фактически разгромлена. И.А. не был приглашен на сессию, но он, как лихой десантник, пробрался на заседание по чужому пропуску и публично, с трибуны, под стенограмму заявил о своем категорическом несогласии с лысенковцами, причем строго научно обосновал свою позицию.

А дальше легенда. Приведем ее в изложении нашего выдающегося биофизика профессора С. Шноля. Недаром афоризм утверждает, что именно легенда зажигает сердца тысяч и тысяч и ведет их, казалось бы, в безнадежную атаку к победе, а голые факты интересуют лишь горстку историков-педантов. Так вот, легенда утверждает, что все произошло во время выступления главного идеолога так называемой мичуринской генетики И.И. Презента, кстати, также выпускника ЛГУ. В тот момент, когда он, ни разу не бывший во время войны в действующей

армии, демагогически заявил, что мы, весь народ, проливали кровь на фронтах, а эти муховоды и т. п. и т. д., из зала выскочил Иосиф Абрамович и стал душить Исая Израилевича: «Это ты, сволочь, на фронте кровь проливал?»

Вот таким легендарным человеком был И.А., награжденный многими боевыми наградами, в том числе полководческим орденом Суворова.

Подумай, читатель, о никогда не терявшем своего лица Иосифе Абрамовиче Раппопорте, когда твоя судьба рано или поздно, но обязательно поставит перед тобой вопрос, идти ли на компромисс со своими убеждениями!

Управленец

Звонит мой старый друг по университету Василий Стефанов (ныне заведующий кафедрой биохимии):

– Кирилл! Если есть возможность, срочно приезжай. У нас в Актовом зале будет выступать сама Маргарет Тэтчер!

Все дела – отставить, гоню в Главное здание. Редчайший случай посмотреть на знаменитую Железную леди, хотя бы и в ранге только экс-премьера.

Что первое приходит на ум? Ну конечно же, спор за Фолклендские острова. Молниеносно бросила за тысячи миль почти 100 кораблей военно-морского флота и 8 000 бойцов: «единственный способ остановить задир – это не быть слабому самому». Не поддалась на голодовку ирландских республиканцев, десять человек умерло, так ничего и не добившись: «я исключительно терпелива при условии, что в конце концов все пойдет по-моему».

Да, это действительно круто!

Приезжаю в университет, народу еще не густо, занимаем с Василием места во втором ряду, поближе к трибуне. По углам зала – комбинированная охрана, наша и английская, прямо-таки союзники эпохи Второй мировой. Наши – эдакие шкафы габаритами восемнадцать на двадцать четыре, личные секьюрити Тэтчер – высокие, худощавые, не исключаю, что своими длиннющими ногами могут гасить лампочки в люстрах.

А вот и сама мадам, автор книги «Искусство управления государством». Можно сказать, управленец высшего номенклатурного уровня, а по-современному – топ-менеджер, даже топ из топов. Добавим к искусству управления и науку, но об этом ниже.

Не все, видимо, помнят, что М. Тэтчер – единственный премьер-министр в истории Великобритании, имеющий естественно-научное образование. Она окончила химфак Оксфордского университета, защитила дипломную работу по рентгеновской кристаллографии под руководством лауреата Нобелевской премии Дороти Ходжкин. Работа дипломницы была посвящена расшифровке структуры грамицидина.

Весьма интересна история открытия этого пептидного антибиотика, тесно связанная с советско-британскими отношениями. Грамицидин – первый антибиотик, обнаруженный и исследованный в нашей стране. Авторы открытия – выдающийся микробиолог Г.Ф. Гаузе и его жена М.Г. Бражникова, биохимик. После

установления в 1942–1943 годах высокой активности грамицидина, в частности при заживлении инфицированных ран у солдат Советской армии, он сразу же пошел в массовое производство, а в 1944 году был передан нашему союзнику по антигитлеровской коалиции – Великобритании. Так вот, именно М.Тэтчер (тогда она еще носила свою девичью фамилию – Робертс) расшифровала структуру грамицидина, полученного из СССР.

Госпожа Тэтчер говорила, что научный тренинг у Д. Ходжкин очень помог ей в дальнейшей политической деятельности. Зададим и себе вопрос: а не связаны ли успехи в бизнесе, по крайней мере частично, нашего Олега Дерипаски с тем, что он окончил физфак МГУ (кафедра квантовой статистики и теории поля) с красным дипломом?

Поэтому неслучайно, что в свой последний визит в Москву в ранге премьер-министра (1987) М. Тэтчер выразила желание посетить именно Институт кристаллографии АН СССР (ИКАН). Автор этого очерка в то время тесно сотрудничал с этим институтом, работая над своей докторской диссертацией. Детали визита госпожи Тэтчер весьма любопытны. Буквально накануне посещения на дорожку от Ленинского проспекта до входа в ИКАН положили свежий асфальт. Сотрудники успели подготовить для своей гостьи сюрприз: ей вручили ксерокопии статей мисс Робертс по рентгеноструктурному анализу грамицидина. Все как один были поражены неподдельным интересом премьер-министра к работам в ИКАН: она задавала массу вопросов, глядя прямо в глаза собеседнику, и настаивала на точных и исчерпывающих ответах.

Но мы несколько отвлеклись от собственно лекции экс-премьера в Актовом зале ЛГУ 29 мая 1991 года. Я не буду вдаваться в сущностную часть ее выступления, посвященную ее взглядам на мир как многолетнего лидера партии тори. О «тэтчеризме» написано немало. Но что навсегда врезалось в память, так это английская школа риторики и полемики, в которой М. Тэтчер была круглой отличницей. Она, обосновывая свои тезисы, как столяр, мелкими постукиваниями устанавливала гвоздики на деревянной доске, а потом одиночными мощными ударами вгоняла их по самую шляпку. Даже и мысли не могло возникнуть, что мадам может кому-либо уступить в жестком словесном поединке.

Особо хотелось бы отметить ее взаимоотношения со своим собственным переводчиком, чистопородным британцем. В зале сразу же сыскалось изрядное количество знатоков английского языка, желающих задать вопрос и заодно, а может быть, и в первую очередь, отличиться своим безупречным произношением перед коллегами и ректором С.П. Меркурьевым, который и вел все собрание.

М. Тэтчер сразу же пресекла такой вариант общения, справедливо полагая, что значительная часть аудитории выпадет из ее энергетического поля. «У меня есть свой переводчик, – четко заявила она. – Я плачу ему зарплату – должен отрабатывать. Прошу задавать вопросы по-русски».

В таком подходе, как выяснилось, был большой резон. Задается вопрос, переводчик переводит с умеренной скоростью, давая возможность своей работодателнице продумать оптимальный вариант ответа. Если по реакции зала, которую мадам отслеживала очень тщательно, можно было заключить, что попадание отве-

та было не в десятку, М. Тэтчер тут же, поругивая переводчика, просила его более детально перевести вопрос. Переводчик упреков, конечно, не заслуживал, просто у мадам появлялось дополнительное время для корректировки ответа. Было видно, насколько согласованно работала пара лектор – переводчик.

На собрании С.П. Меркурьев вручил гостье сувенир – футболочку с гербом университета. Мадам сразу же примерила ее к своим плечам. Выглядело все это очень мило, по-домашнему и по-женски. Но не будем забывать, насколько детально премьер-министр готовилась совместно со своим оперативным штабом к встречам с М.С. Горбачевым. Отрабатывался, как теперь стало известно, каждый жест и даже взгляд. Так что все премьерские экспромты – продукт серьезных домашних заготовок.

В итоге встреча в ЛГУ с Железной леди произвела на меня совершенно неизгладимое впечатление: эта мадам – боец до мозга костей, ведь она всегда утверждала, что «если я одна буду выступать против сорока восьми, то мне будет жаль этих сорока восьми».

Воспоминания о физфаке

Н.О. Григоров (студент 1964–1970 гг., кандидат физико-математических наук, доцент Российского государственного гидрометеорологического университета)

Мы оканчивали специальную физико-математическую школу № 38. Свои впечатления об этой школе я записал в небольшом очерке «Великий учитель» (<http://www.proza.ru/avtor/grigorov46>). Скажу только одно: если бы я там не учился, то никогда не поступил бы на физфак.

Нас поступало двадцать один человек из одного класса. Среди нас были золотые медалисты, победители олимпиад. Но в тот год никаких льгот при поступлении они не имели.

И вот первый вступительный экзамен – физика. У дверей аудитории – толпа. Рассказывают разные «страшилки» про то, кто как кого срезал. Я стою, ушами хлопаю. Вдруг выходит один из экзаменаторов и вызывает компанию из нескольких человек из нашего класса – все медалисты. «Ага, – думаю, – сейчас и меня вызовут». Жду. Наши медалисты уже вышли с пятерками, в чем никто и не сомневался. Меня не вызывают, как, впрочем, и никого другого. Часа в три дня я соображаю, что надо как-то занять очередь и пробиваться самому. Под вечер захожу в аудиторию.

Билет не очень сложный – два вопроса и задача. А вот как приступить к задаче, не знаю. Подготовил теорию, иду. А экзаменатор начинает с задачи! Так, сям, решить не могу! Наконец он задает вопрос с присказкой: «Ответите – поставлю тройку, а не ответите – двойку». Подумав, я ответил и спрашиваю с затаенной надеждой: «А билет?» «Что ж, – говорит он, – отвечайте, если хотите. Может быть, измените свою оценку, но только в сторону двойки». Надо ли говорить, что я предпочел не отвечать. Ушел с тройкой. А медалистам нашим, оказывается, поставили пятерки не спрашивая! И сейчас, как и тогда, считаю это справедливым.

В результате я набрал шестнадцать баллов из двадцати – предельно низкий проходной балл (две тройки, две пятерки). Литература не считалась. Кстати, за школьное сочинение я получил тройку. Начал рассуждать об Онегине и Печорине не с тех позиций. На вступительных экзаменах судьбу уже не искушал – взял в качестве «любимого героя» беспроегрешный вариант – Павку Корчагина. Добросовестно изложил книгу Островского и получил четверку.

Из двадцати одного на дневное отделение поступили восемнадцать человек. Еще двое поступили на вечернее. Один сразу же поступил в Кораблестроительный институт и не пожалел об этом.

Учеба, лекции, семинары, сессия

Как сейчас помню первое сентября, первую лекцию по физике. Читал профессор Никита Алексеевич Толстой. Знаковая фигура! Безусловно, Толстой – это лицо физфака того времени. Сын Алексея Толстого, «красного графа», автора «Гиперболоида инженера Гарина», настоящий советский интеллигент, прекрасный лектор с артистическими манерами! Он выходил на трибуну с бабочкой вместо галстука, в руках – тросточка, с помощью которой он демонстрировал нам законы физики, например степени движения молекул. У него была своеобразная манера: он объяснял материал, а потом кратко диктовал основные положения для записи. Благодаря этому конспекты по физике были у всех одинаковыми. Очень часто рассказывал различные околonaучные истории. У него был автомобиль «Волга», что могли себе позволить далеко не все. Однажды, когда с улицы доносилась какая-то музыка, мы послали ему записку: «Никита Алексеевич, в Вашу „Волгу“ забрались хулиганы и эксплуатируют приемник!» Он с улыбкой объявил, что приемник в его машине давно не работает. Юмор он понимал прекрасно. Никита Толстой единственный из лекторов позволял себе курить на лекциях. Но мы ему это прощали.

Под статью Толстому был лектор по математике – М.Ф. Широхов. Лекции читал прекрасно. Не стеснялся объяснить самые простые преобразования. Помню его манеру: «Вот если мы добавим к левой части уравнения... (пишет), то получится... Но ведь это же будет неверно! Надо добавить то же самое к правой части!» Не скажу, чтобы я отлично знал матанализ, но без Широхова вряд ли вообще бы понял его. К сожалению, он был уже в преклонном возрасте и через три года умер, когда мы были на четвертом курсе.

Из других преподавателей запомнился Привалов – читал историю. Он признался, что после наших семинаров у него болит голова – так мы его забрасывали острыми вопросами. Но отвечать он старался прямо, никогда не опускался до примитивной демагогии.

Вспоминаю преподавателя физкультуры, к сожалению, забыл его фамилию. «Распрями грудь! – командовал он. – Хоть небольшая, да своя!» Занимались мы в зале, а весной и осенью он водил нас на пляж Петропавловской крепости. Перебежать Биржевой мост было делом десяти минут. Зимой ездили на лыжах в Кавголово.

На старших курсах появились другие выдающиеся лекторы. Прежде всего Ансельм – он читал нам термодинамику. Я не знаю другого лектора, который мог бы так доходчиво объяснять очень сложные вещи! На его лекции я ходил с большим удовольствием.

Очень интересно читал диалектический материализм Свидерский. Несмотря на некоторую политизированность своей науки, он преподносил ее нам так, что никакой политики мы не чувствовали. Он говорил о философских проблемах, и говорил так, что с ним трудно было не соглашаться.

Бывали, конечно, и лекторы другого плана. Политэкономия социализма читал человек, откровенно презиравший свою аудиторию. Он считал всех нас «спе-

циалистами, флюсу подобными». Однажды он объявил нам, что в космосе закон тяготения не выполняется, ибо там – невесомость! Удивляюсь, как можно было выпускать такого лектора на университетскую трибуну!

Сразу уж об общественных науках. История есть история, мы ее изучали, со скрежетом зубным читали сочинения Ленина. Диамат и истмат я изучал с интересом. Политэкономия капитализма была, по крайней мере, понятной, кто-то из нас даже предложил дифференциальные уравнения (!) для описания движения капитала с переменным значением величины. Политэкономии социализма не понимал никто (ибо, как теперь ясно, ее и не существовало). Что касается научного коммунизма, то, боюсь, даже сами преподаватели не знали, что это такое. Для сдачи экзамена мы просто зазубривали то, что нам говорили.

Хочу упомянуть еще В.С. Панова – он преподавал английский язык. Хотя в языковые группы подбирали студентов примерно одного уровня, но реально он был, конечно, разным. А Панов вел себя как машина: безотносительно к уровню студента требовал со всех одинаково. Многие из нас у него погрязли в хвостах, и английский язык превратился в труднопреодолимую проблему. Сдавали домашнее чтение, «тысячи» – газетный текст. Чтобы получить у Панова зачет, мне приходилось очень сильно напрягаться. Но зато английский я тогда изучил, и это потом очень пригодилось.

Очень скоро мы почувствовали отличие студенческой вольной жизни от обязательных занятий в школе. Кто станет проверять триста человек на общей лекции? Можно иногда и «промотать». Но материал-то знать надо. Нужен конспект. И мы стали кооперироваться. Например, кто-то взял на себя лекции по истории. Он аккуратно посещает, работает в поте лица на лекции, а затем дома аккуратно пишет конспект лекции под копирку в нескольких экземплярах. Другой таким же образом конспектирует, например, квантовую механику, третий – термодинамику и так далее. Надо сказать, такое «изобретение» вышло боком. Конечно, тот, кто посещал лекции (и еще работал над ними дома), отлично знал материал и сдавал экзамен. А вот сдавать по чужим конспектам получалось не всегда.

В первую же сессию выделились отличники, которые сдавали экзамены досрочно. Помню, как я завидовал тем, кто уже 28–30 декабря шел спокойно отмечать Новый год, а у меня еще предстояла тяжелая сессия! Сдать хотя бы один экзамен досрочно – это было мечтой почти всех студентов. Но триста человек не мог принять ни один профессор. Поэтому направления на досрочную сдачу выдавались в деканате лишь лучшим студентам. Так что это право еще предстояло заработать! Мне довелось сдать досрочно всего несколько экзаменов за весь период обучения.

К началу второго семестра мы уже все поняли, что нужно делать, чтобы учиться нормально, без неприятностей. Быстро сдавать «тысячи», не запускать лабораторию, стараться не иметь хвостов по контрольным работам. Помню, я охотно принял условия, поставленные А. Кондратьевым (он вел семинары по физике). Его метод был прост – за правильно решенную у доски задачу он ставил плюс в своем блокноте, если задача не была решена – не ставил ничего. Студент, на-

копивший определенное число плюсов, освобождался от контрольной по данной теме. Так он стимулировал нашу активность на занятиях.

На всякие известные студенческие хитрости на экзаменах – вроде того, чтобы пометить билет с обратной стороны четырьмя точками по углам, взять шпоры и т. д., – преподаватели смотрели по-разному. Были такие, которые смотрели на это сквозь пальцы (например, при сдаче квантовой механики списывание было почти официально разрешено), большинство же двумя-тремя вопросами легко выясняли истинный уровень знаний. Тем не менее шпоры применялись и применяются. У нас были шпоры большого формата – листы с написанными ответами, которые незаметно вытаскивались из укромных мест студенческого организма. Дальше с ними шли отвечать – вот, мол, сейчас же и написал! Были шпоры малого формата – написанные бисерным почерком на клочках, с которых надо было списать во время подготовки. За списывание выгоняли редко, чаще мы просто сами проваливались во время ответа.

А провал на экзамене – это было серьезно! Пересдавать разрешали не более двух экзаменов, за большее число провалов могли отчислить. После первой же сессии отчислили довольно много студентов. На старших курсах отчисляли реже. Вот пример: в нашей группе по специальности «физика атмосферы» на третьем курсе было пятнадцать человек, а окончили всего десять.

Я был далеко не отличником. Бывало, получал и двойки на экзаменах. Но все же на пятом курсе сдал одну сессию на пятерки и целый семестр получал стипендию.

На третьем курсе было распределение по специальным группам. В некоторые группы был конкурс, например на теоретическую физику. Туда пошли только самые сильные студенты с курса. Я выбрал физику атмосферы, и вот почему.

Как я уже писал, мы учились в 38-й физико-математической школе. Два дня в неделю мы работали в НИФИ – Научно-исследовательском физическом институте ЛГУ. Я попал на кафедру физики атмосферы. Работу мне давали не слишком интересную. В самом деле, кому охота возиться с мальчишкой, который ничего не умеет. Но месяца через два меня вызвал к себе Виталий Георгиевич Морачевский, заведующий лабораторией. Он назвал меня на «вы» (а мне было только пятнадцать лет!), долго объяснял важность воздействия на облака и туманы и в конце нашей беседы предложил провести серию опытов, в которой я должен был исследовать свойства одного из предполагаемых реагентов. Он подчинил меня студенту пятого курса, который делал дипломную работу на эту тему. Помню, из его кабинета я летел как на крыльях! Если бы в тот момент он сказал, что мне нужно построить башню до неба, я бы, наверное, тут же начал ее строить!..

Эта встреча определила мою профессию и судьбу. Я окончил университет, стал работать в Гидрометеорологическом институте и снова там встретил В.Г. Морачевского! До конца жизни он внимательно следил за моей работой, поддерживал меня в трудные моменты. Вечная память Вам, дорогой Виталий Георгиевич!

Итак, я стал учиться на кафедре физики атмосферы. Тут сразу нас взял в свои крепкие руки Густав Моисеевич Швед, доцент кафедры, который читал

нам основной курс. Лекции он читал очень хорошо и понятно, но вот экзамены ему сдавать было трудно! В первую же сессию я провалил его экзамен. Пришлось пересдавать в сентябре. Мы скооперировались с Володей Иониным, моим товарищем по несчастью, и в течение двух недель зубрили курс Шведа.

Вот когда я понял по-настоящему слова, которые сказал нам Никита Алексеевич Толстой на первой лекции: «Половину всех знаний, которые даст вам университет, вы получите друг от друга!» Занятия у нас пошли так успешно, что в дальнейшем мы уже всегда занимались вместе. Каждую сессию Володя с утра приходил к нам (он жил в общежитии, а у нас было тогда три комнаты в коммуналке), мы закрывались в маленькой комнате и целыми днями готовились к экзаменам. Мои родители не только не были против, наоборот – всячески поощряли наши занятия. В результате мы очень подружились, подтянули свою учебу, делали диплом у одного руководителя – Л.С. Ивлева и до сих пор частенько встречаемся и дружим семьями.

Мне запомнилась защита дипломных работ. Тогда я впервые осознал, что каждый из нас получил что-то новое, неизвестное ранее никому! Одна из наших студенток, Люба Павловская, работала над спектральным составом излучения, отраженного атмосферой Венеры. После десятиминутного доклада, обильно иллюстрированного формулами и графиками, ее попросили в нескольких словах изложить результат работы. Тогда она сказала всего четыре слова: «Льда там, по-видимому, нет».

Теперь-то все знают, что это так. Но это было еще до полета межпланетного зонда «Венера-1». Никто не знал о составе атмосферы Венеры. Люба была первым человеком на Земле, который узнал, что льда там нет.

Мы начали свою настоящую научно-исследовательскую работу.

Военные занятия

Военные занятия у нас начались на втором курсе. Мы должны были получить звание офицера запаса, поэтому раз в неделю у нас был «военный день». Этот день целиком посвящался изучению военных наук.

К военным занятиям мы относились как к неприятной, но необходимой обязанности. Стиснув зубы, заучивали уставы, запоминали количество кроватей и писсуаров в казарме. Несколько более интересными были занятия по специальным наукам, главным образом по электронике. Здесь мы чувствовали себя более-менее в своей стихии, хотя стремления овладеть всей этой техникой у нас не было никакого. Интересными были изредка проводимые стрельбы из пистолета.

После четвертого курса все военнообязанные должны были пройти через лагерь, где нам предстояло принять присягу. Только после этого нам могли присвоить звание младшего лейтенанта запаса.

О лагерях сохранились очень специфические воспоминания. С одной стороны, все это было достаточно скучно, и мы считали дни, оставшиеся до отъезда. Вспоминаю нашу импровизированную песню на мотив «Прощание славянки»:

На спецкафедре мобилизация,
Но ни шума, ни паники нет,
Потому что солдат дислокация
Составляет военный секрет!

Прпев:

Шагай, не робей!
В виду ты имей,
Что через тридцать дней
Вернешься к матери своей!

Да, но с другой стороны, все мы были свои, все вместе. В нашем положении была своеобразная романтика – все эти подъемы, маршировка по плацу с песнями, ориентировка на местности, стрельбы и прочее. Это создавало ощущение какой-то игры, которая, может быть (и слава богу, если так!), никогда в жизни не повторится.

Командовали нашими взводами курсанты из военного училища. Когда я послал фотографию нашего взвода своим родителям, они сразу определили, кто командир. «Это видно, – сказала моя мать, – по лицу. У него совсем другое лицо, чем у всех вас. Как можно такого назначать вашим командиром?!»

Так или иначе, тридцать дней тянулись долго, но пронеслись. По этому поводу кто-то из нас сочинил песню:

Тридцать дней позади!
Мы с восторгом в груди
Соберем рюкзаки и – на плечи!
Больше нет строевой!
Мы вернемся домой,
Не нужны нам прощальные речи!

Были и другие песни, но я не решусь их привести здесь. Там встречались весьма крепкие выражения...

После того как мы сдали выпускной военный экзамен, большинство из нас на этом распрощались навсегда с военной службой. Только несколько человек после защиты диплома были распределены в армию лейтенантами.

Гибель товарищей

На четвертом курсе погибли двое наших студентов – Юра Исаев и Андрей Серкиз. Это были мои одноклассники...

Они поехали на Алтай в зимние каникулы (о, злая усмешка судьбы: хотели сэкономить, зимой проезд был на пятьдесят процентов дешевле) с намерением взойти на Белуху, самую высокую гору Алтая. Вроде бы были хорошо подготовлены, имели достаточный туристский опыт, взяли все необходимое снаряжение

для зимнего похода в горы. Но они не предусмотрели возможность схода лавин. Их палатку завалило лавиной, которая сошла под самое утро, когда все спали. Только один из их группы был в это время вне палатки, он сумел спастись. Четверо погибли.

Потом была спасательная экспедиция, безумные надежды найти их живыми... Увы, все было тщетно. Их тела привезли в Ленинград, и мы стали свидетелями и участниками скорбного похоронного ритуала.

Эта смерть произвела на меня глубокое впечатление. До тех пор я относился к смерти, как к чему-то неизбежному, но очень далекому, и уж во всяком случае ко мне это не могло иметь отношения. А вот тут понял – нет, это может быть с каждым из нас, даже и с моими ровесниками, даже и со мной.

Сейчас уже многих наших товарищей нет в живых. С годами чувства притупляются, но тогда это было очень остро и очень больно.

Их могила – на Преображенском кладбище (Памяти жертв 9 января). Мне, к сожалению, приходилось все эти годы бывать там чаще, чем хотелось бы. Каждый раз я прихожу поклониться их могиле, где стоит гранитный памятник с надписью: «Штурмующим вершины».

Отечество – Макарова, дом 6

Э.И. Федорова (Буторина) (студентка 1964–1970 гг.,
научный сотрудник ПИЯФ, Гатчина)

Начну с сердечной благодарности человеку, который инициировал процесс – интересное и очень нужное дело. Спасибо тебе, Саша, Александр Лавров, студент физфака 1965–1971 гг. Вслед за тобой я все чаще и чаще возвращаюсь мыслями в то время, когда мои ровесники были молоды и входили в жизнь по одной из многих дорог, очень увлекательной и требовавшей серьезных усилий, – были студентами физического факультета ЛГУ.

Наверное, многие из нас, одаренные и хорошо подготовленные, учились легко, но были и такие, их не так мало, которые совершили прорыв, открыли в себе новые качества, способности и возможности ценой серьезных усилий.

Видимо, именно это ценим мы в первую очередь в нашем студенческом прошлом, за это благодарны родному факультету: мы поняли, как здорово жить на пределе, погрузившись в процесс познания, что называется, с головой, и такая жизнь чрезвычайно интересна.

Так сложилось, что вся моя трудовая биография связана с Петербургским институтом ядерной физики (я пришла сюда вслед за мужем, физфаковцем, имевшим специальность по тематике института), пришлось осваиваться в новой для себя области, но хорошая математическая подготовка на кафедре радиофизики, которую окончила, позволила довольно быстро войти в курс дела.

В последние годы участвую в создании сайта Отделения нейтронных исследований. Дело оказалось нужным и интересным. Сейчас в основном редактирую, выполняю журналистскую работу, пишу об институте, а главное – о физиках. Сколько замечательных людей посвятили свою (единственную!) жизнь этому трудному и достойному поприщу!

Общаясь с окончившими наш факультет в разное время людьми, я слышала отзывы о затеянном, как теперь говорят, проекте – тоже разные. Один мой давний друг сказал, что он еще не готов «вывернуть душу».

Я завидую его оптимизму и желаю ему от всего сердца долгих лет жизни. Сама же я вполне готова и боюсь не успеть за вечной занятостью рассказать о нас, таких, какими я помню своих, теперь уже немолодых, однокашников и какими не знали нас наши уже совсем взрослые дети и подросшие внуки. Я надеюсь, им это будет интересно.

1964 год. Аттестат зрелости в руках. Куда пойти учиться? Именно учиться – стране нужны умные, молодые, хорошо обученные. Теперь бы сказали: «Молодежь была мотивирована на получение высшего образования».

Мы (мои в последующие шесть лет однокашники и я) выбрали физфак Ленгосуниверситета. Причины, вероятно, были разными, но, без сомнения, подъем в физике и космических исследованиях сыграл большую роль.

В начале 60-х казалось, что на матушке-Земле, несмотря на то, что «для веселья планета наша мало оборудована», делать особенно нечего – все в космос, все в космосе! Значит, астрономия, астрофизика, физика, математика и далее по списку – словом, романтика!

Давненько это было, ушли из памяти многие детали, правда, в семейном архиве сохранились письма, которые я писала родителям еженедельно, понимая, как они их ждут. Всякий, кто писал в юности письма родным, помнит – это были в основном бодрые рапорты, что все в порядке, жива-здорова, все хорошо. Но и в таком варианте «дневников» много чего можно вычитать между строк даже сейчас.

Для меня Ленинград, университет, физфак было делом решенным. Даже в мыслях не было ехать в Москву! Казалось бы, ну почему не прогуляться в столицу, где экзамены в МГУ проводились в начале июля? Понять, что к чему, да и родных там много. Школа, которую я окончила, была добротной, честной, но ведь провинциальной! (Я родилась и выросла в Плесецке Архангельской области.) Правда, в это время полным ходом шло строительство космодрома Плесецк, и строил его не обычный стройбат. Военные специалисты приезжали с семьями, и в это время в нашей школе были преподаватели с дипломами самых титулованных вузов страны. (Кстати, один из моих однокашников окончил школу в Воркуте. Представляете, какой эрудиции, образованности были у него учителя из числа ссыльнопоселенцев!) Такая вынужденная миграция, как это ни дико звучит, очень способствовала (вспомним декабристов) просвещению далеких, забытых богом уголков нашей необъятной Родины.

Проверять свои знания в столице не стала. Какая-то особенная, бывшая семейной традицией, привязанность к нашему северному городу определила выбор.

Тогда, 24 июля 1964 года, рано-рано утром, стоя на абсолютно безлюдном, залитом ярким утренним солнцем Невском проспекте в районе Московского вокзала, окончательно решила: все правильно, это – мое!

Я шла пешком по Невскому до Университетской набережной и была совершенно счастлива.

Необыкновенной красоты город, город-праздник... И до того дня, и после я видела Петербург очень разным, всегда неотразимо прекрасным, но впечатление того июльского утра всегда со мной, мысленно в очередной раз повторяя свой путь по сияющему чистотой и безлюдьем Невскому проспекту – весь путь от здания к зданию через Неву к университету, я всякий раз снова счастлива...

Смешные, трагикомические ситуации времени сдачи вступительных экзаменов заслуживают отдельного подробного повествования. Не знаю, какой была

система приема на других факультетах университета, на физфаке все начиналось с собеседования.

Как я потом установила, «собеседовался» со мной И.Н. Успенский. Отличница из провинции, две косы, летнее розовое платье (июль), тревога и восторг одновременно в глазах. Спросил: «Чем увлекалась в школе?» – «Астрономия, физика». Попросил объяснить, почему камень, брошенный вверх, возвращается на землю, и довольно скоро, а спутники летают довольно долго, про первую, вторую, третью космические скорости. Все спокойно, доброжелательно, как-то по-домашнему.

Общежитие, в которое поселили, было в Петергофе. В комнате четыре девочки. После первого экзамена (физика устно) я осталась одна. Дальше – трагедия. Опоздала на экзамен по математике (письменно) – не пришла электричка вовремя, на такси примчалась на физфак, а оказалось – нужно на матмех.

Меня отправили в Главное здание – здание Двенадцати коллегий – в приемную комиссию. Написала заявление, что абитуриентка такая-то и т. д. Зачислили в следующий поток и указали на ошибку – в слове «абитуриентка» пропустила букву. Посоветовали быть внимательнее на сочинении. Когда дело дошло до сочинения (после математики устно, письменно и химии), нас просили не умничать, писать поменьше и без ошибок. Одна из тем была очень патриотичной: «...что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать!»

Запомнилось собрание в Большой физической аудитории после зачисления, на котором замдекана И.Н. Успенский поздравил нас, таких счастливых и оживленных, и сказал, что они, наши учителя, будут довольны результатами своего труда, если хотя бы некоторые из нас сумеют, смогут оставить след в науке.

Замечание мудрого человека, уже потоптавшего эту землю и наблюдавшего таких, как мы, не один десяток лет (каким же молодым он был тогда, в 1964 году!).

Время показало, что они смогли гораздо большее – воспитали целое поколение физиков, тех, кто все эти трудные годы остался верен избранному пути, результатом совместных усилий которых есть, существует пусть еле живой, измученный недофинансированием, но все-таки живой организм – российская наука. Вот главное, что смогли, сумели наши Учителя. В 1995 году мы собрались в очередной раз на наш, каждые пять лет, сбор курса, опять сидели в Большой физической и снова слушали нашего любимого наставника Ивана Николаевича Успенского. Он лучше нас понимал масштаб событий, происходивших в стране, и опасность, угрожающую будущему науки в России. «Готовьте смену, думайте, кто придет на ваше место, учите их, пестуйте», – говорил он. Многие из нас и по сей день, не жалея времени и сил, преподают в вузах, работают со студентами, читают лекции школьникам, стараясь открыть им, совсем юным, горизонты, за которыми еще столько неизученного, непознанного.

Чтобы закрыть эту тему и больше к ней не возвращаться, скажу: никак не возьму в толк, не понимаю, почему в стране, утопающей в нефтедолларах, человек, который работает на будущее нации (научный сотрудник, преподаватель, учитель в школе), так нищ и принижен.

Первое сентября. Мы студенты. Общежитие на проспекте Добролюбова, дом 6/2, – наш дом на шесть лет. Без горячей воды, без душевой, с единственной кухней на целый этаж, в комнатах безо всяких условий для занятий, с минимумом личного пространства, (по пять – одиннадцать человек в одном помещении). Первый семестр первого курса для нас, иногородних, был очень непростым. Приходя в отчаяние, мы как-то не торопились опускать руки или топить горе в вине, не модно это было в нашей «застойной» юности. Но маршруты трамваев, которые шли через стрелку Васильевского острова, были изучены мною основательно – от кольца до кольца. На ходу лучше думалось и проще было найти выход из очередной сложной коллизии – теперь бы сказали «преодолеть стрессовую ситуацию». Понемногу все вошло в норму. Выручила Публичка – оазис тишины, покоя, всеобщей занятости, сосредоточенности. Широкий доступ к любой литературе, ничего не отвлекает, и так до закрытия.

Природа наградила меня незаурядной (без ложной скромности) памятью, и процесс «отображения – запоминания» шел, значительно опережая «осознание как понимание». Проще сказать: помню – значит знаю, и, когда внутренним зрением «видишь» текст, страницу за страницей, смысл изложенного уходит на второй план. Зачем? Я же «знаю»! На физфаке я быстренько поняла эту нехитрую разницу, осознала, что такое понимать.

Даже удивительна сейчас мысль, что я могла бы пойти по гуманитарной стезе – а такая возможность была – и, возможно, так и не обнаружила бы в себе способность осмысливать – додумываться.

Из-под крыла заботливых родителей и относительно комфортабельной домашней жизни – в атмосферу факультета с такой насыщенной учебной программой: четыре пары плюс подготовка к лабораторным работам, отчет по ним, домашние задания. Если вам очень повезло и семинары по математике у вас ведет Борис Сергеевич Павлов, то у вас всегда есть чем заняться до глубокой ночи.

Бывалые старшекурсники, когда узнавали, что у нас в группе семинары ведет Б.С. Павлов, советовали, особо не мешкая, паковать чемоданы. Статистика отсева по этому пункту была внушительной.

Борис Сергеевич Павлов, матфизик, – легенда факультета. Когда мы пришли на первый курс, ему было – страшно сказать – около тридцати лет. Кандидат наук и скоро доцент.

Нам он казался очень взрослым, очень умным (таким и был), очень строгим и бескомпромиссным – его откровенно побаивались. Система, исповедуемая им, была такова: не решил хотя бы одну задачу на контрольной (или пропустил ее) – дается одно переписывание, не справился – дальше генеральное переписывание в конце семестра, неудача – последняя возможность получить зачет прямо на экзамене, и прости-прощай. Эта система давила на неокрепшую психику, деморализовывала неуверенных в себе и неважно подготовленных. На дом десять – двенадцать примеров, если занятие пропустил, проработать пропущенное очень непросто. В начале каждого занятия по списку опрашивал всю группу – кто, что и сколько выполнил из заданного и какие долги сделал из прошлого задания. Лукавить даже

в голову не приходило! (Был у нас один, который попался на вранье – это очень осложнило его жизнь.)

Во главе с нашей старостой Галей Никифоровой мы пытались ходить в деканат и жаловаться, дескать, пришли изучать физику, а времени на нее просто нет! Напрасные хлопоты...

Как показала наша дальнейшая жизнь на физфаке, Борис Сергеевич был абсолютно прав. Без математики – никуда! Спасибо ему большое – как он возился с нами, помогая встать на крыло!

Через год, когда он начал читать лекции по математике экспериментальному потоку следующего за нами курса, что-то изменилось в его педагогической системе – наступила «оттепель».

Вспоминая все это, до сих пор удивляюсь, каким чудом сумела тогда среди немногих из нашей группы получить в первом семестре у Б.С. зачет автоматом.

Как они были молоды в ту пору, наши преподаватели! Необыкновенно виртуозно, даже, я бы сказала, артистично читал нам математику на первом курсе Михаил Федорович Широхов. Сколько замечательных шуточных «формулировок» давал он по ходу лекции. Типа: «Кошки пьют молоко, но не все же пьющие молоко – кошки (обратное неверно)». Мы его, сорокапятилетнего человека, называли почти с нежностью – папа Широхов! Оказалось, он безнадежно болен и ушел из жизни таким молодым...

Потрясающий по логике, ясности изложения курс линейной алгебры прочла нам Мария Ивановна Петрашень – маленькая, хрупкая женщина, всегда деловитая, ценившая время, внешне даже суховатая, но добрейшей души человек! Ее скороговорка «линейно зависимы, линейно независимы...» ставила нас в тупик, если случалось «вздремнуть» на лекции. Так какие же они? Зависимые или нет?

Как неспешно, обстоятельно, четко читал нам курс «Комплексные переменные» В.С. Буддырев. У него было такое забавное обыкновение: переходя к новому разделу, рисовал на доске цифру (все было пронумеровано), обводил ее кружочком, объясняя (тем, кто не понял): «Кружок номер такой-то!»

А.С. Аленицын, Е.И. Бутиков, А.С. Благовещенский, Д.П. Коузов и многие-многие другие – каждый в своем роде люди уникальные, очень разные, но обязательно доброжелательные к студенту. Такое отношение очень помогало выжить и освоить в меру своих сил и способностей то, что им хотелось в нас вложить. Это были разносторонних интересов и многих дарований люди.

О Никите Алексеевиче Толстом, читавшем нам курс физики на первом курсе, пишут многие – и неудивительно! Не одному десятку физфаковских выпусков он запал в душу. Он появлялся в Большой физической исключительно элегантный, от костюма и знаменитой бабочки до конспекта – толстого фолианта, в котором каждая страница с достоинством покоилась в отдельной полиэтиленовой (или целлофановой) упаковке. Это в то время, когда плащи «болонья» только еще появились, никакого бытового упаковочного полиэтилена никто в глаза не видел! Необыкновенный этот конспект всем своим видом олицетворял незыблемость законов физики, которые пытался вложить в наши буйные головы хозяин сей «Повести временных лет».

Н.А. Толстой – та связующая нить, которая объединяет наших физиков (с физфака ЛГУ) неразрывно, накрепко, навсегда. Его имя как пароль, по которому в любой части света узнаешь своих. Если бы не случился переезд физфака в Петергоф, наверное, еще многим нашим младшим коллегам посчастливилось бы общаться с этим удивительным человеком, потомком «красного графа».

Нам кажется, физфак потерял очень много с переездом в Петергоф. Многие, к тому моменту совсем не юные, наши любимые преподаватели не смогли продолжать занятия именно потому, что такой путь не по силам просто физически. Еще не было платформы Университет (как всегда, у нас инфраструктура отставала), и довольно пожилые люди должны были преодолевать значительные расстояния от Мартышкино до университетского комплекса в любую погоду.

Один день в неделю мальчики нашего курса посвящали занятиям на военной кафедре. Девочкам предполагалось в это время прочесть курс радиотехники, и кто-то, видимо, в деканате решил, что незачем затевать это все параллельно, когда на военной кафедре прекрасные специалисты читают радиоприемные и радиопередающие устройства, электрические машины, импульсную технику, теорию надежности, теорию антенн и т. д. нашим молодым людям. Так объединили! Мы были первым и единственным курсом, на котором этот эксперимент начался и закончился. Судьба свела нас (девочек) с такими замечательными людьми, как подполковник Каплуновский, подполковник Капун, подполковник Гитин. Начальник военной кафедры генерал-майор Иван Павлович Кныш нам, гатчинцам, почти что земляк. Он почетный гражданин города Гатчины – военная группировка, которой он командовал, в 1944 году освобождала Гатчину от фашистов. В городе есть улица его имени.

Два семестра мы успешно разлагали дисциплину на военной кафедре. Все закончилось весной благополучно сданными экзаменами. Так бытовавшая на физфаке теория, что девочек (то есть нас) берут только затем, чтобы мальчики не огрубели, получила свое практическое применение.

Запомнились семинары по истории КПСС у В. Привалова: проходили они как-то не в русле названия предмета. Были ребята, читавшие и знавшие больше, чем было изложено в школьном учебнике истории. Задавались вопросы, которые как-то сами собой выводили нас на «Историю государства Российского» и бывали довольно острыми. Преподаватель не уходил от ответа, насколько это было возможно в то время. Помню бурное обсуждение по поводу зимней войны с финнами – в те времена достаточно закрытой страницы истории СССР. Политэкономия обеих систем, научный коммунизм, научный атеизм – сейчас мне кажется, что гораздо полезней было бы прослушать курс истории физики, истории родного государства.

Валентин Семенович Егоров, куратор нашей группы, вел у нас семинары по физике. Он давал нам возможность немного расслабиться, занятия у него проходили в обстановке шумной, оживленной дискуссии. Он был очень демократичен, как сказали бы теперь, и своим открытым, доброжелательным отношением поддерживал нас, внушал надежду, что мы сможем, справимся и все у нас получится.

Красавец мужчина, девочки не могли этого не заметить! Валечка Егоров - так звали мы его за глаза.

Общежитие было большим муравейником, в котором многое считалось общим - от сковородки до проигрывателя, ходили по рукам новые, интересные книги, пластинки, магнитофонные записи. Самое ценное, что, по возможности, старались не выпускать из рук и сурово контролировать перемещение, были конспекты лекций. (До сих пор жалко «зачитанного» в общежитии Маршака - переводы из английской поэзии.) Взаимопомощь и поддержка - без этого никуда!

Особенно способствовали сближению и формированию коллективов «по интересам» летние поездки со стройотрядами во все концы, как тогда говорили, нашей необъятной Родины. География обширна: Мангышлак, Талнах, Гурьев, Астрахань, Норильск, Тавда, Сахалин...

Как же мы были молоды и неопытны, сколько энтузиазма было в этом студенческом движении! Одно печалит - некоторым из нас летние физические перегрузки стоили здоровья, возможности продолжать учебу, и это заставляет сомневаться в разумности таких мероприятий для студентов.

Мангышлак - первая моя стройка. Оценивая все, что связано со студенческим движением «Стройотряды в университете», приходит на ум только одно определение - романтика! Это ни плохо, ни хорошо - просто так было. Мы так жили, так думали и так чувствовали. Справедливости ради следует сказать, что, когда наш сын, будучи студентом, засобиравшись в стройотряд летом, мы с мужем были против этой затеи. Шел 1989 год, чтобы всерьез учиться, летом нужно было все-таки отдыхать. Мы же в нашей молодости этого не понимали, надеялись на свои силы и на волне общего энтузиазма рвались как можно дальше. Сейчас в это трудно поверить, но был конкурс в дальние стройотряды, особенно у девочек - более десяти человек на место!

Вспоминается забавный случай: формировали сводный с матмехом отряд «Гурьев - Астрахань». Наши отцы-командиры придумали оригинальный способ избежать коррупции, выражаясь нынешним языком, а именно: девочек на матмехе заслушивали наши ребята, а девочек с физфака отбирали мальчики с матмеха. Принималось во внимание все, даже играет ли претендентка на фортепиано!

Как показали два месяца совместной трудовой деятельности на астраханских просторах, ребята с матмеха лучше поняли поставленную задачу, может быть, им просто повезло с «контингентом».

Так уж вышло, что наша мечта
На плакат из палаток взята...

Это - правда, это - о нас. Там дальше об орденах, вот тут несоответствие: орденов для моего поколения физиков у Родины не оказалось - когда мы «вошли в возраст», началась перестройка, многие наши старые заслуги выпали из поля зрения, не до того...

Будем мудро и правильно жить,
Будем верно и нежно любить...
Нам еще говорят, что вся жизнь впереди, –
Только юность нельзя повторить.
Только вновь не пройти
В этой жизни начало пути.

И это тоже чистая правда. К слову сказать, в том далеком 1968-м по представлению Гурьевского обкома ВЛКСМ несколько человек из нашего объединенного университетского студенческого стройотряда наградили правительственными наградами. За неимением специально утвержденного отличия это была медаль «За освоение целинных и залежных земель». Я оказалась в их числе. Отлично помню чувство неловкости – почему я? Труд был нелегкий (физический). Я же видела, как работали наши ребята, пусть рослые и даже развитые физически, но все же мальчишки восемнадцати – двадцати лет. Не то чтобы я была очень скромной, но непонимание было искренним. Награждение происходило в Актовом зале Главного здания при большом стечении народа. Сейчас храню ее в одной коробочке со школьной медалью – память!

Вернувшись в сентябре в университет, мы обычно всю осень не могли «отлепиться» друг от друга – сдружились, сроднились. Но надо приниматься за учебу. Не у всех это получалось, случались и отчисления, что, конечно, было особенно жаль.

Факультет становился все роднее. Как много значит все же среда, в которой взрослеет, мужает молодой человек! Какие необыкновенные лица, умные и непохожие друг на друга, стиль общения, круг интересов! Наш курс (1964–1970) по сей день встречается каждые пять лет. Не всех узнаешь – время! Но по-прежнему светло на душе, когда видишь те же глаза, те же лица – своих, таких родных.

Загружали нас вполне серьезно, успевали не все, наверное, это было и невозможно. Конечно, находили время для прогулок по городу, поездок в пригороды, походов в музеи, театры, смотрели фестивальные фильмы и новое кино. Среди больших эмоциональных потрясений той поры был фильм о высадке американских астронавтов на Луну, который мы смотрели в Большой физической. Кажется, это было в 1969 году.

Город – главный спутник нашей молодости, просторный, яркий, солнечный или холодный, колючий, ветренный, такой переменчивый и всегда прекрасный, город-музей, город – верный друг, город – счастливая юность.

Набережная Макарова, дом 6, – центр нашей студенческой Вселенной, самое замечательное место в городе необыкновенной, самой немыслимой в мире красоты. Просто находиться внутри этого – уже чудо! Как мы сочувствуем нашим младшим коллегам, которые живут и учатся в Петергофе. Какой чудесной атмосферы их лишили!

На одной из наших встреч (в 2000 году), которая проходила в Петергофе, кто-то произнес тост в ответ на попытку молодого декана физфака обозначить

нынешнее расположение факультета в Петергофе «как наше все» – малую родину физиков:

Куда бы ни бросала нас судьбина,
В заветный час мы вместе, снова здесь!
Все те же мы, нам Петергоф – чужбина,
Отечество – Макарова, дом шесть!

Что такое наши встречи? Что можно успеть за три-четыре часа, когда в зале сто двадцать – сто сорок человек?

Неупорядоченное «броуновское» движение, блуждание «в одно касание», радость узнавания, гордость за тех, кто смог многое. Именно гордость, потому что это смогли мы!

Печаль по поводу ушедших, которых мы никогда не увидим в своем кругу. И все же почему это так важно для нас? Общие воспоминания, общие обретения и потери и многое, многое общее, что сохранилось в душе и светит изнутри каждого из нас – на этот свет нашей юности и стремимся мы каждые пять лет.

Нам повезло. Мы, дети Великой Победы, родились после страшной войны в стране, наводненной сиротами. Большинство же из нас росли за спиной у любящих, заботливых родителей.

Перед глазами был пример – воины, труженики, истинно порядочные люди. У нас было много возможностей, и главная из них – счастливая возможность сделать выбор после окончания школы, и только от нас зависело, как мы распорядимся своими благоприятными стартовыми условиями. У нас не было морального права оказаться в «потеряшках».

И я не знаю никого из моих однокашников, кто бы выбрал путь самоуничтожения, разрушения своего «я», спасовал перед жизнью. Все сказанное не имеет ни малейшего отношения к оценке «тогда – сейчас». Это серьезный отдельный вопрос, и я его не касаюсь.

Я просто хочу сказать, что пережитые годы перемен (не называю это перестройкой, этот термин не соответствует смыслу происходящего, перестроить – это же все-таки что-то построить) тяжелым катком прошли по судьбам моих ровесников. Многие из нас имели налаженный быт, положение на карьерной лестнице, уже пошатнувшееся здоровье и оказались перед необходимостью начать все с начала. Судя по тому, что они по-прежнему с нами, с этой тяжелейшей задачей наши ребята справились. Честь им и хвала!

Если смысл нашего существования «жила бы страна родная», как нас учили, и под этим подразумевать те усилия, которые нужно было приложить, чтобы оттащить ее (страну) от края пропасти, на котором она оказалась на рубеже XXI века, то – да! Сохранив в себе, в каждом из нас человека, мы сберегли Родину. Мы живы, любим и любимы, наши дети и внуки радуют нас – они умные, образованные, порядочные люди. Это НАШИ дети, и значит, «есть, кому факел передать». И наконец, каждый из нас имеет обязательства перед близкими, памятью своих родителей, перед самими собой.

Все ли удалось, о чем мечталось? Видимо, нет. Значит, мы в пути и еще поборемся! Не спешите нас списывать со счетов!

Первыми читателями этого текста были мои университетские друзья, однокурсники из нашей 11-й группы. Мы встречаемся каждый год, иногда чаще. Редакторы мне достались доброжелательные, а самое главное, конструктивно настроенные. Возникла идея расширить рамки повествования, рассказать о событиях, оставивших след в наших судьбах, о наших детях, внуках...

Конечно, рамки этого сборника узковаты для такого грандиозного начинания, но вырисовывается перспектива, и понятно, куда двигаться...

Однако несколько слов по поводу судьбы нашего поколения я все же скажу, выражая общее мнение моих друзей и, в первом приближении, подводя итог нашего более чем полувекового жизненного пути.

Мы никому ничего не хотим доказывать. Просто мы жили, временами трудно, мы работали, отдавая все силы делу, которое считали достойным этого, все время учились – спасибо университетской системе, мы это умеем! – много думали, были счастливы, теряли близких, приходили в отчаяние, собирались с силами и шли дальше...

Мы заслужили любовь и уважение своих детей, трогательную, нежную привязанность своих внуков, сохранили, сберегли верную дружбу однокашников – вот простой человеческий смысл нашего бытия.

Почти как у Пахмутовой

Наверно, мы объехали полсвета,
Но всякий раз тянуло нас с тобой
В родные стены университета,
К физфаковским ступеням как домой.

Припев:

На зов из юности моей,
На встречу давешних друзей –
Команды молодости нашей,
Команды из далеких светлых дней.

И в меру сил и знаний, и таланта
Стремилась мы мечте своей служить.
Мы преданы физфаковской команде,
Команде, без которой нам не жить.

Припев:

Лишь мне судьбу свою вершить,
Одной тебе меня судить,
Команда молодости нашей,
Команда, без которой мне не жить.

Мы помним все: и встречи, и разлуки,
И время не спешим остановить.
Уже студенты нынче наши внуки,
Дай бог им так любить и так дружить.

Припев:

Так и живем, товарищ мой,
Хранимы общею судьбой,
И годы молодости нашей
Чем дальше, тем дороже нам с тобой!

С годами стали головы белее,
Нам есть за что судьбу благодарить,
Промчалось время, сделав нас мудрее,
Но юность никогда нам не забыть.

Мои воспоминания, или Страницы из жизни дитя Победы

Т.В. Филиппова (студентка 1964–1970 гг.,
кандидат физико-математических наук)

За то, что начала писать эти строки, я очень признательна физфаковцу Саше Лаврову.

Я помню себя с очень раннего возраста. Очень отчетливо помню, как бабушка читает мне стихи: «СорокА еще нет. А всего четыре года...» И я радостно кричу: «Как мне, как мне!..»

* * *

Я часто называю себя дитя Победы. Мои родители познакомились в годы войны и ждали Победы как все и чуть больше. 8 мая мама получила телеграмму от папы, что мир подписан и скоро они поженятся. 17 июля 1945 года они стали мужем и женой. В 1946 году, весной, я родилась, это было в городе Мурманске, в комнате коммунальной квартиры с забитым фанерой окном, в многоквартирном офицерском краснокирпичном доме, из которого на физфак попали три человека (Тата Барабанщикова, Игорь Кубышкин и я).

Родители попали в Мурманск, т. к. там служил на подводной лодке мой отец (Дякин Владимир Михайлович), который в 1941 году окончил Московский институт тонкой химической технологии и после недолгого обучения в Академии химзащиты в Самарканде был направлен на Северный флот. Мама была из Архангельска, где в то время жили мои бабушки и дедушки. Хотя родители отца были из города Ельца и на Север были высланы, о чем я узнала не так давно. Мы прожили на Севере семь лет, и я уже была записана в школу (помню, что беглое чтение этому способствовало), но тут отцу пришлось назначение в Высшее военно-морское училище инженеров оружия в Ленинград. Так мы стали ленинградцами.

* * *

До пятого класса я сменила две школы, училась легко, а потом во дворе нашего дома на Московском проспекте открылась английская школа (вторая в городе после мужской на Фонтанке), и моя мама меня записала в нее больше даже потому, что было очень близко. Принимали с отличными оценками, чтобы мы смогли нагнать программу, как будто учились со второго класса по курсу специальной школы. Долго было очень нелегко, т. к. по всем предметам были очень сильные

учителя, а уроки английского были восемь раз в неделю. Однако выработалась привычка к упорному труду, что очень пригодилось в жизни. Мы всей школой ходили в клуб интернациональной дружбы – так я попала в залы Аничкова дворца, которые мы показывали английским школьникам, приплывавшим на кораблях «Дунера» и «Девония» в гости к школьникам Ленинграда. Нас приглашали на эти корабли, мы танцевали, переписывались и впервые ощущали себя жителями планеты. Мы видели, что наш город очень нравился иностранцам, и гордились этим. Незаметно мы стали бегло говорить по-английски и стали старшеклассниками. Учительница физики поручила мне доклад об эффекте Мессбауэра (тогда я не думала, что буду водить его по Дому ученых и рассказывать про науку нашего города). После доклада она сказала, что сама учится на вечернем физфака и очень бы хотела, чтобы я попробовала туда поступить. В это время по городу проходили олимпиады по физике, математике и химии, на них я познакомилась со многими своими будущими соучениками по факультету. В 1963 году мне повезло присутствовать на лекциях для старшеклассников, которые проходили в БФА (Большой физической аудитории НИФИ). У меня бывают такие моменты в жизни, когда я понимаю, что хочу удержать нечто и сделать своим. Такое ощущение было от БФА. Позже услышала песню, которую пел Юра Игнатьев (физфак, выпуск 1969 года) о БФА, забыть я ее не могу.

В Большой физической академической
Студент языческий и озорной.
Он чешет темечко, глядит на времечко
И шевелит извилистой мозгой.
Здесь теоретики чесали лысину, чесали лысину профессора.
И мы сидели тут, и мы пыхтели тут, и мы боролись тут за три шара.

Лекции для старшеклассников подтолкнули меня к поступлению на физфак. Родители (особенно папа) не слишком меня поддерживали. Рядом, в Московском районе, был ЛИАП, и многие туда пошли, а мне говорили, что поступать на физфак очень трудно и т. п. Но один мой приятель сказал мне, что не надо никого слушать, если есть мечта. И вот я решилась. Почему-то сразу указала кафедре – физики полимеров. Как будто кто-то мне подсказал, что именно там мне понравится учиться. Параллельно с выпускными экзаменами в школе начались подготовительные занятия на физфаке, я старалась их посещать. Они мне очень были нужны, т. к. готовилась я сама и все хотелось с кем-то посоветоваться. Очень помогла мне наша учительница физики Галина Ароновна Юдовина. Мы с ней дважды провели собеседование, сидя на скамейке на платформе в Лахте (где мы жили на даче, а она с родителями – в Сестрорецке), по разным вопросам, которые мне хотелось обсудить по физике. В школе я получила серебряную медаль, но в тот год это не освобождало от экзаменов. Тогда не было общего праздника для выпускников («Алые паруса»), и я дважды ходила на белые ночи: со своей школой и со школой приятелей по районному комитету комсомола. Было очень весело.

Посещая подготовительные занятия, я познакомилась со многими ребятами, которые потом учились на нашем курсе. Многие мне очень понравились: уже было видно, что они умные, талантливые и этим очень привлекательные ребята (например, компания Володи Ильина). Мои знания по физике и математике были глубокие, но не такие, как после 239-й или 30-й школы. Я это чувствовала и старалась как могла, решала задачи и читала Ландсберга. И все-таки я провалилась на первом экзамене – физике. Принимал у меня молоденький аспирант, не спросив билет, чуть глянул на решенную задачу и задал вопрос, что-то из электричества, употребив слово «градиент». Я смело сказала, что не знаю, что это такое – градиент. Он строго на меня посмотрел, попросил экзаменационный лист, написал что-то и подал мне. Только выйдя за дверь, я поняла, что это двойка. Стоявший за дверью Аркадий Шабанов не пошел сдавать, услышав про мои успехи. А я тихо спустилась с третьего этажа физфака на второй и пошла на кафедру электрофизики, где встретилась с Галиной Ароновной. Мы с ней сели на стулья и стали думать, что делать дальше. Решали недолго – подаем на вечернее. Вечером дома меня ужасно ругал папа, он не мог поверить, что я провалилась. А я, сидя за столом, составляла план дальнейших занятий.

2 августа 1964 года я устроилась на работу в библиотеку имени Горького при университете. Меня приняли на должность младшего библиотекаря с окладом около пятидесяти рублей (старший библиотекарь получал шестьдесят три, уборщица – тридцать, а моя мама, врач районной поликлиники, – восемьдесят три рубля).

Опять помогли школьные знания: пришла к директору и сказала, что у меня есть специальность (с корочками) младшего библиотекаря и я хочу у них работать. На следующий день я пришла на работу в отдел комплектования библиотеки, где и проработала полгода вместе с Сашей Зориным, с которым мы потом вместе поступали на вечернее отделение физфака. На вечернем кроме нас были Таня Черейская, Лариса Терентьева, Юра Евлашев, Саша Крамер, Таня Ротинян, Володя Колесник и много других ребят, потом учившихся на дневном на нашем курсе. Экзамены на вечерний я сдала на 5 и 4 и очень легко поступила.

* * *

В эти годы на физфаке работали такие профессора, как В.А. Фок, В.И. Смирнов, С.Э. Фриш, Е.Ф. Гросс, М.В. Волькенштейн, А.Н. Теренин, В.Н. Цветков, К.Я. Кондратьев, Г.И. Макаров, Г.И. Петрашень, Н.А. Толстой, М.А. Румш, Н.И. Калитеевский и др.

Нам общую физику читал профессор Кватер, мне он очень понравился. Держался просто, ходил в черном свитере (как Хемингуэй) и часто шутил. Он любил нам говорить, что раз мы осилили учебу на физфаке, то все остальное, типа философии и фотографии, легко освоим тоже.

Мне было трудно, все было вновь, работала я с утра до вечера в библиотеке (суббота была рабочим днем), учеба была все вечера, кроме среды и субботы. Домашние работы часто делала по ночам на кухне нашей коммуналки. Но все равно было ощущение большого счастья, верилось, что все мечты исполнятся.

С факультета я часто шла пешком, чтобы немного подышать. Домой приходила очень поздно, иногда меня провожали однокурсники, но мало кто выдерживал ночью идти с физфака до конца Московского проспекта. Пытались Володя Колесник и Саша Зорин, выдержал только Саша Крамер, который стал моим кавалером на долгие годы. Наши отношения сейчас никто бы не назвал иначе как дружба, но тогда мне казалось, что это была любовь, просто очень юная и робкая. Я сочиняла стихи и писала дневник.

Первая сессия стала серьезным испытанием. Я получила 4 по физике и 3 по математике. Было немного обидно, т. к. контрольные я все писала неплохо. В целом за всю учебу у меня не было долгов и пересдач, оценки во вторую сессию были намного лучше, а в конце были совсем хорошие.

У Цветкова были только пятерки, потом он взял меня в свою лабораторию в ИВС РАН стажером-исследователем. Оклад мой был сто рублей, кроме того, можно было ходить на занятия по философии на кафедру при Академии наук и сдать кандидатские экзамены по иностранному языку и философии, что я и сделала.

Интересно сложилась учеба по иностранному языку на физфаке. Наша преподавательница сразу сказала, что с моей подготовкой надо идти в другую группу. Со второго курса нас (около десяти человек) объединили в усиленную группу, мы ходили на филфак к Маршовой и занимались по усиленной программе. Со мной ходили Инна Юрова, Миша Прокофьев, Володя Иванов и другие выпускники английских школ, а факультативно мы пытались выучить французский. Только Ира Арефьева взяла и сдала языковые экзамены и по английскому, и по французскому языкам, она успевала и на двух теоретических кафедрах учиться. А теперь она доктор физико-математических наук, работает в Математическом институте имени В.А. Стеклова в Москве.

Сейчас, насколько я знаю, Петя Копьев избран членом-корреспондентом РАН. В 2000 году членом-корреспондентом РАН избран Миша Ковальчук. Мы его поздравляли на встрече весной 2000 года. Сейчас он директор Национального исследовательского центра «Курчатовский институт». Больше он не приезжал на наши сборища – времени стало не хватать. Мы периодически виделись на разных заседаниях и конференциях. Он всегда был в президиуме и делал большие устные доклады, а у меня были краткие выступления или стендовые доклады. Я обычный рядовой ученый.

* * *

Переход на дневное отделение произошел летом 1965 года. Помню, что Валентин Иванович Вальков составил список и сидел, изучая его, в деканате физфака на первом этаже. А я тогда уже работала в первой физической лаборатории у профессора Соловьева. Работа состояла в выдаче описаний и подготовке лабораторных работ. Там я между делом сама сделала все лабораторные по физике за первый курс.

Прибегает ко мне в будку на тот же первый этаж Лидия Ивановна, секретарь вечернего отделения (мама Александра Кондратьева, аспиранта и преподавателя физфака), и говорит, что Вальков составляет приказ о переводе. Я бегом

в деканат, успела вовремя – еще в приказ список не отдали. Валентин Иванович очень по-доброму меня принял и выслушал. У меня все было сдано по программе дневного отделения, даже лаборатория по химии (ее дополнительно посещали переведенные в зимнюю сессию), потому что мы были все очень дружны и помогали своим товарищам, тем, кто хотел перевестись на дневное. Я была старостой группы и всех знала, а вот о переводе мне никто не сказал. Вальков выслушал мои объяснения и вписал меня в конец большого списка, в котором сначала меня не было – ведь за меня никто не просил. Так началась гораздо более счастливая жизнь в восьмой группе дневного отделения.

Летом мы были в Крыму, родители были довольны и отдыхали в Алуште, опекая еще и мою школьную подругу Ларису и ее сестру Наташу. Было очень весело. К Ларисе приехал ее приятель, была целая молодежная компания.

Осенью был выезд на картошку, на первую целину я не попала, меня не сразу отпустили из первой физической: готовились к новому учебному году.

Физфак становился все роднее. Вечером волосы и платье пахли табачным дымом, которым были пропитаны коридоры второго и третьего этажей, но я так и не стала курить, хотя многие девочки не отставали от ребят. В аудиториях в перерыве играли в боп-доп монетой, а старший курс и в карты, за что им потом очень попало.

Деканат тех лет составляли «дорогие три богатыря»: В.И. Вальков, А.В. Шухтин, И.Н. Успенский. Мы их очень любили.

Валентин Иванович очень любил и хорошо знал классическую музыку. Он очень часто собирал нас, тех, кто хотел послушать какое-то произведение, в аудитории второго этажа, где были сцена и рояль, на котором играл Леня Плещачевский (1969 год выпуска). Валентин Иванович и Леня были душой общества, отгадывали все произведения по наигранному отрывку и веселили всех.

Из деканата приносили проигрыватель, а пластинки были из разных источников, часто Саша Крамер приносил из дома, и Вальков приносил из своего собрания. Мы с Сашей часто слушали его пластинки, а с девочками ходили в филармонию, на старших курсах иногда по два раза в неделю.

Конечно же, ходили в театры, но, кроме БДТ, были считанные спектакли, которые нравились. Постановку «Идиот» по Достоевскому со Смоктуновским я никогда не забуду. Бегали мы и в кино, хотя не очень часто. Очень запомнилось, как смотрели фильм «Гамлет» в кинотеатре «Великан». Когда вышли из зала, я на все вопросы Саши отвечала в стихах и не могла остановиться, так вжилась в Шекспира.

Сессии второго курса я не помню, т. к. было много времени на подготовку, все сдалось само собой.

* * *

После второго курса мы поехали на стройку в Ленинградскую область, в Лесогорск. Со мной были мои любимые Лена Павлова, Женя Ушакова, Таня Черейская, Тамара Агекян, Саша Петрашень, Лева Рабинович, Юра Блатинский, Миша Бойко и много других ребят. Очень хорошо помню нашего прораба, кото-

рого прозвали Шляпа. О нем написали шуточную песню (слова сочинила Инна Юрова):

Ходит Шляпа, в глазах печаль, смотрит Шляпа куда-то вдаль.
И он видит из-под руки – лежит куча, в ней кирпичи...

Лесогорск стал русским после войны, и были видны остатки хуторов, где жили финны. Мы купались в реке и ходили за ягодами. Я организовала их ежедневный сбор, чтобы все привезли домой варенье. Это вызывало массу шуток. Вечером Юра брал гитару, и мы все пели. Мы там так распелись, что потом еще долго напевали Юрину любимую «Есть в Батавии маленький дом», а еще «Смерть похоронила в жизни смех» и «Если придется когда-нибудь мне в океане тонуть». Питались мы в местной столовой, жили в деревянной школе. Строительство наше начиналось с нулевого цикла. Мы делали большой фундамент, копали канавы, ставили опалубки, месили бетон, заливали фундамент, и дальше я не помню.

Наступил конец августа, и мы возвратились домой. Я кормила своих домашних земляникой – и протертой, и вареньем, рассказывала о зеленом Лесогорске. После «Лесогорска-66» сформировалась наша компания девушек с физфака, которая жива до сих пор. А в альбоме у меня есть фотография, где мы стоим на мосту через реку и нам по двадцать лет.

Саша Крамер не поддерживал мой строительный энтузиазм и не поехал ни на одну из строек вместе со мной. Может это, а может, что другое, но к концу учебы мы уже не были так увлечены друг другом. Зато компания девушек росла, к ней примыкали подруги подруг и новые члены стройотрядов.

Третий курс опять показался мне нелегким, в зимнюю сессию были большие и трудные курсы: «Теормех» и «Кванты». На экзамене по квантовой физике меня спрашивал Веселов, довольно долго мучил, а потом спросил, с какой я кафедр. Услышав в ответ, что с физики полимеров, сказал: «Ну, тогда хорошо, даже очень хорошо». Поставил мне 4.

С 1967 года мы переехали на улицу Костюшко, у нас впервые была настоящая отдельная квартира, правда маленькая: у меня с сестрой комната на двоих, у родителей – спальня в семь метров. Одно слово – хрущевка. Но мы все были очень рады – маме, как лучшему врачу Московского района, предоставили квартиру вне очереди. По очереди не было видно конца и края.

* * *

Весной разнеслась по факультету весть об отряде «Гурьев-67», командиром был Володя Андрианов (Моня), брат нашего Саши Андрианова (Бени). Мы проходили собеседование и строгий отбор, делали какие-то прививки, торопливо сдавали сессию, чтобы успеть ко времени отъезда. Помню, врач мне говорит: «Вы просите справку о том, что можете ехать. А у нас чаще просят справку о том, что по состоянию здоровья ехать на стройку нельзя». (Я тогда болела нейродермитом.)

Отряд получился очень дружный и продолжал собираться и спустя сорок лет. Но тогда мы не знали этого – мальчики с нашего курса ехали на Талнах,

а с нами оказались ребята на курс или два моложе. После «Гурьева-67» образовались две семьи. Про Колю Волконского знаю точно: у них две дочери и все хорошо. Большинство ребят сдружились на долгие годы, про нас можно сказать словами поэта: «Люблю тебя любовью брата, а может быть, еще сильнее!»

В Гурьеве мы выгрузились из поезда и на машинах поехали в аул № 13, где нас поселили в одноэтажной школе: в одном корпусе – девочки и кухня, а через двор напротив – мальчики.

Было очень жарко днем и прохладно ночью, звезды светили огромные и яркие. Неподалеку была река Урал, в которой водилось очень много рыбы. Наша бригада работала на коровнике. Об этом сочинена песня (большую часть текста написала Тамара Агекян).

Есть коровник. Коровник один, вырастает он в голой степи.
Мы вам песню споем про него и о том, как над ним мы пыхтим.
Рано утром (в семь десять утра), не успев еще завтрак доесть,
На могучий призыв «Мужики!» мы стремимся в машину засесть.

Дорога наша трудна, бьет нас хозяйка бока,
Но кто песню вам эту поет, лишь подпрыгнет
И снова заснет.

Подъезжая к коровнику, мы сердца чувствуем радостный стук.
А ведь сколько все те саманы искалечили девичьих рук!
А когда за большое бревно дружно брались, чтоб ставить столбы,
То всегда норовило оно стукнуть Моню с одной стороны.

Вот Ланбай лихо трактор ведет.
Едут парни на нем впятером. Боб Задохин верхом на коне
Лихо месит густой глинозем.

Мы приехали в пустую степь, а уезжали, построив большой коровник и подсобные домики для фермы. Кладка была из саманных кирпичей, который мы сначала сами делали, а потом сушили на солнце.

Обед нам привозили на машине, готовили мы по очереди. Я очень хорошо помню свое дежурство. Утром варили кашу в большом котле на шестьдесят человек, в обед я варила уху из щук, которых нам подарили рыбаки. Мы возвращались домой и увидели, как они тянут сеть. В ней было очень много рыбы. Рыбаки выбирали из сети воблу, а остальная рыба их не интересовала, и мы у них забрали около тридцати некрупных щук. Бывала у нас на обед и осетрина. В одно из моих дежурств мы возились с рыбиной, которая не помещалась на столе – хвост падал на землю, пришлось подставить таз.

В реке Урал в те годы было очень много рыбы. Когда мы купались, то часто видели на берегу скелеты осетровых самых разных размеров. Река была не очень широкая, но течение быстрое; на другой берег я не переплывала. Днем у нас был

перерыв на обед, купание и даже короткий сон. Жара днем была больше сорока градусов. Если к ней приспособлялся с утра, то работать было можно. А если сидел в помещении и выходил на улицу в полдень, то сразу получал тепловой или солнечный удар.

Мы постепенно привыкли к жаре. И даже несколько раз наблюдали необычные явления: пустынные миражи и звуки пустыни – когда на горизонте видишь озеро или слышишь симфонию каких-то звуков в раскаленном солнцем воздухе. Вечером быстро темнело и загорались яркие огромные звезды. Ребята разжигали костер из старых шин и пели под гитару. Если сравнивать с прошлым летом, репертуар несколько изменился. Много было песен Окуджавы, Городницкого, Высоцкого. Кроме того, мы сами сочиняли тексты на известные мелодии.

А у проема стена закрутилась винтом.
Удара ломом не ожидает никто.
В нашей бригаде нету самана уже.
Надо смелее на вираже.
Но кладку сломали, кладку!
Гадко, гадко, гадко...

Мы очень любили слушать, как играют на гитаре Паша Петрашень, Володя Крылов и Витя Сергеев.

Когда мы возвратились домой, то часто на физфактовской доске объявлений видели записки для «мужиков» «Гурьева-67». Мы ходили друг к другу в гости. Мой папа испугался, когда ко мне на день рождения пришли человек тридцать, и побежал в магазин за вином и яблоками. У нас раньше больше десяти человек за стол не садилось.

На Восьмое марта ребята нас поздравляли песнями и стихами. Мне написали что-то в таком стиле:

Ах, Дяконя! У Дякони бирюзовые глаза.
И у каменного Мони с носу капает слеза.

Меня часто называли Дяконя, т. к. фамилия моя была Дякина. У нас тогда были такие сокращенные обращения друг к другу среди близких друзей: Уся, Черя, Тюря, Песя и т. п.

* * *

Даже не возникал вопрос, куда ехать следующим летом: «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал». Мы опять засобирались на стройку, «Хабаровск-68».

Кстати, горы тоже были. Наша подруга Ира Глебова (мастер спорта по альпинизму) каждый год покоряла новые вершины и звала нас. Я ходила всю зиму в альпсекцию ЛГУ, а Ира Михайлова после Гурьева поехала с Глебой в горы. Мы с Лялькой тоже не растерялись и поехали в тур по Закавказью: через Астрахань

в Баку, Тбилиси и Батуми. Бедной моей маме приходили телеграммы с примерно такими словами: «У нас все замечательно, едем в Баку». Конечно, было по-всякому: и смешно, и страшно, но так привольно и весело, что мы все эти похождения вспоминаем до сих пор. Из Гурьева я приехала черная как негр, с рюкзаком дынь, купленных по дороге из Батуми в Ленинград. Бабушка мне открыла дверь и ахнула. У нее была такая фраза, которой она меня воспитывала: «Помни, что ты девушка из приличной семьи». Этим было сказано все, о чем я не должна была забывать.

Итак, на дворе весна 1968 года, и мы собираемся ехать в тайгу – под Хабаровск, в поселок Березовый. Снова осмотры, прививки от энцефалита, конкурс в отряд и т. п. и т. д.

Мы поехали во главе с Моней. Но часть бойцов «Гурьева-67» осталась работать в Ленобласти, в Копорье. Я была рада, что со мной поехали Лена Павлова, Тамара Агемян, Таня Черейская, Жека Ушакова, Лена Склярова, Ира Глебова и другие мои любимые однокурсницы. Завхозом был незаменимый Ляпонтий, который в Гурьеве резал баранов, а здесь кормил нас красной рыбой и сайрой. Володя Веллинг взял с собой Сашу Блейхмана – так складывались дружеские отношения на долгие годы. Саши уже нет с нами. Еще из ребят были уже знакомые по «Гурьеву-67» Миша Белешев, Володя Семенов, Игорь Кубышкин и др.

Когда мы высаживались из поезда, который привез нас в поселок Березовый после перелета Ленинград – Хабаровск, какая-то бабуля сказала: «А вас-то сюда за что?» Смысл этих слов мы поняли позже – в поселке большая часть жителей были заключенными на поселении.

Бывали страшные драки со стрельбой. Кто-то забрался к нам в комнаты, пока мы работали, и выпил весь одеколон. В дни зарплаты нам не рекомендовалось гулять по поселку. Но это все были смешные мелочи, а рядом была замечательная, с быстрым течением, река Амгунь, в которой было трудно стоять, если зайдешь в воду выше колена. Поселок окружали сопки с самой разной растительностью, вокруг была тайга, испугавшая нас страшными пожарами. Во дворах в землю были вкопаны бочки с красной икрой – холодный грунт заменял холодильник.

Мы строили клуб и баню из обычных белых кирпичей, штукатурили внутри двухэтажные деревянные дома и, конечно, замечательно отдыхали: пели, играли в футбол, сидели в «таверне» (сарай, где мы устроили столовую), ходили в походы на сопки и в деревню староверов. Мы с Женей Ушаковой работали на мешалке.

Я помню часть сочиненного нами тогда стихотворения.

Быстро обеда часы пролетели,
Вновь за замесом готовим замес.
Чавкает мерно мешалочка старая,
Выпьет водички, песочком заест.

В Березовом был таежный гнус, он кусал сильнее и больше комаров, но постепенно мы привыкли и даже как-то не замечали этого. Про поселок мы сочинили такую песню.

Поселок стоит средь амгуньской тайги,
И нам бесконечно он дорог.
Здесь клуб белокаменный строили мы,
Сближая деревню и город.
Сближая деревню и город
В поселке Амгунском.

В этом отряде у меня уже были дополнительные обязанности: я была медсестрой, т. е. у меня была аптечка – бинты, таблетки. Как умела (мама ведь врач) лечила и бинтовала.

Еще я часто заседала в комитете по самоуправлению, хотя смысл этих соборов помню уже плохо. Зато очень хорошо помню, как наши мальчики – два Саши (Назаров и Козленко) – спорили о литературе и читали стихи. Звучали имена Кафки, Сартра и других, не слишком широко известных писателей. Жили мы в двухэтажном доме на первом этаже, спали на железных кроватях по пять и больше человек в комнате, мыться ходили в баню на краю поселка.

В местном магазине я помню огромные пирамиды из консервов – сайра, а в промтоварах были какие-то японские вещички. Я купила себе белые носочки с оранжевым рисунком, девочки покупали складные зонты, которые были еще большой редкостью.

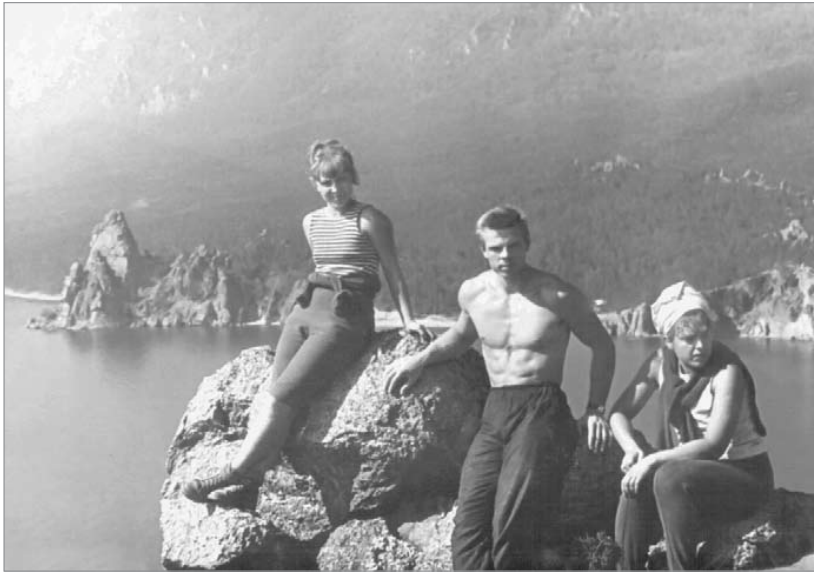
Наши ребята организовали копчение рыбы, которую всем хотелось привезти домой. Красной рыбы в Амгуни было очень много, местные жители нарушали все правила лова и продавали рыбу очень дешево и в больших количествах. В общем, домой мы везли икру и рыбу. Я все это упаковала в сумку, которую девочки увезли в Ленинград, а мы, три путешественницы – Ира Глебова, Женя Ушакова и я, решили прокатиться по Сибири.

* * *

Это было очень здорово. Мы вышли из самолета в Иркутске, погуляли по городу и потом на пароходе по Ангаре поплыли на Байкал. Красота была такая, что мы смеялись, кружились и пели: «Две девчонки танцуют на палубе, / Звезды с неба летят на корму... / Навстречу утренней заре / По Ангаре, / По Ангаре». Так мы приплыли в Листвянку, где ходили в музей Лимнологического института, катались на лодке и ели омуля с тухлятинкой. Мы чувствовали себя очень богатыми, получив по сто пятьдесят рублей за два месяца работы.

Заночевали мы у бабули, а на другой день поплыли по Байкалу в Песчанку, где был спортивно-туристический лагерь. Там мы лазали по скалам, бегали по берегу к бухтам Бабушка и Внучка, фотографировались вместе с ребятами из студенческого отряда МАИ. Даже пытались купаться, но вода была обжигающе холодная.

Потом мы проехали на поезде до Красноярска, т. к. Глеба мечтала побывать на «столбах». Между делом еще побывали на строящейся огромной Дивногорской ГЭС, где местный парень-строитель водил нас по всей стройке. Сохранились наши с ним фотографии в строительных касках.

После стройки «Хабаровск-68» на озере Байкал. Слева направо:
Татьяна Дякина (Филиппова), студент МАИ и Женя Ушакова (1968)

На Красноярские столбы мы добрались к вечеру и заночевали на турбазе. Утром инструктор стал показывать эти самые «столбы». По «перьям» местные ребята спускались вниз, головой в распорку. Глеба была в восторге. А я отличилась тем, что залезла на один «палец» – высокую ровную скалу, а как слезать, не знаю. Помог инструктор, который ставил мне ноги в нужные места. Как я сползла вниз, плохо помню. Зато помню маленького бурундучка на камне, когда мы возвращались в лагерь по лесной дорожке.

В Красноярске мы пытались сесть в самолет на Ленинград. Это было нелегко, но мы уговорили начальника аэропорта, и нас утром взяли на рейс. За ночь в местном маленьком аэропорту Глеба научила меня замечательной фразе «отвали, баранья морда», которая еще много раз помогала в разных затруднительных ситуациях моей молодой жизни. Когда мы улетали, в Красноярске уже кружились первые белые мушки-снежинки.

В Ленинграде был дождь, как это часто бывает в первую неделю сентября. Опять начиналась учеба. После наших походов мы с трудом вписались в трудовые будни физфака, но что делать. Очень хотелось запеть вместе с Юрием Кукиным: «А все-таки жаль, что кончилось лето...»

Начиналась учеба на пятом курсе, мы были распределены на преддипломную практику. Я пришла в Институт высокомолекулярных соединений Академии наук в лабораторию Виктора Николаевича Цветкова и стала работать с Ириной Николаевной Штенниковой. Я измеряла двойное лучепреломление в растворах разных новых полимеров. Примерно этим и занималась потом более тридцати лет.

* * *

Весной 1969 года наши ребята стали собираться на Сахалин. Мне тоже очень хотелось поехать. Но меня ждали совсем другие путешествия. Виктор Николаевич позвал меня в кабинет и сказал, что он меня направляет на производственную практику в ГДР. От физфака собрали человек пятнадцать старшекурсников из группы радиофизики и молекулярной физики, с нашей кафедры были я и Саша Ковшик, который потом был распределен в НИФИ на кафедру физики полимеров. Нас приглашал на работу Лейпцигский университет, весь июль был занят. Душа рвалась на стройку, но отказываться от практики было бы совершенно неприлично. Так закончились для меня стройотряды и открылись новые горизонты. Приближался конец студенческой веселой жизни, в январе 1970 года мы защищали диплом и выходили из стен университета, включаясь во взрослую и ответственную научную работу.

После выдачи диплома об окончании физфака. Слева направо:
Лариса Терентьева, Ира Михайлова (Звонова), Ира Глебова
и Татьяна Дякина (Филиппова) (январь 1970)

В 60-х годах среди студентов и сотрудников кафедры физики полимеров была очень популярна шуточная песня о профессоре В.Н. Цветкове, сочиненная на мотив известной мелодии из кинофильма «Хитрость старого Ашира». Ею я и закончу мой краткий рассказ.

ГЛАЗА ШЕФА

Наша бы жизнь сложилась иначе,
Но роковой стала лекция та.
Там, на физфаке, – вот это удача! –
Глянули эти глаза на меня.

Привет:

В небе померкли звезды золотые –
Ярче звезд очей твоих краса.
Только у Цветкова могут быть такие
Необыкновенные глаза.

И ради глаз этих синих и строгих
Мне суждено полимерщицей стать,
И чтобы их хотя изредка видеть,
Я весь эффект свой готова отдать.

Привет.

И диссертацию я написала
Лишь потому, что средь ночи и дня
Эти глаза, мне во всем помогая,
Строго и нежно глядят на меня.

Привет.

Наши преподаватели

С.В. Антонеvич (студент 1965–1971 гг., инженер... ведущий инженер НИИФ 1972–1991 гг.)

Приступая к воспоминаниям о годах юности, приведу цитату: «Хорошо быть молодым, даже в колодках раба». Великий Тамерлан повторял это не зря, проведя 10 лет своей юности в таких колодках. Мы же были молоды, свободны, полны сил и планов. Это было время спортивных достижений, походов в горы, перевалов, сплавов по порогам горных рек, песен, друзей. Весь мир принадлежал нам, а будущее зависело от нас самих. В той насыщенной счастливой жизни наиглавнейшим делом была учеба. Ведь мы пришли в Университет получать знания и заниматься Наукой. И попали мы в добрые руки настоящих Ученых – наших преподавателей.

К сожалению, у меня было очень мало времени, а воспоминаний очень много. Поэтому я решил остановиться на одной теме – «Наши преподаватели». Тот Университет, наш физфак – это особая атмосфера и неповторимый мир. И это определили наши преподаватели.

Для меня все начиналось еще в школьные годы с физфаковского кружка, которым руководил Давид Могилевский. В значительной степени благодаря ему я поступил на физфак, а не на матмех.

Незабываемы лекции Никиты Алексеевича Толстого, проходившие в Большой физической аудитории. Потом все пошло и поехало. Лекции по высшей математике нам читали: академик Владимир Иванович Смирнов, Михаил Федорович Широхов и Владимир Савельевич Буслаев. Даже такой своеобразный предмет, как научный атеизм, Сергей Николаевич Савельев (лекции которого я до сих пор храню) смог преподавать увлекательно, фактически рассказывая нам историю религии. От Тамары Витальевны Холостовой я впервые услышал о философах, труды которых прочел впоследствии. Фундаментальный курс термодинамики Андрея Ивановича Ансельма хотя и был в стороне от моей специализации, но все же заметно расширил мой кругозор.

Первое прикосновение к эксперименту мы получили в учебной лаборатории, которой руководила Ирина Петровна Богданова. Старинные приборы, которым уже тогда место было в музее, заставляли нас чувствовать себя частью истории.

«Кванты», «статги», «коммунизм», «физ-ра», «война» и т. д.

На третьем курсе нас распределили по кафедрам. Я стал радиофизиком. Курс лекций по распространению радиоволн Глеба Ивановича Макарова я прослушал трижды: первый раз студентом, последующие два раза – работая на кафедре. Вообще, радиофизика отличалась от других курсов. Наши группы были многочис-

леннее, наши стипендии были чуть больше (якобы доплачивало Минобороны). Когда наступало время распределения, в Университет приезжали представители различных НИИ, КБ, предприятий, пытаясь заполучить наших лучших выпускников. Бывали случаи, когда за выпускников предприятие передавало Университету дефицитную дорогую аппаратуру. Мы были нужны стране! И потом, работая в Университете, мы не испытывали недостатка в договорах, темах исследований – не хватало только времени и знаний.

Сколько было разработано алгоритмов и программ, сколько исследовательской аппаратуры! Какие экспедиции мы организовывали! Острова Ледовитого океана, Новая Земля, самолетная экспедиция по Севморпути и Дальнему Востоку, плавания на гидрографических судах, на подводных лодках, в том числе на самых больших в мире (вспоминается АПЛ «Акула»), и многое-многое другое. Не пришлось побывать в Антарктиде и в космосе... Сейчас даже не верится, что все это было...

Годы берут свое, память слабеет. Я, конечно, забыл многих, но не могу не назвать Валентина Владимировича Новикова, Андрея Александровича Пылаева и моего руководителя Юлия Митрофановича Яневича, который привил мне вкус к экспериментальной работе и своим житейским опытом и мудростью определил многое в моей жизни.

Нас хорошо учили и, главное, нас научили учиться. Я довольно рано понял, что образование ценно само по себе, это не ремесло.

Низкий вам всем поклон!

Преподаватели играли очень важную роль в нашей студенческой жизни. О них ходили разные легенды, в том числе курьезные. Конечно, многие из этих историй были не проверены, вероятно, что-то происходило на самом деле не совсем так, но в этих легендах ярко отразились уважение и симпатии студентов к своим преподавателям.

О Никите Алексеевиче Толстом

Однажды на лекции Никите Алексеевичу передали записку с приглашением на диспут «О любви и дружбе». Профессор затянулся сигаретой, выпустил колечки дыма и очень серьезно сказал, что бывал на подобных мероприятиях. Туда приходят много умных, симпатичных молодых людей. И превращаются там в коллективных идиотов.

Про Никиту Алексеевича была сочинена песня, в которой студент жалуется на «графа Толстого», не понимающего студенческих желаний. Из известной

С.В. Антоневи́ч в лаборатории распространения радиоволн (1973)

эковской песни были позаимствованы мелодия и слова «А мне сидеть еще четыре года».

О профессоре Владимире Павловиче Бранском

Однажды Владимира Павловича Бранского отправили в научную командировку. Не куда-нибудь, а в Париж. По тем временам это было большой редкостью. Когда он вернулся, кто-то из студентов, то ли в деканате, то ли в ректорате, случайно подслушал разговор двух административных дам. Одна с возмущением говорила: «Ты представляешь, он всю командировку с утра до вечера сидел в библиотеках, это при том, что у него была масса времени, валюта на командировочные расходы». Вторая отвечала: «Безобразие! Нашли, кого послать».

О Владимире Савельевиче Буслаеве

Профессор в то время выглядел очень молодо и внешне мало отличался от студентов. Во время экзамена первую группу студентов пригласили в аудиторию, раздали билеты. Все принялись работать со шпаргалками. Одна девушка оказалась в безнадёжной ситуации, но ей удалось передать свои вопросы в коридор, где роилась толпа студентов и друзей. Быстро подготовили ответ, но как передать? Тут по коридору идет Буслаев. Кто-то из друзей хватает его и говорит: «Парень, передай эту бумажку девушке, которая сидит у окна». Профессор растерянно говорит: «Я не могу». Тогда возмущенный друг заявляет: «Ну, парень, ты и ...» Буслаев отвечает: «Давай, я передам». Забирает бумажку, входит в аудиторию, подходит к девушке и говорит: «Вот, вам передали, только не ходите отвечать мне, тут есть другие экзаменаторы». Какую оценку получила девушка, неизвестно. Но после экзамена она учинила скандал своему другу.

Время нашей учебы совпало с широким распространением авторской песни. И, конечно, мы впитывали весь этот новый мир и чувствовали, что все это имеет к нам прямое отношение. Героями и авторами этих песен были интересные, мужественные люди – геологи, альпинисты, полярники, моряки и летчики, нашлось местечко и физикам. Авторам было что сказать, ведь они пели о пережитом, вдохновляя нас своим оптимизмом и романтикой. Сегодня слово «романтик» стало синонимом выражения «наивный, восторженный придурок» и вызывает издевательский смех. А зря! Ведь это романтики-геологи в нелегких экспедициях открыли запасы нефти и газа, урана и меди и прочие богатства, все то, за счет чего живет страна и на что точит зубы «мистер Бакс». Романтика – это сильная мотивация поступков и образа жизни. В походах мы не раз слышали от местных жителей: «Сколько вам за это платят?» Это вопрос от «мистера Бакса». Похожий вопрос был задан французскому альпинисту Морису Эрцогу, который в 1950 году в паре с Луи Лашеналем покорил первый восьмитысячник – Аннапурну. Без кислородных приборов и многих других средств, которые сегодня есть у альпинистов. При спуске они получили тяжелейшие обморожения и чудом остались живы.

Внизу врач экспедиции был вынужден срочно (без наркоза!) ампутировать все пальцы на ногах и почти все на руках. От гангрены и общего заражения спасло то, что в ранах развелись мелкие черви: они копошились и выедали гнилую плоть, не затрагивая живую. Во Франции все восхищались мужеством альпинистов и ужасались их страданиям. Возник вопрос: «Зачем? Ради чего все это?» Эрцог ответил так: «Альпинизм, при всех присущих ему опасностях, трудностях, страданиях и человеческих жертвах, находит свое оправдание в людях, которых он создает».

Когда на подводной лодке происходит авария и моряки не успевают покинуть аварийный отсек, люди оказываются замурованы и принимают мучительную смерть. Попробуйте, «мистер Бакс», спросить у моряков: «Сколько вам платят, чтобы вы поступали так?» Только встаньте подальше, может быть, успеете убежать. Всякие рассуждения тут бессмысленны и циничны, уместно лишь молчание.

Однако недавно «мистер Бакс» получил звонкую пощечину. Скромный ленинградский математик доказал гипотезу Пуанкаре, входящую в список «задач тысячелетия». За это ему присудили премию аж в один миллион долларов. А он взял и отказался, объяснив это тем, что премии раздаются несправедливо. Поработав в нескольких университетах США, где произвел большое впечатление на коллег, он вернулся в родное Купчино, в свою «хрущобу». Учителем и руководителем гения-математика был наш бывший ректор Александр Данилович Александров, личность сильная и светлая, к слову сказать, альпинист. По слухам, он создавал неудобства для советской номенклатуры.

Однако я заболтался, вернемся в Университет.

О временах, временщиках и прочем

Была у нас песня на мотив народной «Дубинушки», а в ней такие слова: «Только физика – соль, / Остальное все – ноль, / А юрист и филолог – дубина». Если б мы только знали тогда, кем они станут и что сотворят с нашим Универсом. Дело не в персоналиях, просто настали другие времена: время разбрасывать камни, и время собирать камни, время разрушать, и время строить. И вот, суетятся они, спеша разбросать камни и разрушить все, что было построено до них, потому что ни управлять готовым, ни тем более совершенствовать не могут и не хотят. И разрушают, то ли по недомыслию, то ли из-за своей ничтожности и ревности к предшественникам, или просто из корысти, за мзду. В общем, не по Сеньке шапка. Производимые реорганизации тождественны коллапсу. Факультетские институты закрыты. Ученых не видно. Повсюду снуют многочисленные мелкие укропчики. Дух стоит соответствующий. То, во что превратился Университет, смог бы описать разве что Диккенс. Грустно!

Но, как известно, ничто не вечно, и все возвращается на круги своя. Закончится смутное время, уже не первое на Руси, сгинут мародеры и упыри, терзающие страну, появятся настоящие хозяева земли Русской, созидатели и творцы. Возродятся науки, искусство и морали, снова в почете будут люди образованные, умные и работающие. Гарантия тому – отечественный и мировой опыт истории.

Как хорошо мы плохо жили, или Трамвай идет в парк Блохина¹

В.А. Веллинг (студент 1965–1971 гг.,
кандидат биологических наук)

Н.П. Джагарянц-Слитков (студент 1965–1971 гг.,
начальник отдела ГНЦ «НИОПИК», Москва)

О жизни в общежитии физфака № 1, сумбурной, но исключительно насыщенной, можно много и долго рассказывать. Здесь были «мои университеты», здесь и еще на наших студенческих стройках чуть распаханное поле моего сознания засевалось всем и сразу. В общежитие я попал не сразу, а только после зимней сессии. До этого мест для нас, пригородных студентов, не нашлось, и я весь первый семестр исправно ездил на физфак из Красного Села на электричке. К этому мне было не привыкать: когда я учился в техникуме, с 1960 по 1965 год, я тоже мотался на электричке в Ленинград и обратно. Научился даже использовать это время для выполнения домашнего задания по разным дисциплинам, чем вызывал некоторое уважение и удивление у сидящих рядом пассажиров.

В течение первого семестра и в первую сессию произошел отсев неуспевающих, в частности ребят, поступивших сразу после армии и приехавших из глубинки. Как следствие появились места в общежитии. Об этом первом узнал Олег Домченков и предложил мне совместно пойти в общежитие и попытаться устроиться. Принял нас почему-то Олег Деревянко, тогдашний председатель студсовета общежития, студент 4-го курса. Он устроил нам форменный психологический допрос: как живем, чем дышим, но все-таки согласился поселить меня в 1-м общежитии, сказав: «Иди в 47-ю комнату, если примут, то живи». Олегу посоветовал поехать во 2-е общежитие на Шевченко, 25². Пришел в 47-ю комнату: семь коек, одна пустая, шестеро мужиков сидят. Говорю: «Ребята, студсовет направил меня к вам на поселение». Направил, отвечают, вот койка, устраивайся, живи. Так я приобрел лучших своих друзей на всю оставшуюся жизнь.

---

¹ Эти воспоминания о жизни в общежитии написаны В.А. Веллингом и Н.П. Джагарянцем-Слитковым в процессе дружеской переписки, отсюда следует их стиль.

² Что Олег Домченков успешно и сделал: там его приняли и поселили. Сейчас думаю, почему это произошло – почему Деревянко распределил меня поближе к физфаку, в 1-е общежитие, а Олега чуть дальше, во 2-е? Вспоминая его психологический допрос, теперь понимаю, что тут решающую роль сыграла моя безотцовщина. Я жил с матерью и бабушкой (отец мой умер в далеком 1946 году), и мы были стеснены в средствах, а Олег жил в полноценной семье с чуть большим достатком.

Из письма Джагарянца-Слиткова:

И меня тоже долго тестировали студсоветчики, поселяя в общежитие № 1 по милому мне адресу: проспект Добролюбова, 6/2. Многие годы после окончания снился мне навязчивый сон: я уже в текущем возрасте вечным студентом возвращаюсь в общежитие. Живу в нем. В вестибюле, в почтовом ящике, в ячейке с буквами «Д, Е», ищу и не нахожу адресованные мне письма и переводы... Всем пишут, кроме меня! На входе, как и прежде, висит уникальный таксофон, на который можно звонить из города. Номер легко запоминался: 82-07-87 – это цены на водку: «Столичную» и «Московскую» (сначала рубли, далее – копейки). Это потом уже сменились и цены, и номера. А в служебном кабинете за столом – не сильно постаревший комендант общежития с военной выправкой – Леонид Александрович Выборнов и неувядающая его помощница Галина Борисовна Пестова.

В июле – августе 1965 года в абитуре жил я в Старом Петергофе в новом, сравнительно комфортабельном (комната на четверых) аспирантском общежитии. Так что на немногочисленные консультации и на единственный сданный мною на 5 экзамен по физике ездил электричкой и автобусом 10-го маршрута до Университетской набережной. После сравнительно раннего зачисления в августе, на которое я, честно говоря, не очень рассчитывал, хотя был медалистом и неплохо самостоятельно подготовился, направили меня на строительство гостиницы «Советская», что сооружалась недалеко от Балтийского вокзала. Там, на черной работе, среди коллег-универсантов заметил неробкого парня из Череповца, рыжеволосого, оказавшегося золотым, – Володю Забелина. Это он первым бросился на тушение загоревшихся стройматериалов, другие спокойно взирали на порчу социалистического имущества. Пришлось и мне вступить в бой со стихией. Оказалось, что и Владимир тоже поступил на физфак. Вечером, после работы, побрели мы с ним по проспекту Майорова через весь Питер пробивать себе городское общежитие. Приняли нас первые лица студсовета: Саша Штейн (Максимов), и позже к нему присоединился Олег Дервянко. Председательствовавший в тот год Валера Кривошеин был еще на каникулах. В комнате уже сидели три девушки, «три сестры» (и это почти без иронии, так как случайно встретившиеся тогда студентки остались подругами и доньне): Люда Кожанова из Таллина, Света Климина из Адлера и Наташа Дымченко из Хабаровска. Всех нас волновал жилищный вопрос. Пришедшие как на духу рассказывали о себе, о своих семейных условиях и материальном положении. Вскоре увлеклись, отошли от существа дела, чуть было не забыв, зачем пришли. Слово за слово, и завязалась дискуссия об общественной жизни: о недавнем волюнтаризме, о культуре личности, об истории вообще. Штейн был темпераментен, Олег – спокоен, но тверд. В тот вечер окончательно мы так и не решили вопрос ни по культуре, ни по месту в общежитии.

Комендант
общежития № 1 ЛГУ
Леонид Александрович
Выборнов (1968).
Фото А. Недбая

Но с первого сентября трое из нашей тогдашней пятерки, а позже и остальные две девочки поселились по вожделенному адресу. Замечу, что и Саша Штейн, и Олег Деревянко стали для меня позже хорошими товарищами. Олега же, женившегося на моей однокурснице Вале Обозной, считаю своим добрым другом. Они и позже были активными общественниками и опытными наставниками в студсоветовской жизни, в которую и мне было суждено позже включиться.

Общежитие располагалось по адресу: проспект Добролюбова, д. 6/2. Это был большой шестизэтажный угловой дом, одной стороной выходящий на Добролюбова, а второй – на Зоологический переулок, д. 2. Дом был построен в начале XIX века, позднее неоднократно перестраивался и расширялся, в 1881 и 1910 годах, использовался как доходный дом до 1917 года. С 30-х годов там уже обособилось общежитие ЛГУ, сначала филологического факультета, а позднее – физического. Это был наш родной дом в студенческие годы, и когда сейчас изредка мы оказываемся вместе, то с неизменной теплотой его вспоминаем. Здание было крепкое и красивое, хоть и запущенное¹. Бытовые неудобства, отсутствие горячей воды и душа для нас были не важны, главное – физфак был рядом. Перебегаешь мост Строителей (ныне Биржевой), и ты на стрелке Васильевского острова, сразу направо, по набережной Макарова, рядом с Пушкинским домом, – физфак. С другой стороны общежития – мост через Кронверкскую канавку, а за ним – Петропавловская крепость, где мы играли в футбол на пляже у Невы и во внутренних дворах Петропавловки. Напротив – Эрмитаж с его шедеврами.

Из письма Джагарянца-Слиткова:

Поначалу поселили меня временно, до октябрьских праздников, в 96-ю комнату на 4-м этаже, в «рабочку», – в обычное время комнату для занятий – читальню. Там жили и занимались кроме меня, бакинца, еще 12 «орлов»: товарищ мой по Петергофу – Витя Карпов из Плесецка, коллега по гостинице «Советской» – В. Забелин из Череповца, Валера Левадный, Леша Танин с гармонью из Белоруссии, будущий наш профсоюзный лидер, спортсмены Слава Кулаков из Темиртау и Володя Трухов, Костя Усов из Ашхабада, северяне – выпускники 45-го интерната – неразлучные Коля Василенко и Гена Кожуркин, Сережа Хозяинов из Нарьян-Мара. У дверей на страже занимал койку демобилизованный моряк. В общем, вся почти география Союза была налицо. Успели мы познакомиться, не успели рассориться, как расселили нас временно, до 2-го семестра. Меня подселили к трем старшекурсникам – двум болгарам и дипломнику Володе-ядерщику. Ну а со 2-го семестра, после ухода 6-го курса, началась уже моя жизнь в памятной 47-й комнате в составе «великолепной семерки».

47-я комната находилась на так называемом полуэтаже, между вторым и третьим этажами. В комнате было три окна, выходящих в колодец двора, по-

---

¹ Полностью снесено в 2008 году. На месте нашего общежития (бывших доходных домов Кирикова) строительной компанией «Возрождение Санкт-Петербурга» возводится жилой дом и отель.

этому Коля Джагарянец – наш вечный остряк – часто говаривал, что в 47-й комнате даже днем белые ночи. Размером она была 4 × 7 м, с небольшим аппендиксом около двери. В этом аппендиксе, у дверей, стояли два шкафа для одежды. В комнате стол, четыре стула и семь коек, некоторые из них спаренные в два этажа, как на подложке, чтобы места было больше. Около коек семь тумбочек для личного белья и прочих принадлежностей. Никаких книжных шкафов не было, и каждый из нас хранил книги, где придется: кто-то делал полочки на стенку, а кто и просто в чемодане под кроватью хранил. В комнате нас жило поначалу семеро: Коля Джагарянец¹, Слава Кулаков², Борис Задохин³, Володя Забелин⁴, Коля Югов⁵, Витя Карпов и я – Володя Веллинг⁶. После весенней сессии Витя Карпов не выдержал экзаменационных невзгод и покинул факультет, но мы еще долго его вспоминали в своих стихах и разговорах. Оставшаяся шестерка стала друзьями навек, пока некоторые из нее не ушли от нас в мир иной, как это печально случилось с Борей Задохиным в 2006 году.

Из письма Джагарянца-Слиткова:

Рядом жили Нина Козлова (будущая жена Володи Скибина) и полька Барбара. Ниже, на 1-м этаже, в коридоре, было устроено нечто вроде спортзала с гирями, штангой и шведской стенкой, там все время кто-нибудь грохотал железками (кажется, Нефедов и Юра Бойко). Через этот коридор-спортзал был проход в неработающий душ. Осчастливили нас душем только на 4-м курсе. В общежитийской стенгазете «Резонанс» я – в то время уже бывший председатель студсовета, редактор газеты и член совета общежития – в затянувшемся преддверии пуска душа называл нашего проректора по АХЧ (а может быть, начальника жилищного отдела ЛГУ) Карпенко Николая Васильевича автором «мертвого душа».

Кстати, в этом же номере мною был помещен классный вирированный снимок друга нашей 47-й комнаты, студента истфака Бориса Гуржибэка, «Знакомьтесь – Шкипер!», так что захавшие художницы из Москвы, в том числе и Фариды, лицезрели это фото, а позже и живого поющего в коридоре Володю Забелина. И «пропал» наш Шкипер, увидев черноокою красавицу Фариду, и вскоре мы играли свадьбу, но было это уже в Москве. Так что я немного самонадеянно, но не без причины считаю себя невольным сватом нашего друга. Позже Володя с Фаридой мне «в ответ» были свидетелями уже на моей запоздалой свадьбе в Долгопрудном. Той свадьбе, на которую остроумнейший друг мой Анатолий Чуманов – бог расселения и хранитель общежитийской «шахматки» – прислал мне телеграмму: «Последний трамвай прибыл в парк...»

¹ Поэтический псевдоним Н. Оранжевый.

² Студенческий псевдоним Сява.

³ Студенческий псевдоним Боб.

⁴ Студенческий псевдоним Шкипер.

⁵ Студенческий псевдоним Шагане.

⁶ Студенческий псевдоним Веля, поэтический – Горгоша.

В той же газете мы завели рубрику справочного бюро «Спросите тетю Клаву». «Это чего это ты, Николай, про меня прописал?» – вопрошала по этому поводу всезнающая наша старейшая вахтерша Клавдия Яковлевна, которой друг твой Н. Оранжевый позже стих посвятил:

*Я спросил сегодня тетю Клаву,
Что сидит на вахте много лет,
Я спросил с надеждою усталой:
– Приходили ль девушки ко мне?*

*И еще спросил я тетю Клаву,
Сердца стук поглубже затая:
– Проходила ль боль моя, отравы?
Приходила ль лапушка моя?*

*И ответила мне тетя Клава кратко:
– Николай, по-честному скажу:
Может, я не спамии и с устатку,
Но «твою» никак не угляжу.*

*Приходила девушка Петрова,
Барышня глазастенькая с ней.
Спрашивали Вовку Давыдова,
А тебя не спрашивали, ей-ей!*

*Приходили Иры, Лены, Светы.
Вежливые – пачпорта суют...
Кланялись. Поэту, мол, приветы.
Сами после дождичка зайдут...*

*И добавила мне тетя Клава грустно,
Шаль персидскую устало теребя:
– Видно, мать нашла тебя в капусте,
Оттого не любят все тебя.*

*А туда ж, нашел себе забаву
Стишь писать – «Оранжевый, поэт»...
Так мне говорила тетя Клава,
Что сидит на вахте много лет.*

Как и где мы питались? Я что-то не помню, чтобы мы готовили себе ужин. Помню, завтракали в соседнем общежитии, в «шестерке», помню сметану в стаканах, очень вкусную. Обычно брали по 100 грамм, на 200 уже денег не хватало. Обедали в столовой, в «восьмерке», а вот когда, как и чем ужинали, не помню.

Общежитие № 1 ЛГУ, комната 47. 1-й ряд (слева направо):
В. Забелин, Н. Джагарянц; 2-й ряд: Б. Задохин, В. Карпов,
Н. Югов, В. Кулаков (1970). Фото В. Веллинга

Из письма Джагарянца-Слиткова:

В собственно 47-й, то есть на первых курсах, точно, кроме чая с батоном по 13 копеек и чая с подушечками, ну и, пожалуй, кефира, я тоже ничего не припомню. Да и сами завтраки на 1-м курсе для большинства из нас (кроме тебя и Славика Кулакова с Витей Карповым – бегунов-спортсменов) в «шестерке» были роскошью по причине склонности к долгоспанию. В «шестерке», не говоря о «восьмерке», хорошо кормили. Помню дороговатые, но все же доступные вкусные порционные солянку и чанахи в горшочках. Я по вредности обижал женщин с раздачи своим «вежливым» ответом на их вопрос: «С чем вам котлеты?» – «С мясом, пожалуйста!» А на средних курсах вечером и в выходные жарили картошку. Иногда удавалось пожарить, имея изначально всего лишь желание, ну и сковородку. На поиски подлежащего жарению провианта (картошки, масла и лука!) посылали удачливого Юру Корнева. Позже, на старших курсах, пристрастились в будни на ужин и в выходные ходить в «Караси», «Три пескаря» («Офицерскую») на Большом проспекте Петроградской стороны. Когда ночами в сессию совсем уж было голодно и не до изысков, то на последнем трамвае маршрута № 6 ездили столоваться в депо, в парк Блохина. Однажды для «сугрева» взяли чайник с наскоро сваренным грогом и по пути щедро угощали им редких запоздалых пассажиров. Кружка с собой была...

Во время нашей учебы на 2-м курсе администрация университета надумала провести ремонт в нашем общежитии, отселив в другие места значительную часть студентов только младших курсов. Младшекурсники, естественно, усмотрели в этом дискриминацию. Шибко нам это не понравилось, и мы, собравшись в красном уголке, подняли бучу. Помню, пришел нас замирать, поигрывая ключами с брелоком, живший где-то на верхних этажах старшекурсник, дремуче-

бородатый Саша Богданов, прошедший армию член партгруппы (Борода без бороды, как позже его стали называть, когда он сбрил пресловутую свою растительность). Ему, действительно, удалось в тот вечер ввести кипевшие страсти в организованное русло. В духе факультетских традиций народовластия создали некий оргкомитет по переселению, чтобы самим решать, кого оставить на стороне Петроградской, кого временно отселить. Избрали в комиссию и меня, а позже во временном мини-общежитии (звали мы его «Палас-Лазурь») на Выборгской набережной, 63, в двухэтажном деревянном особняке, так называемой бывшей усадьбе графа Головина (архитектор – Л. Шарлеман), избрали и малый студсовет, а меня его председателем. Комендантом того здания, а следовательно, и новоиспеченного общежития служила милейшая сотрудница университета с солиднейшим стажем – Варвара Михеевна. Как только мы не спалили ею охраняемый шедевр российского зодчества?! Может быть, помог плакат (текст откуда-то сдули), нами вывешенный: «Не курите в постели, а то пепел, который будут выметать утром, может оказаться вашим собственным...»

С Богдановым Сашей и его очаровательной женой Таней Черкасовой я подружился позже – на всю оставшуюся жизнь. Гулял у них, вместе с Толей Чумановым и Володей Ефимовым, на свадьбе в подмосковной Мамонтовке, близ Акуловой горы, воспетых Д. Кедриним и В. Маяковским. Некоторое время пользовался их гостеприимством в 1974 году, в период моего трудоустройства в Москве. «...далеко, далеко, на озере Чад / Изысканный бродит жираф».

После окончания ремонта, уже на 3-м курсе, мы возвратились в отремонтированное родное здание, не слишком и приспособленное для студентов: комнаты уж больно в бывшем доходном доме были разнокалиберные – от «люксов» с окнами в петербургский колодец до залов с лепниной на потолке на семерых постояльцев.

В 1968 году после 47-й комнаты и «Палас-Лазури» мы переехали уже в 86-ю и 87-ю, на 4-й этаж. Мы были на 3-4-м курсе, а старшекурсникам полагось жить свободнее, и мы жили по четыре человека в комнате. В 1968 году в 86-й у нас появилась собственная стенгазета «Наш Информарий». Завел ее как-то случайно наш Сява: повесил на шкафу объявление по поводу распорядка дежурств в комнате и приписал к нему небольшое двестишье. Что тут началось! Оказывается, мы почти все в душе были поэтами, особенно отличались Шкипер и Н. Оранжевый. От них стихи шли потоком по несколько штук в день, они даже пикировались между собой в стихах. Пришлось Сяве, как инициатору процесса, взять на себя функции редактора газеты и регулировать этот поток, но не цензурировать. Я выполнял роль литературного критика и вывешивал критические рецензии на наиболее выдающиеся сочинения. Продолжалась эта стихотворная вакханалия почти целый 1968 год, пока мы не переехали в другую комнату. Но мы (Коля Джагарянец, я, Слава Кулаков и Володя Забелин) до сих пор по крупицам собираем архив «Нашего Информария», с детской любовью и старческой ностальгией перечитываем его. Кстати, автором известного всем «Гимна транспортников» («Дорога, дорога, для нас ты вместо бога...») является Шкипер.

В этой же, 86-й, комнате появилась написанная Шкипером картина «Ассоль». Произошло это так. Шкипер влюбился в Ларису Федотову, девочку с нашей 5-й группы. Вначале он написал стихи:

А где-то девочка Лариса
Давно почил детским сном.
Бесшумно дверь открыла в душу,
Проткнула взглядом, как ножом.

И вот теперь, дымя «Памиром»,
Мараю розовым листы,
А между нами лед приличий
И разведенные мосты.

Затем он на чердаке общаги нашел холст с подрамником, достал масляные краски и нарисовал в знак своей любви картину «Ассоль». Это было изображение парусника с белыми парусами и красной девицей на нем, похожей на Ларису. Картина была размером 1,0 × 0,7 м и еще долго висела у нас в комнате, а потом куда-то бесследно исчезла.

В 1969 году мы переехали в комнату с балконом, выходящим на Зоологический переулок. Здесь мы жили вчетвером (Веллинг, Задохин, Забелин и Фам Ван Дан – вьетнамец).

Из письма Джагарянца-Слиткова:

С этого балкона я, истив изрядно популярного в тот год сухого дешевого алжирского вина, про которое говорили, что его везут к нам из Алжира в цистернах из-под той нефти, что мы завозим в Алжир, вопил в Зоологический переулок: «Мария! Где ты? С кем ты?» Хотя никакой реальной Марии и не было в нашем тогдашнем ближайшем окружении. Кроме Маши¹. Я же тогда, по-видимому, соотносил этот крик души с Марией – героиней «Облака в штанах» молодого Маяковского.

Я, будучи тогда еще председателем студсовета общежития, участвовал в расселении иностранцев среди советских студентов, для поддержания интернационализма. И, чтобы никто не упрекал меня в семейственности и кумовстве, поселил к вам Фам Ван Дана, а к Коле Югову – Йозефа Мартона.

В этом же, 1969, году в общагу на День физика, 12 апреля, зашел Никита Алексеевич Толстой пообщаться со студентами. Он был сначала в красном уголке, в зале, где рассказывал о физике и о жизни. А потом кто-то из нас (кажется, Слава Кулаков) пригласил его к нам на день рождения. В этот день был день рождения у Володи Паутова, и мы его праздновали у нас, в комнате с балконом. Никита Алексеевич на удивление согласился зайти и долго с нами сидел за общим столом,

---

¹ Студенческий псевдоним Вити Карпова.

пил водку из стакана, рассказывал анекдоты, а также все очень сокрушался, что у него сейчас дочка на выданье, а женихов нет. Вот он сейчас их и подыскивает среди нас.

Из письма Джагарянца-Слиткова:

Вряд ли Никита пил с нами водку! Не спорю, может быть, и сломался, поддавшись на уговоры. Но точно помню, что поначалу отказался, рассказав, что, когда он недолгое время заведовал кафедрой в Текстильном институте, сотрудники перед Новым годом попросили у него разрешения воспользоваться кафедральным запасом спирта, на что он запросто согласился. И его сотрудники решили, что он и сам не прочь выпить. Он же, попробовав их изделие, дал себе зарок не употреблять впредь напитки из спирта.

Володя Паутов мне упорно сейчас говорит, что в тот день произошел такой эпизод. Саша Молоканов (он еще был жив и тоже был с нами) очень боялся Никиту Толстого еще с 1-го курса: что-то он там ему недосдал. И вот когда Саша услышал, что к нам в комнату идет Никита, то Молоканов забрался под кровать и там провел все те два часа, что Никита был с нами. Я этого не помню, но это был день рождения Паутова, и он должен помнить лучше.

Из письма Джагарянца-Слиткова:

Ты знаешь, Веля, еще до получения твоего письма, а может быть, и раньше, задолго до затеи с «Воспоминаниями о физфаке», я, вспоминая «явление Никиты Толстого народу», вспомнил вдруг о лежании Молоканова под кроватью. Но тогда я сам засомневался, а было ли это вообще. Уж больно невообразимая водевильная сцена. Володя Паутов подтверждает, что это не причудилось, но гипотеза Паутова, что это вызвано страхом, не все объясняет. Попробуй вон пролежи долгое время под кроватью, не подавая виду! Возможно, это суперпозиция разных причин, в том числе и той, что до того эпизода все уже на дне рождения «хорошо посидели». Может быть, Саше удалось и заснуть. Потом там некогда ширма из простыни была, которую вьетнамец Фам Ван Дан повесил. (Друзья его часто собирались за ширмой и слушали родное вьетнамское радио. Как-то один из наших знакомых, общежитийских аборигенов, зайдя вечером подшофе, начал поджигать простыню. «Долой Китайскую стену!» – кричал он. «Ты – пляхой, пляхой!» – защищал ширму Фам Ван Дан. Шкипер же был миротворцем: он успокоил гостя, чем и заслужил уважение Фам Ван Дана. В августе 1971 года я, направленный из своего Сары-Озека в командировку в Шепетовку, в сержантскую школу за выпускниками учебки, сэкономив время на дорогу, залез в самоволку в Ленинград. Зайдя в наше общежитие, встретил в вестибюле у вахты Фам Ван Дана. Увидев меня в форме, он завопил, показывая на китель: «Это все твое? Твое? Смотрите, наш Коля приехал! Коля приехал!!!»)

Никита Алексеевич был увлечен встречей с нами так, что Славик, подыскивая нужные слова в двенадцатом часу, деликатно напомнил ему о времени. «Ладно-ладно, вот дорасскажу и уйду!» А рассказывал он, как был по линии

Министерства просвещения в ФРГ с лекцией об университетском образовании, но какие-то молодчики заклеили в городе все афиши о его лекции, так что тамошний ректор встречал его в пустом зале смущенный и виноватый. «Тогда я решил скрасить неловкость шуткой в типично немецком духе, сказав, что, если в аудитории кто-то испортил воздух, это не означает, что виноваты все». Немцу по душе была эта «пахнувшая» шутка.

В затянувшемся разговоре я дерзнул спросить его:

– Никита Алексеевич! А какое у вас хобби?

– Хобби?

– Ну, любимое занятие после работы.

– Сейчас подумаю.

– Ну, может быть, с машиной возиться?

– Нет. Машину я подарил зятю.

Пауза.

– Ну, может, рыбалка?

– Не торопи, не торопи! А! Я вспомнил: у меня же любимое занятие – читать английские и французские романы. – И добавил как бы небрежно: – В подлиннике. – А затем, видимо, еще раз вспомнив, что он профессор, а перед ним его бывшие студенты, назидательно произнес: – Учите язык, ребята, пока молоды и пока он вам легко дается, в жизни он вам еще очень пригодится.

Как прозорлив был Никита Алексеевич! Действительно, знание иностранного языка всем нам очень понадобилось в последующие годы перестройки и разрухи в науке: кому преподавать за рубежом, кому здесь иностранные делегации встречать¹.

Кроме наших преподавателей в общежитии часто выступали и другие гости. Мне кажется, что к нам в общагу приходил Высоцкий, наверное, осенью 1967 года и пел там песни под гитару, кто-то его записывал на магнитофон. А мои однокомнатники (Джагарянц, Шкипер, Шагане) говорят, что они Высоцкого в общежитии не помнят, но помнят выступление Клячкина, Городницкого и других.

---

¹ Что-то незримое связывало Сашу Молоканова и Никиту Алексеевича Толстого. Уже в 1994 году я еще раз встретился и кратко разговаривал с Н.А. Толстым. Было это так. Ветром перестройки меня занесло работать в 1992–1994 годах в Комитете по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга. Весной 1994 года в Питере проходила международная конференция, устраиваемая «Позитроном» и мэрией Санкт-Петербурга. Для участников конференции в Таврическом дворце был устроен прием, куда были приглашены и наши деятели науки и искусства. От Всемирного клуба петербуржцев там был Н.А. Толстой, в качестве его председателя. Я же туда попал как один из соорганизаторов всего этого мероприятия от мэрии. По окончании приема, когда все стали расходиться, я подошел к Никите Алексеевичу, представился, сказал, что учился на физфаке в 1965–1971 годах и что хорошо помню, как замечательно он читал нам лекции. Никита Алексеевич задумался, затянулся сигаретой, потом сказал: «Да-да. Вы знаете, мне кажется, что я помню ваш курс. У вас еще мальчик такой был, Саша Молоканов, комсомольский лидер, красивый и талантливый, который погиб в горах. Как жалко, что молодые так рано уходят». Самому Никите Алексеевичу оставалось жить менее полугода.

Из письма Джагарянца-Слиткова:

Напрочь не помню такого незабываемого случая – хождения Высоцкого на физфак ЛГУ. Вот Толя Чуманов свидетельствует, что Высоцкий пел где-то в университете.

Был композитор Дмитрий Толстой, автор в том числе балета «Петр Первый», поставленного в тогдашнем Малом театре. «У вас в университете преподает мой брат физику. Не знаете его?» – спросил он, появившись перед нами.

Были артисты: Сергей Юрский, Зинаида Шарко, Анатолий Шагинян (Театр одного актера), Яков Смоленский, высококлассный чтец, народный артист РСФСР, читал «Мой Дагестан».

На его чтении был смешной случай. Чтец от лица автора – Гамзатова – риторически вопрошает: «Знаете ли вы, что такое хинкали?!» Следующая фраза, возможно, была бы: «Нет, вы не знаете, что такое настоящие хинкали!», но он не успел ее произнести. Сидевший в последних рядах незадолго до того приехавший из одной северокавказской республики студент-стажер живо, непосредственно откликнулся и очень громко для маленького красного уголка воскликнул: «Знаем! Знаем!», и осекся. Смех. Неловкая пауза. Но он не сразу угомонился, а стал уже не столь громко, но разборчиво рассказывать ближайшим соседям, что такое хинкали – подобие пельменей или мантов. В общем, как в цирке – с подсадкой!

Выступал поэт Владимир Лазарев. Он был одноклассником старшего брата нашего студента Коли Жадина. Братья были очень похожи друг на друга. «Старик! Что ты здесь делаешь?» – обозначился он, увидев Колю среди зрителей.

Люда Ермакова вспомнила, что в общежитии пели Городницкий, Кукин, Клячкин и Никитины. Двух первых я точно подтверждаю, а вот Клячкина наполовину. Наполовину, так как я его в Москве в одном химическом институте слушал, поэтому воспоминания могли накладываться.

Кстати, помнишь, как Люда Ермакова, высокая спортивная наша однокурсница, на 1-м курсе, прорвавшись сквозь баррикады шкафов 47-й комнаты, искала меня, задолжавшего ей какой-то конспект и спрятавшегося от ее гнева то ли в шкафу среди пиджаков, то ли под одеялом? «Где этот Джагарянц? Я сейчас брызгу буду из него делать!!!» Все обошлось. Мы с ней до сих пор дружим-перезваниваемся.

В 1968 году наш 3-й курс вошел в силу и в учебном процессе (научились учиться), и в стройкоме, и в общежитии. Так что большинство в новом совете общежития было избрано из нашего активного курса, а я был его председателем. Опыт общественной работы у меня уже был. В школе № 8 города Баку избирался секретарем комитета комсомола, работал в оперотряде под началом ныне всем известного Юлия Гусмана. На 1-м курсе выбрали меня комсоргом 12-й группы, и заслужил я на всю жизнь от Володи Громова почетное звание комиссара. Сменил меня прекрасный мой товарищ, энергичный, равнодушный Саша Шипунов. Был я делегатом всех факультетских и большинства университетских комсомольских конференций. Так что работа моя в общежитии была конкретной комсомольской работой.

Перед сборами. Слева направо: А. Филатенков, спиной стоит Н. Юрицын, В. Веллинг, А. Чуманов, В. Малафеев (в дверях электрички), Н. Джагарянц, Н. Югов (15.06.1970). Фото Н. Жадина

Это была хорошая школа, через которую прошли: Саша Осипчук, Володя Родионов (были председателями), Толя Чуманов (председатель важнейшего сектора быта), Толя Тюнис, Алена Волкова-Коваль, Лия Мазилiausкайте, Земфира Гизетдинова, Лидя Арсеньева, А. Голубев и Ю. Иваненко, Володя Ефимов, а также «богатыри-дружинники» – Саша Троян и Володя Гилязов со товарищи...

У студсовета сложились деловые рабочие отношения с комендантом общежития Леонидом Александровичем Выборновым, с заместителем декана Валерием Сергеевичем Рудаковым. Леонид Александрович не давил на нас своим возрастом, авторитетом отставного старшего офицера. Любителей же строгостей среди персонала общежития, в основном женского, и так хватало.

В лице членов партийной организации А.А. Штеренберга и В.В. Леонова – сотрудников факультета и далеко не формальных наших кураторов – мы находили союзников в порой непростых прениях с администрацией ЛГУ за места в ближайшем общежитии. И всегда надежной опорой в защите интересов студентов факультета были «три кита: Шухтин, Вальков, Успенский – деканат физфака боевой». Отстояв наши позиции, в мае и октябре 1968 года удалось переселить из Старого Петергофа или поселить впервые около 90 студентов нашего факультета. И это был весьма хороший результат.

Пролетели годы молодые, в памяти оставив лишь туманный трек

В.А. Веллинг (студент 1965–1971 гг.,
кандидат биологических наук)

Быть может, эти электроны
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!

В.Я. Брюсов

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Ф.И. Тютчев

Почему физфак

Было это в далеком 1962 году, я учился на 2-м курсе Ленинградского физико-механического техникума, в группе радиотехники. В нашей группе было 25 человек, и все мальчики – девочки по конкурсу не прошли. Мы все были умные и смысленные, любимым нашим увлечением было играть вслепую в шахматы на уроках истории и литературы и решать различные логические задачки. Урокам физики и математики мы внимали с интересом. Преподаватели – братья Грудниковы, Михаил Израилевич и Виктор Израилевич, – были нашими кумирами, а мы у них были любимчиками. Но, как ни странно, в физику (точнее в биофизику) меня вовлекла наш преподаватель русского языка и литературы Маргарита Петровна¹. Однажды она выписала на доске два стихотворения: Валерия Брюсова и Федора Тютчева – и тихо так сказала: «Вот вы, ребята, у меня такие умненькие, прочитайте эти два стихотворения и напишите сочинение. Что вы об этом думаете, о природе и мире, и можно ли все разложить по полочкам и пересчитать?» Мы как могли напрягли свои мозги и нацарапали свои мысли на бумаге, получили свои пятерки и четверки. Но для меня это был мощный импульс к раздумьям и к выбору

---

¹ К стыду своему, как ни напрягаю память, не могу вспомнить ее фамилию. Расспросил всех своих ребят по техникуму, они тоже не помнят.

будущего. Мне захотелось понять человеческую природу, измерить ее и описать физическими формулами. *Так определилось мое будущее: только физфак, только Ленинградский университет.*

Дело оставалось за малым: получить диплом с отличием, чтобы иметь право поступать на дневное отделение без обязательной двухгодичной отработки по распределению, увильнуть от обязательного призыва в армию весной 1965 г., когда мне исполнялось 19 лет, и сдать вступительные экзамены на физфак.

Диплом с отличием я получил в январе 1965 г., и в нашей группе таких отличников было 9 человек из девятнадцати, оставшихся к концу обучения в техникуме. Остальные шестеро успели заочно сдать экзамены за десятилетнюю школу (была такая заочная школа для железнодорожников на Театральной площади) и выпорхнуть из техникума еще раньше, в 1963–1964 гг.

После окончания Ленинградского физико-механического техникума по специальности «радиотехника» в январе 1965 г. я был распределен в п/я 558 (ныне ВНИИТрансмаш) и занимался разработкой датчика измерения плотности лунного грунта для «Лунохода-1»¹. В январе же поступил вместе со своим другом Сашей Блейхманом на подготовительные курсы физфака ЛГУ.

В июне, как и ожидалось, принесли повестку из военкомата. Пришлось немедленно уезжать из Красного Села к своему троюродному брату Олегу Домченкову, в Гатчину. Олег тоже собирался поступать на физфак и готовился к экзаменам. Мы были очень увлечены физикой, задачки всякие щелкали влегкую. Из школьного задачника перерешали все задачи повышенной трудности, потом занялись Зубовым – Шальновым и Дубовой. Учебник Пёрышкина был пройден, приступили к трехтомнику Ландсберга. Казалось, что к экзаменам мы подготовились хорошо. О том, что кому-то из нас придется сдавать и другие предметы, в частности русский язык и литературу, мы не думали.

В те годы была довольно запутанная система зачисления на физфак: отличники могли пройти сразу, сдав физику на пять. Если получаешь четыре, то сдаешь остальные экзамены и выдержишь общий конкурс – около четырех человек на место. Отдельный конкурс был у ребят, пришедших из армии, приехавших поступать из сельских школ и после производства по путевкам.

У меня был многолетний опыт сдачи различных экзаменов в техникуме, поэтому я ничего не боялся. Наступил день поступления – 2 августа. Экзамен принимал у меня Кобушкин Виктор Кириллович², тот самый, что учил физику всю специализированную физико-математическую школу-интернат № 45 при ЛГУ. Получил от него билет. Задачки были знакомые – все решил и получил свою пятерку. Была необыкновенная радость, что я уже на физфаке. Однако не всем из нас так повезло. Олег Домченков тоже сдал на пять, а вот Саша Блейхман, ум-

¹ «Луноход-1» приземлится на Луне в 1970 г. и будет «ползать» по ней в течение года.

² По рассказам сокурсников, учившихся у него в интернате, это был очень талантливый педагог, увлекавший своей энергией и любовью к физике. Кто мог знать в те годы, что у нас наступит эпоха перестройки, в которую ему, кандидату наук, придется покинуть школу, уйти в водители автобуса и умереть от инфаркта на работе.

ница необыкновенный, знавший физику лучше меня, получил двойку. Пришлось ему поступать в ЛЭТИ, но мы на всю жизнь остались друзьями, и он всегда ездил с нашим физфаком на стройки.

Жизнь и учеба на физфаке

Вспоминать о физфаке, придерживаясь только фактов, очень сложно. Сейчас трудно вспомнить в деталях происходившее там сорок лет назад. Дневников я не вел, а факты интересны только тогда, когда их не обязательно придерживаться. Поэтому здесь – факты разрозненные, всплывающие в моей памяти туманными облаками воспоминаний, но неразрывно связанные с физфаком. Знания, полученные там, умение добывать эти знания в любых обстоятельствах, любовь и дружба, возникшие на физфаке, определили всю мою жизнь.

Камера-обскура – голова моя,
В ней туманны мысли облаком витают,
Но, когда в обскуре вдруг ядро взрывают,
В памяти моей факты выплывают
О физфаке НАШЕМ...

Курс у нас был большой, около 350 человек (12 групп по 30 человек в каждой). Меня в деканате назначили старостой 5-й группы, видимо, потому что в моей техникумовской характеристике был указан опыт такой работы. За два года, пока учились в общем потоке, мы успели перезнакомиться друг с другом и сдружиться по интересам, как учебным, так и общественным.

Семинарские занятия и небольшие лекции проходили преимущественно в здании физфака (набережная Макарова, д. 6). Голубой дом старинной постройки, с лепными украшениями и белыми колоннами, парадный вход в который со стороны набережной был заколочен. Мы огибали Институт физиологии им. И.П. Павлова, поворачивали направо во двор и шли по длинной дорожке к дверям факультета. Слева и справа, в клетках, таякали собаки, подопытные Института физиологии¹, с вживленными в мозг электродами и облепленные датчиками.

Лекции по физике и математике всему курсу читались в БФА (Большой физической аудитории НИФИ), во дворе Главного здания Университета. Это была знаменитая аудитория², все в ней было насыщено запахами науки, атмосферой великих физиков, сначала учившихся здесь, а потом читавших в ней лекции. Сверху вниз амфитеатром спускались ряды столов с креслами-скамейками с фривольными, еще дореволюционными, надписями студентов-шутников. А внизу, в центре,

¹ Я еще не знал тогда, что пройдет шесть лет и я тоже буду в подобном институте «издеваться» над бедными животными: вскрывать черепную коробку, устанавливать электроды и исследовать, о чем же они там «думают».

² В этой аудитории внимал лекции Ландау в 1924–1927 гг. В этой же аудитории в мае 1970 г. выступал американский астронавт Нил Армстронг. Он рассказывал о первой высадке человека на Луну и демонстрировал образцы лунного грунта.

стоял большой стол и висели большие подъемные доски. Рисуя на них разные формулы, профессора читали нам лекции.

С первого дня лекции по физике и математике читали нам Никита Алексеевич Толстой и Михаил Федорович Широхов. Потом в наши мозги вкладывали свои знания и душу другие классные ученые и замечательные педагоги: Кватер Григорий Соломонович, Калитиевский Николай Иванович, Петрашень Мария Ивановна и Георгий Иванович, Остроумов Георгий Андреевич.

Только сейчас, прожив много лет и столкнувшись с множеством разных ученых, понимаешь, как высоко было их мастерство. Наши учителя были глыбами той эпохи, были частью одного мощного интеллектуального тела, определявшего лицо факультета, его высокий моральный и научный уровень. Они пытались сделать из нас настоящих ученых, широко образованных, с твердым и ясным мировоззрением, и делали это с большим тактом, чувством юмора и с любовью к своему предмету и к нам. О каждом из них можно сказать много теплых слов...

* * *

Учился я достаточно легко, хотя на первых двух курсах физфака нагрузка была плотная: с утра 6, а иногда 8 часов лекций подряд, вечером – лаборатория и уж совсем поздно – выполнение домашних заданий. И так каждый день. Помогали опыт обучения в техникуме и любовь к спорту. Когда на отлично сдал первую сессию, понял, что теперь выдержу до конца. Впоследствии превратился в хорошиста, занимаясь без особого надрыва.

Жизнь шла самым обыкновенным студенческим ходом. Выборочно посещал лекции. На физику, математику ходил строго, ничего не пропуская и аккуратно конспектируя. Лекциями по общественным наукам (история, философия, политэкономия) манкировал. Писал и переписывал контрольные работы, которые шли не реже чем раз в неделю, а то и по две на неделе, только и успевал, что к ним подготовиться. Сдавал многократные «тысячи» по немецкому языку и конспекты по работам классиков марксизма-ленинизма. Были курсы наук, которые я плохо понимал (квантовая механика и электродинамика, к примеру), но экзамены и зачеты как-то сдавал. Выучил один-два учебника, сдал экзамен и все забыл, ничего в памяти не осталось. Очень нравились лабораторные работы по 1-й физической, старался все делать точно и аккуратно, тщательно вел журнал экспериментов. С любовью составлял отчет по каждой лабораторной работе, записывал его в журнал, который и предъявлял преподавателю¹. Пытался даже заниматься самостоятельно, но времени совершенно не хватало. Еще повезло, что радиотехнические курсы мне зачитывали с техникума, на те же пятерки. Наш деканат хорошо понимал, что Ленинградский физико-механический техникум – отличная школа знаний по радиотехническим дисциплинам².

¹ Журнал с этими отчетами еще долго хранился у меня дома и потерялся только в 1979 г., в процессе переезда из Красного Села в Ленинград, на Будапештскую улицу.

² На 2-м курсе у нас училось всего шесть человек из техникумов, причем четверо из нашего ЛФМТ. Два парня постарше поступили на физфак после армии, Валя Решетняк (он после 1-го курса перевелся к нам из Новосибирска) и я.

Вспоминается любопытный эпизод, связанный со сдачей экзамена по физике на 2-м курсе. Летом 1967 г. мы собирались осваивать новый целинный район – Мохамбетский, что на реке Урал, в 80 километрах от Гурьева. Мы (Володя Андрианов, Леня Левицкий и я) собрались пораньше уехать на стройку «Гурьев-67». Поэтому решили побыстрее отделаться от экзаменов. Договорились с нашим преподавателем физики Хвостенко Геннадием Ивановичем, что будем сдавать ему экзамен досрочно, 25 мая. Геннадий Иванович вел у нас семинар по физике, редкой души был человек, умный, обаятельный, к студентам относился по-человечески, не помню, чтобы он кому-то ставил неуд. Он говорит: «Хорошо, приходите ко мне на кафедру, будете сдавать». Хвостенко был теоретик, которых, как известно, редко на месте работы застанешь. В общем, приходим мы на кафедру к назначенному времени, а его нет. Говорят, наверное, на факультете. Мы – на факультет, там тоже нет. Подождали с часок – нет как нет Хвостенко. Что делать? Зря готовились, что ли? Пошли к секретарю факультета, выпросили домашний адрес Геннадия Ивановича и – к нему домой, куда-то в район Старо-Невского проспекта. Приехали, а жена и говорит: «Нет Геннадия Ивановича, в баню ушел!»¹ Ну, нам отступить некуда. Подождали мы его в сквере у дома. Идет. С легким паром, говорим, а у нас ведь экзамен. Он: «А я совсем забыл, ладно, пошли ко мне». Так мы и сдали экзамен за чашкой кофе, на пять баллов естественно.

Потом разговорились. И вот что он сказал: «Существуют „дикие“ теоретики и „домашние“. «Дикие» – это теоретики типа Эйнштейна, Бора, Ландау, которые берутся почти за любую проблему, возникающую в физике, решают ее и идут дальше. «Домашние» – это теоретики узкой специализации, помогающие экспериментаторам точно обчислить тот или иной результат опыта. «Диких» теоретиков очень мало, для этого надо обладать талантом, энциклопедической памятью, данными от Бога. Большинство же теоретиков – „домашние“». При этом Геннадий Иванович признался, что он теоретик «домашний». Я же понял из этого, что гораздо лучше сдавать экзамены досрочно, чем вместе со всеми, а тем более после всех.

После 2-го курса началось распределение по кафедрам, мы подбирали специальность по душе и по возможностям попасть на нее, т. к. на некоторые кафедры был конкурс. Меня, уже с поступления на факультет, влекла не чистая физика, а желание понять, что есть память человеческая и как ее исследовать точными физическими методами. На факультете была недавно созданная академиком А.Н. Терениным кафедра молекулярной биофизики. Естественно, что я направил свои стопы туда. Начались спецкурсы: «Молекулярная биофизика» и «Генетика», «Биохимия» и «Радиобиология». Хорошо помню Татьяну Максимовну Бирштейн, она читала «Физику макромолекул», замечательная, милая, миниатюрная женщина, влюбленная в свою науку, теоретик от Бога; Воробьев Владимир Иосифович преподавал «Биохимию», в очках, в плаще и беретке, с пузатым портфельчиком

---

¹ Вот тут и решилась судьба двоих из нас, Володи Андрианова и Лени Левицкого. Хороша у теоретиков жизнь, подумали они: хочешь – работай, хочешь – в баню иди, и решили податься в теоретики. Я устоял от такого соблазна, т. к. уже выбрал себе специализацию «биофизика».

и с папироской в зубах; Костя Туроверов¹, строгий молодой преподаватель, недавно защитивший кандидатскую, вел у нас семинары, добиваясь, чтобы мы понимали каждое его слово и мысль. Конечно, лидером биофизического направления был Михаил Владимирович Волькенштейн, блестящий эрудит и основатель советской молекулярной биологии. Его книга «Молекулы и жизнь», вышедшая в 1965 г., была протудирована мной насквозь.

Учеба, постижение нового нас очень увлекали, но жизнь брала свое, и были девушки, спорт, отдых. Свободное время мы проводили в разговорах по душам (иногда с выпивкой). До физфака, в техникуме, я интенсивно занимался спортом, регулярно тренировался на лыжах² и в беге. На факультете можно было выбирать спортивное направление. Я выбрал гимнастику, а не беговые лыжи. Соображение было простое: для занятий лыжами надо было ездить в Кавголово на тренировки, а времени у меня не хватало даже на семинары и лабораторные. Гимнастика была проще, занятия тут же в зале, на кафедре физкультуры, во дворе Университета³. Но для получения зачета по физкультуре надо было выполнить нормативы 3-го разряда, что я успешно и сделал весной 1967 г. На 3-м курсе обязательной физкультуры не было, но многие из нас выбирали различные секции, я выбрал самбо.

Мы были молодые, поэтому спортом занимались, можно сказать, в любую свободную минуту. Часто в обеденный перерыв между лекциями во внутреннем дворике физфака, под лай павловских собак, мы устраивали игры в футбол маленьким теннисным мячиком, который всегда у кого-то находился в кармане. Воротами служили наши студенческие портфели, иногда куртки. Игры всегда были очень азартные, заводные, иногда доходившие до нелицеприятных разборок. Футбольными заводилами были Слава Флисюк, Сережа Челкак, Борис Задохин, прекрасно игравшие в футбол: на уровне разрядников. После таких получасовых игр мы, потные, в пух и прах разругавшиеся друг с другом, возвращались на лекции-семинары. Эта спортивная ругань, однако, не мешала нам всем остаться тесными друзьями по жизни даже до сегодняшнего времени.

Еще одним азартным увлечением были игры «Боб-Доб» и «Коробок». Играли в перерывах между занятиями в комнатке на первом этаже, что войдешь и сразу направо, в так называемой комсомольской курилке. Многие из нас уже курили⁴ (в основном «Беломор»), и в этой комнате дым стоял – топор можно было вешать.

Игра «Боб-Доб». За стол с двух противоположных сторон садятся команды, по три человека в каждой. Жребием выбирается начинающая команда, капитан которой зажимает в руке медный пятак. Пять оставшихся ладошек игроков команды

---

¹ В январе 1971 г. Константин Константинович Туроверов был оппонентом на моей дипломной работе «Исследование тушения триптафанильных белков люминесцентными ионами».

² По беговым лыжам имел к моменту поступления на физфак 1-й взрослый разряд, хотя после каждого ответственного старта ноги сводило судорогой, в течение часа приходилось разминать мышцы и откашливаться.

³ В том самом здании, из которого А.С. Попов выпустил в 1905 г. в эфир первую радиопередачу.

⁴ Я в то время не курил, но начал после окончания факультета, в 1971 г., от неразделенных любовных страстей.

тесно собраны вместе под столом. Капитан противоположной команды размеренно говорит: «Боб». Второй капитан отвечает: «Доб» – и стучит открытым пятак по столу. Так повторяется несколько раз, пока капитан противоположной команды не скажет: «Руки на стол!» За мгновение (1-2 секунды, не более) капитан играющей команды прячет пятак в одну из ладошек своих партнеров, и они выбрасывают, с диким ором, стуком, прихлопываниями и всякими другими выкрутасами, свои ладони на стол, тыльной стороной наружу, с запрятанным в одной из них пятакком. Задача водящей команды – угадать с трех попыток, под какой ладошкой находится пятак. Если угадали, то пятак переходит к ним и игра продолжается в обратную сторону. И так до трех побед одной из команд. Столов в комсомольской курилке было три, и все были заняты играющими командами. Жаждающих поиграть было больше, и устанавливалась очередь на место проигравшей команды. Со временем установились сложившиеся команды-тройки, уверенно державшие первенство в игре. Любопытно, что научил нас играть в «Боб-Доб» Даниил Петрович Коузов, наш любимый Даня, интереснейший преподаватель математики, проводивший в нашей группе семинары.

Игра «Коробок». Берется наполненный спичками коробок и кладется тыльной стороной (что без наклейки) на край стола так, чтобы часть коробка свешивалась. Щелчком большого пальца коробок подбрасывается и падает на одну из своих граней. В зависимости от того, на какую грань приземляется коробок, начисляются очки. На плоскость с наклейкой – 1 очко, на тыльную плоскость – 3 очка, на боковую грань с серой – 50 очков, встает вертикально – 100 очков. Играют двое, по очереди подбрасывая коробок. Задача – точно набрать заданное число очков, скажем 301. Выигрывает тот, кто наберет первым. Эта игра была поспокойнее, без такого ора и возбуждения, как «Боб-Доб», но требовала определенной гибкости пальцев и ловкости рук, чтобы заставить коробок встать вертикально или на боковую грань. Наверное, были и другие игры, но запомнились эти две и футбол. Как ни странно, но игра в карты, в преферанс, меня не коснулась, и я не помню, чтобы кто-то у нас на курсе этим увлекался.

Общественно-комсомольская жизнь на факультете

В бытность нашу на физфаке было одно, можно сказать, политическое событие. Это событие связано с тем, как газета «Смена» боролась с демократией комсомольской организации нашего факультета в 1969–1970 гг.

Основными идеологами демократических лозунгов на физфаке в 1965–1969 гг. были Хаким Шукуров и Виктор Клейменов. Они по-своему интерпретировали ленинский лозунг о том, что молодежь должна «учиться коммунизму», что значило: учиться «производительно трудиться» и «учиться осуществлять советскую власть». С первой частью – все просто, и за это никто не цеплялся. А вот тезис «учиться осуществлять советскую власть» они, особенно Хаким Шукуров, подробно разворачивали в русле демократических принципов самоуправления. (Хаким Шукуров по национальности был таджик, горячий, эмоциональный и энергичный. Вся его энергия выплескивалась в постоянные политические

дискуссии против извращения марксизма и возвращения к его истокам. Однако в ту пору наше студенческое свободомыслие было подавляюще красным: «Сталин – плохо, Ленин – хорошо. Выучимся, вырастем и всё поправим». Какие же наивные мы были, как же глубоко мы заблуждались – это понимаешь только сейчас, с годами и опытом.) На факультете были созданы студенческие академсоветы, которые имели право давать студентам отсрочку от экзаменов по уважительной причине, а также выдавали разрешение на досрочную сдачу и пересдачу экзаменов. На нашем курсе академсоветом командовал Слава Кулаков.

Хаким Шукуров размещал свои статьи в физфаковской газете («Физик», или «Голос», – в разное время она по-разному называлась), которая вывешивалась вдоль лестницы, ведущей с первого на второй этаж, а также проводил агитационную работу в общежитии. К сожалению, детали его логических размышлений я уже подзабыл. Но результаты его агитаций серьезно повлияли на работу студсовета общежития. В общежитии появилась стенгазета «Резонанс», основная цель которой – создать необходимую обратную связь между студсоветом и коллективом общежития, избравшим его. Декларировалась гласность в работе студсовета и контроль снизу. Без этого студсовет не может являться органом советским, демократическим. Гласность должна быть непрерывной, подробной, не безликой – общежитие должно знать, чем и как занимаются члены студсовета. В результате *и на физфаке, и в общежитии витал и властвовал дух самоуправления.*

Вот эти-то призывы к осуществлению советской власти и самоуправлению и вызвали резкую реакцию А. Ежелева и газеты «Смена». В конце декабря 1968 г. в этой газете вышла статья корреспондента А. Ежелева «Продолжение разговора». Хотя в статье шла речь о результатах 37-й комсомольской конференции ЛГУ, весь свой критический удар автор нанес по физфаку и его комсомольской организации. Ежелев обвинял комсомольскую организацию физфака и ее лидеров в «сознательном извращении смысла современных исторических процессов, в „осовременении“ и „уточнении“ целей комсомола, в собственном толковании таких понятий, как демократия и добровольность, в демагогии».

Мы понимали «демократию» и «добровольность» как *свободу личности* во всем: в своих политических взглядах и высказываниях, в желании работать в стройотрядах, быть в комсомоле или вне него. Характерный пример. Один из наших студентов, Толя Барзах, в связи с событиями в Чехословакии в 1968 г. подал заявление о выходе из комсомола, потому что не согласен с действиями СССР по подавлению Пражской весны. Комсомольская группа и бюро ВЛКСМ физфака рассматривали это заявление как свободное волеизъявление Анатолия Барзаха, как свободу его личности и просто вывели его из комсомола, без последствий и оргвыводов. (В связи с этим вспоминается, что наш деканат, наши профессора и молодые преподаватели поддерживали нас и наше свободомыслие. Через несколько месяцев Василеостровскому райкому КПСС становится известно, что этот отщепенец, который должен был пробкой вылететь из университета, все еще учится! Разразилась буря, и ничего. Наш деканат (А.М. Шухтин, В.И. Вальков, Н.И. Успенский) отстоял своего студента, ему позволили окончить физический

факультет. Сейчас Анатолий не только кандидат физико-математических наук, но и известный питерский литературовед и критик.)

Ежелев же и здесь обвинил комсомольскую организацию в «нарушении принципов демократического централизма, в аполитичности». Такая массированная атака на комсомол вынудила партбюро физфака собрать партсобрание с повесткой «Руководство партийной организацией комсомолом физфака». Собрание проходило в БФА, которая была битком забита студентами и преподавателями. В течение всего дня проходила жаркая, эмоциональная дискуссия о партийных и комсомольских принципах жизни, о добровольности в стройотрядах, о самоуправлении. Результатом всей этой дискуссии стало внеочередное переизбрание бюро ВЛКСМ физфака, прежний секретарь Виктор Сергеев был заменен новым – Александром Яхниным. Казалось бы, это можно было трактовать как разгром комсомольской организации физфака ЛГУ, тщательно подготовленный газетой «Смена», как победу Ежелева и его газеты. Однако в действительности это было совсем не так. Дух свободомыслия продолжал жить и властвовать в наших умах, и Александр Яхнин был таким же свобододолюбивым физфаковцем, как и мы все¹.

Но хрущевская оттепель постепенно отступала, и неотвратимо наступала эпоха брежневского застоя и безразличия ко всему и вся. С этим я столкнулся позже, когда начал работать. Но способность отстаивать свободу личности и высказывать свое мнение я приобрел там, на нашем факультете, и с этим не расстанусь никогда. С этим, наверное, и умру.

Наши стройки

Общественная жизнь на физфаке была ключом, но, как мне кажется, в центре ее были летние студенческие стройки. Они давали нам возможность провести летние каникулы в своей студенческой компании и немного подзаработать на жизнь.

О первых двух моих стройках, «Гурьев-67» и «Хабаровск-68», писать не буду, т. к. знаю, что о них вспоминает Дяконя (Таня Филиппова), а лучше Дякони не напишешь. Поэтому только небольшие иллюстрации.

«Гурьев-67». В этом отряде сложился костяк всех следующих наших отрядов, и из него вышли основатели будущего отряда «Надежда», который «прошерстит» в будущем всё Коми в 1971–1978 гг.

---

¹ С личных слов Саши Яхнина известно, что у него до сих пор хранится то самое легендарное рукописное заявление студента его курса Анатолия Барзаха о выходе из комсомола.

Коровник, который мы построили из самана в голой степи под палящим солнцем

«Хабаровск-68». Здесь, в поселке Березовый, мы построили клуб и фундамент бани для будущих строителей Байкало-Амурской магистрали. В Комсомольске-на-Амуре сотрудники районной газеты, удивленные, что к ним в глушь на строительство прислали не зэков, а студентов из Ленинграда, поместили об этом заметку.

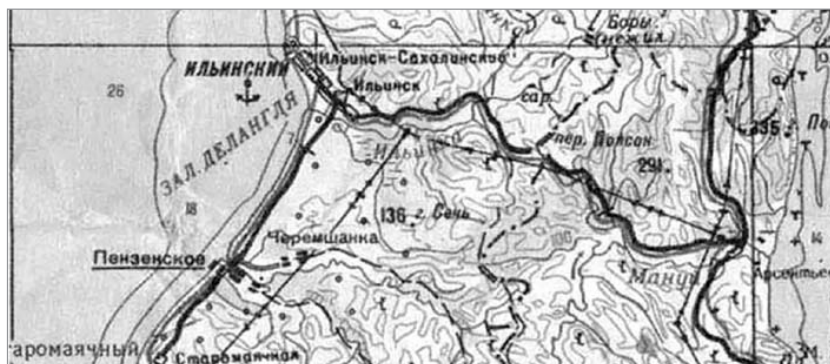
ЛЕНИНГРАДЦЫ В АМГУНЬСКОЙ ТАЙГЕ

Студенческий отряд Ленинградского государственного университета прибыл на строительство нового рабочего поселка Амгуньского леспромхоза. Отряд в составе 50 человек, который возглавляет Владимир Адриянов, пополнит коллектив Средне-Амгуньского строительного участка. Молодежь, приехавшая в дальневосточную тайгу с берегов Невы, возведет клуб на 200 мест и типовую кирпичную баню.
(КрайТАСС).

«Сахалин-69». Командиром большого отряда был Саша Молоканов. По восточному и западному берегам Сахалина проходила железная дорога. На севере были нефтяные промыслы, на юге – столица, Южно-Сахалинск. В поселке Ильинский – порт, куда с материка приходили грузы. Чтобы доставить их к нефтяным вышкам, приходилось объезжать весь остров – сначала на юг, а затем с юга на север. Поэтому было принято решение построить железнодорожную перемычку в самом узком месте острова, между Ильинским и Арсентьевкой. Вот этим и занимался наш отряд – строил железную дорогу Ильинский – Арсентьевка.

Одна бригада – «Трубы» – под командованием Славы Кузнецова укрепляла насыпь и прокладывала трубы под ней. Другая – «Транспортники» (командир Яша Прокопенко) – укладывала рельсы. Оба лагеря связывала 25-километровая грунтовая дорога, которая в дожди становилась совершенно непроходимой. Переезд через перевал становился рискованным, т. к. можно было легко сползти в кювет и перевернуться. Дожди шли регулярно, поэтому у «Труб» была частая

нехватка материалов. Отряд взял дополнительные работы – установить ЛЭП на 6 кВ вдоль насыпи. А для столбов ЛЭП нужны железобетонные подпорки – «пасынки», которых не было. Тогда Молоканов и Слава Кулаков, комиссар отряда «Трубы», решили направить меня с бригадой в Южно-Сахалинск, на завод «Стройдеталь», чтобы мы ускорили изготовление «пасынков». Я понятия не имел, как делаются эти «пасынки», но согласился. В отряде «Трубы» предполагался длительный простой, а я по наивности думал, что с «пасынками» мы справимся за неделю и вернемся в отряд.

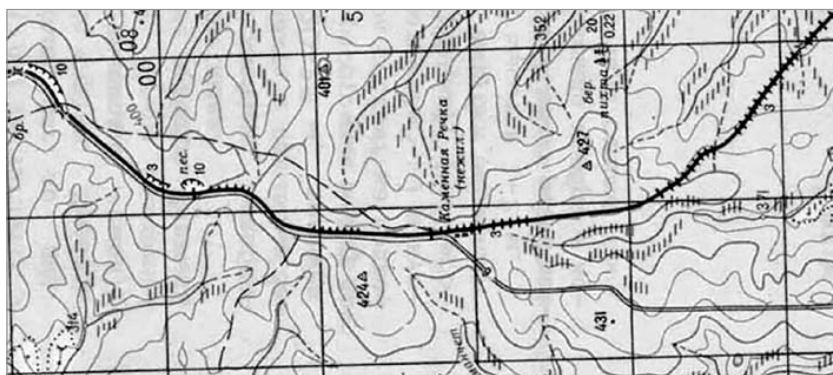

Действительность оказалась намного сложнее. На заводе никто и не слышал о «пасынках». Чертежей нет, опалубки к ним нет, стали для них тоже нет. Нас устроили в две местные бригады: арматурщиков, которые связывают арматурную сталь в нужные конструкции, и бетонщиков, которые заливают в опалубках бетоном эти конструкции и выдают готовые изделия. Ребята работали, у меня же, как у бригадира, была сверхзадача – сделать «пасынки». Пришлось нахально ходить во все инстанции: к директору завода, к директору треста «Сахалинморстрой» – и выбивать все необходимое. Директора были удивлены моей настырностью, но никто никогда меня не выгонял – все понимали, что я болею за свое дело. У них же были свои проблемы: сталь завозилась с материка, а нужный нам диаметр (18 мм) в тресте отсутствовал, пришлось занимать у соседей в Аниве. Когда все достали, выяснилось, что нет такой мелочи, как кусачки для вязки проволоки. Пошел в магазин и купил кусачки. Главный инженер завода в изумлении принес нам личные деньги за кусачки и сказал с грустью: «Мне бы таких работников». В середине июля начали вязать и заливать «пасынки», за неделю изготовили 200 штук, и сталь кончилась (отряду надо было 450 «пасынков»). Снова – в трест, снова – выбивать. К концу июля привезли нашу сталь с материка, но нам всем стало уже понятно, что мы здесь остаемся до конца стройки, т. к. в отряде «Трубы» работы самим не хватало.

Так я со своей бригадой (Володя Ефимов, Коля Белугин, Саша Блейхман, Коля Васильев, Сережа Варфаламеев, Сережа Буданов, Саша Баранец, Саша Греченко, Леша Александров) и проработал все лето 1969 г. на заводе «Стройдеталь». Мы втянулись в производственный процесс, за что 25 августа приказом по лич-

ному составу завода нам был присвоен 3-й разряд арматурщиков и бетонщиков; к тому же мы неплохо заработали на заводе. Но осталась какая-то горечь от того, что были в отрыве от отряда, что командование не часто нас вспоминало – у них были свои труднорешаемые проблемы.

«Красноярск-71». Это был сводный отряд физфака ЛГУ и МФТИ. В апреле 1971 г. на Дне физика присутствовали гости из МФТИ. Мы с ними разговорились и решили устроить объединенную стройку. Так был организован этот отряд. Инициатором всего этого был Слава Флисюк с нашего курса. Он и стал командиром отряда. Со стороны МФТИ организатором был Володя Готлиб, который стал одним из комиссаров отряда. Так как наших было примерно в два раза больше, то вторым комиссаром отряда стал Сережа Челкак. Отряд работал на перегоне Чунояр – Богучаны в Красноярской области. Мы расположились в палатках большим лагерем в районе перегона Каменная Речка.

Вокруг стояла тайга, вправо и влево тянулась бесконечная кривая нитка железнодорожного полотна. Нам предстояло сделать вторую подъемку и выровнять нитку железной дороги для будущих строителей Богучанской ГЭС. Дорогу мы построили, а Богучанскую ГЭС до сих пор достроить не могут.

Самыми запомнившимися моментами этой стройки были жуткие комары и тяжелый физический труд, выматывавший все мои силы. Комары стояли стеной, они лезли всюду: в глаза, уши, нос. Убивать их было бесполезно: тут же впивались новые; не спасали никакие репелленты. В первые дни работали в накомарниках, но в них было душно – пришлось привыкать к комарам.

Мы с Валерой Пачиным были маленькими, но жилистыми, поэтому работали в бригаде Володи Паутова домкратчиками. Работа состояла в следующем. Сначала выставляли домкраты впереди бригады. По орлиному глазу Володи Ефимова, который вывешивал нитку, поднимали домкратами рельсы с двух сторон на нужный уровень и сразу же бежали в конец бригады, которая растягивалась в процессе работы метров на 25. Сзади бригады снимали освободившиеся домкраты и бежали с ними вперед, там снова их выставляли. И так весь десятичасовой рабочий день. За смену бригада проходила в среднем 300 метров пути, мы же

с Валерой набегали взад-вперед по 5-6 километров с тяжелыми домкратами (2 штуки по 18 килограммов) в руках. К вечеру руки отваливались от усталости, ныла спина, а с утра снова на смену. Такой тяжелой работы у меня больше никогда не было. Впрочем, у тех, кто работал со шпалоподбойками, работа тоже была не сахар, по утрам пальцы самостоятельно не разгибались, и приходилось их насильно отщелкивать в суставах друг от друга.

За день отряд силами трех бригад проходил 800-900 метров. К концу стройки набралось 45 километров поднятого выровненного и отрихтованного гладкого пути, по которому можно было ехать со скоростью 80 км/ч.

Несмотря на тяжелую физическую работу, дух к состязаниям у нас был чрезвычайно велик. Ежедневно каждая бригада стремилась пройти путь больше другой, и все пунктуально считали метры и ревниво следили за этим. А в День строителя было устроено невероятное соревнование трех наших бригад. Местное железнодорожное начальство, оценив наш профессионализм и скорость работы, попросило выровнять им стрелочный разъезд на станции Чунояр. И вот в воскресенье, 8 августа, вместо выходного нас привезли в Чунояр. Три бригады (Толи Петрунина, Володи Паутова, Сережи Челкака) выстроились на трех параллельных путях, и по сигналу Флисюка началась потрясающая гонка на шпалоподбойках, ломах и лопатах, с домкратами в руках с целью выявить, кто быстрее поднимет и выровняет 300 метров стрелочного пути. Победила бригада Володи Паутова.

Мы любили эти стройки: они закаляли и формировали наш характер. Сейчас думается, зачем было нужно такое самопожертвование, зачем надо было выламываться от усталости? Но тогда мы не думали об этом, каждый хотел самоопределиться, проявить себя в лучших качествах. Дух состязательности был высок, и мы полностью отдавались работе на этих стройках. Уезжая из Красноярска, мы с воодушевлением пели «Гимн транспортников», сочиненный Володей Забелиным (Шкипером), под его же аккомпанемент:

Дорога, дорога,
Для нас ты вместо бога,
Тебе отдаем мы себя.
Мы трупами ляжем,
Но в августе скажем:
Готова дорога – Земля!

И ни при чем здесь коммунистическая пропаганда, как некоторые могут сказать сейчас. Это были мы! Мы сделали это! И мы были довольны собой и своим самоутверждением в этой жизни. Таков был дух нашего поколения – физфаковцев шестидесятых годов. Дружбу тех лет мы пронесли через всю нашу жизнь.

Может, эти воспоминания никому и не нужны, кроме того, кто их пишет, но это наше прошлое. Нельзя, чтобы не было прошлого, ведь без него нет настоящего и будущего. Поэтому, пока жива память, хочется передать эти воспоминания потомкам как мгновения прошлого, из которого мы все проросли.

По стихам, как по камушкам, вброд через реку Забвенья

В.Ю. Горелов (студент 1965–1971 гг.)

Жена моя говорит, что писать мемуары мне еще рано. Слышать от нее такое мне лестно, но отказать себе в удовольствии принять участие в этом проекте выше моих сил.

Несильно надеясь на свою память и сознавая, что дневников никаких не вел, я все же имею точки опоры для воспоминаний. Это – мои стихи.

Конечно же, речь должна идти о годах студенчества. Однако наш нынешний взгляд на них, со стороны будущего, не может быть объективным. Это как видеть одним глазом. Но можно попытаться взглянуть на все и из времени предшествующего, погрузившись в него...

Родился я в Сиверском. Это станция железной дороги, дачный поселок на реке Оредеж в 67 километрах к югу от Ленинграда. Поездки с родителями в Ленинград, где у нас были родственники, у которых всегда можно было переночевать, в детстве любил чрезвычайно! Не раз ходили с папой на футбол на стадион им. С.М. Кирова. Вот это было ДА! Хотя «Зенит» выигрывал далеко не всегда.

В Сиверском, рядом с вокзалом, паровозы разворачивали на специальном устройстве, похожем на карусель, и прицепляли к составу с нужной стороны. Неудивительно, что первое мое стихотворение, написанное лет в восемь, посвящено Ленинграду:

Ты город мой, ты милый мой, давай дружить с тобой!
Давай-ка вспомним, как в семнадцатом году мы Зимний брали!
И как под градом пуль свинцовых мы Керенского побеждали!
И как в Гражданскую войну окопы вырывали!
Пришлось нам много испытать, но победили мы опять!

Вскоре папу моего, преподавателя истории, назначили директором средней школы на станции Мшинская. Это по той же железной дороге, как раз посередине между Сиверским и Лугой. Дали служебную жилплощадь – финский домик. Стены – из двух рядов досок, между которыми засыпаны опилки. Вероятно, опилки к тому времени усохли и просели, но с дровами у нас проблем не было. Зимой по вечерам круглая железная печка жарко протапливалась. Однако утром, прежде чем встать с постели, первым делом приходилось греть одежду под одеялом –

ледяная была. Последующие зимы были уже не такие жестокие. Летом верхние доски отодрали и пустоты в стенах заполнили новыми опилками.

День рождения у меня 7 сентября. Родители, пожалев ребенка, оставили меня еще на год в детском саду. Читать-то я научился гораздо раньше, по деревянным кубикам. Кажется, они были любимыми моими игрушками. Мама преподавала в школе физику и математику. Случалось, родители уходили вечером на педагогический совет и мы сестренкой оставались дома одни. Я, естественно, за старшего. Какое это было счастье, когда родители возвращались!

В первый класс я пошел в Мшинскую среднюю школу. Во втором нас уже принимали в пионеры. С середины второго класса я стал снова жить в Сиверском, с дедушкой и дядей Юрой. Дядя Юра – младший брат мамы, служил на Дальнем Востоке, но заболел диабетом, был демобилизован и имел вторую группу инвалидности. Всю оставшуюся жизнь, два раза в день, он сам себе делал уколы...

Не могу не вспомнить с огромной благодарностью свою учительницу в третьем классе. Если не ошибаюсь, имя ее Анна Семеновна. Это был учитель от Бога, как сказали бы сейчас. Она уходила в другое здание на педагогический совет, а меня оставляла проводить урок! И я сидел на месте учителя, вызывал к доске одноклассников, которые рассказывали заданное на дом стихотворение, ставил отметки в журнал. Так повторялось два или три раза, пока ребята как-то не поймали меня на том, что я и сам не выучил заданное.

После третьего класса меня перевели сразу в пятый. Папа-то – директор, кто запретит? Помню, как, прочитав в «Занимательной физике» Перельмана об опытах по статическому электричеству, я накладывал на горячую печь газету, натирал ее щеткой и показывал домашним, держа газету над головой, как у меня встают дыбом волосы.

Ездить в Сиверский на поезде мне уже доверяли одному.

Мерный стук колес.
Дорогу продолжая,
Несется тепловоз,
Железо подминая.
Друг друга обгоняя,
Назад уходят в даль
Деревья и сараи,
И город, и трамвай.

Столбы не верстовые,
Как было в той России,
Которая была.
Над реками и пашнями
Тянутся провода.

В жизнь входит электричество,
Его употребляем

И в кораблях космических –
Везде, где пожелаем!

Пройдет лет двадцать-тридцать...
Представьте только: птицы
По воздуху летят,
Простые наши птицы –
Скворцы, грачи, синицы.
И те же будут елки
На Новый год стоять.
Все будет будто то же,
Но все же не похоже
На нынешние годы:
Настанет коммунизм!

И люди, люди новые!
Хоть те же имена,
Но добрые и честные!
Веселые и честные!
Чудесная страна!

Пройдет лет двадцать-тридцать...
А вдруг – и не пройдет?
И на Москву-столицу
Взирает весь народ.

Фашисты недобитые
На Западе опять...
«Народы, будьте бдительны!» –
Мне хочется сказать.

Помню, был такой деятель Даг Хамаршельд, и в центральной газете имя его обыгрывалось чтением справа налево...

Летом 1961 года папа достал мне путевку в подростковый палаточный лагерь на реке Сестре. Ходили в походы пешие и однажды даже на велосипедах. Четверо суток по всему Карельскому перешейку! Нас обучали всем туристическим премудростям. Большинство ребят были из Ленинграда, и я, закаленный условиями сельской местности, был в числе лучших. А какая прозрачная вода была в озере Глубокое! Видимость – метров на десять, и голубое дно! Тогда как раз проходила денежная реформа. «Будете копейку поднимать!» – обосновывал ее Никита Сергеевич.

Отправляя меня в турлагерь, мама дала с собой двадцать новеньких пятаков, пятикопеечных монет то есть. Ох, и красивые были! А к концу смены я получил от мамы запрятанную внутри письма целую трешку! Позже к нашему лагерю до-

бавили большую палатку с детдомовскими ребятами. Они пели хором революционные песни. А в одно из воскресений, когда был родительский день и поварами стали чьи-то мамы, которые приготовили исключительно вкусное картофельное пюре, добавив в него куриные желтки, детдомовские отличились. Они так выливали свои тарелки, что при раздаче добавки казалось, что у них в руках чистая посуда.

В седьмой класс я снова пошел в сиверскую школу. Очевидно, под влиянием разговоров взрослых, писались стихи не только о природе. Помню, как выхожу однажды из комнаты на кухню, где папа с дядей Юрой курят, и читаю им свое новое, только что написанное:

Был хамельон слугой народа,
А стал народ его слугой.
За горло схвачена свобода
От жира вянущей рукой.

Что он ни скажет – гениально!
Что ни напишет, то – закон!
Все за. Кто против?
Ну буквально за девять лет
Стал богом он.

Опять культ личности в зените,
Всё, как и десять лет назад.
Отличие в том, что по орбите
Средствá народные летят.

Это, конечно же, 1962 год. Последняя строчка, правда, у меня была сначала другой: «Народные деньги летят», но папа сразу подсказал, как сделать лучше. Конечно же, я понимал, что такое стихотворение чужим показывать нельзя...

Летом 1963-го довольно легко прошел собеседование для поступления в ФМШ – интернат № 45. Должен признаться, что почти два года, проведенные в этом учебном заведении, пожалуй, самые интересные в моей жизни. Оказаться в среде тебе равных и тебя превосходящих – вот подарок Судьбы! Вновь, как со мною уже однажды случилось, пришлось за один год усваивать материал двух классов, десятого и одиннадцатого. Еще в девятом классе наш учитель физики Наиль Идрисович Бурангулов сказал, что в продажу поступил американский учебник физики Эллиотта и Уилкокса. Во время проработки этой книги в физику я и влюбился, окончательно и бесповоротно. А как изумительно читал нам, десятиклассникам, лекции в фойе интерната Виталий Рейнгольдович Саулит!

Физику на вступительных экзаменах сдавал весело. Дело в том, что нас, учеников 45-го интерната, решивших поступать на физфак ЛГУ, летом слегка поднатаскали: решали с нами задачки. И вот мне на экзамене одна из этих задачек как раз и попалась.

– Ну-у, эту задачу я знаю! – мгновенно реагирую я. Реагировать-то реагирую, да вот решения-то и не знаю. Не понял тогда, летом, когда нам рассказывали, да и длинное решение было очень.

– Ах, знаете? Ну, тогда вот эту! – И экзаменатор дает мне другую задачу, снова знакомую и с решением мне прекрасно известным.

– И эту знаю, – снова говорю я.

– Нет-нет! Вы уж, пожалуйста, покажите решение! – говорит экзаменатор.

Понятно, что за экзамен тот я получил пять.

В комнате общежития на проспекте Добролюбова... Кстати. Как это я до сих пор еще не похвастался?

Когда мне было лет шесть, папа однажды вечером подсел ко мне и рассказал, что мы с ним – родственники Н.А. Добролюбова! Бабушка папы, мама его мамы, была не то племянницей, не то двоюродной сестренкой этого знаменитого человека. Жила бабушка в Москве, но, когда к ней в 1948 году пришли корреспонденты, она уже была очень старенькая и ничего не смогла им рассказать. Вот такое семейное предание...

Так вот, на первом семестре в комнате общежития жило нас десять человек. Железные панцирные кровати в двухъярусном исполнении. Малопригодные для занятий условия. А если учесть, что почти все, что в первый семестр преподавалось, мы в интернате уже проходили, – ну как же тут не залениться?

В то время я над зрением моим уже второй год колдовали врачи – знаменитая чета Утехиных в глазном центре на Моховой. Не то чтобы зрение мое было очень уж некудышным, но они пытались близорукость мою вылечить! А для этого требовалось постоянно носить очки. Иногда мне закапывали в глаза атропин, зрачки на целый день теряли способность сужаться, и ходить по улицам даже в пасмурную погоду было нестерпимо ярко. А вот смотреть новый фильм в кинотеатре «Великан» очень даже хорошо! И тогда днем вместо лекций я шел смотреть «Щит и Меч», «Шербургские зонтики», «Обыкновенный фашизм», «Капитаны песчаных карьеров», «Кто меня одолеет?», «Не крадите моего ребенка», «Мулен Руж»...

В. Горелов (1965)

«Мулен Руж» – это больше, чем фильм,

«Мулен Руж» – это песня,

«Мулен Руж» – это тайна...

Как она говорила: «Ту-лу-у-уз!»

Как она шевелилась!

Эта женщ-щ-ина, эта девиц-ц-а!

Он дрожал, не владея собой!

Он растаял, как снег под лучами...

А она все искрилась!

А она – шевелилась!
А она – не смолкала:
– У тебя есть ванна?!
Позволь!
Умоляю!
В ванне я же не мылась!
То есть мылась, конечно,
И не раз,
Но не в ВАННЕ!..

А потом убежала,
Ночевать не пришла.
И большую купюру, что он ей подарил,
Забрала и исчезла
До другого утра...
– Где была?!
Отвечай!
ГДЕ БЫЛА?!
Граф-калека во гневе!
Он ведь ею владел!
Он ведь думал, что ею владел...

Сейчас тоже показывают фильм с таким названием. Уверяю вас, это совсем ДРУГОЙ фильм... По всей вероятности, в советские времена иностранные фильмы прежде, чем попасть на экраны, проходили отбор, и зрителям показывали действительно лучшие. Об американском кинематографе, например, я был тогда гораздо лучшего мнения.

Конечно, далеко не все лекции я прогуливал. С огромной теплотой вспоминаю Никиту Алексеевича Толстого и его курс общей физики. Спустя шестнадцать лет увидел его автограф в домике мастера Киста в голландском городишке Зандам. У этого Киста в свое время обучался кораблестроению славный наш император Петр Первый. Экскурсовод показала нам чулан, где, свернувшись по совету тогдашних врачей в позу «эмбриона во чреве матери», инкогнито спал наш император, и панно из черного стекла на стене, где ни в коем случае нельзя было расписываться! Однако нацарапано было множество подписей знаменитых посетителей, в том числе и нашего Никиты Алексеевича.

Никогда не просыпал я и лекции по философии доцента Холостовой, хотя они и были преимущественно первой парой – в 8:45. На третьем курсе лекции по радиофизике читал нам профессор Остроумов. Читал в Большой физической аудитории. Читал хорошо, всему курсу сразу, но строгостей с учетом присутствующих не вел. В результате к концу курса на лекции присутствовало всего десятка три студентов. На экзамене я к нему и попал. Профессор взглянул на вопросы в моем билете, на секунду задумался и спросил:

– А кто вам читал лекции?

– Вы, – ответил я.

Профессор взял мою зачетку и поставил отлично. Экзамен проходил второго января. Может этот факт что-то объяснить? Вообще-то пятёрками в Университете я избалован не был...

Хотя я жил в общежитии, причислять себя к иногородним я бы не стал – каждые выходные ездил домой к родителям. Стипендия моя была, кажется, 35 рублей. Думаю, что я целиком отдавал ее маме. Я так неуверенно об этом говорю, потому что помню точно, что мама всегда выдавала мне на неделю 15 рублей, причем делала это тет-а-тет. Так что, возможно, папа в эти дела и не вмешивался. Однажды я целый семестр не получал стипендию из-за хвостов и чувствовал себя очень неловко, получая деньги от мамы. Так что денег на питание мне всегда хватало. В соседнем университетском общежитии (№ 1, кажется), где проживали в основном иностранцы, на первом этаже была весьма приличная столовая. Часто брал сметану с сахаром (стакан – 34 копейки) и черный хлеб – вкусно! Комплексные обеды там были, кажется, даже на выбор: подешевле и подороже. Иногда мы ходили обедать в рабочую заводскую столовую на улице Блохина.

Мама с папой тогда увлеклись лыжными прогулками в сиверском лесу. И я бегал с ними по лыжне взад-вперед – не ползать же так тихо, как они!

«Серые, странные, самые разные
Краски деревьев в белом снегу!
Я вам не стану, не стану рассказывать
Все, что увидел я в зимнем лесу!
Серое зимнее небо,
Мелкий, порошистый снег,
Вы не давайте мне хлеба –
Дайте мне сделать пробег!
На лыжах!
Это же чудо такое,
Какое вы вряд ли видали в вашем кино!
Ели, березоньки, стройные-стройные,
Снегом окутаны, ждут вас давно!...» – напевал на ходу я.

Кстати, хотя более десятка стихов в голове моей звучат как песни (или как песенки), не имея музыкального образования, я еще ни разу не сумел донести их до слушателей.

О двух своих товарищах по общежитию хотел бы вспомнить особо. Это москвич Юра Храпов и украинец Эдик Кущенко. С Юрой нас объединяла любовь к игре в футбол. Случалось, что мы выходили на Петропавловку играть один на один, если никого больше уговорить не удавалось. Играли позже и комната на комнату. Захватывающие были поединки! Зимой бывало скользко. Однажды противники ошарашили нас тем, что у них есть своя заготовка, благодаря которой они обязательно выиграют. Мы, поломав головы, решили, что они выйдут играть в шиповках, т. к. все трое были спортсменами-бегунами. А каково будет в таком

случае нам?! На практике дело до шиповок, к счастью, не дошло. Их задумкой оказались обыкновенные бутсы. А Юра Храпов, побывав после первого курса в стройотряде на Мангышлаке, проучился потом недолго: был отчислен и уехал домой в Москву. Где ты, Юрка? Вино и фрукты, говоришь?! (Когда у Юры заканчивались деньги, он покупал вино и фрукты...) Хотите верьте, хотите – нет, но на глазах у меня сейчас слезы...

Эдик Кущенко, интеллигентный, в очках, жил на одну стипендию. Помню его уже курсе на втором. В комнате нас жило уже не десять человек, а всего шесть или семь. Мама у Эдуарда жила в деревне, на Украине, старенькая была и сыну денег посылать возможности не имела. Он устроился работать в булочную, разгружал по утрам хлеб и вроде уже денежки какие-то стал получать. Вот только вставать на работу надо было рано очень. А ребята в комнате далеко за полночь куралесили. Раз проспал – предупредили. Второй раз проспал – с работы-то и выгнали. Помню его грустный взгляд. Койки наши были в разных углах комнаты. С тех пор, как говорится, только его мы и видели...

Возможно, под влиянием Юркиных рассказов, только после второго курса, летом 1967 года, я поехал в стройотряд. Мама, провожая меня еще в Сиверском, пыталась дать мне с собой банку сгущенного молока, страшно дефицитного в то время, и банку какао со сгущенкой. Из двух банок я взял только одну и помню, что потом не раз жалел, что отверг вторую. Зная, что у папы с мамой 3 июля годовщина свадьбы, я написал им сразу по приезду письмо в стихах. Приведу отрывки, какие помню:

... В вагончике купейном
Уже не на Литейном,
Уже не на проспекте,
И еду не домой.
<...>

Шикарно переспали:
Ведь нам постели дали!
Москвы мы не видали –
Осталась в стороне.

А в Ряжске, на вокзале,
Мы вишню покупали
И черную смородину
Еще сейчас едим...
<...>

Мне папа сказал: «Не забудь поздравить!»,
Но если бы я и забыл,
То разве на чуточку меньше
Тогда бы я вас любил?

Июнь числа такого,
Что больше не бывает.
Целую! И, конечно,
Всем счастья желаю!

Объект нашего строительства находился в Гурьевской области, аул № 13. Строили из самана коровник. Жили в деревянных домиках. Работали с перекурами. И я вдруг ощутил нелепость своего положения как человека некурящего. К счастью, курить не начал. Жара стояла настоящая. Днем выносили из дома раскладушки и отдыхали, заворачиваясь в мокрые простыни. Были, видимо, и выходные, поскольку помню, как однажды в выходной день мы, двое парней и рыжеволосая девушка Наташа, пошли за четыре километра купаться на реку Урал. В середине пути у меня вдруг носом пошла кровь, и я остановился, а они пошли вперед. Я, правда, тоже спустя немного времени пошел-таки дальше, назад не повернул. Родилось стихотворение:

Ты ушла купаться
С мальчиком другим.
Может быть, и вправду
Был я не таким?

Может, вызвал что-то
Я в душе твоей?
Может быть, чего-то
Не было во мне?

Ну а может, просто
Нету ничего?
На душе не грустно,
Но и не светло.

А всего скорее,
Надо жить и жить!
Думать. Ненавидеть.
Делать. И любить!

Еще помню, как спустя время родители прислали мне посылку с яблоками. Я открыл ее в помещении и вышел на крыльцо с надкушенным яблоком в руках. Сейчас же, словно мухи на мед, сбежалась местная детвора, стала кричать: «Яблоко дай! Яблоко дай! Яблоко дай!» Впечатление было не из приятных, пока одна девочка не выговорила с трудом:

– Здравствуйте!

Тут я сообразил, что дети просто не говорят по-русски, и, конечно же, угостил их яблоками...

Осенью, когда я уже учился на третьем курсе, папа несколько раз приезжал в Ленинград специально для того, чтобы сходить со мной в театр. Я безмерно благодарен ему за это. Впрочем, не сомневаюсь, что и он получал от таких мероприятий огромное удовольствие. Мы посетили с ним спектакли: «Цыганский барон», «Сирано де Бержерак», «В лесах», «Трехгрошовая опера». Исполнение было великолепным.

На третьем же курсе я влюбился в однокурсницу-ленинградку. Но эта история не для рассказа в прозе¹.

В самом начале пятого курса узнал о трагической смерти Сережи Тезейкина и его товарища, тоже нашего однокурсника. Я не был близко знаком с ними, однако очень уважал Сережу и как человека, и как комсорга. Надеюсь, ребята, знавшие их лучше, расскажут о них в этой книге.

Дипломную работу делал в лаборатории Алексея Михайловича Шухтина под руководством Саши Тибилова. Низкий мой поклон им обоим! Диплом защитил на отлично. Говорили потом, что меня в конце заседания комиссии хвалил сам Сергей Эдуардович Фриш. Но меня там уже не было. Ту зиму, как, впрочем, и предыдущую, да и последующую, я провел в ЦПКО им. Кирова, занимаясь фигурным катанием на коньках.

Распределен я был в ГОИ им. С.И. Вавилова, в лабораторию Ивана Васильевича Подмошенского. Вообще-то, как я потом слышал, это место было зарезервировано за Сашей Кондратьевым, но того призвали в наши «доблестные и непобедимые».

В ГОИ я проработал шесть лет. Несмотря на всю серьезность работ в лаборатории Ивана Васильевича, покоя душе своей я не находил.

Но в душном кабинете,
Но в душном кабинете,
Но в душном кабинете
Я вынужден сидеть.
Какие муки эти,
Забыв про все на свете,
На стены и на книги
Глядеть, глядеть, глядеть...

Нет, никому не жалко,
Что мне здесь очень жарко!
И никому на свете
Нет дела до меня!
Босая комсомолия,
Хочу бродить по полю я

---

¹ Кому интересны рожденные тогда мои стихи – они все есть в Интернете: <http://www.stihi.ru/avtor/slava32>, автор – Вячеслав Юрьевич Горелов.

И русское раздолие
Вдыхать, вдыхать, вдыхать!
Нет ничего пригожее,
Чем тело темнокожее.
Давайте ж, люди добрые,
Под солнцем загорать!

А не хотите броситься
Туда, где сено косится,
Туда, где ветер с тучами
Бежит вперегонки?
Так я один не выдержу –
Кусок из сердца вырежу
И посажу.
Пусть вырастет
На берегу реки!

О том, что я не стал «большим физиком», вы уже, конечно, догадались. Я специально не писал о довольно важных вещах в тех случаях, когда не сомневался, что об этом не могут не написать другие, экономя место для своих стихов. Они для меня как дети, не случайно же о стихах говорят, что они рождаются.

Последние три десятилетия связал свою жизнь с морем, с работой на судах морской разведочной геофизики. Пока не надоело. Да и деньги еще никто не отменял... И сейчас строки эти пишу на борту судна в Южной Атлантике.

Ветер – тридцать узлов, ветер – сорок...
Не стареет седой океан.
Мне давно уже стало за сорок,
Но еще не дописан роман.

Я роману ищу продолженье,
Насладившись огромной волной,
Укрываюсь в свое сочиненье,
Словно страус, вперед головой.

Высота до воды – метров восемь,
И как будто стою высоко...
Но срывается пена и косит!
Что там пресные души Шарко?!

Что там, где там и с кем там иначе?
Ну а здесь и сейчас, и со мной
Не желает расстаться удача!
Не торопит уйти на покой!

Шторм окончится. Волны отхлынут.
Ветер сникнет, отправится спать.
Только строчки никто не отнимет,
Я их в бурю успел написать!

То, что запомнилось

Е.Г. Друкарев (студент 1965–1971 гг.,
доктор физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник ПИЯФ)

Я дебютировал как физик-экспериментатор в возрасте шести лет. Родители снимали летом дачу в Зеленогорске, и на довольно большую компанию моих ровесников приходился один велосипед, почему-то «дамский», то есть без горизонтальной рамы и с ручным тормозом. Мы знали, что для того, чтобы резко затормозить, нужно нажать на ножной тормоз. А вот что получится, если на полном ходу нажать на ручной тормоз? Этот вопрос я задал хозяйскому сыну Вите. Он уже учился в первом классе и знал намного больше меня. «Не знаю», – ответил он. Я решил выяснить. До сих пор помню чувство удивления, когда оказался в придорожной куче песка. Кстати, в десятке метров, дальше по дороге, была груда камней, и результат мог оказаться драматичнее. Витя сообщил свои наблюдения: «Велосипед остановился, а ты продолжал двигаться». Взрослым результат эксперимента решили не сообщать, опасаясь, что велосипед отберут.

Спустя лет пять я попытался поставить второй эксперимент. Как-то, вернувшись вечером домой, отец застал меня за странным занятием. Я включал и выключал электрическую лампочку, пристально глядя на циферблат большого будильника. Пояснил, что пытаюсь определить скорость, с которой электрический ток распространяется по проводам. На вопрос о результатах ответил, что измерить скорость мне не удалось, так как ток, оказывается, течет очень быстро.

После этого моя деятельность в качестве экспериментатора прервалась на несколько десятилетий. Затем я предложил еще несколько экспериментов, некоторые из которых действительно были поставлены. Но к тому времени я уже, вроде бы, стал физиком-теоретиком. Так что поговорка «Теоретик – это неудавшийся экспериментатор» как раз про меня.

Несмотря на «физико-математическое происхождение» (отец – физик, мать – математик), лет до 13 никакого особенного интереса к точным наукам у меня не было. Но когда я учился в седьмом классе, мы переехали из центра города за Черную речку. Тогда это была далекая окраина. Телефона не было, контакт с новыми одноклассниками налачился не сразу, папа был в длительной командировке, мама – целыми днями на работе. Оставшись наедине с книжными шкапами, я наткнулся на тоненькую книжку Л. Ландау и Ю. Румера «Что такое теория относительности?». Вначале меня в ней привлекли забавные картинки.

Книга была написана настолько популярно, что мне удалось ее прочесть. После этого я захотел стать физиком и бросился читать все подряд книги из отцовской библиотеки. Естественно, нигде не мог продрасть дальше первых фраз предисловия и очень по этому поводу переживал. Весной приехал отец, и я похвастался ему своими познаниями. Оказалось, что он собирался подсунуть мне книгу Ландау и Румера примерно через год.

Год спустя в физико-математической 239-й школе мне повезло учиться математике у Валерия Адольфовича Рыжика. Блестящий преподаватель, он показал нам, насколько интересна математика, с ее увлекательными задачами, имевшими иногда необыкновенно изящные решения. Физика же казалась лишенной той последовательности и строгой логичности, какая была у математики. К десятому классу я уже решил идти на матмех. Однако спустя несколько месяцев мне на глаза попался задачник по физике Буховцева. Я увидел, что не могу решить из него ни одной задачи. К счастью, в конце книги давались подробные решения. Разобрав первые несколько задач, я понял, что мои познания в физике, хотя и оценивались учителями как отличные, были весьма поверхностны. После этого задачник стал моей настольной книгой. Когда полезно разложить силы на составляющие, как выбрать удобную систему отсчета – все это я постепенно начинал чувствовать. Наконец и физика приобрела внутреннюю стройность, а задачки нередко решались еще эффективней, чем в математике. И я снова решил идти на физфак.

В нашей группе на первом курсе оказались четверо моих одноклассников, еще пятеро – из параллельного класса и двое – из физической 38-й школы. Похожим был состав еще нескольких групп. Вообще, такая ситуация могла оказаться неблагоприятной. Если в новом коллективе есть подгруппа, состоящая из людей, ранее хорошо знакомых между собой, да еще обладающих каким-то объективным преимуществом (в данном случае – лучшей подготовкой), то легко может возникнуть деление на «своих» и «чужих» с рядом неприятных следствий: двойные моральные стандарты, круговая порука и т. д. Я знаю, что иногда так и происходило. К счастью, на нашем курсе все было по-другому: физфак сработал как плавильный котел, мы прежде всего были однокурсниками. Группа была дружной: вместе ездили за город, встречали Новый год, отмечали и другие праздники. Пожалуй, от обычных студенческих сборищ наши встречи отличал, как сейчас сказали бы, «резко асимметричный гендерный состав». Факультет был в основном мужским. На первом курсе в нашей группе примерно из тридцати человек было лишь три студентки.

Вскоре мы оценили героизм наших девочек. В то время День Советской Армии постепенно приобретал неофициальный статус «праздника мужчин», подобно тому, как День 8 Марта был «праздником женщин». И вот, придя 23 февраля в аудиторию, каждый из нас обнаружил на своем месте подарок: апельсин, на который была надета маленькая бумажная треуголка! Купить в городе тридцать апельсинов в то время было непросто. Не помню, как мы «ответили» 8 Марта – надеюсь, что достойно. Впоследствии несколько девушек перевелись к нам с вечернего отделения. Еще до перераспределения по специальностям внутри группы сыграли две свадьбы.

На первом курсе нам, окончившим физматшколы, учиться было несложно: мы знали почти все, что рассказывалось на лекциях. Но затем стало довольно трудно понимать незнакомый материал, а наши менее подготовленные однокурсники к лекционной форме к тому времени привыкли. Не все смогли пережить этот момент: по крайней мере трем выпускникам физматшкол пришлось перейти в институты, где учиться было легче.

Но если на лекциях было легко, то на практических занятиях – не всегда. Помнится, контрольную работу по математике не все написали с первого раза. Особенно интересными и трудными были семинары по физике, к которым мы готовились очень тщательно, так как вел их только что окончивший аспирантуру Валерий Сергеевич Рудаков, кандидат в мастера спорта по альпинизму. В 239-й школе, из которой мы вышли, был культ туризма¹, и мы, с восторгом глядя на нашего преподавателя, не хотели ударить в грязь лицом. Много позже я узнал, что Валерий Сергеевич сам боялся выпускников физматшкол и искал для нас задачи посложнее.

С Рудаковым у меня связан эпизод, за который мне до сих пор неловко. На втором курсе он вел у нас лабораторные занятия, проводившиеся в НИФИ. В тот день я закончил свое задание первым, и Валерий Сергеевич, отпуская меня домой, попросил по пути занести какую-то книжку Сергею Эдуардовичу Фришу в его кабинет, расположенный в этом же здании. Нечего и говорить, что просьба меня обрадовала. Зайти в кабинет к Фришу! Сергей Эдуардович вместе со своей женой А.В. Тиморевой был автором учебника физики, по которому мы учились на первых двух курсах. Кроме того, мы знали, что в Русском музее висит картина И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета...», на которой изображен отец Сергея Эдуардовича². Все оказалось просто. Фриш взял книжку, поблагодарил. Наша встреча продолжалась несколько секунд. Спустя несколько месяцев часов в девять вечера я шел по совершенно пустому двору Двенадцати коллегий. Был май, в это время еще светло. В глубине двора показался высокий человек с тросточкой, шедший мне навстречу. Сергея Эдуардовича я узнал сразу и, по мере того как расстояние между нами сокращалось, мучительно пытался понять, имею ли я право поздороваться. С одной стороны, мы виделись, так что можно считать, что знакомы. Но с другой стороны, это нескромно – возомнить второкурснику, что он знаком с Фришем! Пока я мучился сомнениями, расстояние между нами сокращалось. И тут произошло самое страшное – Сергей Эдуардович поздоровался первым...

Посчастливилось мне слушать лекции Владимира Ивановича Смирнова, автора пятитомного курса высшей математики. Вначале мы были разочарованы. До Смирнова математику читал нам Борис Сергеевич Павлов. Молодой, энергичный, он приходил на лекции со спортивной сумкой, из которой виднелась

---

¹ Туризмом мы именовали исключительно походы с рюкзаками и палатками и не любили, когда этим же словом называли многодневные экскурсии в комфортабельных условиях.

² Так мы думали тогда. На самом деле изображенный на картине Репина председатель Государственного совета Э.С. Фриш – брат деда Сергея Эдуардовича.

ручка теннисной ракетки. Борис Сергеевич тренировался вместе с перворазрядниками или даже с кандидатами в мастера. А Смирнов внешне напоминал профессора из советских фильмов тридцатых годов: старик с бородкой, в классическом черном костюме и белой рубашке с галстуком. Четыре или пять лекций по векторному анализу (небольшой самостоятельный раздел математики) он читал спокойно, почти монотонно. То, что говорил Владимир Иванович, нередко звучало почти тривиально. Иногда он медленно диктовал одну или две фразы, рекомендуя их записать. И только приводя наши познания в порядок при подготовке к экзаменам, мы поняли, что Владимир Иванович был блестящим лектором. Оказалось, что лекции содержали очень много информации, кажущаяся тривиальность некоторых моментов объяснялась умелым изложением материала, фразы, которые Владимир Иванович советовал записать, содержали основные идеи курса.

Лекции Андрея Ивановича Ансельма по статистической физике отличались артистизмом. Температура, энергия, энтропия становились как бы персонажами пьесы, вступающими в какие-то интригующие взаимоотношения и в конце концов группировавшимися в гармоничные формулы. Как-то мой однокурсник привел на лекцию Ансельма свою знакомую, студентку истфака. По ее собственным словам, она и школьную физику помнила плохо. Однако девушка получила огромное удовольствие от первого часа лекции и осталась на второй. Андрею Ивановичу было около шестидесяти лет, и ему доводилось общаться с такими легендарными физиками, как Ландау и Гамов. Воспоминания об этих встречах делали его лекции еще более эффектными.

На своих необыкновенно интересных семинарах по слабым взаимодействиям Александр Николаевич Васильев поручал нам делать короткие доклады, которые были уже результатами небольшой, но самостоятельной научной работы. Вначале это были промежуточные выкладки, которые упоминались, но не проделывались в книге Л.Б. Окуня, вроде «...используя формулу (10) и интегрируя по объему, получим...». Затем Александр Николаевич рассказывал о каком-нибудь элементарном процессе, предлагал очень упрощенную схему вычислений и давал неделю на подготовку доклада. При этом Васильев объяснял, почему важен именно этот процесс и что даст его будущее измерение. Эффект от этих занятий был силен и потому, что Александр Николаевич был ненамного старше нас: ему не было и тридцати. Именно в конце шестидесятих годов создавалось то, что впоследствии было названо Стандартной моделью. Сегодня это общепризнанная теория электрослабых взаимодействий. Сейчас мне кажется, что напряженная атмосфера, предшествовавшая окончательному завершению теории, ощущалась и на семинарах Васильева.

Забавно, как много лет спустя я встретился с Александром Николаевичем. Я работал тогда с Евгением Марковичем Левиным, однокурсником Васильева. Левин угодил в больницу, я отправился его навестить. По случайному совпадению через несколько минут в палату вошел Васильев. С Левиным мы давно общались друг к другу на «ты». Конечно, так же общался он и с Александром Николаевичем. В завязавшейся беседе, где наука перемежалась анекдотами, Васильев

предложил и нам с ним перейти на «ты». Согласившись, я, однако, не смог этого сделать – пиетет к Учителю был слишком велик.

Если лекции Ансельма можно сравнить с классическим театром вроде БДТ, то лекции Владимира Наумовича Грибова по квантовой электродинамике своей энергией и напором напоминали, скорее, театр на Таганке. В лекциях важно было все: и сам материал, и интонации, и мимика лектора. Иногда напрашивалось сравнение с рассказами о Шерлоке Холмсе. Владимир Наумович формулировал вопрос, после паузы писал результат, а затем терпеливо объяснял нам те несколько логических шагов, которые к нему приводили. Грибов мастерски отвечал на вопросы студентов: «Правильно ли я понял, что вам неясно, что...», далее он, казалось, повторял вопрос студента, лишь немного переставив слова. И мы с изумлением понимали, что после такой перестановки слов ответ становился тривиальным. На нашем курсе Грибов не читал, я ходил на его лекции, будучи аспирантом и имея уже опубликованную работу. Не рискну сказать, что мне все было понятно, а студентам уж точно многое было неясно. Живому и увлекающемуся Владимиру Наумовичу было, конечно, трудно помнить, что студенты уже проходили, а что нет.

Часто какая-нибудь грядущая контрольная или зачет заслоняли общую перспективу. Но на старших курсах, оглядываясь назад, мы удивлялись, как много успели за эти годы узнать: начав с задач, которыми люди начали заниматься в восемнадцатом веке, мы подошли к границам познанного (прошу прощения у читателей – пытался отредактировать конец фразы, чтобы убавить пафос, но не получилось). И высокая самооценка разделялась обществом – максимум популярности физики пришелся на начало шестидесятых годов: тут и полет Гагарина, и фильм «Девять дней одного года»... Но и в конце шестидесятых слово «физик» в ответ на вопрос о профессии звучало не просто как название одной из специальностей, а казалось какой-то претензией.

Впрочем, и на наш век ярких событий хватило. Воплощались сюжеты фантастических романов. Впервые была проведена трансплантация сердца. Первый пациент умер, не прожив и трех недель, но следующие жили годами. «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны» – так назывались романы Жюль Верна. Теперь же произошло большее – люди высадились на Луну! Третья экспедиция была неудачной, посадку на Луну отменили. Не было уверенности и в том, что получится мягкая посадка на Землю. Помню, как мы (Миша Тендлер, Леша Цыганенко и я) слушали прямой репортаж «Голоса Америки» с места предполагавшегося приземления. Все закончилось благополучно.

На военной кафедре выделялись лекции подполковника Каплуновского. По сути, он читал нам усложненный курс радиофизики, и в его лекциях, действительно, было много физики. Выписыванию формул на доске предшествовало 10–15 минут качественных рассуждений. В его лекциях большую роль играли интонации. Так, объясняя работу триода, Каплуновский грустным голосом произносил: «...и по мере того, как мы увеличиваем напряжение на сетке, все меньше и меньше электронов, покинувших катод, достигают анода...» Мы начинали жалеть те электроны, которым это не удалось. Наверное, сложись обстоятельства

иначе, Каплуновский выбрал бы науку, а не армию. Но ему исполнилось 18 лет в 1941 году, когда началась война. Он сразу попал на фронт. Демобилизоваться можно было года через три после окончания войны. Начинать все сначала в 25 лет он не захотел...

Нас удивляло то, что, объясняя, как применить наши знания в боевой обстановке, офицеры иногда говорили «когда начнется война» вместо менее мрачного «если начнется война». Вообще же там нас любили пугать. Рассказывали о неведомо откуда появляющихся приятных и интересных собеседниках, оказывающихся иностранными шпионами. В общем, «никогда не разговаривайте с незнакомцами». Помнится, подполковник Чечин рассказывал такую байку. Студент-физик N готовился к экзамену по секретной теме. Для тренировки чертил какую-то схему, конечно, тоже секретную. Потом черновики разорвал и выбросил в мусорное ведро. Жил N в коммунальной квартире, и соседу его поведение показалось подозрительным. Он залез в ведро к N, обрывки склеил и отправил донос в военную прокуратуру. Не помню, отделался ли N только исключением из Университета. Рассказчик симпатизировал соседу, но, по существу, этой историей он нас предостерегал не только от коварных иностранцев, но и от чрезмерно бдительных сограждан.

Начальника кафедры генерал-майора Кныша мы видели лишь однажды, когда он приветствовал нас в самом начале обучения военному делу. «Слуга царю, отец солдатам». Я работаю в Гатчине, и здешняя улица Генерала Кныша напоминает мне о нашей спецкафедре.

Были, конечно, и общественные науки. История КПСС и философия, которые читались на первых курсах, никакого следа в наших душах не оставили. Все воспринимали эти дисциплины как набор ритуальных фраз, которые нужно выучить к экзамену, а затем можно забыть. Накануне экзамена по диалектическому материализму среди моих однокурсников ходил слух, что у преподавателя есть вопрос на засыпку: конечно или бесконечно количество звезд во Вселенной? На ответ «конечно» следовала, по слухам, реплика: «Ставлю два. Не поняли диалектику!» На ответ «бесконечно» была якобы такая же реакция. Вопрос этот так никому и не задали...

Интересны были семинарские занятия по политэкономии, которые вел Леонид Дмитриевич Широкоград. На одном из занятий, сформулировав проблему, стоявшую перед Россией в начале XX века, он предложил студентам самим подсказать решение. Выслушав ответы, он констатировал: «Первый студент высказал точку зрения типичного меньшевика. То, что предложил второй, очень близко к взглядам правых эсеров» – и т. д. После этого он объяснял, почему большевики с этими взглядами не соглашались. После нескольких занятий эта игра внезапно прекратилась, и семинары стали заметно скучнее. Когда кто-то попытался выяснить причину, наш преподаватель сухо ответил, что не понимает, о чем идет речь.

Очень яркими были лекции по историческому материализму Тамары Витальевны Холостовой. Помимо обязательного в то время подробного изложения марксистских взглядов Холостова давала, по сути, обзор философских течений,

популярных в двадцатом веке. Именно из этих лекций я узнал о Шпенглере и Тойнби. Иногда Тамара Витальевна удивляла нас неожиданными высказываниями. Однажды, отвечая на чей-то недоуменный вопрос о примитивной агитационной статье в газете «Правда», она сказала: «А это не для вас написано. У нас вся пропаганда рассчитана на людей с шестиклассным образованием». Однако вольнодумство Холостовой имело свои пределы. Как-то на семинарском занятии один из студентов зачитал чьи-то высказывания о законах исторического развития и, не указав автора, попросил Тамару Витальевну их прокомментировать. Конечно, это была мальчишеская выходка, целью которой было поставить преподавателя в неловкое положение. Высказывание могло принадлежать Марксу, а считалось, что он всегда был прав. И наоборот, были авторы (например, Троцкий), с которыми ни в коем случае нельзя было соглашаться. Холостова ответила длительным монологом, но цитату так и не прокомментировала.

Другой инцидент, связанный с Холостовой, был более серьезен. На семинарском занятии нужно было обсудить вопрос о роли личности в истории. Кто-то из студентов начал рассуждать о Наполеоне, и дальнейшее обсуждение крутилось вокруг эпохи Великой французской революции. Холостова кратко комментировала наши выступления, а затем неожиданно заговорила о Сталине, заявив, что для правильной оценки нужно иметь в виду, что часто можно столкнуться с обывательским стремлением облить грязью вчерашнего кумира. Помню тишину, повисшую в аудитории, и до сих пор жалею, что не нашел достойной реплики. Рядом со мной сидел мой однокурсник, отец которого умер от инфаркта, оказавшись двадцатью годами раньше втянутым в «Ленинградское дело». После семинара Холостовой мы должны были идти на лекцию по радиофизике профессора Г.А. Остроумова, прошедшего сталинские лагеря.

Немного удивлю читателя, вспомнив занятия физкультурой. В начале первого курса каждый мог выбрать вид спорта, которым хотел бы заниматься в ближайшие два года. Однако нужно было пройти отбор, и тех, кто не продемонстрировал достаточную спортивную подготовку, определяли в подготовительную группу. Такая судьба постигла и меня, и я воспринял это как оскорбление. Я любил кататься на лыжах и отправился искать лыжную группу. Нашел тренера Александра Захаровича Волкова и, видимо, очень взволнованно объяснил ему ситуацию. «Сейчас у меня будет тренировка второразрядников, можешь попробовать», – сказал он. Началась тренировка с пятикилометрового кросса. Бегать я не умел – примерно через минуту что-то начинало жечь изнутри, и я задыхался. На этот раз все пошло по-другому. Через несколько секунд тренер через рупор приказал мне вернуться: «Так далеко не убежишь – дышишь неправильно. Надо так...» – Александр Захарович объяснил мне, что именно я делаю неверно. Это было первое в моей жизни занятие по физкультуре, на котором меня чему-то учили. Через несколько минут я уже легко бежал кросс. Воздух, казалось, сам врвался в легкие, и с каждым вдохом в меня вливалась сила. Тренироваться с разрядниками Волков мне все-таки не позволил, но пригласил заниматься в лыжной группе. Вскоре я без труда выполнил нормы третьего разряда как по бегу на длинные дистанции, так и по лыжам.

Рассказал же я эту историю потому, что после первых тренировок у Волкова я открыл для себя новую сторону жизни, научившись получать огромное удовольствие от бега, легко и быстро перемещаться по городу, ни от кого не завися, обгоняя притормозившие на перекрестках троллейбусы. Это дарило неповторимое ощущение свободы, непознанных собственных возможностей и удивительно рифмовалось с общим жизненным настроем, который давала жизнь на физфаке.

И в геологические экспедиции я уезжал летом не в последнюю очередь для того, чтобы, вернувшись в сентябре, вернуться в беседе с однокурсниками примерно следующее: «А вот во второй заброске у нас был случай. Не успел улететь вертолет, высадивший нас в устье речки...» В экспедицию геофизиков после второго курса мы поехали втроем: Миша Гершун, Коля Дубинин и я. С удивлением обнаружили на базе в Забайкалье еще двух физфаковцев, независимо от нас и друг от друга также отправившихся туда на поиски приключений. На следующий год была Подкаменная Тунгуска. Триста километров до ближайшего жилья. Воздух настолько чист, что каждый вечер в закате видна зеленая полоска – знаменитый зеленый луч, который иногда виден в открытом море и, согласно матросским поверьям, приносит счастье. В обычной ситуации зеленая компонента не видна из-за перерасеяния на всяких пылинках.

Двадцать лет спустя я рассказал об этой зеленой полоске британскому физики Ф. Клоузу, который интересовался Сибирью в связи с Тунгусским метеоритом. Клоуз попросил разрешения включить мои путевые наблюдения в лекции по общей физике, которые он читал в Оксфорде.

Подозреваю, что читатель заскучал, и надо бы рассказать какой-нибудь забавный случай. Конечно, военные сборы! Пошла третья неделя. Уже не представляю своих однокурсников в гражданской одежде, вокруг – сапоги и гимнастерки. А надо сказать, что ко времени сборов правый глаз стал моим слабым местом. Раз в несколько месяцев он краснел и начинал слезиться. Окулист научил меня с этим справляться: альбucid натрия продавался без рецепта за копейки в любой аптеке. Покапаешь два дня, и все проходит. И снова настигла меня эта напасть. Иду в санчасть. Жарко, дверь открыта, из кабинета доносится женский смех – от таких звуков я уже отвык. Подхожу к дверям. В это время смех прерывается, и на пороге появляется испуганная девушка в форме старшего сержанта. Видимо, ожидала увидеть на пороге офицера и приготовилась оправдываться за не предусмотренное уставом хихиканье. «Что вам нужно, товарищ курсант?» – спрашивает очень сурово. Объясняю. Проходим в кабинет, где сидит еще какая-то девушка, но в совсем не военном сарафане. Заглянув в холодильник, старший сержант растерянно говорит: «Ой, а у меня есть только зеленка. Но зеленкой помазать надо». Не успевает она начать, как вмешивается ее подруга: «Настя, ты так молодого человека изуродуешь. Давай я покрашу, как своим клиенткам. Не волнуйся, – обращается она ко мне, – я работаю в парикмахерской, глаза красить умею». Вскоре в санчасть заходит Миша Эйдес, которому зачем-то понадобился бинт. «Девочки, что вы с ним делаете?» – ужасается Миша. «Меня нужно называть „товарищ старший сержант“», – строго напоминает Настя. «Меня нужно называть Танечка», – сооб-

шает ее подруга. «А вы ему и второй глаз покрасьте», – предлагает Миша. «Твой друг прав», – соглашается Таня.

Минут пятнадцать веселого трепа, конечно, приятно разнообразили довольно тоскливую жизнь на сборах. Но личное время заканчивалось, и нужно было идти на вечернее построение. С красиво покрашенными зеленой глазами. «Я тебе справку напишу, что все сделано по медицинским показаниям, – успокоила меня старший сержант, – хотя нет, ведь только правый глаз – по медицинским... – задумчиво произнесла Настя. – Значит, нужно написать по-другому...»

Спустя несколько минут я держал в руках бумагу с печатью, на которой под грифом «не выносить за пределы расположения части» находился следующий текст:

Довожу до сведения командного состава, что курсанту Друкареву Е. кожный покров вблизи глаз обработан зеленой по медицинским показаниям, а также в целях обеспечения боеспособности взвода №...

*Старший сержант медицинской службы
Анастасия Оболенская.*

Песенку про корнета Оболенского я тогда еще не знал.

«Курсант, это что такое?» – услышал я вопрос офицера через несколько минут после выхода из санчасти. Протягивая справку, я вспоминал записку кардинала Ришелье: «То, что сделано подателем сего, сделано по моему приказу и во благо государства». Видимо, на наших сборах информация распространялась быстро – моими покрашенными глазами никто из командиров больше не заинтересовался.

Вернемся на физфак. Здесь шла бурная комсомольская жизнь. В школьные годы у меня сложилось некоторое предубеждение к этому понятию. В нашей школе, заслуженно знаменитой своими литературным и туристским клубами, культивировалась и комсомольская жизнь. Неслучайно секретарь обкома Романов отдал свою дочь именно сюда. Оформление стендов, около которых никто не останавливался, бессмысленные субботники... Мертвечина какая-то. Активисты, попадавшие во всякие бюро и комитеты, с упоением играли в начальников. От желания командовать здесь было не меньше, чем собственно от комсомола. На факультете все было иначе: участие в общественной деятельности было сугубо добровольным, никакого принуждения. Сама же комсомольская жизнь была очень разнообразна.

Одним из ее ярких проявлений было издание факультетской стенной газеты, занимавшей чуть ли не всю стену напротив лестницы на втором этаже. Там можно было прочесть то, что было бы немисливо увидеть на страницах официальной печати. Так, в одном из выпусков критиковался руководитель комсомола Павлов, выразивший недовольство тем, что «с легкой руки „Нового мира“ в советской литературе появилась лагерная тема»; стенгазета напоминала о том, что «партия призывает к всестороннему отображению социалистической действительности». В другой статье предлагалось распустить комсомол, ставший слишком массовой

и потому бездействующей организацией, и создать вместо него новый союз, призванный объединить энергичную молодежь. Рядом помещалась статья, автор которой хотел изменить последовательность изучения общественных наук. В этом проекте история КПСС, которую читали на первом курсе, переносилась на последний год обучения как иллюстрация проявления на практике законов марксизма. А эти законы нужно было постигать на младших курсах (в статье не было и тени иронии).

В конце 1968 года начала выходить еще одна стенная газета «Мир», редактировавшаяся Марком Стрикманом. Она содержала переводы на русский язык статей, опубликованных в газетах коммунистических партий других стран. Последние свободно продавались (во всяком случае, в Ленинграде) в газетных киосках. Нужно пояснить, что советские газеты часто игнорировали события, о которых знал весь мир или освещали их неполно и необъективно. Помню, как еще в школьные времена один из преподавателей истории по этому поводу говорил, что «целью советской прессы является не сообщение новостей, а воспитание граждан страны в коммунистическом духе». Газета «Мир» начала заполнять этот пробел. При этом были очень интересны не только излагаемые факты, но и комментарии. А сюжетов было много: только что вводом советских войск в Чехословакию была прервана Пражская весна. После выхода двух номеров выпуск газеты был прекращен решением руководства факультета. Готовя этот очерк, я встретился с тремя людьми, причастными в то время к «Миру». Они назвали три разные причины (или предлога) закрытия газеты.

Важным моментом деятельности комсомольской организации было то, что участие в летних строительных отрядах и даже в эпизодически проводившихся среди года субботниках стало добровольным. Этого не было ни в одном другом (или почти ни в одном другом) вузе. Кроме того, для стройотрядов выбирались такие объекты, на которых студенты могли хорошо заработать. Материальное положение студентов было самым разным. Некоторые могли рассчитывать на помощь состоятельных родителей, и им даже стипендия была не очень нужна. Однако для многих стипендия была единственным источником дохода, и им приходилось после учебы еще где-то подрабатывать. Поездка в летний стройотряд от этой необходимости избавляла. В результате в хороший стройотряд было попасть нелегко – желающих было больше, чем мест. Такой подход, однако, шел вразрез с официальной точкой зрения. Считалось, что в стройотрядах студенты должны работать исключительно из желания помочь стране.

В самом конце 1968 года в газете горкома комсомола «Смена» была опубликована статья, резко критиковавшая положение стройотрядов на физфаке. Автор статьи А.С. Ежелев был недоволен их добровольностью и тем, что организаторы отрядов заботились о заработках студентов. То и другое объявлялось идеологической ошибкой. По тем временам это было суровое обвинение. Статья возмутила всех – и тех, кто ездил в стройотряды, и тех, кто в них не бывал. Для обсуждения статьи была созвана внеочередная комсомольская конференция, по два делегата от группы. В начале марта Большая физическая аудитория была переполнена. Все с жаром объясняли городскому комсомольскому начальству, что от добровольного

труда толку больше, чем от принудительного, – в полном соответствии с Марксом; доказывали, что хороший заработок вполне совместим с патриотизмом. Мой одноклассник по школе-восемилетке Андрей Самарцев, который вел конференцию, выглядел как вождь восстания на баррикаде. Была принята резолюция, объявившая статью клеветнической. Видимо, такое единодушное сопротивление дало свои результаты – стройотряды остались прежними. Насколько я помню, и все руководители факультетской комсомольской организации остались на своих местах. А Ежелев спустя двадцать лет стал известен уже совсем другими статьями.

В этом эпизоде проявились многие черты, характерные для студентов физфака. Далеко не во всех вузах студенты рискнули бы так резко выступить против городского начальства. На факультете не было принято почитать сановников и уж тем более не полагалось их бояться. Другой характерной чертой я назвал бы то, что в шкале ценностей студентов выше всего ставился профессионализм. Ценилось и спортсменство, в самом широком смысле этого слова. В частности, умение преодолевать себя. Сопровождалось все это пренебрежительным отношением к комфорту, впрочем, такое отношение было вынужденным: факультету было тесно в здании на набережной Макарова, не хватало стульев, некоторые аудитории и лаборатории находились в подвале.

Содержимое подвала нам довелось однажды спешно эвакуировать. В октябре 1967 года в городе было наводнение, и в подвал начала проникать вода. Всем факультетом перетаскивали университетские ценности на первый этаж. А предшествовало этому очень красивое зрелище: поздно вечером по Ленинграду шла колонна амфибий, по-видимому, из располагавшихся вблизи воинских частей. Несколько амфибий на следующий день курсировали вблизи Университета.

Район стрелки Васильевского острова, где располагается Университет, к вечеру пустеет. Безлюдно здесь и по выходным. Так же было и в годы нашего студенчества. Но еще несколькими годами раньше здесь было весьма многочисленное «местное население». Люди жили почти во всех постройках дворов Главного здания и филологического факультета, например в подвале ректорского флигеля. На месте нынешнего бассейна стоял деревянный барак. Преимущественно во дворе жили сотрудники Университета: доценты и лаборанты, уборщицы и водопроводчики... Напротив Библиотеки Академии наук был ларек, торговавший бакалейей, на месте памятника И.П. Павлову стоял хлебный ларек¹. Реликты этого быта мы застали: во дворе физфака в наши дни оставалось еще несколько квартир.

Вообще же физфаковская жизнь проходила в основном в трех помещениях: собственно физфак, имевший общий двор с Институтом физиологии, где содержались подопытные собаки, старый НИФИ во дворе Главного здания, а также лекторий исторического факультета. Коридор Главного здания, который, по словам Ахматовой, «будет упрямо сниться тем, кто нынче проходит тут», большой роли в нашей жизни не играл. Иногда, правда, ходили в Горьковку – основную библиотеку Университета.

---

¹ Подробности описаны в моем очерке «Детство в университетском дворе» (Санкт-Петербургский университет. 2012. № 2 (3844). С. 27.

Несколько раз были интересные мероприятия в актовом зале. Во-первых, конечно, День физика, отмечавшийся в апреле. Начинаясь с исполнения студенческого гимна *Gaudeamus*, он продолжался капустником, розыгрышами, шутками. На сцене царил колоритнейший Никита Алексеевич Толстой. Бессменный сценарист Дня физика Юра Магаршак изменил слова часто исполнявшейся по радио песни о трех танкистах, и мы все вместе пели: «Три кита: Шухтин, Вальков, Успенский – экипаж физфака боевой...» Однажды на праздник пришел ректор К.Я. Кондратьев. Моментально изменили программу концерта, объявив, что специально для ректора исполняется романс «Отвори потихоньку калитку». Дело в том, что несколькими месяцами раньше вдруг заперли калитку, через которую можно было пройти во двор Университета с набережной Невы, создав этим дополнительные сложности. Может быть, это и случайное совпадение, но через неделю калитку открыли.

Часто устраивались концерты бардовской песни, которой тогда увлекались многие. Но это было, скорее, возрастное явление. Конечно, песни такого классика жанра, как Александр Городницкий, волнуют моих ровесников и сейчас, но, попав лет десять спустя на концерт другого барда, я удивился тому, насколько его песни, так впечатлявшие меня в двадцать лет, оказались банальными в тридцать. А вспоминать, как распевал в электричке «мы живем километрами, а не квадратными метрами», когда люди только начали выбираться из подвалов и тесных коммуналок, и вовсе стыдно. Но бывали в актовом зале и другие вечера.

Запомнился цикл встреч, на которых Юрий Ларионов читал рассказы и пьесы Булгакова. Изначально цикл не предполагался – просто устроили на истфаке вечер Булгакова. Назначен он был на конец декабря, накануне сессии, когда обычно не до развлечений. Тем не менее лекторий истфака был переполнен – недавно был опубликован роман «Мастер и Маргарита», и многие находились под его обаянием. Гардероб почему-то не работал – наши студенческие куртки были свалены на стол. Вошел Ларионов в роскошном пальто и несколько растерянно спросил, где можно раздеться. Кто-то побежал выяснять. После короткой паузы Юрий Александрович бросил свое шикарное пальто к нашим курткам. Актер МХАТа, он знал цену жесту – моментально установилась очень теплая атмосфера. Время летело незаметно. Часов в одиннадцать вахтер пришел нас выгонять и остался слушать. Растроганный теплым приемом, Ларионов предложил устроить цикл вечеров, что и было сделано. Несколько раз в течение года его концерты собирали переполненный актовый зал. Рассказывал Юрий Александрович и о своих встречах с вдовой Булгакова, его Маргаритой.

Не забыть также сольный вечер артистки БДТ Зинаиды Шарко, называвшийся «Несыгранные монологи». В актовом зале артистка часа четыре показывала самые разные сцены из спектаклей, в которых ей хотелось бы сыграть, но которые так и не были поставлены. Это перемежалось рассказами о театре, серьезные рассуждения сменялись рассказами о забавных случаях... Попасть на этот концерт было нелегко, помогло то, что в это же время шла трансляция решающего матча чемпионата мира по хоккею. На метро я, как и многие, успел с трудом, а оно тогда работало до часа ночи.

Отнюдь не все наши вечера проходили так респектабельно. Ассортимент окрестных винных магазинов мы изучили достаточно подробно. Да и то, что «здесь порой ходит маленькая ножка, вьется локон золотой», иногда волновало не меньше, чем науки. После военных сборов, почему-то возомнив себя офицерами, вроде описанных Львом Толстым, стали регулярно играть в покер у моего друга Семы Вигдергауза, который снимал комнату на Измайловском проспекте. Выигравший бежал за пивом для всех. Конечно, масштабы у нас были не те, что в легендарных преферансах в физфаковском общежитии. Там, по слухам, проигрывали стипендии на год вперед.

Вообще же с физфаковским общежитием № 1 на проспекте Добролюбова, равно как и с соседним общежитием № 6, где жили филологи, было связано много легенд. Из поколения в поколение передавалась молва, что в обоих зданиях раньше были публичные дома – солдатский и офицерский. При этом не уточнялось, где какой. Бытовала и легенда о роковой красавице, ненавидевшей физиков. Она появлялась на студенческих вечеринках и заманивала кого-нибудь в пустую комнату. Этакая Лорелея, адаптированная к советским условиям. Затем поднимала крик, объявляя себя жертвой изнасилования. Неизвестно откуда взявшиеся дружинники оформляли протокол, и несчастный студент отправлялся в тюрьму. В романтической версии девушке когда-то изменил возлюбленный, студент-физик. Наверное, в девятнадцатом веке она на промежуточном этапе топилась и появлялась уже в виде русалки. В более циничном варианте это была действительно однажды осуществленная провокация: дружинники были ряжеными и, якобы чтобы замять дело, потребовали выкуп. А жертвой выбрали сына состоятельных родителей.

Виды, открывавшиеся со стрелки и с набережной, можно не описывать – перечисление почти совпадает с оглавлением городского путеводителя. Смотреть на все это из лодки – особое удовольствие. Лодочная станция располагалась около Петропавловской крепости, но никто не отходил далеко от берега. Весной 1968 года небольшая компания, включавшая кроме меня Тамару Жигалову, Рашида Шарибджанова и Леню Левицкого, решила сложившийся порядок нарушить. Мы несколько раз пересекали Неву, заходили и в Зимнюю канавку, и в Фонтанку, доплывая почти до Аничкова моста (дальше Фонтанка была грязноватой). Мы смотрели на город со стороны, не участвуя в его жизни, спешке, суете... Впечатление было незабываемым. Кстати, несколько лет спустя я попробовал повторить наши маршруты. Однако, как только я отошел от берега метров на пятьдесят, появился катер водной милиции, и меня заставили вернуться.

Нельзя сказать, что наши плавания были совсем безопасными. Однажды мы чуть не врезались в быки Кировского моста. Во время следующей прогулки едва не столкнулись с баржой. Впрочем, на физфаке были популярны и гораздо более рискованные предприятия. Каждую осень в вестибюле факультета появлялся некролог – кто-нибудь погибал в горах. Бывали трагедии и в зимних походах.

Разнообразные столовые и кафетерии Университета заслуживают отдельного описания. В первую очередь, конечно, «восьмерка» – столовая № 8, она была студенческой столовой еще с начала века. Всевозможные варианты обедов, на разные аппетиты и кошельки. «Восьмерка» стабильно выигрывала звание лучшей

столовой города. Ходила легенда, что ее директор в конце сороковых годов был шеф-поваром столовой обкома в Смольном, был изгнан оттуда по «Ленинградскому делу» и начал делать карьеру заново. Кстати, многие сотрудники «восьмерки» работали в ней десятилетиями. Уже в конце восьмидесятых годов, занимаясь в БАНе и выскакивая в «восьмерку» пообедать, я здоровался здесь с той же раздатчицей, которая в студенческие годы кормила меня солянкой (36 или 39 копеек за порцию, в зависимости от сорта сосисок).

Полуденный выстрел пушки Петропавловки был хорошо слышен на физфаке. В это время, по расписанию, должен был открываться местный буфет. Так оно и происходило. Буфетчица Валя, примерно наша ровесница, любила открывать дверь сразу после выстрела, приговаривая: «Все по часам». Но буфет рано закрывался, и часов в пять лучший кофе можно было получить в академичке – столовой Академии наук. (Сейчас в этом помещении находится дорогой ресторан «Старая таможня».) Лишь одна деталь портила впечатление. При столовой был отдел кулинаруии, судя по всему, во второй половине дня туда привозили что-то подешевле. Скапливалась очередь из тех, кто явно не имел к Университету отношения. Судя по некоторым репликам, это были обитатели огромных коммуналок в начале Невского проспекта. Лица у них были злые, время от времени там возникали перебранки, звучали какие-то совсем плоские и вульгарные шутки. Сценки, не обратившие бы на себя внимание в обычном городском магазине, здесь выглядели неуместно. Да, конечно, и воспитание, и чтение русской классической литературы требовало сочувствия к этим людям. Но хотелось их просто не видеть.

Много лет назад я водил по тогда еще Ленинграду человека, впервые приехавшего в наш город. Через несколько минут после того, как мы повернули с Дворцового моста на Университетскую набережную, мой спутник заметил: «Как здесь изменились лица!» Это неудивительно: в восточной части Васильевского острова находятся Университет, Академия художеств, Библиотека Академии наук, несколько научно-исследовательских институтов. То, что в этой части города концентрируется интеллигенция, отмечалось еще сотню лет назад в словаре Брокгауза и Ефрона.

А каким ярким был путь из Университета к метро! Он в большой мере сохранял атмосферу Васильевского острова. О том, что можно увидеть с Дворцового моста, и говорить нечего. Потом был Невский с большим букинистическим магазином на углу, совершенно особый мир его завсегдаев. Рядом – магазин «Мир», в котором продавались, в частности, альбомы, изданные в социалистических странах. Они давали нам хоть какие-то представления о современной живописи. На другой стороне – кинотеатр «Баррикада», в котором зачастую показывали «некассовые» фильмы. Сюда мы ходили и на Курасава, и на Параджанова. Потрясающий вид на Невский открывался там из окна буфета. Дальше – магазин пластинок, в основном классической музыки, где зачастую были слышны дискуссии меломанов. Два зала филармонии, при этом в Малом зале иногда давались довольно сложные концерты. Были по пути и гастрономические соблазны: пивной бар у Казанского собора и кафе-мороженое, в устной речи именовавшееся «Лягушатник» (из-за зеленой обивки кресел). Впрочем, в «Лягушатнике» собиралась

компания, состоявшая из физфаковцев и матмеховцев, да и в пивбаре всегда был кто-нибудь из наших.

У Гостиного двора можно было нырнуть в метро, но продолжение маршрута было весьма увлекательным: Театр комедии, в котором мы застали времена Н.П. Акимова, «Книжная лавка писателей», знаменитый «Сайгон», чуть в сторону по Литейному несколько книжных развалов, в которых можно рыться часами... Всюду был свой мир, непохожий на остальные. И хотелось его узнать.

Такие настроения были на факультете не только у меня, в результате круг знакомств расширился. Больше всего запомнились два дома, в которых я бывал в студенческие годы: это мансарда неподалеку от единственного тогда действовавшего костела и небольшая квартира в Тучковом переулке. Там мне доводилось встречать и студентов-гуманитариев, и физфаковцев, в основном на один-два года старше меня. Некоторые из посетителей этих квартир стали впоследствии знамениты. Не все любят вспоминать свою молодость, поэтому не называю имен.

В мансарде время от времени появлялись непризнанные поэты. Часто туда заходили художники. Беседы в мансарде помогли ориентироваться в современной живописи. В 1970 году там получился своеобразный фестиваль грузинской культуры. Вначале гостей мансарды поразил фильм Абуладзе «Мольба», в котором гениально было все: режиссура, игра актеров, перевод стихов Важа Пшавела. Затем здесь появилась поэтесса Дали Цаава, та, о которой пел Окуджава: «В темно-красном своем будет петь для меня моя Дали...» Она писала по-грузински, но мелодия стихов завораживала.

В Тучковом переулке жил мой однокурсник, отец которого, отставной офицер, в послевоенные годы собрал уникальную библиотеку. В то время суровой цензуры в букинистических магазинах можно было купить много интересного. Например, выходящую в двадцатых годах в СССР многотомную серию «Революция глазами деятелей старого режима», включавшую, в частности, воспоминания Шульгина. Был в квартире на Тучковом и почти полный комплект журнала «Былое», также приобретенный у букинистов. Благодаря знакомству с этой библиотекой я получил представление о яркой, разноцветной общественной жизни России начала XX века. Кстати, в этих домах почти не было самиздата – разве что так можно назвать стихи Бродского. Впрочем, время наиболее политизированного самиздата было еще впереди.

Посетители этих домов составляли довольно пеструю публику. Постепенно выяснялось, что в Ленинграде живет много самых необычных людей с яркими биографиями: бывший хозяин петербургского трактира и бывшие фрейлины, случайно уцелевшие мастера-ремесленники и проповедники, курдские беженцы и югославские коминформовцы... Один из завсегдатаев подрабатывал санитаром на скорой помощи, часто ездил по вызовам в огромные коммунальные квартиры Невского или Васильевского острова. То, что он там видел, было порой достойно пера Достоевского.

Кстати, через Тучков переулок пролегал еще один маршрут к метро, сильно отличавшийся от пути через Неву и по Невскому, описанному выше. Дорога шла по тихим старым переулкам, вдоль складов, когда-то принадлежавших Елисееву.

Никакого столичного блеска – старинный небольшой город, где на каждом втором здании знак того, что это памятник архитектуры. Затем торговый Средний проспект с неожиданным готическим собором Святого Михаила. Пожалуй, даже ожидаешь услышать здесь немецкую речь. Со времени нашего студенчества этот недооцененный уголок города теряет часть своего обаяния: в семидесятых годах исчезла маленькая площадь на пересечении Биржевого и Волховского переулков, эту территорию занял Оптический институт. Его самого потеснил недавно новый жилой дом. Скорее всего, планируемый здесь выход из метро и вовсе доконает эту историческую часть города.

И мансарда, и квартира на Тучковом очень помогали жить, так как в стране становилось душно. О большом плюрализме мнений и вкусов в период хрущевской оттепели говорить не приходится, но в конце шестидесятых годов и его не стало. Вся история России начала века изображалась как непрерывная последовательность побед Ленина над своими оппонентами, которые либо действовали только из корыстных побуждений, либо просто были глупы. Затем исключительно успешно строили социализм. В общем, даже особенно перефразировать Бенкендорфа не надо: «Прошлое России прекрасно, настоящее великолепно...» Литература и другие виды искусства должны были иллюстрировать эту одноцветную и прямолинейную схему.

Было на нашем курсе несколько человек, которым такая обстановка нравилась. Во время нечасто возникавших бесед на общественные темы они не упускали случая заметить, что «Солженицына с самого начала не надо было печатать» или что «с вводом войск в Чехословакию опоздали на полгода». Кстати, именно в этой среде и циркулировал самиздат. Один из таких однокурсников, случайно оказавшись моим попутчиком по дороге на троллейбус, стал почему-то уговаривать меня взять у него перепечатку булгаковского рассказа «Собачье сердце». Сопровождал он это словами о том, что, «конечно, публиковать это нельзя, обыватели неправильно поймут. Но нам [кому?] читать можно!» А может быть, этот эпизод и не был случайностью. «Ловись, рыбка, большая и маленькая».

Наши школьные годы пришлись на время «оттепели». Когда мы, порой не без юношеского максимализма, возмущались тому, что настойчиво провозглашаемые лозунги не соответствуют действительности, преподаватели говорили: «Это – еще не ликвидированные последствия культа личности». И, хотя все недостатки правления Хрущева говорили сами за себя, многим казалось, что медленно и не всегда последовательно, но страна возвращается к тем прекрасным идеалам, которые начали осуществляться Лениным, а затем были так безобразно искажены его преемниками. Тех, кто придерживался таких или похожих взглядов, позднее стали называть шестидесятниками. С середины шестидесятых годов тезисы официальной пропаганды изменились: все и так прекрасно (ну, может быть, действительно маловато кафе-мороженых). Шестидесятники и власти нравились друг другу все меньше.

Сейчас среди мемуаристов модно пинать шестидесятников. Крестьянки, принесшие свои пруттики, отталкивая друг друга, стремятся первыми кинуть их в костер Яна Гуса. Но немало шестидесятников было и на физфаке. В их среде

появлялись и люди, считавшие саму идею социализма порочной. Такая точка зрения была, скорее, экзотикой, но отторжения не вызывала. А вот человек, часто соглашающийся с официальной позицией, вызывал настороженность. В основном же физфаковцы (во всяком случае, на нашем курсе) были, пожалуй, аполитичны. Я не помню, чтобы на групповых сборищах обсуждались какие-нибудь общественные вопросы. Не вызвало бурных дискуссий и вторжение в Чехословакию. Часто приходилось слышать не по возрасту рассудительное «ничем другим это не могло кончиться» или какие-то инфантильные рассуждения, сводящиеся к незамысловатой формуле «наши всегда правы». Но по крайней мере двое физфаковцев отважились на публичные протесты. В студенческие годы я об этом не знал и надеюсь, что кто-нибудь из авторов сборника сможет развить эту тему подробнее.

Конечно, совершенно особенным был период написания диплома. Это уже качественно новое состояние: не учишь то, что сделали другие, а пытаешься сделать что-то сам. Не берусь судить об экспериментаторах, но теоретикам этот переход обычно давался нелегко. Помню свои печальные рассуждения в журнальном зале БАН. Прежде чем браться за свой расчет, нужно воспроизвести чужой результат, а я второй день сижу над фразой в журнальной статье «...из формулы (15) легко получить...». Рядом, на полках, много физических журналов, в них статьи с такими эффектными результатами! Их авторам, наверняка, «легко получить». Потребовалось время, чтобы овладеть стандартными приемами, освоиться в теме, которой начал заниматься, начать чувствовать свою задачу. Первая самостоятельная работа запоминается на всю жизнь.

И вот наконец день вручения дипломов. Неоднократно воспетый, он должен был быть таким же праздником, как получение аттестата по окончании школы. Но праздник не получился. Зима, на Васильевском острове ледяной ветер. В Большой физической заместитель декана Р. Эварестов вручал дипломы. Было холодно, многие сидели в пальто. Почему-то не горела часть ламп – полумрак. Но дело, конечно, не в этом. Дипломы выдавались вместе с направлениями на работу, как правило, в научно-исследовательские институты или в производственные объединения. Необходимо было согласие этих учреждений принять конкретных выпускников. После окончания церемонии на столе осталось шесть или семь дипломов – их обладателей никто не согласился взять на работу. В конце концов деканат решил выдать им «свободные дипломы», то есть без распределения. Оформление таких документов требовало дополнительного времени, и выдача этих дипломов откладывалась. Большинство дипломов, оставшихся на столе, были в обложках красного цвета, то есть это были дипломы с отличием. Все выпускники, не получившие в тот день дипломы, были евреями.

Партийные чиновники, распорядившиеся не принимать евреев, скорее всего, сами не смогли бы дать рациональное объяснение своим действиям¹. Официальная пропаганда твердила о «дружбе народов» и о «равноправии наций в СССР».

---

¹ Некоторые мемуаристы пытаются объяснить (а иногда и оправдать) такие ситуации тем, что руководители учреждений видели в евреях потенциальных эмигрантов. К описываемому времени это объяснение неприменимо – эмиграции тогда не было.

Дискриминация по этническому признаку вообще формально считалась уголовно наказуемым преступлением. Но, как и во многих других случаях, официальные декларации не имели ничего общего с действительностью. Попытка добиться справедливости, ссылаясь на законы, была бы по меньшей мере наивной. Многие университетские профессора пытались помочь этим выпускникам устроиться по специальности. Думать о работе, соответствующей их квалификации, уже не приходилось – некоторые, найдя работу, занимались наукой в свободное время. Сегодня в механике твердого тела известны структуры и константы Вигдергауза, в списке членов РАН значится академик Тендлер. Но в тот январский вечер 1971 года их дипломы остались на столе.

Годы студенчества для большинства пришлись на возраст от 18 до 23 лет, когда мы приобретали не только знания, но и жизненный опыт. Эмоциональную сторону жизни невозможно передать в рамках очерка. Следует также иметь в виду, что впечатления людей, родившихся вскоре после войны, кроме неизбежных индивидуальных отличий, сильно различаются в зависимости от года рождения. Еще в середине семидесятых годов мой приятель провел интереснейшее исследование того, как по-разному проходила ранняя молодость у людей, например, 1945, 1947 и 1950 годов рождения, имея в виду не только внешние обстоятельства, но и сам процесс взросления. Опубликовать результаты этой работы тогда не удалось. Лет через пятнадцать это было бы возможно, но к тому моменту объектам исследования было уже лет по сорок, и тема стала мало кому интересна.

Сейчас многие из моих бывших однокурсников работают в области физики. Некоторые из них возглавляют научно-исследовательские и учебные институты. Пожалуй, самую необычную карьеру сделала Светлана Ледомская, учившаяся некоторое время в нашей группе. Уехав в Киев, она в девяностых годах стала заместителем председателя Фонда государственного имущества Украины. Оставаясь в этой должности при нескольких президентах, Светлана Юрьевна уважительно именуется украинской прессой «непотопляемой».

Вообще же за всю историю существования факультета было немало студентов, для которых он стал лишь промежуточным этапом – в дальнейшем они стали заниматься совсем другими делами. Физфак окончили архимандрит Августин (в миру Д. Никитин) и председатель Петербургской еврейской общины М. Грубарг; известный коллекционер живописи бывший политзаключенный Г. Михайлов и нынешний председатель Центральной избирательной комиссии В. Чуров. В свое время Первая мировая война прервала обучение на физико-математическом факультете В. Меркулова, ставшего впоследствии наркомом госбезопасности СССР и расстрелянного вместе с Л. Берией.

В период возросшей политической активности конца восьмидесятых годов выпускники физического факультета представляли все оттенки общественного мнения. В предвыборной кампании 1990 года оппонентом бывших физфаковцев – сторонников радикальных реформ иногда выступал учившийся в соседней группе Виктор Ефимов, ставший к этому времени секретарем горкома КПСС. Кстати, моя однокурсница Наташа Фирсова напомнила недавно, что избранный тогда Ленсовет, в числе депутатов которого была и она, принял решение о посте-

пенном возвращении Университета из Петергофа. Были сделаны и первые шаги: депутатская комиссия присмотрела в городе для Университета несколько зданий. Однако досрочный роспуск Совета прервал дальнейшее осуществление проекта.

Черновой вариант этого очерка заканчивался грустными словами о том, что физфак и Петербург существуют теперь порознь. Но последние события дают повод для более радостной концовки: в конце 2011 года Министерство обороны передало Университету территорию бывшего кадетского корпуса, которую занимала до недавнего времени Академия тыла и транспорта. Появилась надежда на возвращение физфака в Петербург. Уверен, что и город, и физфак от этого только выиграют.

Некоторых авторов этого сборника я когда-то поздравлял с двадцатилетием. Сегодня им за шестьдесят. Впрочем, поделюсь недавно открывшейся мне истиной: *физик не должен бояться чисел!* Попрощаюсь с читателями на этой оптимистической ноте.

«Мангышлак-66»

А.В. Лавров, А.Н. Шацев, В.В. Федоров, М.И. Эйдес
(студенты 1965–1971 гг.)

Мы ехали в стройотряды – рвались сами, отбирались по конкурсу. Мы еще носили эту форму с гордостью... образца шестьдесят шестого года она была в Ленинграде желто-оливковая... На Мангышлаке мы строили железную дорогу в пекле пустыни... Мы вламывали по десять часов в день – рвали жилы на совесть: мы – могли, мы – проверили себя, испытали – и утвердились! мы были – гвардия, студенты, – за двести рублей за лето! пахали, как карлы.

М. Веллер. Короткая проза

Введение

Мы учились на физфаке с 1965 по 1971 г. Весной 1966 г. записались в стройотряд на полуостров Мангышлак.

Мы понимаем, что с точки зрения современного рационального молодого человека мы поступили не совсем разумно. Но мы поступили так, как поступили.

Утром в день отъезда собрались у Университета, где был митинг всех университетских отрядов, командиром которых был Джо Джорбенадзе. Потом прошли маршем по Невскому проспекту к Московскому вокзалу.

До Мангышлака ехали в плацкартных вагонах дня четыре через всю европейскую часть СССР. Несколько часов эшелон стоял в Москве, в результате мы разъехались по всей столице, ярко выделявшиеся желтые куртки можно было встретить почти в любом ее районе. Везде спрашивали, куда нас отправляют, не во Вьетнам ли, часом. Волгу переезжали где-то между Пензой и Оренбургом. В Оренбурге часа два гуляли и купались в Урале. Река оказалась там достаточно мелкой: на другую сторону можно было перейти, но течение быстрое. Наконец приехали на станцию Макат, а затем на полустанок Эмба, который находится примерно в пятистах метрах от одноименной реки. Там было несколько бараков. На другой стороне от железной дороги была небольшая казахская деревня, Валера Федоров, Володя Пискунов и Толя Тюнис даже ходили в баню в один из дворов. В пяти минутах ходьбы от места, где нас поселили, через Эмбу был перекинут железнодорожный мост в одну колею.

Мы заняли несколько помещений барачного типа, в которых было по несколько комнат, каждая человек на двадцать. Две бригады с физфака (бригада Тюниса и бригада Кузнецова) расположились в двух больших и двух маленьких комнатах. В одной из маленьких жили наши девушки в количестве 8 человек. Кроме физиков были ребята с матмеха, химфака и философского факультета. Всего в отряде нас было больше 100 человек, к концу осталось 80 (остальных по разным причинам, в основном по здоровью, в течение этих двух месяцев отправили назад). Кроме тех, кто работал на железной дороге, были 3 повара с филологического факультета и фельдшер, до этого она работала (или проходила практику) на Кубе. Начальство занимало отдельный барак, в котором одна комната была отведена под лазарет, куда обычно попадали с высокой температурой после дежурства в столовой, напившись там вволю воды из холодильника. После «чудодейственной» таблетки, которую вручала фельдшер, на следующее утро температура понижалась до 35,3, и можно было выходить на работу, правда, слегка покачиваясь. После обеда самочувствие уже было в норме.

Фамилия командира отряда была Латник. Был еще комиссар. Оба с каких-то гуманитарных факультетов. На линии они не работали. От командира какая-то польза была, а от комиссара, как нам кажется, пользы особой не было. Был еще завхоз, парень с матмеха. Недели через три он, видимо, наладил нужные связи в поселке, стал доставать продукты получше, и кормить нас стали гораздо вкуснее. На соседнем разъезде работали наши друзья с матмеха. Иногда мы встречались с ними.

На следующее после приезда утро мы впервые вышли на работу.

Работа

В то время от Маката до города Шевченко (после 1991 г. – Актау) уже была проложена железнодорожная ветка (так называемый первый слой). Это значит, что была сделана насыпь из песка, на ней небольшая подушка из щебенки, на которую были положены шпалы и рельсы. Далее много лет все это утрамбовывалось поездами. Полотно было неровное, поезда ходили раза 3-4 в сутки со скоростью 8-10 км/ч, очень часто бывали аварии. На своем участке протяженностью километров 8 (в один из дней с балластером мы «подняли» больше километра) мы должны были проложить «второй слой» и сделать работу по «третьему слою». Это означало, что сначала мы должны были поднять полотно (рельсы вместе со шпалами) на высоту в несколько десятков сантиметров (максимальная высота, на которую мы его поднимали, была сантиметров 70-80), засыпать все это балластом (щебенкой) и выровнять путь. Затем («третий слой») засыпать все это гравием, и не просто засыпать, а оформить красивую «пирамиду» в соответствии с правилами, а потом окончательно сделать «выправку» по вертикали и рихтовку по горизонтали. Когда мы все это сделали, в один из последних дней увидели впечатляющее зрелище – абсолютно ровная, как стрела, ветка, по которой нас прокатили на небольшом составе со скоростью уже 80 км/ч.

Для чего, собственно, предназначалась эта железная дорога: во второй половине XX века на полуострове Мангышлак, административным центром кото-

рого стал город Шевченко, был создан промышленный комплекс по добыче и переработке урановой руды. Кроме того, там добывали нефть. Дорога предназначалась для перевозки обогащенной урановой руды и нефти в центральные районы страны и для снабжения города и его жителей всем необходимым.

Вернемся к нашему рассказу. Жара в июле стояла страшная: +36° считалось нормально, +38° бывало довольно часто, регулярно доходило до +45°. Максимальная температура была +52°. По ночам, как в термостате, +33°. Когда в августе по утрам стало «холодно», то есть +25°, мы умывались и ходили на завтрак в свитерах.

В первые дни жажда была такая, что водовозка приезжала сначала не на разъезд, а прямо на линию. Все бросались к ней, водитель открывал кран цистерны, мы набирали воду в любые емкости и пили жадно, набирали воду в шляпы и надевали на голову, смачивали рубашки. Недели через три мы акклиматизировались, и водовозка уже ехала прямо в лагерь.

Режим был такой: 50 минут работы, 10 минут перекура. С 8.00 до 12.00 и с 14.30 до 18.30. В субботу работали до обеда. В воскресенье отдыхали. В перекур, особенно в июле, мы пили много воды. К концу дня у многих на спине был тончайший слой соли. Прямо по Ильфу и Петрову: «Парниша. <...> У вас вся спина белая!»

Технологический цикл работ состоял из различных операций. Первые две недели – работа с балластером, машиной, которая сильными магнитами поднимает рельсы вместе со шпалами, щебенкой и песком. Максимальная высота этой «вафли» примерно 80 см. Было уже разгружено несколько составов крупной щебенки по обеим сторонам пути, и она успела слегка погрузиться в песок. Щебенка между шпалами и рельсами, утрамбованная вместе с песком за много лет, превратилась в монолит. Мы стоим по обе стороны пути (человек по 10 с каждой) и, двигаясь вместе с балластером, ломами пробиваем этот монолит между шпал, чтобы он проваливался вниз. Одновременно за балластером идут засыпщики и вилами засыпают путь щебенкой, чтобы шпалы легли на нужную высоту. Подняв участок пути длиной примерно от 400 до 1 000 м, балластер уезжает. Засыпщики продолжают бросать щебенку до нужного уровня, а мы переходим к другой работе – начинаем подбивать щебенку под шпалы и уплотнять ее ломами. Через два-три дня на руках не осталось живого места от лохмотьев мазелей, с которыми нас научила бороться фельдшер при помощи йода (ни в коем случае не при помощи зеленки). Еще дня через два-три руки сделались как подошва ботинка, и им стало все нипочем. Серезу Яковицкого пыталась укусить гадюка в большой палец руки, но ей не удалось прокусить кожу. Через две недели привезли первые электрические шпалоподбойки, уплотняющие щебень за счет вибраций широкого ножа. Они существенно облегчили жизнь, хотя были старого образца, без амортизаторов. Вскоре привезли новые шпалоподбойки, гораздо меньше бившие по рукам, с довольно хорошими амортизаторами. Примерно через две недели балластер сломался, и его увезли на ремонт в Джамбул. Больше он не возвращался. После этого путь мы поднимали обычными масляными домкратами.

Кроме того, начали привозить свежую довольно мелкую щебенку, которую девушки уже могли разбрасывать и лопатами. Вилы для них мы тоже готовили «специальные»: отламывали с краев две «вилины», в результате вес вил со щебенкой был вполне для наших девушек подъемный.

П. Копьев, А. Петрунин, А. Логинов, А. Шацев

Основная подъемка пути в конце июля закончилась, осталась выправка, то есть подъемка на небольшую высоту (до 10 см) для общего выравнивания пути. Процедура следующая. Грузовой состав из 10–20 платформ со щебенкой (разгружаемых вручную) либо полувагонов (вагоны, которые открываются ударом лома снизу с обеих сторон и высыпают щебенку на ходу по краям пути) подходит к нужному участку¹. Либо мы вручную вилами сбрасываем щебенку, либо вагон саморазгружается. Балласт небольшими кучами лежит вдоль пути. Вилами равномерно разбрасываем щебенку между шпал. С помощью электрических шпалоподбоек уплотняем балласт. Шпалоподбойки (их четыре) запитываются от железнодорожной электростанции, которая установлена на дрезине. Работа со шпалоподбойкой – самая тяжелая. На ней работали только самые сильные парни. У тех, кто работал на шпалоподбойках, по утрам не разгибались пальцы – пальцы одной руки разгибали медленно с помощью другой. Разгибались они щелчками – у пальцев было несколько фиксированных положений.

После уплотнения балласта рихтуем (бригада примерно из 12 человек с ломами) и поднимаем домкратами путь. При рихтовке нужно, чтобы вся бри-

---

¹ Были еще саморазгружающиеся вагоны – хoppers-дозаторы. Они открываются машинистом, после них не надо ничего разбрасывать (потому они и дозаторы), их пускают после выправки делать призму.

гада одновременно поднажала на ломы. Это удобно делать под популярные у железнодорожников, но нецензурные четверостишия. Поэтому мы их здесь приводить не будем. Если поблизости нет девчонок, то мы рихтуем путь именно под эти стишки.

М. Эйдес

Кроме того, мы меняли шпалы. Стыковые шпалы меняли почти все подряд, забивали костыли, противоугоны. Работа с молотком – одна из самых сложных: одно неверное движение, и отломанный молоток летит в сторону. Делали разгонку рельсов, то есть приводили зазоры на стыках к стандартной величине.

Такая четкая схема установилась не сразу. Вначале было много суеты, бестолковщины, бардака. Дважды меняли мастеров. Фамилия первого была Ф., он был из ЛИИЖТ, красавец-атлет. Но пришлось его выгнать за безделье. Работу мы наладили толком только в августе, когда поняли смысл всех операций в целом. В середине августа стало чуть прохладней и окончательно закончилась акклиматизация. Стало легче. Днем, в начале работы, пили уже не столько, отпивались теперь по вечерам – очень много подкисленного чая, литра по три. В зависимости от того, на каком расстоянии от лагеря мы работали, на смену шли либо пешком, либо нас везли на грузовике. Самым тяжелым и мучительным было после обеда и небольшого сна выходить на линию.

Быт и отдых

За два стройотрядовских месяца мы, естественно, перезнакомились со всеми ребятами из наших физфаковских бригад. Среди физиков был у нас и гитарист (а также борец-вольник) Володя Забелин (Шкипер) из Череповца.

Работали с нами еще и прикрепленные от милиции трудные подростки, человек шесть. В те годы во всех стройотрядах Ленинграда (по-видимому, в стройотрядах других городов страны ситуация была аналогичная) это было обычной практикой – подростки два месяца работали вместе со студентами.

Т. Борзых (Тяпкина) и В. Кулешова (Тюнис)

Наши подростки вели себя вполне прилично. Работали не хуже нас. В свободное от работы время держались своей компанией. Их предводитель по кличке Фельдфебель явно был с поврежденной психикой. Мы не знаем, как сложилась их судьба – больше мы ни с кем из них никогда не встречались, но надеемся, что хотя бы один из них после двухмесячной работы со студентами-физиками из трудного стал просто подростком. Забегая вперед, отметим, что когда за день до возвращения домой мы все получили зарплату за два месяца, то каждый из этих подростков очень бережно держал в руках свои 190 рублей, сумму вполне приличную по тем временам. На лице у ребят было выражение некоторого удивления. Вероятнее всего, до этого им приходилось иметь дело только со скромной выручкой за сданные бутылки.

По вечерам, после ужина, когда было относительно прохладно, мы брали на кухню чайник с кипятком, отходили метров на пятьдесят от лагеря (там вокруг был песочек и кочки, на которых росли какие-то растения с большим количеством колючек), заваривали чай и наслаждались прохладой и общением друг с другом. Это было прекрасно, как сейчас помним.

У нас были нормальные кровати и белье. Кормежка в начале была не блеск: много пшенной каши и маловато мяса и овощей. Но в августе стало лучше. В воскресенье после обеда повара отдыхали, поэтому на ужин нам давали только чай, хлеб, булку, масло, пару вареных яиц и по воблине. Воду в лагерь привози-

ли на водовозке раза три в неделю и сливали в специальный колодец. Примерно три раза за два месяца работ мы дежурили: таскали воду из колодца для кухни и умывальников, чистили картошку и мыли посуду. Нам очень повезло с местом, поскольку рядом была река. Мы успевали окунуться в обед и уже основательно купались после работы.

За два месяца работы нас раза три возили в поселок Кульсары¹, который находился километрах в двадцати от нашего полустанка. Там было чудо – искусственное озеро, сделанное еще англичанами до революции, и ими же построенная и действовавшая до наших дней узкоколейка. Мы ходили в баню, купались в озере и на базарчике покупали фрукты.

Первую неделю мы пытались активно отдыхать: по вечерам устраивали соревнования по борьбе (были специалисты по самбо и вольной борьбе), спарринги по боксу, играли в волейбол. Валера Федоров и Слава Кузнецов по утрам решили бегать по километру (до переезда через железную дорогу и обратно), но через неделю спортивный запал постепенно угас. В волейбол продолжали играть все два месяца и даже участвовали в каких-то соревнованиях.

Вечерами были песни под гитару на крыльце и тихие беседы под чай. На гитаре играли многие, поэтому репертуар был богатый (богаче того, который был в выданном каждому из нас сборнике туристских песен, изданном в ЛГУ). Были почти профессионалы: парень из ЛИТМО играл в джазовом оркестре, две девушки с химфака пели в ансамбле. Сочиняли и свои песни: Володя Еременко написал гимн Мангышлаку. Позволим привести его на этих страницах.

Мангышлак зовет в дорогу, тилим-бом.
До свиданья, мама, до свиданья, дом!
Не горюйте очень, я еще вернусь.
В путь-дорогу!
И долой из сердца грусть!

Привет:
Мангышлак!
Одни пески там. Мангышлак!

---

¹ Кульсары есть на снимках со спутника, которые выложены в Google. А вот нашего полустанка мы там не нашли.

И нет воды там. Мангышлак,
Мангышлак!
Пусть, если надо, будет так...

Каждый денек будет длиться, как два.
Чем не угодили мы тебе, судьба?
Девушки, милые, где же вы?
Одичали, озверели, как скоты...

Привет.

Если все же вернемся домой,
Не поставят памятник нам с тобой.
Пусть хоть скелет, но без обмана
Все же получит благодарность замдекана.

Привет.

Август 2010

Разводили костры и сидели допоздна всего несколько раз, перед выходными.

На Мангышлаке многие из нас впервые увидели осла и верблюда в естественных условиях. Ослы, действительно, были очень упрямые. А у верблюдов вид был не такой солидный, как у их родственников в зоопарке. Верхушка горба, например, как-то смешно свешивалась набок. К тому же верблюды иногда плевались, причем без всякого, как нам казалось, повода.

Однажды к нам приезжал ректор ЛГУ К.Я. Кондратьев. Он побывал во всех отрядах ЛГУ на трассе. Нас построили, и мы его слушали в строю. В частности, речь шла о строительстве университетских зданий в Старом Петергофе. Ректор сказал, что мы все будем оканчивать Университет уже в новом комплексе. Этого, конечно, не случилось. Новый комплекс был построен через несколько лет после того, как мы Университет окончили. На ректора, когда он выступал, мы несколько злились: днем, во время обеда, он с сопровождающими выпил наш компот, и нам после рабочего дня ничего не осталось. Ректор держал речь, мучаясь от жары, и было его также немного жалко. Мы-то уже привыкли.

Однажды к нам приезжала студенческая бригада артистов на грузовике, с которого она и выступала. Очень они нас порадовали. Не гравием единым жив человек, душе тоже чего-то хотелось...

Вместо эпилога

В конце августа мы закончили работу, пару дней отдохнули, погрузились в эшелон, и дней через пять большинство из нас вернулись в Ленинград. Это были счастливые пять дней отдыха и наступающей прохлады. Почему большинство,

а не все? Железнодорожное начальство выписывало всем желающим бесплатный билет до любой станции СССР – часть ребят, неленинградцев, поехала к себе домой, несколько наших друзей отправились на неделю купаться на Черное море.

Довольно большая компания, в основном выпускники 239-й физматшколы, поехали по бесплатным билетам на Кавказ через Волгу: Саратов, Куйбышев и Волгоград. Они останавливались в этих городах, поскольку никто из них в этих местах раньше не был. Были они черные и тощие, в оливковых куртках, и их кое-где принимали за кубинцев (кубинцы были тогда популярны). Саратов был первым «цивилизованным» пунктом на их пути. Ребята прошли по набережной Волги, а потом от пуза пообедали в ресторане. В Волгограде первым делом пошли на Мамаев курган. Затем «свалились» к морю, в Сухуми, и провели там несколько дней. Потом вернулись в Питер.

Коэффициент трудового участия у большинства бойцов был единичка, они заработали 190 рублей (у лучших ребят он был 1,2). С тех, кто курил, вычли десятку за сигареты. Студентов 2-го курса с 1 по 15 сентября послали на картошку. Нас, стройотрядовцев, естественно, от картошки освободили, так что мы в Ленинграде немного отдохнули.

В конце сентября мы устроили банкет в плавучем ресторане около стадиона имени Ленина (ныне Петровский стадион). С тех пор прошло 45 лет. Все эти годы мы постоянно вспоминаем Мангышлак.

Пусть, конечно, но как минимум 5 человек из наших бойцов стали докторами наук. Один из них – профессор в США и главный научный сотрудник Института ядерной физики (в Гатчине), второй доктор – руководитель одного из отделений того же института, еще один – заведующий одним из отделов в институте РАН в Питере (его недавно избрали членом-корреспондентом РАН), еще один доктор – директор уже упомянутого Института ядерной физики. Наконец, пятый наш доктор – главный научный сотрудник ВНИИ в Сарове. Хорошая статистика.

Случайно мы узнали, что сейчас поезда из Москвы в Душанбе и в Куляб идут через Кульсары. А это значит, идут они и по тем восьми километрам, которые мы привели в порядок в 1966 году.

Недавно мы наткнулись на строчки М. Веллера, которые являются эпиграфом к нашему рассказу. Хорошо Веллер сказал. Это и про нас тоже.

«Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...»¹

А.В. Лавров (студент 1965-1971 гг.,
кандидат физико-математических наук, сотрудник
Государственного института прикладной химии 1971–2010 гг.,
научный сотрудник Technical University of Lisbon, Portugal)

Люблю я Дубну. Там мои друзья.
Березы там растут сквозь тротуары.
И так же независимы и талы
Чудесных обитателей глаза.
Цвет нации божественно оброс.
И, может, потому не дам я дуба –
Мою судьбу оберегает Дубна,
Как берегу я свет ее берез.

А. Вознесенский (1964)

Почему я не пошел учиться в Корабелку

К физике мои родители никакого отношения не имели. Мама в 1951 г. перешла в школу на работу учителем истории из Октябрьского райкома КПСС Ленинграда, где работала инструктором. (В 1948 г. мама окончила заочное отделение истфака Педагогического института им. А.И. Герцена.) Папа в 1950 г. пошел работать электротермистом на вспомогательное производство Прядильно-ниточного комбината им. С.М. Кирова, покинув должность инструктора в отделе сельского хозяйства Леноблисполкома. Через 3 года папу перевели на должность младшего экономиста того же предприятия. Ни института, ни техникума папа не оканчивал, но раньше некоторое время работал директором совхоза, поэтому умел делать необходимые экономические расчеты.

В 50-60-х гг. у нас в гостях регулярно бывал друг семьи А.К. Усыкин. В 20-х гг. на Псковщине он и мои родители участвовали в создании первых пионерских отрядов и комсомольских ячеек. В 1935 г. А.К. окончил кораблестроительный факультет ВВМУ им. Ф.Э. Дзержинского, 2 года пробыл в команди-

---

¹ За помощь в подготовке текста автор благодарит Н. Анодину, М. Аранова, Ю. Баскакова, М. Горяева, Н. Джагарянц-Слиткова, Г. Дружинина, В. Клейменова, Б. Когана, Г. Лаврову, В. Лаврову, И. Погодина, Т. Рождественскую, Е. Смирнова, С. Сутуло, Т. Филиппову, Е. Фролову, В. Фролова, Д. Эпштейна, В. Янковского.

ровке в Италии как представитель заказчика на постройке лидера эскадренных миноносцев «Ташкент». Всю войну он прослужил военпредом на кораблестроительном заводе в осажденном Ленинграде, бывал в госпитале у папы, которого там лечили после ранения под Невской Дубровкой. Прихода дяди Саши я всегда с нетерпением ждал по двум причинам: во-первых, он дарил мне шоколадку «Золотой якорь», а маме – овальную коробку трюфелей. И то и другое в те годы (начало 50-х) было в нашем доме большой редкостью. Во-вторых, я с огромным удовольствием примерял его фуражку с крабом и золотыми дубовыми листиками и черную тужурку контр-адмирала с нашивками на рукавах и вышитой звездой на погонах. В конце 50-х я потерял интерес к такого рода мини-маскараду. Но его прихода все равно ждал с нетерпением. А.К. всегда рассказывал что-нибудь интересное о своих встречах с академиками-физиками А.П. Александровым и Н.А. Доллежалем. Было совершенно непонятно, в связи с чем эти встречи с физиками происходили столь регулярно. Только в 1996 г., когда дядя Саша выпустил книгу «Военное кораблестроение и атомная энергия»¹, я узнал, что, как представитель ВМФ, он курировал проектирование и строительство первых атомных подводных лодок в стране.

Видимо, под впечатлением от общения с А.К. я в 7-м классе записался в кораблестроительный кружок и в клуб юных моряков (в Дом пионеров и школьников Октябрьского района – я жил на углу Фонтанки и переулка Макаренко). Занимался там с удовольствием и к концу 8-го класса решил, что поступать буду в Кораблестроительный институт. В 7-м классе я поставил личный рекорд по количеству кружков, которые посещал. Кроме уже упомянутых в школе я ходил в 2 кружка: по физике и юных киномехаников. Во Дворце культуры им. Первой пятилетки я занимался в кружке по изучению азбуки Морзе. Наконец, в секцию классической борьбы в спортзале ДСО «Трудовые резервы» меня затащил мой друг Юра Меркулович. Правда, с борьбой дела шли плохо. Я всегда был неуклюжим, да и сил было маловато, поэтому на лопатки меня укладывали все ребята из секции. Месяца через 3 я секцию бросил, о чем впоследствии жалел.

Учеба в восьмилетке по всем предметам, кроме русского языка и физкультуры, давалась легко. Класса с 6-го преподавательница математики посылала меня на районные олимпиады. А через год я начал и по физике в олимпиадах участвовать. Заслуг больших не было – за все годы 2 диплома третьей степени. В мае 1962 г. учительница математики сказала, что 239-я школа на конкурсной основе набирает классы с углубленным изучением математики и физики. Экзамены я сдал успешно, и 1 сентября началась моя учеба в этой школе. Директор школы М.В. Матковская и ведущие сотрудники физфака ЛГУ и ЛОМИ Г.И. Петрашень и В.Б. Залгаллер собрали самых лучших преподавателей по всем предметам, а не только по математике и физике. В школе царил атмосфера благоговения перед знаниями. Каждый из учителей был не только талантливым преподавателем своего предмета, но и Педагогом в самом лучшем смысле этого слова. Моим классным руководителем была прекрасный учитель истории Мирра Гиришевна Кацнельсон,

---

¹ Усышкин А.К. М.: Изд-во Российского научного центра «Курчатовский институт», 1996.

главным принципом уроков которой было – учить думать. Математику вел легендарный петербургский педагог В.А. Рыжик (сейчас он успешно преподает в лицее при ФТИ), физику великолепно преподавал Георгий Петрович Посецельский. В 10-11-м классах под его руководством мы проводили физические вечера: 3-4 ученика готовили доклады по одному из разделов физики. На вечер приходили родители, мы эти доклады слушали, а потом обсуждали. Как-то доклад делал мой друг Евгений Смирнов. После доклада профессор физфака Г.Ф. Друкарев (его сын Женя тоже учился в нашем классе) спросил докладчика, чем тот планирует заниматься на физфаке. Е.С. ответил, что хотел бы заниматься квантовой механикой. Интересно, что прошло ровно 10 лет, и в 1974 г. Е.С. после окончания физфака и очной аспирантуры защитил диссертацию по специальности «теоретическая и математическая физика». Я всегда восхищаюсь целеустремленностью моего друга и его умению ставить задачи и эффективно их решать.

Выбор физфака для меня был естественен, экзамены я сдал успешно и 1 сентября вошел в здание на набережной Макарова как студент.

«Трудовые будни – праздники для нас»

В конце августа 1965 г. Мирра Гиршевна пригласила меня на экскурсию в Пулковскую обсерваторию¹. Было очень интересно, и я подумал о том, что, возможно, через несколько лет приду сюда работать.

В 1965 г. уже активно строились корпуса физфака в Петергофе. Первоначально предполагалось, что и мы поработаем там 2 недели. В итоге строители попросили студентов помочь с уборкой мусора на других объектах. Наша группа убирала мусор в уже практически построенном здании кинотеатра «Нарвский». В течение последующих 25 лет я часто бывал в нем. В кинотеатрах на Невском, как правило, на новый интересный фильм билеты было купить трудно, и я всегда с гордостью думал о том, что в «Нарвский» вложен и мой труд.

Такие же чувства я уже много лет испытываю, когда бываю в БКЗ «Октябрьский», в котором мы, учась в 239-й школе, убрали мусор в апреле 1965 г. на Ленинском субботнике. Особенно тепло было на душе, когда 15 февраля 2011 г. я онлайн, находясь в Лиссабоне, смотрел праздник, посвященный пятидесятилетию преобразования 239-й школы в физико-математическую. В зале было около 4 000 выпускников и учителей разных лет, всего школа за 50 лет выпустила примерно 14 000 человек.

16 сентября 1965 г. начались учебные будни. Представление об «идеальном лекторе» связаны у меня с именами М.Ф. Широхова и Н.А. Толстого, которые читали четко, понятно, не быстро и не медленно. Конспект как бы сам получался идеальным. Н.А. иногда, чтобы дать нам возможность немного отдохнуть, отвлекался от физики и рассказывал какую-нибудь забавную историю, связанную с его преподавательской работой в Каирском университете.

---

¹ В школьные каникулы М.Г. подрабатывала групповодом в Ленинградском бюро путешествий и экскурсий.

По-моему, абсолютно все студенты любили и уважали замдекана В.И. Валькова. На Дне физика в капустнике пели посвященную ему песню, слова которой мне напомнил Г. Дружинин:

Как-то раз по недоразумению
Я квантуху завалил, да-да.
И, представьте, в деканате сразу
Направленье получил на пересдачу – сдачу.
Валентина, Валентина, Валентина Ивановича
Мы все ценим, очень ценим, очень ценим, ча-ча-ча.

К экзаменам мы обычно готовились вместе с друзьями: Валерой Акулиничевым, Толей Шацевым и Ларисой Сахарниковой. Так было гораздо эффективнее, чем поодиночке. Собирались на весь день по очереди у кого-нибудь. Отдельная квартира в то время была только в семье Валеры. Ее получил его папа, участник войны, полковник, преподаватель Военной академии. Это была малюсенькая хрущевка первой серии.

Конспекты мои никогда не были идеальными. Самые лучшие в нашей группе были у Вити Капустина и Володи Мостепаненко. Они мгновенно схватывали читаемый материал и умели его очень четко конспектировать. Я частенько по их конспектам правил свои.

С Витей мы в школе и в университете с увлечением занимались ориентированием. Позднее Витя начал практиковать судейство по этому виду спорта и получил звание судьи всесоюзной категории. Витя Капустин, к сожалению, ушел из жизни очень молодым, еще в 2007 г.

Володя одним из первых на нашем курсе защитил докторскую диссертацию. В 2005 г. я открыл «Независимую газету», где был опубликован список 150 российских ученых, работы которых наиболее часто цитируются. Было очень приятно наряду с фамилиями Алферова и Гинзбурга увидеть в этом списке и Володину фамилию.

В сентябре 1966 г. мама ушла на пенсию, которая составляла 110 рублей. А папа вместе с премиями получал в среднем 150 рублей. При таком доходе в семье стипендию мне давали только при отсутствии троек. Получал я стипендию все время. Хотя одну тройку все-таки схватил: классическую электродинамику у нас читал Юрий Петрович Яппа. К экзамену я подготовился плохо – понадеялся на авось. Но не проскочил. Ю.П. сказал, что ставит мне тройку. Получать ее не хотелось, поэтому я попросил разрешения пересдать экзамен и в связи с этим попросил поставить мне двойку. В те годы пересдать экзамен можно было только, если получал неудовлетворительную оценку. К повторному экзамену предмет я выучил хорошо. Билет ответил нормально, но дополнительные вопросы Ю.П. задал достаточно сложные, я «поплыл», и в итоге в зачетке у меня появилась первая (и последняя) тройка. Сразу после экзамена было обидно – Ю.П. явно подтолкнул меня к тройке. Однако, поразмыслив, я пришел к выводу, что прав был преподаватель: не приходи на экзамен плохо подготовленным. Позже от однокурсников

я узнал, что Ю.П. на передаче никогда выше тройки не ставит. Урок получил на всю жизнь. Как говорит мой друг Андрей Уткин, «учи всегда на пятерку, на тройку само получится». Не знаю, по какой причине, но стипендию мне в том семестре все-таки дали.

Вспоминаю я и экзамен по курсу «Теория атома», который читал нам молодой доцент Леонтий Нахимович Лабзовский. Курс был небольшой, читал Л.Н. очень четко, но конспект у меня получился плохой. А до экзамена оставалось 2 дня. В разговоре с Мишей Эйдесом я поделился своими проблемами, и он, неожиданно для меня, предложил помочь – прийти к нему на весь день позаниматься накануне экзамена. Сам он сессию сдал досрочно. Провел я дома у Миши часов 12. Он объяснил мне все, что было неясно. Получил я пятерку.

Семинары по математике у нас вел А.С. Благовещенский. Периодически он приходил на занятия не только с портфелем, но и с футляром, в котором была скрипка. Сведущие однокашники говорили, что А.С. играет в университетском оркестре.

В начале 5-го курса я пошел писать диплом к молодому доценту Алексею Алексеевичу Киселеву. Он предложил мне сделать кое-какие расчеты, связанные с эффектом Яна – Теллера применительно к молекуле CO_2 . А.А. дал мне список статей, которые я должен был изучить, мы регулярно встречались. Через некоторое время после начала работы над дипломом А.А. уехал на несколько месяцев в научную командировку в Англию, и моим руководителем по диплому стал Моисей Наумович Адамов, который читал у нас теорию молекул. Когда А.А. вернулся, руководили мною они оба. За время работы над дипломом я, видимо, не проявил должного трудолюбия и таланта, поставленную задачу до конца не решил и на защите получил четверку. Это было фактом неординарным: на всю группу было 2 или 3 четверки и одна тройка. Мои контакты с А.А., однако, не прервались, хотя, когда мы в январе 1971 г. прощались, я подумал, что совместной работы у нас уже больше не будет.

Кроме меня четверку получил мой друг Володя Фролов. С его разрешения процитирую недавнее письмо ко мне:

...Получил я четверку при следующих обстоятельствах. За месяц до защиты дипломной работы у меня украли портфель со всеми материалами, включая все черновики. Месяц до диплома я трудился день и ночь, и оказалось, что помнил все выведенные формулы. Но времени, конечно, не хватало, еще ведь и закончить диплом нужно было. Работал я до последнего дня и договорился привезти его на рецензию Я.Я. [рецензент диплома, инициалы изменены] накануне защиты. Он велел приехать в 8 вечера. Ясное дело, я приехал в 9 (часа на оформление не хватило) и, входя, увидел, что начинается фигурное катание, которое он и собирался смотреть... Он был очень раздосадован, но пришлось еще убить на меня

А. Лавров (1965)

полчаса от драгоценного катания на комментарию. На следующий день прихожу на защиту, рассказываю диплом, жюри спит как всегда, и вдруг в конце, после нескольких вялых вопросов, Я.Я. говорит: «Что-то я не припомню вот этого заключительного дисперсионного соотношения, оно есть у Вас в тексте диплома?» Ну а я правдиво ему отвечаю: «Нет, там его нет, я его вывел уже после фигурного катания». Тут жюри проснулось, работу похвалили и вкатили мне четверку за отсутствие окончательной формулы в тексте диплома. Но это формально, а фактически, думаю, подвело фигурное катание. ...Я не очень люблю этот вид спорта и практически его не смотрю...

Вот такие бывали на физфаке «фигурные катания».

Распоределился я в Государственный институт прикладной химии, в группу термодинамики, которой руководил кандидат химических наук Г.А. Хачкурузов. Группа совместно с сотрудниками Института высоких температур АН СССР занималась расчетами термодинамических функций индивидуальных веществ, руководил работой академик В.П. Глушко.

Когда я пришел в отдел кадров оформляться на работу, выяснилось, что в последний момент создана группа по расчету проточных газовых лазеров, в которой я и начал работать. Работа была для всех нас новая, и мы с трудом нащупывали путь, по которому надо двигаться. Первые месяцы настроение у меня было подавленное: работа шла медленно, мы читали литературу, формулировали математическую модель лазера, писали и отлаживали программу для ЭВМ. Как-то в БАНе я встретил Алексея Алексеевича Киселева. Он участливо спросил: «Как дела?» Я, неожиданно для себя, выложил все как есть. А.А. немного подумал и предложил продолжить работу, начатую в дипломе, с перспективой поступления в заочную аспирантуру ЛГУ. Я согласился. Через пару дней мы встретились с доцентом кафедры физики атмосферы Ю.М. Тимофеевым. Он и А.А. предложили тему: «Исследование особенностей спектров некоторых молекул атмосферы». А.А., естественно, понимал, что мне не потянуть диссертацию по специальности «теоретическая и математическая физика». Предложенная тема была прикладной. Только что вышла книга К.Я. Кондратьева и Ю.М. Тимофеева «Термическое зондирование атмосферы со спутников», которую я проштудировал для общего ознакомления с проблемой. Работал я, естественно, по вечерам и по выходным. В БАНе копировал необходимые статьи. Мы с А.А. регулярно встречались. Так прошло 2,5 года. В апреле 1974 г. я услышал от А.А. долгожданные слова: «Саша, пожалуй, у вас накопился достаточный материал, чтобы опубликовать небольшую статью в „Вестнике ЛГУ“. Возьмите также в ГИПХе рекомендацию в заочную аспирантуру. Будете поступать на кафедру физики атмосферы».

На следующий день я пошел к начальнику отдела Е.И. Катину, рассказал ему о работе с Киселевым и попросил дать направление в заочную аспирантуру ЛГУ. Е.И. ответил, что, как начальник отдела, он не хотел бы, чтобы сотрудник писал диссертацию по теме, которая не имеет ни малейшего отношения к работам ГИПХа. Но, сказал Катин, если я хочу, я могу поступать в заочную аспирантуру на кафедру гидроаэродинамики Политехнического института, и моя тема

В. Фролов на сборах в Выборге (июнь 1970)

Сборы в Выборге. *1-й ряд (слева направо):* И. Меркулов, А. Елисеев;
2-й ряд: Н. Алексеев, А. Пушкин, С. Васильев, А. Панов, Б. Писакин, В. Орлов;
3-й ряд: А. Шацев, В. Акулиничев, Г. Медынский, С. Петров, В. Зарубайло,
С. Тезейкин, А. Лавров, Ю. Хачатуров (июнь 1970). *Фото В. Фролова*

диссертации полностью будет совпадать с темой работы в ГИПХе. Замечу, что к тому моменту и в ГИПХе дела стали налаживаться. Наша группа, которой руководил мой старший товарищ, физик Боря Александров, наконец врубилась в новую для всех нас тему. Мы разработали математические модели лазеров, составили и отладили большие и оригинальные программы для ЭВМ, сопоставили расчеты с экспериментами, написали несколько больших отчетов и послали статью в специальный журнал.

Размышляя о том, куда идти в аспирантуру, я, естественно, понимал: в случае защиты в ЛГУ шансы мои получить должность старшего научного сотрудника в ГИПХе будут нулевыми. В итоге я выбрал ЛПИ, позвонил Алексею Алексевичу и все объяснил. Прекрасно понимаю, что ему было жалко времени, потраченного на работу со мной. Вместе с тем он понимал причины моего выбора.

Впоследствии на протяжении многих лет мы регулярно виделись в БАНе, и А.А. всегда с интересом расспрашивал меня о работе. Примерно в 1982 г., узнав, что мы опубликовали несколько статей по расчету лазеров в академических журналах (до этого наши публикации были недоступны обычному читателю), Киселев предложил организовать мое выступление на кафедре квантовой электроники ЛИТМО, которой тогда руководил один из патриархов советской лазерной техники профессор К.И. Крылов. А.А. в то время уже был заведующим кафедрой теорфизики в ЛИТМО. Через месяц я у Крылова выступил, было много вопросов и замечаний, в целом доклад прошел хорошо.

К сожалению, Алексей Алексевиич очень рано ушел из жизни.

* * *

Нам, студентам-физикам, очень повезло с военной специальностью «инженер по радиолокации». Теоретические основы радиотехники нам читал подполковник Каплуновский. Слушал его весь курс, включая наших девушек. На госэкзамене по военной подготовке надо было найти неисправность в радиолокационной станции, которая состояла примерно из 20 блоков, в каждом из которых было штук 10 радиоламп и десятки конденсаторов, сопротивлений и т. д. Полученные на военной кафедре знания очень мне пригодились, когда, при необходимости, я чинил наш телевизор «Знамя-58».

«Тот, кто устал, имеет право у тихой речки отдохнуть»

Весной 1966 г. мы заканчивали 1-й курс, и я начал думать, куда поехать летом. Мои университетские друзья: Толя Шацев, Миша Эйдес, Лариса Сахарникова и Лена Титова – решили ехать на студенческую стройку на Мангышлак. Мои родители в юности были, как тогда говорили, активными строителями социализма. Они много рассказывали о своей молодости. Я им по-хорошему чуть-чуть завидовал и решил, что у меня тоже должно быть какое-то Дело. И записался в стройотряд.

Предыдущую фразу я написал в июне 2010 г., когда начал работать над книгой воспоминаний о своей жизни. А осенью 2011 г. я случайно посмотрел запись

телепередачи «Встречи на Моховой» с известным режиссером В. Меньшовым, которую впервые показывали на 5-м канале 3 мая 2009 г. Вспоминая свою юность, он рассказал, что, не поступив во ВГИК с первого раза, поехал работать на шахту в Воркуту. На вопрос ведущего: «Почему Вы выбрали себе такой тяжелый труд?» – В. Меньшов ответил: «Во-первых, это был какой-то период... романтический. Как-то умело была создана... аура в стране, что это было правильно – прожить молодость вот таким образом. ...Это были стройки коммунизма... поучаствовать в них... поехать целину поднимать... Глядя из сегодняшнего дня, с ума можно сойти... Сейчас разве поднять.<...> Поэтому я некоторым образом свою биографию как бы строил... Мне это было интересно... Поехать в Воркуту и попробовать...»

Работать на Мангышлаке мне было очень тяжело. Два раза меня прохватывал радикулит. Фельдшер вкалывала ударную дозу новокаина, первый день я лежал, на второй шел работать на кухню, где было существенно легче, чем на линии: натаскать воды, почистить картошку и помыть посуду для 100 человек. На третий день выходил на линию.

После 3-го курса я (естественно, добровольно) на месяц поехал на Карельский перешеек в сводный сельскохозяйственный отряд студентов физфака, матмеха и химфака. Командирами нашими были молодые сотрудники НИФИ – Вадим Баранов и Саша Петров. Поехали туда также мой хороший знакомый по 239-й школе Марк Стрикман и Миша Тендлер, с которым мы учились в одной группе. Мы жили в прекрасном месте – на восточном берегу Красноозерного озера. Пожалуй, это был самый прекрасный месяц работы и одновременно отдыха в моей жизни. В процессе подготовки этого текста мы созвонились с Игорем Погодиным, который тоже работал в сельхозотряде, и с очень теплыми чувствами вспоминали тот июль. В первый рабочий день руководивший нами совхозный бригадир привез на тракторной тележке штук тридцать кос и брусков для их заточки. Большинство из нас этот инструмент держали впервые в жизни. Мы косили сено на неудобьях и метали стога. На обед нам привозили флягу парного молока и хлеб, при желании можно было дополнить еду лесной земляникой, которой на полянках было много. Если плацдарм работы находился далеко от места, где мы жили, нас подвозили на грузовике.

На сохранившейся фотографии видно, что на работу мы ездили с гитарой, в обед успевали попеть. Рядом с нами находилась база отдыха какого-то ленинградского завода, на которой было несколько лодок. Заводчане приезжали только на выходные, поэтому в будни, после работы, мы катались по озеру. В середине июля пошли грибы. Такого количества подосиновиков, как в то лето, я в своей жизни больше никогда не видел. Месяц пролетел быстро. 30 июля мы вернулись в город, заработав чистыми примерно по 60 рублей. Большая компания второкурсников в начале августа на заработанные деньги ушла в поход на Северный Урал.

В апреле 1969 г. в знаменитом коридоре здания Двенадцати коллегий я увидел объявление: 26-я партия Всесоюзного института разведочной геофизики на летние месяцы приглашает студента на должность техника для работы на Се-

верном Кавказе. Я давно мечтал поехать в экспедицию. Связался с начальником сейсмоотряда Митрофановым и оформился на временную работу на должность техника с окладом 90 рублей. Партия выехала на место в начале мая, а я после сдачи экзаменов присоединился к ним в конце июня. На поезде доехал до станции Минеральные Воды. Далее автобус привез меня в самую западную точку Ставропольского края – поселок Уруп, который находится на высоте 1 170 метров. Рядом находился поселок Юбилейный, в котором базировались геофизики ВИРГа.

Кроме сейсморазведки в партии работали отряды электро- и радиохимической разведки и группы химиков и спектрального анализа. В нашем отряде было 5 человек из Ленинграда, взрывник и рабочие для оцепления места взрыва – жители близлежащей станицы. Три дня в неделю отряд с утра выезжал на точки, взрывник укладывал взрывчатку, выставлялось оцепление, мы устанавливали сейсмостанцию и сейсмодатчики. Сигналы с сейсмодатчиков записывались на многоканальный самописец. За день мы обычно обследовали несколько точек. Половину недели геофизики проводили первичную обработку сейсмограмм, а мой начальник, инженер-электронщик и я проверяли и, при необходимости, чинили аппаратуру. Взрывник сам разгружал взрывчатку и относил ее к месту взрыва. Взрыватели хранил в своей полевой сумке. Случалось, что при нажатии на кнопку взрывной машинки взрыва не было. Тогда взрывнику приходилось идти к месту взрыва и проверять все контакты. Последние двадцать лет, когда практически каждый день читаю о том, что в той или иной части России произошел взрыв, я вспоминаю лето 1969 г. Думаю, что при желании взрывник мог бы украсть немного взрывчатки и пару взрывателей. Но ему, естественно, взрывчатка была не нужна.

Начальник отряда Митрофанов сказал, что мы ищем медную руду. Но между студентами ходили слухи о том, что мы ищем другое, тоже очень полезное, ископаемое.

Из окна комнаты, где я жил, в начале июля еще были видны покрытые остатками снега северные склоны ближайших вершин Западного Кавказа. В партии было много студентов: геологов, геофизиков и физиков. Ветераном Партии был студент физфака Миша Горяев, с которым мы познакомились в Юбилейном. Для него это было уже второе экспедиционное лето. Мы с Мишей не общались 37 лет, и при подготовке данного текста было очень приятно с ним созвониться и вспомнить наше совместное «геофизическое» лето 1969 года.

Все студенты, кроме меня, с понедельника на 6 дней уходили в маршруты в горы, а в Юбилейном ночевали только на выходных. Соответственно, геологической и туристской романтики они хлебали сполна. Именно поэтому несколько воскресений я в одиночку провел в радиальных выходах в горы. Встречал чабанов, которые пасли овец. У них всегда было 2-3 коровы. В отличие от тех, которых я видел в Ленобласти или на Украине, местные коровы были очень тощие. Они без проблем перемещались вверх-вниз по крутым склонам. Чабаны всегда угощали сквашенным молоком. Один раз, когда я подошел к стоянке, чабаны варили баранину. Меня, естественно, угостили.

Несколько воскресений я ездил в окрестные книжные магазины. Цены на книги тогда были очень низкие. К примеру, том Хемингуэя из серии «Биб-

лиотека всемирной литературы» (672 страницы, тираж 300 000, 1971 г.) стоил 1 рубль 95 копеек. На стипендию в 35 рублей я мог купить 18 книг. Ныне сборник Хемингуэя в «Озоне» (606 страниц, тираж 5 000, 2010 г.) стоит 373 рубля. Мой юный родственник, студент МГУ, получает стипендию 2 500 рублей, может купить 7 таких книг. Именно вследствие низких цен, несмотря на весьма большие тиражи, в центре хорошие книги, как правило, раскупали быстро, а на периферии они иногда залеживались. Помню, что с Кавказа я привез Брэдли, Лема и еще несколько книг, которые и сейчас стоят у меня в книжном шкафу.

Кроме зарплаты мне платили 40 % «полевых». Их хватало на еду в местной столовой. Так что, вернувшись 31 августа домой, я отдал маме 180 рублей за вычетом небольшой суммы, которую потратил на сувениры родителям.

Однажды с понедельника по пятницу мы работали по 10 часов, а на субботу и воскресенье поехали в Домбай. Места в Домбае изумительные. Было очень приятно сидеть с друзьями у костра и петь знакомую много лет песню: «Ночью вершины светятся, / Влез на Домбай Сатурн, / Чаша Большой Медведицы / Черпает черноту. / <...> / Звякает полночь струнами, / Гаснет огонь в печи. / Под проливными лунами / Мы всё молчим в ночи».

Мои близкие и друзья тоже работали в экспедициях. Студентка мехмата МГУ Галя Василькова, с которой мы познакомились в 1974 г. и поженились в 1975-м, работала на Урале, на Малышевском изумрудно-бирлиевом месторождении, мои друзья Юра Баланин и Витя Мартиросов работали в Читинской области и под Комсомольском-на-Амуре соответственно.

На Кавказе мне очень понравилось. Летом 1970 г. я решил пойти в поход в горы. Мои друзья-туристы к тому времени стали уже асами, ходили исключительно в «пятерки», поэтому я связался с клубом горного туризма «Лена», который работал во Дворце культуры им. Ленсовета. Каждый год клуб отправлял примерно 40 групп в горы. В мае – июле мы тренировались в ДК и за городом. 1 августа выехали на поезде в Минеральные Воды, откуда на грузовых машинах нас забросили в горы. Три дня мы стояли базовым лагерем, тренировались, совершали радиальные выходы. На четвертый день начался собственно поход. Хотя был он всего лишь «единичкой», шли мы с ледорубами. Взяли несколько снежных перевалов и «свалились» в Баксанскую долину. Красота Баксана многократно описана, добавить что-либо трудно. Поставили палатки несколько ниже поселка Терскол и три дня совершали радиальные выходы по окрестностям. В один из дней от поселка Азау пошли вверх в сторону «Приюта одиннадцати» – высокогорной хижины, в которой ночуют альпинисты перед восхождением на Эльбрус. Но до самой хижины не дошли.

В 2011 г. в долине несколько месяцев действовал режим контртеррористической операции. Не работали гостиницы и турбазы «Терскол», «Чегет», «Азау», в которых я в 70-х гг. многократно бывал и летом и зимой. Если бы в августе 1970 г. нам кто-нибудь рассказал, что через 40 лет Баксанское ущелье будет закрыто, мы бы без сомнения срочно вызвали для этого человека скорую помощь из психиатрической больницы.

Вернусь в 1970 г. Через 3 дня радиальных выходов в верховьях Баксана спортивная часть похода закончилась, и мы вернулись в Минеральные Воды. Планировали на поезде доехать до Краснодара, далее – на автобусе до Керченского пролива, на пароме переехать в Крым, разбить палатки где-нибудь в тихом месте

А. Лавров в Баксанском ущелье
(август 1970)

и несколько дней покупаться в Черном море. Билеты на проходящий через Минеральные Воды поезд Гудермес – Краснодар мы взяли в общий вагон. Поезд проходил через Минводы в полночь. Я было предложил ехать в плацкартном: вдруг в общем будет много народа, и ночь получится бессонной? Однако начальник похода, который за год до этого уже проделал этот маршрут, сказал, что общие вагоны в этом поезде пустые и нечего тратить деньги. Он оказался прав: мы прекрасно выспались.

Тогда, в августе 1970 г., я впервые услышал название города Гудермес. Через 24 года началась война в Чечне, Гудермес был ареной ожесточенных боев. И всякий раз, услышав название города Гудермес, я вспоминал наше мирное путешествие в том поезде. В Краснодаре мы впервые за 3 недели купили газеты, узнали, что на Черном море эпидемия холеры, и, испугавшись, срочно вернулись в Ленинград.

Когда в мае 1972 г. мой университетский друг Рашид Шарибджанов узнал, что летом я иду в поход на Тянь-Шань, он пригласил меня после похода отдохнуть у его родителей в Пенджикенте. В августе я неделю прожил в их гостеприимном доме. В день моего отъезда мама Рашида подарила мне красивый литровый фарфоровый чайник. Почти 40 лет он стоит у нас в серванте на почетном месте, чай в нем мы завариваем только по праздникам.

Не хлебом единым жив человек

Мне повезло в жизни, поскольку во времена моего отрочества и юности жизнь Ленинграда была наполнена интереснейшими событиями в сфере искусства: БДТ, ТЮЗ, Театр комедии и т. д.

В нашей компании, и в 239-й школе, и на физфаке, было немодно часами простаивать в «Сайгоне» или гоняться за спекулянтами в поисках джинсов «Леви Строс» (да и денег на эти джинсы не было). Но было модно проглатывать свежие номера «Юности» и «Нового мира», стоять всю ночь в очереди в кассу БДТ, чтобы купить на следующий месяц билеты на новые спектакли, летом ездить в стройотряды или ходить в походы.

Остановлюсь немного на том, к чему удалось прикоснуться за годы учебы. Одной из интереснейших постановок Театра комедии в середине 60-х был спектакль по пьесе Дюрренматта «Физики». По сюжету фантастическая история происходит в психиатрической клинике доктора фон Цанд, где якобы лечатся сделавший гениальное открытие физик Мебиус и еще двое больных (якобы тоже сумасшедшие) – Ньютон и Эйнштейн, которые на самом деле являются шпионами-физиками и наблюдают за Мебиусом. Главные роли великолепно исполняли Г. Тейх и Е. Уварова. Спектакль поднимал вопрос об ответственности исследователя перед обществом: «...Содержание физики касается физиков, ее результаты – всех людей». Пьеса была написана в 1962 г., всего через 16 лет после взрыва первой атомной бомбы.

Мне очень понравился тогда спектакль БДТ по пьесе Э. Радзинского «104 страницы про любовь», главные роли в котором великолепно исполняли Т. Доронина, М. Волков и О. Басилашвили. Герои-мужчины в пьесе – физики, а героиня – всего лишь бортпроводница. Очень таинственно со сцены звучали слова одного из главных героев: «Семенова нет, Семенов на „Альфе“». Что такое «Альфа», драматург, естественно, не расшифровывал. Особый восторг вызвало то, что в одном из эпизодов исполнялась песня А. Галича: «Все теперь на шарике вкривь и вкось, / Шиворот-навыворот, набекрень, / И что мы с вами думаем день – ночь, / А что мы с вами думаем ночь – день. / И рубают финики лопари, / А в Сахаре снегу – невпроворот, / Это гады-физики на пари / Раскрутили шарик наоборот. / И там, где полюс был, там тропики, / А где Нью-Йорк – Нахичевань, / А что люди мы, а не бобики, / Им на это начихать!»

Физики могут все!

Расположенный амфитеатром лекторий истфака, рассчитанный примерно на 400 человек, на протяжении многих лет «оккупировали» студенты-физики. В нем нам читали высшую математику и лекции по общественным дисциплинам. Осенью 1966 г. я увидел объявление о том, что профессор И.С. Кон прочтет курс лекций на тему «Личность в обществе» (через 2 года И.С. по материалам этих лекций опубликовал книгу «Социология личности»). Как раз накануне, в сентябрьском номере «Нового мира», я увидел его интересную статью «Психология предрассудка», поэтому и начал ходить на лекции. Лекторий всегда был заполнен. В конце лекции И.С., как правило, отвечал на записки с вопросами. На лекции, посвященной романтической и половой любви, записок было особенно много. Докладчик устал, но читает вслух очередную записку: «Поскольку тема очень интересная, есть предложение сегодня закончить, а следующую лекцию начать с ответа на записки». И.С. улыбнулся и сказал, что тогда, видимо, соберется такое количество слушателей, что амфитеатр может рухнуть.

Много концертов, лекций и спектаклей я слушал и смотрел в актовом зале ЛГУ. Больше всего запомнился доклад: осенью 1965 г. с докладом об экономической реформе (ее связывали с именем Председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина) в ЛГУ выступал академик А.Д. Александров, который в то время уже работал в Новосибирске. Я хорошо запомнил его энергичную манеру чтения и убежденность в том, о чем он рассказывал. У меня было очень тепло на душе,

когда недавно я прочел такие строчки в воспоминаниях его вдовы С.М. Владимировой¹:

...Перестройку сначала он, как и все, воспринял очень хорошо. Но когда увидел, что она получается антисоциалистической, его отношение резко изменилось. И он начал бороться так, как мог в тот период. Он твердо стоял на позициях коммуниста...

В 2007 г. в газете «Время новостей»² физфаковец Ю.Б. Магаршак опубликовал статью «Петербург: город, в котором нет университета». В ней автор, в частности, писал:

...Кто конкретно ответствен за уничтожение Санкт-Петербургского университета? Боюсь, этого мы никогда не узнаем. Ректор Александров, известный математик, приписывал эту идею себе. В семидесятые годы прошлого века в новосибирском Академгородке мы сидели с Александром Даниловичем в его коттедже... И академик плакал (не преувеличиваю, именно плакал, из глаз капали слезы), повторяя: «Я хотел сделать маленький Оксфорд, я хотел сделать отечественный Принстон...» В самом деле, было отчего плакать. Но думается, свою собственную вину Александров преувеличивал. Его просто использовали и поставили другого ректора, как только великий математик и идеалист осознал, что делается от его имени, и попытался исправить ситуацию. Так или иначе, вот уже сорок лет естественные и гуманитарные науки в Санкт-Петербургском университете разделены расстоянием приблизительно в пятьдесят километров, два с половиной часа езды...

Я не был знаком с А.Д. Александровым, но в 70-х гг. неоднократно слушал рассказы своих школьных друзей Ю. Баскакова, А. Боревица и Л. Шихобалова о совместных с А.Д. экспедициях альпинистов ЛГУ и читал об академике много воспоминаний. Мастер спорта СССР по альпинизму! Академик! Всемирно известный геометр! И вдруг плачет в присутствии, похоже, простого знакомого?!

...Известный альпинист и товарищ А.Д. по горным восхождениям Е.Ф. Фурмаков вспоминает о том, что в день своего шестидесятилетия, 4 августа 1972 г., А.Д. совершил восхождение на одну из вершин в окрестностях альплагеря «Артуч» в Фанских горах (Западный Памир)³. Вот что рассказал А.Д. своим друзьям-альпинистам:

– Вполне серьезное восхождение! – с гордостью продолжал Александр Данилович. – Вначале идешь по внутреннему углу, выжимаешься на руках, перехо-

¹ Матмех ЛГУ. Сборник воспоминаний. СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2011. С. 31.

² <http://www.vremya.ru/print/180956.html>

³ <http://www.alpklubspb.ru/tvor/tvor-1.htm>

дишь на полочку, – он изобразил рукой полку. – А полочка сходит на нет, выполняется! Дальше ходу нет. И угадайте, что я там обнаружил? Довоенный крюк. Старый, кованый крюк! Еще с кольцом. Вот так! Кто-то уже поднимался к этому месту, но ему пришлось спуститься.

– А как же ты? Тоже спустился?

– Ну уж нет! Забил пару крючьев и обошел выступ снизу. Зато теперь этот пальчик – мой! Навсегда!..

Ознакомившись с этой информацией, я переслал очерк Ю. Магаршака кандидату в мастера спорта по альпинизму Юре Баскакову. Юра активно участвовал в работе альпсекции ЛГУ в 1965–1980 гг. Он совместно с А.Д. ездил в летние альпинистские научно-спортивные экспедиции ЛГУ в 1970 г. (Западный Памир, район пика Гармо, ледник Географического Общества) и в 1972 г. (Юго-Западный Памир, Фанские горы). Юра мне ответил, что лично ему представляется маловероятной картина плачущего Александра Даниловича.

В связи с вопросом о переносе университета в Петергоф я нашел воспоминания известного геометра, доктора физико-математических наук, сотрудника ЛОМИ (ПОМИ), профессора матмеха В.А. Залгаллера¹:

...Примерно в 1955 году А.Д. взялся за труднейший вопрос – размещение университета... А в это время главный архитектор Ленинграда (кажется, Каменский) и его заместитель Фомин, с которым А.Д. контактировал, занимался перспективным планированием территорий вокруг города. Он уговорил А.Д. согласиться на строительство зданий университета в Петергофе. «Будет как в Кембридже. Будет общежитие для всех студентов, включая ленинградцев, хорошие квартиры для всех семей сотрудников, свежий воздух, свой яхтклуб. Через 10 лет туда дойдет метро». И А.Д., видевший Кембридж, согласился. Увы, стройка затянулась на много лет. Овощную и нефтяную базы не убрали... О метро нет и речи через 45 лет. Пожилые профессора рано уходят от преподавания...

По-моему, соображения В.А. Залгаллера чрезвычайно правдоподобны. Нищей (и в первую очередь академика Александрова) вины в том, что часть университета перенесена в Петергоф, нет. К сожалению, как это периодически бывало в СССР и регулярно случается в России, планирование больших проектов не всегда учитывает экономические реальности.

В 1970 г. в актовом зале ЛГУ я посмотрел мюзикл по пьесе Б. Шоу «Избранник судьбы». Поставил мюзикл и сыграл в нем главную роль – генерала Бонапарта – С. Юрский. Я видел великого артиста на сцене много раз: в БДТ, в театре им. Моссовета и в Большом зале Ленинградской филармонии. Он всегда играл великолепно. И все же тогда в ЛГУ, как мне показалось, Юрский играл с особым вдохновением. Видимо, это было связано с тем, что именно на этой сцене в начале

---

¹ Академик Александр Данилович Александров. Воспоминания. Публикации. Материалы / Под ред. Г.М. Иллиса и О.А. Ладыженской. М.: Наука, 2002. С. 29.

50-х гг., будучи студентом юрфака, он сыграл свои первые роли в студенческом театре¹.

**«И забыть по-прежнему нельзя все,
что мы когда-то не допели...»**

Песни Булата Окуджавы я впервые услышал в 1962 г. в доме моего друга Валеры Поддубного – в его семье был магнитофон «Астра-2». Это была пятая, а может быть, и десятая перезапись, поэтому мы еле разбирали и мелодию, и текст, прослушивали снова и снова. Строчка за строчкой я записал несколько самых понравившихся песен в тетрадь. Вызубрил по самоучителю основные аккорды на гитаре, друзья-одноклассники А. Падва и А. Борович, у которых, в отличие от меня, слух очень хороший, поставили значки нужных аккордов в тексте, и всю последующую жизнь авторская песня со мной, с моими друзьями и близкими – с женой, дочкой, а с недавних пор и с внуками: младший уже с видимым интересом прислушивается к тому, как квартет в составе старшей сестренки, мамы, бабушки и деда поет про развеселых цыган, которые по Молдавии гуляли и в одном селе богатом ворона коня украли. И про многое другое.

В середине 60-х каждую осень во Дворце культуры им. Первой пятилетки (к сожалению, взорванном в 2005 г. – искусство оперы и балета требует жертв!) выступали московские поэты: Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, И. Кашежева и др. Я ждал выступления Б.Ш. Окуджавы. Начинал он всегда с чтения стихов. Зал бурно аплодировал. Но в воздухе висел вопрос: «Будет сегодня петь или нет?» Наконец Б.Ш. извиняющимся голосом сказал о том, что кто-то принес ему гитару, она не очень хорошо настроена, но все же он споет. Пел он, естественно, великолепно, аплодисментам не было конца. И всегда нам, зрителям, казалось, что именно в этот раз он спел слишком мало песен.

В школьные и студенческие годы посчастливилось вживую услышать и увидеть практически всех корифеев авторской песни «первой волны». Интересный момент связан с выступлением Ю. Кима в 1970 г. в литературной студии «Дерзание», в Ленинградском дворце пионеров. Пригласил меня мой старший товарищ Саша Корин. (Инженер-химик по образованию, он лет через пять после окончания Технологки полностью переключился на литературную деятельность: драматург, киносценарист и педагог в студии «Дерзание».) В первом отделении Ю. Ким пел песни «разрешенные». Затем всех из театрального зала удалили, а на второе отделение пропустили только личных знакомых педагогов «Дерза-

---

¹ В 1970 г. среди любителей театра ходили слухи о том, что Юрский поставил интересный спектакль «Фиеста» по роману Хемингуэя «И восходит солнце», но Товстоногов не включил постановку в репертуар, испугавшись конкуренции со стороны молодого режиссера. Ситуация прояснилась через много лет: «Первой режиссерской работы Юрского в БДТ – „Фиесты“ Хемингуэя – Товстоногов не принял. Тогда Юрский снял «Фиесту» как телефильм. Тогда Товстоногов сказал: „Это самодеятельность... зря он занялся режиссурой“, и заявил Юрскому напрямик: „Вы хотите создать театр внутри нашего театра. Я не могу этого допустить...“» (*Рецензия В. На Фонтанке водку пил*. АСТ, Астрель, 2011).

ния». Правда, в конце концов в зале оказались те же зрители. Во втором отделении Ким пел песни «запрещенные», например «Песню учителя обществоведения»: «...Я им говорю: дескать, так-то и так-то, мол, / а если не так, значит, ложь. / А они кричат: «А где факты, мол, факты, мол? / Аргументы вынь и положь!» / <...> / Выберу я ночку глухую, осеннюю, / уж давно я все рассчитал, / лягу я под шкаф, чтоб при слабом движении / на меня упал „Капитал“!» Во время второго отделения концерта я подумал о том, что все как-то театрально-таинственно. Я ни секунды не сомневался в том, что КГБ знало о том, что именно Ю. Ким пел во втором отделении, но не сочло необходимым предпринимать какие-либо меры.

«Я планов наших люблю громадьё, размаха шаги саженья»

Летом 1969 г., во время работы в геофизической экспедиции на Северном Кавказе, в одно из воскресений поехал я посмотреть на строительство радиотелескопа РАТАН-600 и телескопа Специальной астрономической обсерватории. В те годы об этих стройках много писали в журналах «Наука и жизнь» и «Техника – молодежи» и показывали в выпусках «Кинохроники». Большую часть оборудования проектировали и изготавливали на ЛОМО. Площадка, где строили радиотелескоп, находилась в 30 километрах от нашей базы, рядом со станцией Зеленчукская. На ровном большом поле под фундамент был вырыт кольцевой котлован диаметром 600 метров. Как и на любой стройке, было грязно. В «Науке и жизни» много раз рисовали схему РАТАНа, и я хорошо представлял себе, что через пару лет на фундамент поставят сотни металлических щитов, с помощью ЭВМ будут ориентировать группу щитов так, чтобы радиоизлучение фокусировалось в определенной точке внутри кольца, в которой будет находиться приемник излучения.

Затем на попутке я проехал немного в сторону гор и посмотрел на уже практически готовую башню для телескопа. Она была похожа на те, что я видел в Пулковско, только существенно больше, поскольку в ней предполагалось установить самый большой в мире, шестиметровый, телескоп. В журналах писали, что оптическую заготовку для телескопа охлаждали два года, громадные средства потратили на то, чтобы перевести зеркало на Кавказ. Оглядываясь назад, я спрашиваю себя: может быть, на деньги, потраченные на создание САО, надо было еще один завод по производству больших холодильников построить? Маленькие холодильники в 70-х купить можно было уже без проблем, а вот за большими порой надо было в очереди год-два постоять. Для меня и, естественно, для радиофизиков ответ очевиден: САО нужна была больше, чем еще один завод холодильников. Но что думал об этом тогда рядовой гражданин СССР?

«...А из зала мне кричат – давай подробности!»

На нашем курсе учились очень сильные ребята. Видимо, поэтому все 5 лет я был рядовым комсомольцем, хотя в школе был активным пионером и комсо-

мольцем, а в ГИПХе 7 лет с удовольствием проработал в Совете молодых ученых и специалистов¹.

Запомнилась полная лжи статья корреспондента «Смены» А. Ежелева в декабре 1968 г. о якобы ненормальной ситуации в комсомольской организации физфака. Было ясно, что за фрукт этот Ежелев. Примерно в 1970 г. он перешел на работу в ленинградский корпункт «Известий». Очевидно, что это было повышение, причем весьма значительное: из региональной газеты в центральную. На физфаке ходили слухи о том, что этому повышению Ежелев прежде всего обязан той статье про физфак. За годы работы Ежелева в «Известиях» я не припомню его интересных публикаций в газете. Талантливые и острые статьи в «Известиях» Анатолия Аграновского, Эллы Максимовой, Евгения Кригера, Татьяны Тэсс помню. А вот талантливых статей Ежелева не припоминаю. Его стремительный взлет произошел в годы перестройки: депутат Верховного Совета СССР, председатель Петербургского союза журналистов и т. д. Я все ждал, что в газетной публикации или в книге он покается в связи с той статьей про физфак: дескать, руки сверху выкрутили. Но покаяния не было. Впрочем, по сравнению поворотом на 180 градусов главного коммуниста СССР оверкиль Ежелева – все равно что переворот полугодовалого младенца с животика на спинку.

С парторганизацией физфака я ни разу не сталкивался, а работу партгруппы моего отдела в ГИПХе представляю. О ней немного и расскажу. Самым уважаемым коммунистом в отделе был его начальник Е.И. Катин. У Е.И. типичная для его ровесников биография: в конце 30-х гг., после окончания средней школы в Чудово, он поступил на физфак ЛГУ. Через год по комсомольскому набору его перевели в артиллерийское училище. Выпустили лейтенантом в декабре 1942 г. Училище в начале войны было передислоцировано в Среднюю Азию. Первый бой лейтенант Катин принял под Сталинградом в январе 1943 г. Майор Катин встретил День Победы в Берлине. После войны Е.И. окончил Военмех и аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и в 1959 г. пришел работать начальником отдела термодинамики в ГИПХ. В партию Е.И. вступил на фронте. Служебную карьеру делал благодаря своему таланту и огромной работоспособности. В 90-х гг., когда Е.И. перешел по возрасту на должность ведущего научного сотрудника, мы с ним сблизились, и он как-то рассказал, что, учась на 1-м курсе физфака, хорошо запомнил высоченного старшекурсника Сашу Прохорова, будущего лауреата Нобелевской премии А.М. Прохорова.

Иногда приходится слышать, что карьеру в СССР якобы мог сделать только член КПСС. Я так не думаю. К примеру, заведующий кафедрой и декан физфака профессор А.М. Шухтин в КПСС не состоял, А.А. Собчак в 1982 г. защитил докторскую диссертацию, а в 1985-м стал завкафедрой на юридическом факультете ЛГУ, оставаясь беспартийным; беспартийный академик И.Г. Петровский в 1951 г.

---

¹ В СМУиС собралась прекрасная компания: физики Нина Анодина и Дима Кацков, выпускники химфака Илья Гринштейн и Лена Тупицына и еще много замечательных ребят. Мы организовывали конференции, защищали, при необходимости, молодых специалистов при конфликтах с администрацией, организовали «Молекулярное кафе», куда приглашали известных ленинградских артистов и музыкантов.

был назначен ректором МГУ. С 1977 по 1989 г. ГИПХ возглавлял выдающийся химик и организатор химической науки член-корреспондент АН СССР Б.В. Гидаспов. На должность директора МХП назначило его не потому, что он был членом КПСС, а потому, что в свои 47 лет он был доктором наук, заведующим кафедрой в Техноложке, директором СКТБ «Технолог» и лауреатом Ленинской премии за разработку спецпродукта.

В 1979 г. администрация ГИПХа объявила конкурс на лучшего молодого специалиста. Участник конкурса должен был написать научную программу будущей работы. Естественно, надо было также приложить характеристику, подписанную начальником отдела и председателем месткома. Участвовать могли все кандидаты наук, возраст которых не превышал 35 лет. Всего документы подали 11 человек, среди них трое состояли в КПСС. Жюри в качестве победителей, которых переводили на должность старших научных сотрудников, назвало меня и моего ровесника, химика, выпускника Техноложки. Ни он, ни я в КПСС не состояли¹.

В годы учебы в ЛГУ я не участвовал в демонстрациях, поскольку на ноябрьские и майские праздники ходил в походы по Ленобласти. Участие в демонстрациях было делом добровольным. На демонстрации я с большим удовольствием начал ходить с папой, когда мне было лет 7. Рано утром мы через весь город ехали на улицу Красного текстильщика, где находится комбинат им. С.М. Кирова. Колонну, естественно, возглавлял духовой оркестр. Сначала мы выходили на Суворовский проспект, затем на Староневский и далее до Дворцовой площади. Папино производство – вспомогательное, поэтому мы колонну замыкали. Оркестр был практически не слышен. Но нас все время кто-то обгонял или мы кого-то обгоняли, поэтому оркестров за время шествия слышали много. На Дворцовой площади старались не пропустить здравицу «Да здравствуют советские текстильщики!» и с удовольствием громко кричали «Ура!». После демонстрации мы, как правило, ехали в гости к другу родителей по их комсомольской юности Х.А. Мурсаеву. В отличие от мамы и папы, дядя Хафиз в 30-х гг. окончил дневное отделение Ленинградского института текстильной и легкой промышленности, сначала работал заместителем начальника цеха на комбинате им. С.М. Кирова, потом быстро прошел всю цепочку должностей и в 50-х гг. уже работал директором. Его семья, в которой было трое детей, жила в отдельной квартире, достатка в доме было больше, чем у нас, но разница в уровне жизни была абсолютно справедливой: на комбинате работало несколько тысяч человек, он обеспечивал пряжей все ткацкие фабрики города, а нитками и мулине – ленинградские магазины. Квалифика-

---

¹ Среди моих родственников, друзей и знакомых в КПСС состояли 38 человек. Трое из них на моих глазах, действительно, «выросли» частично за счет того, что состояли в КПСС: один из них (на 7 лет моложе меня) работал в нашем отделе, второй, мой ровесник и выпускник 239-й школы, работал в одном из вузов Ленинграда, третий был старше меня и работал в Москве. Но остальные 35 моих родственников, друзей и знакомых никаких преимуществ (в плане карьеры) не имели. Выборка, на основании которой я делаю выводы, небольшая. Но я уверен, что подавляющая часть членов КПСС делала служебную карьеру исключительно благодаря своим талантам и работоспособности.

ция, да и уровень ответственности у Х.А. были во много раз выше, чем у моих родителей.

В ГИПХе, где тоже никто никогда не обязывал меня ходить на демонстрации, я все же несколько раз в них участвовал. Хорошо запомнил праздничные буфеты, которые работали на предприятиях перед началом демонстрации: бутерброды с очень вкусной сырокопченой колбасой, швейцарским сыром, бужениной, самые лучшие конфеты. И все это по очень низким ценам.

Те буфеты я регулярно вспоминал в 1992–1998 гг. Хорошо запомнил демонстрацию 7 ноября 1996 г. Дождя или мокрого снега не было, но дул сильный, холодный ветер. От моего дома, который находится около Львиного мостика, до БКЗ «Октябрьский» я шел пешком. Когда пришел к БКЗ, в желудке уже было пусто. Все те годы я в основном питался кашей на сухом молоке с хлебом второго сорта¹. С сентября 1996 г. в ГИПХе перестали платить даже нашу очень скромную зарплату. Госзаказ был, работу мы выполняли, но, видимо, причитающиеся нам из бюджета деньги были потрачены на президентскую кампанию Ельцина. Большинство коммунистов гипховской ячейки КПРФ, в которую я вступил в 1993 г., пришли. Нашим неформальным лидером, безусловно, был Е.И. Катин, один из немногих фронтовиков ГИПХа, кто в 1993 г. после решения Конституционного суда подтвердил членство в КПРФ. Именно он дал мне рекомендацию, когда я вступал в КПРФ. Нищета 90-х заставила меня принять приглашение Лиссабонского технического университета и в сентябре 1998 г. уехать по годовому контракту. Более 10 лет я перескакиваю с одного временного контракта на другой, делю отпуск пополам и дома бываю только 2 раза в году.

* * *

В 2006 г. в «Вестнике СПбГУ»² я прочел интервью со старейшим профессором физфака Ю.Н. Демковым. Вспоминая свою годовую стажировку в США в 1975 г., Ю.Н. рассказал:

В советское время в США приезжающим ученым платили 2,5 тысячи долларов в месяц, но получить в свое распоряжение мы могли только по 660 долларов – остальное государство отбирало. Правда, были прецеденты: В.А. Фок заявил: «Я вам не оброчный мужик!» – и не отдал заработанные доллары, а П.Л. Капица протянул золотую медаль Нильса Бора: откусите, дескать, сколько сможете... А я все деньги потратил на путешествия по Штатам: приложил все квитанции

---

¹ Примерно так же в те годы жили сотни тысяч петербуржцев. Обычные булочные еще не позакрывали. И очень часто я был участником такой сцены: ребенок или бабушка передо мной многократно пересчитывали деньги и отдавали их продавцу, с тревогой спрашивая: «На большой батон хватит?» Продавец отвечала: «Нет. Только на маленький». У меня сжималось сердце. Я спрашивал продавца, сколько денег не хватает, и, несмотря на собственную нищету, докладывал недостающую сумму. Я краснел от стыда, когда меня смущенно благодарили. Стыдно мне было не за себя, а за руководителей государства, из-за действий которых такая сцена в конце XX века в стране, война в которой закончилась 50 лет назад, была возможна.

² <http://www.spbumag.nw.ru/2006/06/7.shtml>

за бензин и за отели, а на то, что осталось, купил «Волгу» – на которой, кстати, езжу до сих пор.

От А.А. Киселева и Вити Капустина, которые стажировались за счет принимающей стороны соответственно в Англии и в США, я узнал, что в некоторых случаях ученые возвращали в посольство часть зарплаты. В Интернете я нашел еще 2 фрагмента воспоминаний, посвященных академику В.А. Фоку. Вот что пишет академик РАН И. Халатников¹:

Как известно, советские ученые, вернувшись из-за границы, обязаны были заявлять о прочитанных там лекциях и сдавать государству гонорары. Владимир Александрович этого никогда не делал и шутил, говоря своим друзьям: «Академик – не оброчный мужик» или: «Дают пятак, а требуют, чтобы ты сдал им рубль.

А вот что написал по этому вопросу А. Харьковский, сотрудник редакции журнала «Техника – молодежи», который работал переводчиком у Нильса Бора во время его поездки по Грузии в 1961 г.:

И привело Бора в Грузию одно небольшое событие, которое незадолго до той поры случилось в Англии. Туда, на встречу физиков, приехал питерский академик В.А. Фок. После доклада Фока организаторы симпозиума решили не пересылать ему гонорар в Союз, справедливо полагая, что органы наложат на валюту свою загребущую лапу. Однако не успели вручить Фоку конверт с деньгами, как откуда-то, прямо из воздуха, материализовался посыльный из советского посольства и потребовал львиную долю. Советский академик был потрясен – такой афронт в присутствии коллег.

– Передайте, что я им не оброчный мужик, – гневно сказал Фок.

Мальчик из посольства закрыл гробсбух, в котором предстояло расписаться ученому о сданной им валюте, и, покачав головой, как бы растворился в воздухе.

После ознакомления с этими материалами в первый момент я удивился: Ю.Н. Демков и И. Халатников, которые слышали эту историю непосредственно от Владимира Александровича, хорошо его знали и, возможно, дружили с ним, рассказывают обо всем чрезвычайно кратко. А. Харьковский, который вообще не был знаком с В.А. Фоком, рассказывает о событии с массой мельчайших подробностей. Впрочем, немного подумав, понял я, почему так красноречив сотрудник «Техники – молодежи»...

Кстати, деньги ученые возвращали в бюджет СССР. Из каких статей расхода состоял бюджет? Была, например, такая статья: «зарплата профессором ленинградских вузов – 500 рублей в месяц». Эта зарплата составляла 42 % от зарплаты руководителя государства – генерального секретаря ЦК КПСС (1 200 рублей).

---

¹ <http://berkovich-zametki.com/Avtory/Halatnikov.htm>

В 2011 г. зарплата президента составила 281 тысячу рублей¹. Я уверен, что только у небольшой части профессоров петербургских вузов зарплата в 2011 г. приблизилась к 118 тысячам рублей.

«Это время гудит телеграфной струной, это сердце с правдой вдвоем»

Один из авторов нашего сборника прокомментировал некоторые страницы истории СССР. Именно это и заставило меня включить в текст данный и следующий разделы. Как иногда приходилось говорить в детском садике: «Марьявасильна! Я не виноват! Вовка первый начал драться!»²

Мой город менял свое имя 4 раза. Как нам, живущим в XXI веке, следует называть событие, которое произошло в Петрограде 24–25 октября 1917 г.? Октябрьский переворот? Октябрьская революция? Прежде чем высказать свои соображения по данному вопросу, напомним, что перед Первой мировой войной примерно миллион граждан Российской империи могли себе ни в чем не отказывать, примерно 10 миллионов жили очень прилично, не испытывая недостатка в хороших продуктах питания и ширпотребе, их можно было бы назвать представителями среднего класса, а остальные 160 миллионов жили либо бедно, либо очень бедно.

В 90-х гг. мой хороший знакомый как-то рассказал, что оба его деда перед революцией были владельцами нескольких доходных домов. Знакомый мой именуется вышеупомянутое событие *Октябрьским переворотом*. По-человечески я его понимаю: история не знает сослагательного наклонения, но если бы Россия развивалась эволюционным путем, то с большой вероятностью внук владельца доходных домов окончил бы университет и являлся бы представителем среднего класса.

Мой дед Матвей Лавров всю жизнь крестьянствовал в деревне Бухоново Тульской губернии. Дед с маминой стороны, Хацкель Фролов, который всю жизнь крестьянствовал в еврейском местечке Ильюшкино, под Невелем, и которого фашисты убили в гетто в 1942 г., был бы несказанно удивлен, если бы узнал, что все его 12 внуков при советской власти окончили вузы или техникумы и среди них: инженеры, учителя, врач, переводчик, композитор и физик. Так что для меня события октября 1917 г., безусловно, *Великая Октябрьская социалистическая революция*.

* * *

В майском номере сетевого журнала «Заметки по еврейской истории» за 2011 г. я прочел статью физфаковца М.Я. Амусьи «Честность»³. В статье, в которой автор, в частности, рассказывает о своей учебе в ЛКИ в 1955 г. и о посту-

---

¹ http://www.bal-con.ru/news/2011-10-20/zarplata_prezidenta_rossii_v_2011_godu/comments/

² Более подробно мои воспоминания о жизни в СССР изложены в трех статьях в «Литературной газете»: <http://www.lgz.ru/article/14218/>, <http://www.lgz.ru/article/16230/>, <http://www.lgz.ru/article/17816/>

³ <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer5/Amusja1.php>

плении на физфак, меня очень больно резануло слово «юденфрай» в следующем абзаце:

...«Оттепель» в СССР убедила ее [преподаватель физики в ЛКИ Порфирьева] году к 1955-му, что я могу поступить, как и хотел сначала, на физический факультет университета, который к тому времени был вполне юденфрай, т. е. от евреев свободным. Возникла идея поступить туда, не уходя из ЛКИ, а учась одновременно в двух дневных вузах. <...> ...стало ясно, что для продвижения дела требуется разрешение из Министерства высшего образования СССР, возглавлявшегося тогда В.П. Елютиным. <...> Когда пришло письмо за подписью самого Елютина... мне просто надо было показать, что на момент его получения, в 1956-м, я соответствую уровню 4-го курса, на который вознамерился поступить. Сказано – сделано, и в 1956-м я стал полноправным студентом и физфака ЛГУ...

Боль моя связана с тем, что начиная с 1941 г. слово «юденфрай» в русском языке используется в строго определенном смысле. Он ясен, например, из следующих строчек поэмы А. Галича «Кадиш», которую я в самиздате прочел еще в начале 70-х: «...Эшелон уходит ровно в полночь, / Эшелон уходит прямо в рай, / Как мечтает поскорее сволочь / Донести, что Польша „юденфрай“. / „Юденфрай“ Варшава, Познань, Краков, / Весь протекторат из края в край / В черной чертовне паучьих знаков, / Ныне и вовеки – „юденфрай“!..»¹

Мне очень стыдно приводить все эти данные. «Борьба с космополитами», «Дело врачей», притеснения евреев при приеме на физфак и на работу – безусловно, позорные страницы нашей истории. Но мне было бы еще более стыдно, если бы я никак не прокомментировал встретившееся мне словосочетание «физфак юденфрай».

* * *

«Борьба с космополитами» и «Дело врачей» – это единственное, что было в послевоенном СССР? Безусловно, нет! Во время войны в европейской части были разрушены тысячи городов и деревень, взорваны десятки тысяч заводов. Страна потеряла почти треть национального богатства. Спустя 5 лет после войны были восстановлены, построены и введены в действие тысячи крупных промышленных предприятий. Промышленность страны уже к концу 1948 г. достигла довоенного уровня. Подобных темпов восстановления народного хозяйства в условиях отсутствия внешних инвестиций мир не знал!

---

¹ В 60-х гг. многие профессора, которые читали нам лекции, были евреями, и мы, естественно, знали, что в 50-х гг. они работали доцентами в ЛГУ. Несколько доцентов-евреев, которые вели у нас спецкурсы, в 50-х были аспирантами, а до этого студентами. Определенное количество студентов-евреев на физфаке училось в середине 50-х: в «Сборнике воспоминаний выпускников физфака ЛГУ 1954 года» (составители: О.М. Распопов, Н.И. Стрекопытова, С.Г. Абаренкова, «Издательство Ивана Лимбаха», 2005 г.) перечислены все, кто окончил физфак в 1954 г., а на сайте <http://fizfak-rovesniki.ru/> перечислены все, кто окончил физфак в 1959 г. Среди выпускников этих лет немало евреев.

Чем еще отмечены послевоенные годы? Многим. Например, созданием школ с углубленным изучением иностранных языков. В 1947 г. Совет министров издал соответствующее постановление. В соответствии с этим постановлением с сентября 1948 г. в Ленинграде начала работу первая в СССР английская школа¹. Вскоре были открыты еще несколько школ с углубленным изучением английского, немецкого и французского языков. На презентации книги, посвященной выпуску 1956 г. знаменитой 213-й школы, которая прошла в 2006 г. в Национальной публичной библиотеке, один из авторов сказал:

*...Воспоминания охватывают 60-летний период истории нашего государства – от конца Великой Отечественной войны до сегодняшних дней, т. е. дают определенное представление о целой эпохе. И вот что привлекло мое внимание. Со многих страниц книги звучат явно и в подтексте такие слова, как **честность, порядочность, благородство, служение долгу, дружба, товарищество, романтика**. И поскольку эти слова искренние, и поскольку они звучат часто, значит, они принадлежали этой эпохе. Это был наш образ жизни, который содержал духовные ценности, обозначенные этими словами. <...> В конце восьмидесятых – начале девяностых началась новая эпоха. Слова, насыщенные духовностью, стали выходить из употребления. Вместо них стали произноситься слова «деньги», «карьера», «власть», «секс», «собственность», «недвижимость» и им подобные. Они содержали совсем другие ценности, и отнюдь не духовные. И в контексте сравнения этих двух эпох книга неожиданно приобретает политическое звучание...*

* * *

Для моих ровесников имя выдающегося режиссера Г.А. Товстоногова, безусловно, олицетворяет одно из самых значительных явлений в искусстве Ленинграда на протяжении десятилетий. В 1950 г. Г.А. был назначен главным режиссером театра им. Ленинского комсомола. Перед этим Г.А. поставил много интересных спектаклей в Москве, а до этого – в Тбилиси. Как свидетельствуют современники, за короткое время Товстоногов превратил некогда прозябавший театр в один из лучших в Ленинграде. Именно поэтому в 1956 г. его назначили главным режиссером БДТ им. М. Горького. Примерно с 1960 г. я, сначала с родителями, а потом с друзьями, не пропускал ни одной премьеры и каждый спектакль смотрел по два, а иногда и по три раза. Театр всегда был полон. В своей книге «Четырнадцать глав о короле» С. Юрский писал: «...По единодушному мнению знатоков, это [БДТ] была одна из лучших, если не лучшая труппа Европы...» На спектаклях, которые ставил Г.А., как правило, залы были полны. В понедельник в театре выходной. Но в воскресенье (а после 1970 г. и в субботу) в театре – два спектакля. За 40 лет руководства ленинградскими театрами спектакли Товстоногова прошли примерно 14 600 раз. Примерно 13 800 000 зрителей побывали на них. Предполагаю, что для Ленинграда – Санкт-Петербурга это рекорд, который вряд ли будет превзойден.

---

¹ <http://www.school213.spb.ru/>

«Город над вольной Невой, город нашей славы трудовой...»

Во время моей учебы в ЛГУ городом руководили первые секретари обкома КПСС В.С. Толстикова (1962–1970) и Г.В. Романова (1970–1983). Толстикова перед войной окончил ЛИИЖТ, работал в стройтресте Карелии, после войны работал в стройтрестах Ленинграда, в партию вступил в 1948 г. Романов в партию вступил на фронте, в 1946–1954 гг. работал на судостроительном заводе, в 1953 г. заочно окончил ЛКИ. И Толстикова, и Романова воевали на Ленинградском фронте, оба награждены медалью «За оборону Ленинграда». Какими руководителями они были? плохими? никакими? хорошими? Если, к примеру, сравнить их деятельность с работой губернаторов Петербурга А.А. Собчака и В.А. Яковлева?

Если в качестве критериев сравнения выбрать, например, количество казино в городе, то преимущество будет на стороне Собчака и Яковлева: в Ленинграде казино не было. А в конце 90-х гг. в Петербурге было примерно 50 казино. Но казино посещают немногие. А, к примеру, в метро ездит большинство ленинградцев – петербуржцев. По темпам ввода новых станций данные будут такие: 1958–1970 гг. – 16 станций¹, 1971–1983 гг. – 19 станций, 1991–2003 гг. – 8 станций². Если сравнить данные по жилищному строительству или по производству молока в области (сравнивать надо будет уже с итогами работы губернаторов области: Белякова, Густова и Сердюкова), то коммунисты также будут на первом месте, а демократы – на последнем.

А сколько, к примеру, было снято первоклассных фильмов на «Ленфильме»? В 1958–1970 гг. были созданы: «Дама с собачкой», «Человек-амфибия», «Полосатый рейс», «Дикая собака динго», «Гамлет», «Начальник Чукотки», «Свадьба в Малиновке», «Мертвый сезон». В 1971–1983 гг.: «Соломенная шляпка», «Звезда пленительного счастья», «Двадцать дней без войны», «Труффальдино из Бергамо», «Собака на сене», «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», «Сильва», «Пиковая дама». В 1991–2003 гг.: «Гений», «Особенности национальной охоты»... Получается, что во времена коммунистов первоклассных фильмов было создано существенно больше, чем во времена демократов.

В 2011 г. Э.А. Рязанов дал интервью «Российской газете»³, в котором, в частности, сказал:

...Социалистические идеи плюс верившие в них люди дали миру советский кинематограф. Эти идеи развивались не только на воспеании советского строя, как сейчас утверждают, но и на критике «социализма с нечеловеческим лицом». Так рождалось кино, главный признак которого – оно живое! В этих идеях многое совпадало с общечеловеческими, с христианскими ценностями, хотя и на-

¹ Для того чтобы сделать примерно равными отрезки времени, в течение которых работали все упомянутые мною руководители, я учел также те станции, которые введены в строй в 1958–1961 гг., когда городом руководил И.В. Спиридонов.

² <http://www.metro.spb.ru/>

³ <http://www.rg.ru/2011/08/19/lenfilm.html>

зывалось иначе. В эти идеи верило огромное количество умных и талантливых людей – как можно отбрасывать их опыт?! Тем более что в нем много здоровья. Межнациональные отношения были значительно лучше, чем теперь. Заботы о детях было больше. Заботы о здоровье людей, о культуре. Даже тот социализм, что был у нас, по многим позициям превосходит наш хромой, но безудержно хищный капитализм. В СССР никогда не было проблемы денег для кино. Даже во время войны «Ленфильм» сохранили – как Эрмитаж и Русский музей, как одно из национальных сокровищ!..

РГ: Оппоненты вам напомнят, как государство вмешивалось в творческий процесс, как давило на художников, как требовало поправок...

Рязанов: Уж кто-кто, а я все это испытал на себе. Но современные продюсеры заняты ровно тем же, только часто их требования бывают еще нелепее и глупее. На их совести тот уровень, на который опустилось наше кино, потерявшее не только свои традиции, но и зрителя.

Так что не я, а выдающийся кинорежиссер Рязанов говорит о высочайшем уровне лучших советских фильмов. А, как известно, на «Ленфильме» в приемке каждой картины принимал участие представитель идеологического отдела обкома КПСС.

Пятьдесят лет спустя

Я пишу заключительный раздел в мае 2012 г. Пятьдесят лет назад преподаватель математики 240-й школы Людмила Федоровна посоветовала мне пойти сдавать вступительные экзамены в 239-ю школу, за что я ей бесконечно благодарен. Видимо, именно в тот день началась моя взрослая жизнь, моя работа, которую я очень люблю, но которая, к счастью, занимает только часть моей жизни.

Школа и физфак дали мне бесконечно много: друзей, профессию, умение жить и работать в коллективе, умение оставаться оптимистом в очень непростых ситуациях. Мое поколение детей Победы приняло эстафету поколения фронтовиков и поколения, родившегося перед войной, и вместе с ними мы превратили полуразрушенный войной Советский Союз в государство-лидера в научно-техническом прогрессе, в образовании и в искусстве. Наше государство обеспечивало скромный, но всеобщий достаток. И сейчас, спустя двадцать один год после исчезновения СССР, Российская Федерация прежде всего использует запасы знаний, технологий и минеральных ресурсов, накопленных в советские годы.

В 50-х гг. в Военмехе учился мой двоюродный брат Рэм. Жил он в общежитии, а в конце недели часто приходил к нам ночевать. У Рэма и у моего папы не было музыкального образования, но был великолепный слух. В субботу вечером они обычно под собственный аккомпанемент (гитара и мандолина) устраивали домашние концерты (послушать их приходили и соседи по коммуналке). Исполняли папа и Рэм романсы, арии из опер, современные песни. Словами одной из самых моих любимых песен я закончу свой текст:

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюся с тобой.
А я остаюся с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий
И Африка мне не нужна¹.

*Ленинград – Санкт-Петербург – Лиссабон – Санкт-Петербург,
1987–2012*

---

¹ В очерке использованы фрагменты из произведений В. Маяковского, И. Молчанова, М. Исаковского, А. Чуркина, Н. Добронравова, Б. Окуджавы, Н. Матвеевой, Ю. Визбора, А. Галича, В. Харитоновна.

Воспоминания

М.Б. Тендлер (студент 1965–1971 гг.,
Professor Fusion Plasma Physics, Alfvén Laboratory,
KTH, Stockholm, Sweden, and Science Senior Expert,
International Thermonuclear Experimental Reactor,
Cadarache, France)¹

Физфак встретил меня враждебно.

На вступительном экзамене по физике Прияткин врубил мне тройку, хотя я был одним из победителей городской олимпиады по физике в 11-м классе из 38-й физической школы. На письменной математике я получил опять 3 балла и, таким образом, остался без всяких шансов на поступление в 1965 году. Поскольку в данном случае имелся письменный документ и мне нечего было терять, я решил обжаловать эту отметку. На этот шаг меня вдохновил профессор физфака А.Л. Ошерович, которого я немножко знал, так как учился в 38-й школе вместе с его дочерью Наташей Ошерович.

Помню как сегодня: кабинет декана матмеха, профессор Валландер и я, смущенный и подавленный. К моему счастью, заместитель декана профессор Башмаков оказался в высшей степени порядочным человеком, сразу признавшим, что все ответы в моей работе были правильны. Он же порекомендовал декану исправить допущенную «ошибку». Дискуссия продолжалась довольно долго, в результате мне повысили оценку до 4 баллов. Воодушевленный успехом, я получил пятерку по устной математике и прошел, что называется, на цыпочках на дневное отделение физфака с полупроходным баллом.

Итак, пройдя на физфак, я столкнулся с новой проблемой: где купить костюм и портфель для книжек и конспектов, чтобы появляться в столь уважаемом заведении в приличном виде. Однажды, простояв огромную очередь в ДЛТ, мне все-таки удалось достать маленький портфель из кожи, а вот купить финский костюм так и не получилось. Так что я был почти во всеоружии, чтобы грызть гранит науки.

---

¹ В настоящее время Михаил Борисович Тендлер – профессор Алвеновской лаборатории по термоядерным исследованиям Королевского технологического института в Стокгольме и главный научный эксперт международной программы ИТЭР, направленной на создание первого в мире экспериментального термоядерного реактора. Он также является академиком Российской академии наук и Шведской королевской академии инженерных наук. В 1999 году Чешской академией наук М.Б. Тендлеру была присуждена премия по физике имени Эрнста Маха.

Учились мы еще в старом здании на набережной, еще до того, как физфак «сослали» в Петергоф. Мне это очень нравилось, поскольку казалось, что даже стены излучают дух свободомыслия и независимости, который мне очень пригодился впоследствии. Из преподавателей на 1-м курсе запомнился профессор Рудаков, который задал мне задачу об индуктивности тора, пригодившуюся мне позднее. Потом я узнал, что это была одна из ранних работ академика В.А. Фока, который заведовал кафедрой теоретической физики.

Общую физику на 1-м курсе читал профессор Н.А. Толстой. Он был типичным советским графом, с блестящими манерами, златоуст с красивой тростью и вечной бабочкой. От него я впервые услышал имя Андрея Дмитриевича Сахарова (хотя и не помню, в каком контексте), с которым он был лично знаком. Мне запомнилась его шутка: «Первую половину моей жизни меня преследовали за то, что я русский граф. На что я всегда отвечал: «Зато женат на еврейке». Вторую половину моей жизни меня преследовали за то, что я женат на еврейке, но зато сам я исконный русский граф».

Математику преподавал ярко и убедительно доцент Павлов. Иногда приходил академик В.И. Смирнов. Он порой крестился, тем самым приводя в ярость партийных и комсомольских работников. Я вспоминаю об этом теперь, когда наблюдаю волну клерикализма, охватившую всю страну. Позднее в одной из его книг я нашел решение одной из моих работ по перезарядке нейтральных частиц водорода в термоядерном реакторе. А.Д. Сахаров об этой работе, вероятно, не знал и упустил решение в своей классической статье «Теория термоядерного реактора», написанной совместно с Таммом.

Наибольшую пользу для моей дальнейшей деятельности я извлек из ярких и убедительных лекций профессора Ю.М. Когана по атомной физике, которые включали общие сведения по физике низкотемпературной плазмы. Он же оказал сильное влияние на мой выбор специализации. К сожалению, актуальная в ту пору, а также и в нынешнюю тема высокотемпературной плазмы отсутствовала полностью в университетской программе, в отличие от Политехнического института. Тогда же я познакомился с блестящим теоретиком – доцентом Р.И. Лягущенко, который научил меня очень многому и с которым мы вместе написали несколько, актуальных до нашего времени, классических работ. Они же порекомендовали меня академику В.И. Перелю, у которого я очень многому научился. Перель работал в очень престижном институте Иоффе и сразу предупредил, что попасть туда у меня нет никаких шансов. Однако я не воспринял это предупреждение всерьез. Позднее, на церемонии присуждения мне звания почетного доктора в Политехническом институте, Перель пошутил, что он мог себе представить церемонию исключения меня из комсомола, но никак не это.

К ссылкам в колхозы, стройотрядам и т. п. я всегда относился резко отрицательно. Во-первых, было больно наблюдать за жизнью колхозников, доведенных системой до рабского состояния и, как следствие, до алкоголизма. Во-вторых, было понятно, что рабский труд никогда не может заменить сознательную деятельность. На личном уровне эти «развлечения» крали мое рабочее время, которое можно было потратить с куда большей пользой. И самое главное, я начал

курить в колхозе, чтобы хоть как-то отпугнуть мух и комаров, садившихся прямо на лицо, особенно во время утренней косьбы. От этой ужасной привычки не могу избавиться до сих пор.

Приятные воспоминания остались от посещения военной кафедры. Во-первых, она была укомплектована блестящими преподавателями. Особенно выделялся С.И. Каплуновский, умевший объяснить многие главы электроники, а также нестандартные аспекты мировой политики и взаимоотношений между странами. Однако военные сборы на 5-м курсе оставили и тяжелые воспоминания. Они связаны с жестоким наказанием за пение несанкционированной John Brown's Body и за вольнодумство, проявленное Сашей Пушкиным, позволившего себе критиковать высокопоставленного представителя власти. Впоследствии я узнал, что он очень рано скончался от неизвестной болезни. Во-вторых, Сережа Лурье сообщил, со слов навестивших его родителей, что в Питере шли аресты, пока мы прохлаждались в Карелии.

На сборах в Выборге. Слева направо: В. Горбунов, подполковник С.И. Каплуновский, М. Тендлер, неизвестный (июнь 1970). Фото В. Фролова

Апогеем общественной жизни были капустники физфака, которые писал А.М. Финкельштейн, ныне член-корреспондент РАН и директор Института прикладной астрономии. С ним у меня завязалась теплая дружба и сотрудничество, продолжавшиеся до его недавней безвременной кончины. Как сейчас помню переполненный зал и великолепное представление, полное остроумия, веселья и неоправданного оптимизма.

Закончилось мое пребывание на физфаке на траурной ноте, так же, как и началось. По распределению меня куда не взяли – выдали свободный диплом. К чести многих профессоров на кафедре: Демкова, Друкарева, Веселова – они очень старались мне помочь, вероятно, в предвидении будущего, но ничего

не могли сделать, чтобы изменить ситуацию. С огромным трудом мне удалось устроиться преподавать по вечерам физику в Горном институте с почасовой оплатой. Однако, несмотря на «временные» трудности, я мог изучать физику плазмы и работать бесплатно с Перелем и Лягущенко, за что им глубоко благодарен. Это «временно» подвешенное состояние продолжалось довольно долго с короткими перерывами на работу по хоздоговорам, добытым ненапрямую благодаря усилиям академика Ф.Г. Рутберга, тогда доцента Механического института.

В общем, к 1975 году я понял, что у меня нет другого выхода, как эмигрировать, хотя условия для эмиграции были тогда ужасными. Вначале публичные аутодафе с требованиями назвать единомышленников. Потом мародерские поборы, сопровождавшиеся лишением гражданства, и, как следствие, – отсутствие всяких средств к существованию. К счастью, лишь позднее я понял, что это означало на самом деле. Однако мне удалось выжить и подняться. Должен отметить, что никакой злобы за причиненные мне страдания я никогда не испытывал. Напротив, я был одним из первых прибывших в Питер, чтобы спасти то, что заслуживало спасения в так называемой советской науке. Хотелось также прорвать атмосферу замкнутости и следующего из нее провинциализма, которые господствовали из-за отсутствия прямых и широких контактов с большим миром. Я принимал участие в развертывании программы ИНТАС и добывании различных грантов для спасения ценных элементов российской науки. Однако очерк не обо мне, а о физфаке.

Выражаю благодарность за приглашение написать воспоминания о давно забытом, но тем не менее приятном и грустном периоде в жизни, хотя бы в нескольких строках.

Физический факультет Ленинградского университета в 1965–1971 гг.

В.М. Уваров (студент 1965–1971 гг., аспирант 1973–1976 гг.,
доктор физико-математических наук, профессор ПГУПС)

В период с сентября 1965 г. по январь 1971 г. я обучался на физическом факультете ЛГУ им. А.А. Жданова. Период обучения составлял тогда пять с половиной лет. Сегодняшнее название университета – Санкт-Петербургский государственный университет. Чтобы читателю проще было судить о возможном субъективизме автора в восприятии тех или иных сторон тогдашней действительности, сообщу некоторые данные о себе.

В настоящее время я профессор Петербургского государственного университета путей сообщения, в котором преподаю с сентября 2000 г. Степень доктора физико-математических наук защитил в 1993 г., будучи старшим научным сотрудником Института Арктики и Антарктики (ААНИИ), в котором работал в период с 1977 по 2000 г. Там же ранее, в 1978 г., защитил степень кандидата физико-математических наук после завершения обучения в очной аспирантуре Полярного геофизического института (ПГИ) Кольского филиала АН СССР с прикомандированием к кафедре физики Земли физического факультета ЛГУ. В ПГИ работал по распределению с марта 1971 г. по декабрь 1973 г. в должности старшего лаборанта сразу после защиты дипломной работы на кафедре физики Земли физфака ЛГУ.

В начале лета 1965 г. состоялся первый выпуск 45-й физико-математической школы-интерната, открытой 16 октября 1963 г. в соответствии с постановлением Совета министров СССР, принятого в конце августа того же года.

Среди ее выпускников были учащиеся двух одиннадцатых и четырех десятых классов, из которых пять классов были физико-математические и один химический. Большая часть выпускников подала документы на математико-механический и физический факультеты ЛГУ, а также на химический и экономический факультеты. Физико-математическая подготовка выпускников 45-го интерната была весьма высокой¹.

Среди тех, кто подал документы на физфак, был и автор этих строк.

---

¹ Более подробную информацию о причинах появления таких школ-интернатов в СССР и особенностях учебного процесса можно найти в моей статье: Феномен специализированных физико-математических школ // Проблемы математической и естественно-научной подготовки в инженерном образовании: исторический опыт, современные вызовы: тр. Междунар. науч.-методич. конф. СПб.: ПГУПС, 2011. С. 224–231.

Процесс подачи документов хорошо запомнился. Документы принимала группа молодых людей, студентов физфака, олицетворявших приемную комиссию. Несмотря на то что конкурс был невысок – менее двух человек на место, эти молодые люди не только просматривали документы, но и беседовали с абитуриентами, вероятно, пытаясь оценить их творческий потенциал. После разговора я сделал вывод, что этим ребятам определенно не понравился. Отчасти потому, что я проигрывал в их глазах абитуриентам-романтикам, так сказать, «творцам», одержимым, судя по их школьным характеристикам, самыми смелыми идеями. Отчасти потому, что в моем аттестате из всех математических дисциплин пять баллов было только по тригонометрии, а по остальным – четыре.

Как бы то ни было, во время своего первого экзамена (по физике) я обратил внимание на то, что попал к экзаменатору, который ставил или два балла или, на худой конец, три. Позднее я пришел к выводу, что к этому экзаменатору попадали те, кто не понравился ребятам из приемной комиссии. Я хорошо подготовился к вступительным экзаменам и ответил на оба вопроса исчерпывающе. Мгновенно решил и предложенную экзаменатором задачу по оптике. Однако он не унимался: сказал, что эта задача легкая, и задал следующую. «По кругу движется деревянный брусок; что играет роль центростремительной силы?» Я никак не мог представить, что по кругу сам по себе движется деревянный брусок. Короче, мой ответ не устроил экзаменатора, и он с чувством выполненного долга тут же поставил мне три балла.

После этого я сдал на отлично оба экзамена по математике, устной и письменной, набрав тем самым необходимый проходной балл, на отлично сдал экзамен по химии и успешно написал сочинение. В итоге, вопреки чаяниям молодых людей из приемной комиссии, я поступил на физфак ЛГУ.

Учеба на физфаке началась с того, что в течение месяца под руководством армейского офицера наша девятая группа, большую часть которой составляли выпускники 45-го интерната, занималась физическим трудом в разных районах Ленинграда. На улице Народной мы копали траншею, во дворе жилого дома, вблизи Кировского проспекта, ломали двухэтажную кирпичную постройку, в самом начале Невского проспекта, на нечетной стороне, в роскошном старинном здании убрали строительный мусор. В конце этих работ нас обязали выпустить стенгазету. Все эти мероприятия проходили под эгидой так называемой спецафедры.

Значительная часть нашей группы поселилась в общежитии на улице Шевченко. Рядом находилось такое же общежитие, в котором жили студенты матмеха и некоторых других факультетов.

Учебный процесс начался с теплой встречи с преподавателями. Запомнились Никита Алексеевич Толстой и Михаил Григорьевич Широхов.

Надо сказать, что благодаря фундаменту, заложенному в 45-м интернате, учиться на первом курсе физфака было несложно. Нас учили замечательные люди. Лекции по математике нам читал М.Г. Широхов, а практические занятия проводил Никита Владимирович Смирнов, сын академика В.И. Смирнова. Лекции по физике читал Н.А. Толстой, семинары проводил С.Г. Слюсарев, занятия в физической лаборатории проводили Трусов и Коновалов. Слюсарев был интеллигент

в хорошем смысле слова, участник ВОВ. Однажды на семинаре, когда для решения очередной задачи мы дружно отыскивали в учебнике подходящую формулу, он сказал: «Сейчас вы ищите формулы, а позднее будете смотреть в истоки». Однако большей загадкой была для меня другая его мысль: «Каждый сам кузнец своего счастья». Что он хотел этим сказать? Для первокурсника этот вопрос требовал конкретного ответа.

Лекции по общей физике первые два семестра читал Н.А. Толстой. Он был человек артистичный, всегда элегантно одет, ходил с тростью. Говорил великолепным русским языком, знал несколько иностранных языков, в частности голландский. Хорошо шутил. В то время часто сравнивали Москву и Ленинград. По этому поводу Никита Алексеевич сказал: «Между Москвой и Ленинградом существуют все те различия, которые свойственны близким родственникам. Москва – мать городов русских, Ленинград – отец Великой Октябрьской социалистической революции». Студенты тянулись к Толстому. Слово «харизма» в то время еще не было известно. (Сегодня определенная часть общества испытывает дефицит общения с людьми старой культуры. В этой связи надо отдать должное Н. Михалкову, который успел снять фильм о русской эмиграции первой волны.)

Рассказывали, что Толстой дрался на дуэли с Калитеевским, после чего они стали друзьями. Секундант предложил дуэлянтам два стакана воды, в одном из которых был яд. Все закончилось совершенно чудесным образом. Оба выпили, но никто не помер. Оказалось, что яд перепутали со слабительным.

Не берусь критиковать методику преподавания английского языка. Разговорного английского не было вообще – мы просто переводили тексты из доступных газет и сдавали «тысячи». Разумеется, была грамматика. На старших курсах стали осваивать и технические тексты. Как бы то ни было, этой базы оказалось достаточно для дальнейшего самостоятельного изучения языка, сдачи кандидатского минимума и написания научных статей. Усилия преподавателя Холиной не прошли даром. (А вот разговорному английскому пришлось учиться на курсах. Но это было значительно позднее, после развала СССР.)

Несколько слов о том, как в ту пору преподаватели воспитывали студентов. Однажды Н.А. Толстой, принимая экзамен по физике у одного первокурсника, швырнул его зачетку в открытую дверь. Пострадавший потом говорил, что излагал материал в точности как сам Никита Алексеевич и потому не понимает причину его негодования. Впоследствии я часто вспоминал эту историю одновременно с тем фактом, что одна из преподавательниц как-то раз назвала пострадавшего энергичным молодым человеком за то, что всегда перед самым началом лекции по ядерной физике тот начинал демонстративно стирать с доски.

Мария Ивановна Петрашень воспитывала мягче. На экзамене мой одноклассник и одногруппник, отвечая на ее вопрос, что такое первый интеграл, заявил: «А Борис Сергеевич сказал, что это мура». Мария Ивановна, не сказав ни слова, поставила в зачетку два балла и вручила ее экзаменуемому. Тот вышел из аудитории, рассеянно улыбаясь. Кстати, среди студентов ходили слухи, что М.И. Петрашень нашла применение теории групп в квантовой механике. (А о Невзгля-

дове говорили, что он тайно занимается методом скрытых параметров – вопреки квантово-механическому мейнстриму, как сказали бы сегодня.)

Позднее, когда мы уже разбежались по кафедрам, кто-то поделился воспоминаниями о лекциях Толстого в разговоре с заместителем декана физфака и преподавателем кафедры физики Земли И.Н. Успенским. Тот одернул нас вопросом: «А много ли было физики в этих лекциях?» Впоследствии этот вопрос я вспоминал неоднократно. Как и один эпизод из лекций самого Успенского. Рассказывая о распространении сейсмических волн, он вдруг ударил кулаком по столу и сказал: «Вот побежала волна!» Надо сказать, что после стандартных представлений, полученных из курса общей физики о распространении звуковых волн в твердых телах (что, казалось бы, ближе всего к данной теме), освоиться с приведенным примером было непросто. Дело в том, что обычный деревянный стол слишком диссонировал с высокими физическими абстракциями, а известные с детства глина и песок – с самой возможностью распространения возмущения в подобных средах.

И.Н. Успенский любил поговорить со студентами, и, что важно, студенты считали возможным задать ему любой вопрос. Вот две истории, рассказанные им. Как-то раз по инициативе М.Г. Широхова за списывание на экзамене чуть не отчислили первокурсника. Вступился академик В.И. Смирнов, который сказал, что для вчерашнего школьника списывание – это геройство. Парня оставили. И вторая история. Во время защиты диссертации по математике в работе молодой соискательницы обнаружилась ошибка, и только выступление В.И. Смирнова спасло девушку.

По мнению Успенского, нравственную атмосферу на физфаке определяли два великих человека – В.И. Смирнов и В.А. Фок. Мне довелось их застать и даже прослушать пару лекций В.И. Смирнова, который в то время уже не вел регулярных занятий со студентами.

После развала СССР, когда уровень школьного образования стал катастрофически падать, И.Н. Успенский преподавал в школе, подпитывая физфак своими учениками.

Первые два курса мы проучились в нашей девятой группе стабильным составом. В основном в группе были выпускники 45-го интерната. Считалось, что девятая группа – это группа теоретиков. Как бы то ни было, к нам на семинары по физике иногда приходили очень сильные студенты из других групп. Прекрасно помню появление студента Скриганова. Как раз в это время несколько семинаров по физике у нас провел В.А. Рудаков, который вместо решения стандартных задач по физике подкинул проблему с формой мыльных пузырей. Следующий семинар, по существу, превратился в диалог между Рудаковым и Скригановым, поскольку последний продемонстрировал запредельный для первого курса уровень математических знаний. Думаю, что после этого семинара многие испытывали чувство некоторой подавленности. (Кстати, Скриганов впоследствии стал специалистом в области математической физики.)

Надо сказать, что к теоретикам студенты относились с благоговением, чего не скажешь о самих преподавателях. Помню фразу Бойцова, который

вел семинары по физике на втором курсе: «Не верьте тому, что вам говорят теоретики». (Сегодня я думаю, что это, несомненно, было помаркой с его стороны.)

На третьем курсе лекции по математике стали читать отдельно – для теоретиков и для экспериментаторов. На первом занятии аудитория для теоретиков была переполнена, поскольку все студенты решили ходить на лекции именно для теоретиков. Лекции читал Буслаев. Подозреваю, что на этой первой лекции он сознательно навел такого туману, что экспериментаторы убралась восвояси, в том числе и автор этих строк. В следующий раз мы пошли слушать лекцию по математике уже в свой, «экспериментальный», поток, и тут выяснилось, что первой лекции для экспериментаторов не было. Какая удача! Лектор, Георгий Иванович Петрашень, все заранее предвидел.

Лекции Георгий Иванович читал великолепно. До сих пор помню его введение в тему обобщенных функций, когда он говорил, что мы, физики, сталкиваясь при наблюдении с реальными сигналами, не можем ожидать применительно к ним выполнения тех жестких требований, которые зачастую накладывают на функции математики. Я обращал внимание на то, что он иногда как-то необычно приближался к доске, словно подлетал. Много позже я узнал, что Георгий Иванович занимался балетом. Во время весенних стартов бегунов на Менделеевской линии я видел его в числе участников забега.

Георгий Иванович был доброжелательным человеком. Последний раз я видел его в 1986 г., когда пришел в ЛОМИ на возглавляемый им семинар, где мой однокурсник Илья Волков выступал с докладом по кандидатской диссертации, которую он выполнил под руководством Т.Б. Яновской. Тогда я впервые стал свидетелем того, что хорошо известные математические методы (не численные!) могут приводить к различным решениям. В расчетах сейсмической волны, в отличие от других авторов, у Ильи воспроизводился вступительный импульс. После доклада выступил Г.И. Петрашень, который сказал примерно следующее: «Я тут решил эту задачу, по-своему, по рабоче-крестьянски. Эффекта нет. Ну да ладно. В конце концов защитой диссертации научная работа не заканчивается. Это только швейцар в ресторане мог поздравить виновника торжества с окончанием научной деятельности». Думаю, что этот эпизод подтолкнул Г.И. Петрашню к написанию монографии, в которой он изложил четыре математических метода для решения этой проблемы.

«Математическая часть» моих воспоминаний о физфаке пишется легко, по-видимому, из-за моей любви к математике. Тем не менее подать в свое время документы в приемную комиссию матмеха я не рискнул, поскольку чувствовал себя там не в своей тарелке – уж слишком много было на матмехе студентов со странностями. (Кстати, о странностях математиков. В 1976 г., оканчивая аспирантуру, я отдыхал летом в Пярну (Эстонская ССР) вместе с женой. Как-то поздним вечером к нашим соседям наведалься Арлазоров, известный в области разработки шахматных программ математик. Он запомнился человеком очень шумным, подвижным, внезапно начинал читать стихи и совсем не интересовался, насколько это уместно и своевременно. Утром пострадавшие знакомые, отвечая на мой вопрос,

сказали, что среди талантливых математиков есть и вполне сбалансированные люди, и привели в пример В.И. Арнольда.)

На третьем курсе студенты распределились по кафедрам в соответствии с личным выбором каждого. Я предпочел кафедру физики Земли. Возглавлял кафедру тогда Б.М. Яновский, который одновременно был и директором Института метрологии. Однако увидеть его мне не довелось: Яновский умер, и кафедру возглавил Г.В. Молочнов. На первом же в моей жизни заседании кафедры я стал свидетелем, мягко говоря, прохладного отношения сотрудников к новому заведующему. Думаю, с точки зрения воспитания студентов они допустили здесь помарку.

Вскоре Г.В. Молочнов стал еще и директором НИФИ и сделал на этом посту много полезного для кафедры. Говорили, что его карьера пошла в гору после командировки в Сирию, где он проводил геоэлектрические исследования.

Кафедра физики Земли находилась во флигеле, где родился поэт Блок, напротив знаменитого Главного здания университета. В начале семидесятых кафедра переехала в Петергоф, и сотрудники очень сожалели об этом.

Летом 1969 г. мы проходили практику по геоэлектрике в Саблино под руководством Галины Павловны Шолпо и геологическую практику в Крыму под руководством сотрудника геологического факультета Александра Николаевича Ансберга. Все было замечательно организовано.

Тем же летом в старом здании НИФИ мы смотрели фильм о высадке американских астронавтов на Луну. А через год студенты кафедры физики Земли принимали участие в организации и проведении в Ленинграде сразу двух крупных международных мероприятий – сессии COSPAR и симпозиума по солнечно-земной физике. Это происходило в Таврическом дворце, где тогда была высшая партийная школа. Уровень организации и проведения был очень высок. Открывал сессию COSPAR М.В. Келдыш, президент АН СССР и главный теоретик космонавтики. Выступил с докладом Нил Армстронг, участник первой лунной экспедиции. В центре холла, под колпаком, демонстрировался лунный камень, похожий на кусочек каменного угля, матовый, без блеска, объемом около кубического сантиметра.

Мне довелось демонстрировать слайды во время доклада видного американского геофизика японского происхождения Акасофу. Перед докладом он подробно объяснил на английском, в какой последовательности надо показывать слайды: следовало на определенном этапе вернуться назад, а потом продолжить. Однако во время показа, то ли из-за волнения, то ли из-за языковых проблем, я допустил сбой.

Не знаю, запомнил ли меня, студента пятого курса, маститый ученый, но два десятилетия спустя, в начале девяностых, уже не в Ленинграде, а в Петербурге, в Институте Арктики и Антарктики, где я тогда работал, Акасофу выступал с научным докладом. Были и сотрудники с кафедры, в частности Михаил Иванович Пудовкин, мой научный руководитель по дипломной и аспирантской работам. После доклада состоялось чаепитие, от которого я предпочел укрыться в рабочей комнате. Однако вскоре зашел мой сосед и сказал: «Слава, занял бы ты разговором Акасофу». Я понял, что это была инициатива М.И. Пудовкина. Собрав

свои «горячие» графики с картинками ионосферной конвекции, я подсел к Акасофе и начал комментировать их на плохом английском. В конце беседы я подарил ему оттиски своих русскоязычных работ, на что тут же отреагировал начальник отдела О.А. Трошичев, заявив, что на русском оттиски читать все равно не будут. Последний иногда выезжал за границу в научные командировки, что в голодные девяностые могло быть настоящим спасением. Как-то раз Трошичев сказал на собрании сотрудникам: «Иностранцы приглашают тех, кого они знают». В этом месте сотрудники скисли, а напрасно, ибо есть и другая точка зрения по этому вопросу. В.С. Семенов, возглавивший лабораторию магнитосферной физики после М.И. Пудовкина, однажды, во время одной из наших редких встреч, озадачил меня вопросом: «Знаешь, почему имярек приглашают за границу, а тебя не приглашают? – и, не дождавшись ответа, продолжил: – Потому что на фоне имярек западные ребята будут отлично смотреться, а на твоём фоне не будут».

Закончилась сессия COSPAR великолепным банкетом, в котором принимали участие и мы, студенты кафедры физики Земли, на правах организаторов. Рядом угощались два американца, прекрасно говоривших по-русски. На вопрос, откуда они так хорошо владеют языком, те сказали: русский язык – это наше хобби. Надо сказать, что докладов эти ребята не делали и на ученых не были похожи.

Пригласительные билеты на банкет были не у всех участников сессии COSPAR. Некоторые иностранцы норовили пройти без приглашения, и это отложилось в памяти, тем более что их отношение к нам тогда было другое, да и нравы тогда тоже были другие.

Летом того же года мы выезжали на военные сборы в Выборг, где приняли присягу, а по возвращении сдали экзамен по военному делу и стали младшими лейтенантами.

В сентябре съездили в Польшу в порядке обмена студенческими делегациями. Взаимоотношения людей наших стран тогда были хорошими. Это была моя первая поездка за границу.

В январе 1971 г. состоялась защита дипломных работ. Моим научным руководителем был Михаил Иванович Пудовкин, который предложил исследовать предвестники геомагнитных бурь. Это наблюдаемые на поверхности Земли геомагнитные импульсы, генерируемые в результате взаимодействия солнечного ветра с магнитосферой Земли. Результат получился неожиданным, и работа была защищена на отлично. (Кстати, что касается дипломной работы, то, несмотря на мои неровные оценки, у меня всегда была уверенность в успехе.) При интерпретации одного из графиков мной был сделан вывод о возможности генерации суббурь при северной компоненте межпланетного магнитного поля, что в то время противоречило общепринятой точке зрения и точке зрения моего руководителя. Ситуация была непростая: с одной стороны, я свято верил в северную компоненту, а с другой стороны, не мог понять, как точка зрения дипломника может быть более правильной, чем точка зрения научного руководителя, располагающего куда более обширной базой знаний.

(Позднее, уже в аспирантуре, подобная история повторилась. Мы с Михаилом Ивановичем обсуждали подготовленную к опубликованию статью, в которой,

в частности, были выписаны выражения для продольной, педерсеновской и холловской проводимостей с учетом вклада турбулентности ионосферной плазмы. Однако в самом тексте статьи о холловской проводимости турбулентной плазмы я не написал ни слова, поскольку представить себе не мог, чтобы в турбулентной ионосферной плазме была холловская проводимость. Михаил Иванович спросил, почему в тексте не обсуждается этот эффект, раз уж формула для холловской проводимости выписана. Я ответил: «Поскольку формально она возникает. Формулу для холловской проводимости надо в статье сохранить, а обсуждать не надо. Ну нельзя же все-то обсудить! Если мы начнем обсуждать холловскую проводимость в турбулентной плазме, то читатель не только в педерсеновскую, но и в продольную проводимость не поверит!» Тогда Михаил Иванович сказал: «Тут Сережа Сажин только что сосчитал холловскую проводимость в турбулентной плазме. Знаете, какая у него холловская проводимость получилась?» Здесь у меня непроизвольно поднялись плечи, втянулась голова и зажмурились глаза. Когда Михаил Иванович сказал, что у Сажина получился ноль, я с облегчением вздохнул, а руководитель произнес: «Ну у вас и интуиция!»)

В это время на кафедре можно было видеть Володю Барсукова и Сашу Намгаладзе. Оба уже подготовили свои кандидатские диссертации под научным руководством М.И. Пудовкина и Б.Е. Брюнелли соответственно. Я был свидетелем их беседы, случившейся в лекционной аудитории. (Наверное, я съедал их глазами. А как же иначе? Как-никак, молодые ученые.) Хорошо помню, что беседа закончилась плохо. На пустом месте, без всякого серьезного повода Саша Намгаладзе, выражаясь шахматным языком, обострил ситуацию. Возможно, это было проявлением лидерских качеств. Сразу же после защиты кандидатской Намгаладзе возглавил в Калининграде научный коллектив по численному моделированию ионосферы и довольно быстро защитил докторскую. Володя Барсуков, по слухам, довольно быстро оказался в США и жил на пособие.

Защитив дипломы, мы разъехались по местам распределений. И тут оказалось, что реальная жизнь и тепличные условия университета это две большие разницы. Однако об этом следует писать в другом месте.

В заключение отмечу, что мне посчастливилось учиться в Ленинградском университете не только в эпоху СССР, но и одновременно в доэкологическую эпоху. У нас было бесплатное образование, у нас была великая страна, солнце было желтым и ласковым, до озоновых дыр было еще далеко, а олигархи могли прийтись только в страшном сне.

Мангышлак, июль 1966 года (Отрывки из дневника)

Э.П. Федорова-Коваль (студентка 1964–1971 гг.)

28 июня

Собрание перед отъездом. Все, как малые ребята, примеряют формы. Замечательно! Джон Джорбенадзе сулит нам воду в пустыне: «Кульсары – крупнейшее озеро, полтора километра в длину. Вода пресная». Орем «ура». Все получается здорово. К нашему приезду лагерь в Кульсарах должен быть готов.

В ночь с первого на второе бродили по Ленинграду. Впереди неожиданное и необычное. С нетерпением ждем утра отъезда. Митинг. Топаем по Невскому. Чуть-чуть грусть: прощание и снова ожидание необычного.

Вот и проснулись. Надписи на вагонах. Какой-то подозрительный тип стирает надпись «Основное орудие труда – рычаг (ложка тоже рычаг)!». Восстанавливаем. Вагоны перенаселены, спим и на третьей полке, поем под гитару. Впрочем, все это обычное для всех студенческих эшелонов.

Москва. Забрели на Красную площадь. Постояли на краешке. Двинулись с Казанского вокзала на юго-восток. Пляшем под гитару на остановках. Бегаем с бидоном за водой. Ругаем проводницу. «Колеса стучат, говорят на ходу...»

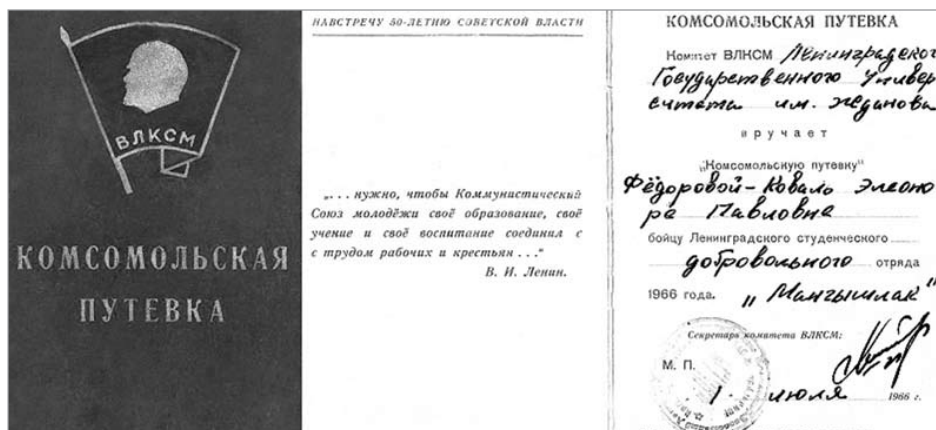
Оренбург. Обливаемся водой, танцуем шейк при стечении народа. Пока все хорошо. В штабе совещания и прочее. Потом ошарашили и убили: «Физики едут не в Кульсары. Туда едет Военмех!» – «Где Джон? Побить его мало! Что же он трепался?»

Приехали мы 5 июля. Был серый и довольно-таки прохладный для полупустыни день. Где же обещанное полуторакилометровое озеро? Где же палатки? Так нас постигло первое разочарование.

Все-таки в окрестностях нашего бивуака нашли речку. Это была Эмба, на картах Союза выглядевшая очень и очень солидной рекой. Увидели вблизи верблюдов. В этот же первый день – происшествие. Утонул философ. Впрочем, он не утонул, а отправился вверх по Эмбе ловить раков. Мы так его сначала и звали – «утопленник».

Наше прибытие было еще отмечено кашей, которая затем преследовала нас в течение всей нашей суровой и нелегкой жизни на Мангышлаке... Затем знакомство с Латником, Элькиным и Фирстановым.

Часов в 10 пришла АГМу с платформой. Забрались на нее, и повезли нас ломать железную дорогу. Получили в руки вилы и ломы.

Комсомольская путевка Алены Коваль (1966)

Ужас! Щебенку в вилы никак не набрать. Чуть ли не руками накладываем. Балластер пришел. Присосался магнитами к рельсам. И звено за звеном стали подниматься над насыпью. А мы что должны? «Сбрасывайте щебенку со шпал, засыпайте ящики, подбивайте ломami!» – «А девчонкам подбивать можно?» (Мы тогда и не знали, что нужно подбивать электрошпалоподбойками. Такая подбивка быстрее, надежнее. Но мы еще много-много не знали.) Обед. Опять каша. Но мы не возмущаемся, верим, что все уладится в первые дни. Потом засыпка и рихтовка. Все впервые, интересно. Ничего не знаем, верим мастерам на слово, переделываем работу, делаем даже бесполезную (это уж сегодняшнего дня, вернее, глазами конца июля).

6 июля (?)

Латник: «Все должно скоро уладиться. Дадут инструменты». Позже, но когда?

Мастера: «Необходимо разбить отряд на бригады по специальностям. Заработок разный. Работа разная».

А как же бригадная коммуна? Необходима отрядная. Чем 9-я бригада лучше остальных?

Штабы каждый день. Какой толк от них? Планерки: говорильня, бесконечные обвинения со стороны мастеров. Мастера – на бригаду, бригада – на мастеров. Каждый день распределяли работу, но почти всегда это распределение нарушалось.

Фирстанов: «Все выбиваю черенки для молотков». (Забивка костылей, противоугонов, снятие противоугонов.) Не хватает шпалоподбоек.

Балластера нет. Говорят, что машинист пьянствует. А если балластер и приходит, то через полчаса ломается. Так было не всегда, но часто. В результате теряем дни. Работу все же нужно делать.

ЖЭСка ломается, и дед спит под кустом колючки. Нет бензина, кланчим или воруем у шоферов.

«Гробы» – так называем участки призмы, щебеночной части железнодорожной насыпи. В гробу мы их видели! Работа нужная и ненужная. Измотали себе нервы, ругаемся и получаем массу противоречивых указаний.

«А путь должен быть как на эюре» – любимое выражение Фирстанова. Лазаренко, начальник областного транспортного отряда: «У физиков всегда плохо. Всегда митингуете».

Каша. Черт бы ее побрал! Не поешь – как следует не работаешь. Жарко! Воды пьем, как верблюды после двухмесячной «диеты». Мы же пьем через час, полчаса. Дашь себе зарок не пить воды, но не выдержишь и все-таки пьешь. Сначала было не очень жарко. Все же обгорели и облезли. Обливались водой, чтобы не было так жарко. Особенно голову.

Дождь – вот уж совсем удивительно. И радуга – в полнеба. А потом ветер – песок несет. Всюду песок: на зубах трещит, пол в комнатах в песке.

Кстати, комарье. Заедали смертельно. Хорошо, что хоть днем не жрали нас.

И опять: выполним ли первый аккорд? Начинаем уже здорово беспокоиться. Организация работ не верна. Не знаем дневной нормы, а потому и не можем перевыполнять ее. Все, что мы делаем, не кажется нам настоящим. Даст ли сумма всех работ, которые мы делаем, 5,1 км железной дороги, готовой к нормальной эксплуатации?

Латник, Элькин и Фирстанов по-прежнему агитируют нас работать хорошо, будто мы хотим чего-то другого.

Работа в самую жару – производительность маленькая, устаем же здорово. Но перегон открывается в 18.00. Уходит ШПМ (шпалоподблочная машина). Значит, надо работать в жару и до 6 часов. Девчонки «бунтуют».

Собрание 9-й и 10-й бригад. Пригласили Фирстанова. Предложили разбить на две комплексные бригады. Соревнование между ними – стимул. Инструменты, правильное распределение работ и числа людей. Все должны работать продуктивнее, не вполсилы. Информация о сделанном и о том, что надо сделать. Фирстанов отбрыкивается и отнекивается, что-то лепечет в оправдание и обещает подумать.

Что дальше? Повторение пройденного. Аккорд не будет готов. За пять дней до конца первого аккорда – наконец-то долгожданное расписание работ. Взглянули и поняли: аккорда не будет. Все же еще надеялись чуть ли не на чудо и были готовы работать как дьяволы.

Аврал. Балластер поднял очень много. Девятая бригада не справилась бы одна. Помогали все. Кто с охотой, а кто и так говорил: «А на фигуа они столько подняли?!» Балластер надо было использовать как можно больше, так как он часто ломался, и мы порой безнадежно ждали его.

Путь с буграми и извилистый, похожий на гадюку.

Ловля раков. Удят рыбу. Рыбы довольно-таки много.

Костры и блатные песни, которые всем скоро надоедают. Кое-что врезается в память:

Ах, нас не помнят, ах, нас не помнят,
Лишь только снимки на стенах комнат,
Словно кадры в немом кино, –
А нам все равно.

Ах, нас забыли, ах, нас забыли,
Все говорят, что мы когда-то были,
Льется в память о нас вино,
А нам все равно.

(Конечно, были и другие песни. Но пока комментировать и дополнять старые записи не хочется. Тогда это будут воспоминания, а память частенько искажает факты.)

А ночью падают звезды. Спим и на улице – в комнате жарко. Мокрая простыня – лучшее снотворное.

25 июля

Выправка путей. В бригаде вместо двадцати шести – восемнадцать человек. Остальные больны. Одни серьезно, другие просто устали и нашли удобный способ отдохнуть. Работали в полную силу, но с перебоями. Одну нитку подбивали дольше. Две группы шпалоподбойщиков, они не равноценны: в одной группе ребята сильные и приносившие к этой трясушке, другие более слабы. Эта группа делает меньше. Из-за недостатка народа нет смены, и ребята на шпалоподбойках устают здорово. Сачкуют Жора Д., Андрей П., Юрка Б. Девчонки погибаются, но стараются работать больше, чем позволяют силы. У Лариски плохо с сердцем, у Татьяны Д. дела не лучше. Сделали за день 250 метров.

В 17.00 ЖЭСка сломалась, и мы еще около часа проторчали, не работали. Я в уме молила: «Не заведись, не заведись!» ЖЭСка не завелась. В тот день от шума подбоек здорово разболелась голова.

Вечером поругалась, и довольно-таки глупо, с Латником и Фирстановым: звали на собрание по технике безопасности.

26 июля

С утра работала ШПМ. В 11.00 сломалась. Прошли 300 метров. После делали призму. Мне эта работа нравится. Поругались с Эдиком из-за большого обеденного перерыва. Жара страшная: в тени 44 градуса, а на солнце 59 Цельсия. На рельсы невозможно присесть – можно получить ожог пятой точки. Воды с каждым днем пьем все больше и больше. Вот и сердечко, наш мотор и насос, у некоторых не справляется: у Татьяны Д. сильнейший отек ног.

Собрание в 10-й бригаде. Сместили двух комсоргов, Иру К. и Витю Д. Просили выгнать главного инженера – Фирстанова: плохая организация работ, о которой много говорилось всеми.

27 июля

Утром вывесили молнию, которая возмутила и взбудоражила. Всем и так ясно, что аккордного наряда мы не выполним. А это значительное снижение заработка, на который мы тоже надеялись.

Сегодня опять призма. Совсем не устала – был большой перерыв.

В. Гусаров дал задание – собрать материалы о травмах, полученных в результате нарушения норм техники безопасности.

Работали с большим перерывом. Я работала в стороне и пела песни дурным голосом.

Есть уникальные личности. Вот Миша Макарьев: «Полезу на сарай. Место уж там занял». – «Проспишь ведь...» – «Ну, буди меня хоть в 5 часов, все равно засну. Вот и вчера будили, и позавчера, а ведь все-таки каждый день сплю».

Любимые его присказки: «Не плюй в душу. Зачем плевать в пустое место?», «Не учите меня жить. Лучше помогите материально».

Все тот же Миша Макарьев. На речке Эмбе (вода мутная). Нырнула, чтобы схватить Мишу за ногу, да наткнулась на Кузнецова. А он уже испуган – Мишка тоже на него наткнулся. А потом треплюсь девчонкам: подплываю, дескать, и вижу, у Мишки душа в пятках. А при этих словах Миша вылезает на мель и хватается за пятку, внимательно осматривая ее.

Разговоры исключительно на гастрономическую тему. Каша в основном пшенная, самая дешевая. Растягиваем ею желудки (по этой причине многие по возвращении быстро округлились).

30 июля

Молния, которая разозлила уже после обеда, так как оказалось, что на призме надо работать и работать. Работу первыми бросила бригада Мингалева. Они были на призме первый раз и выслушали 5 разных противоречивых указаний. Я устала здорово: разбросала с энтузиазмом две кучи щебенки, а от третьей меня стало тошнить. В три часа заметила движение народа. Оказывается, что ребята не выдержали и бросили работу.

Стоит вопрос о Фирстанове. Нужен другой инженер, более деловой.

Присказки: «Дошла до ручки и пошла дальше», «Три сапога пара», «Чума привилась...», «А как ты узнал?», «Буквы выступили: ЧУМА».

(С чумой вопрос был актуальный: в Казахстане множество грызунов ее переносили. Впрочем, как и туляремию. Делали ли нам в лагере прививки? Судя по фольклору – да.)

Стихи для любимого парня

Что со мной было плохого –
Ты не знаешь.
И что с тобой было плохого –
Я не узнаю.

А что со мной хорошего было –
Я в ладони тебе положила,
Голову твою к груди прижала,
Солгав, что о плохом не узнала.

Комар

Меня не любят люди злые,
А я питаю к ним любовь:
Ведь как-никак, а мы родные –
Во мне течет людская кровь.

Наши интервью:

– Сидоренко, какова ваша заветная мечта?

– О, черт, хотя бы похудеть!

Ковалев:

– Ну а девушки, а девушки потом...

– Что будет в Москве?

– Все разбегаются, а Латник ловит. Игра называется «А я иду, шагаю по Москве».

Деградация на уровне механизации.

Густой аромат полыни

И светлые дожди пустыни.

На этом мой дневник обрывается. В августе накатились другие заботы.

Послесловие

В стройотряде на Мангышлаке я познакомилась со своим будущим мужем – Яшей Прокопенко. Подружились мы с ним уже в Ленинграде, где оба жили в общежитии: проявляли пленки с Мангышлака, печатали фотографии, делали стенгазеты, я плакала ему в жилетку. Поженились в 1969 году. Яша был сложным человеком. Это о таких, как он, говорит Михаил Веллер в одной из своих книг: «Он в перпендикуляре». Таким «перпендикулярным» Яша оставался до самой смерти, даже в болезни. С ним было и тяжело, и легко. Он был очень обходительным и нежным.

Яша в начале 1972 года был распределен в Хабаровский научный центр АН СССР, но проработал там только до сентября: обещали обеспечить жильем, но не обеспечили. А у нас уже было двое детей. Поэтому Яша перераспределился в Ленинградский (Петербургский) институт ядерной физики (ЛИЯФ – ПИЯФ), и я тоже поступила туда работать. Осенью 1980 года он перешел на Кольскую АЭС. Позднее мы с Яшей 7 лет проработали на Чернобыльской АЭС. По возвращении в Гатчину в 1995 году Яша снова стал работать в ПИЯФ. В связи с болез-

нью, полученной при ликвидации аварии на ЧАЭС, его здоровье резко ухудшилось... Скончался Яша в декабре 2009 года.

Свадьба Алены (Элеоноры) Федоровой-Коваль и Яши Прокопенко.
Слева направо: Володя Самсонов, Толя Петрунин, Алена Коваль,
Яша Прокопенко, Света Серченкова, Юра Хачатуров (март 1969)

На Мангышлаке познакомились также Миля Буторина и Валера Федоров, Валя Кулешова и Толя Тюнис. Так же, как и мы с Яшей, они поженились через несколько лет. Миля и Валера сразу после окончания физфака распределились в ЛИЯФ. Валя и Толя распределились на Ленинградскую АЭС, но через несколько лет перешли на работу в ЛИЯФ. В ПИЯФ работают также бывшие стройотрядовцы Мангышлака – Толя Петрунин и Володя Самсонов. Лариса Сахарникова и Толя Шацев, которые тоже работали на Мангышлаке, поженились в конце 60-х.

И всем нам воспоминания о том далеком стройотряде, о тяжелой работе, о том, как мы поддерживали друг друга, о поездках в Кульсары на озеро, о песнях у костра и о многом другом очень дороги.

Пенджикент – Самарканд – Ленинград

Р.И. Шарибджанов (студент 1966–1971 гг., аспирант 1971–1974 гг., кандидат физико-математических наук)

Детство я провел в Пенджикенте. Он расположен на севере Таджикистана, у подножия Фанских гор. К северу от нас, примерно в 50 километрах, находится Самарканд. Это уже Узбекистан. Большинство населения, в том числе и наша семья, жили в собственных домах с приусадебными участками, на которых обычно выращивали небольшой фруктовый сад и овощи. Через каждый участок тек арык, из которого летом поливали растения. Забегая вперед, скажу, что в начале 70-х годов у меня гостили мои физфаковские друзья – Женя Друкарев и Саша Лавров. Ночи в августе у нас теплые, и я ставил для них кровати в саду, прямо под персиковым деревом.

Пенджикент – город, в котором живут люди разных национальностей, поэтому с детства я кроме русского знал татарский, таджикский и узбекский языки. В школе и университете выучил английский и немецкий. Обучение в средней школе шло на русском языке. Один преподаватель – Федор Егорович – очень хорошо преподавал математику и физику. Мне эти предметы нравились. Кроме того, когда я оканчивал школу, мой старший брат Исрафил уже учился на физфаке МГУ. (Сначала он поступил в Самаркандский университет – СамГУ, а после 2-го курса перевелся в МГУ.) Так что другого пути, кроме физфака, я себе не представлял.

По совету брата вначале я подал документы в МГУ. Там экзамены проходили на месяц раньше, чем в других вузах. В 1964 году было подано около 12 тысяч заявлений на 600 мест. Первый экзамен, по письменной математике, проходил сразу более чем в 20 аудиториях. Сдавших этот экзамен оказалось менее 800 человек, и, к сожалению, меня в этом списке не оказалось. Брат предупреждал, что в случае неудачи нужно подать апелляцию. Когда вывесили списки, была суббота, а ребята, которые дежурили у входа в приемную комиссию, сказали, что апелляционная комиссия будет работать в понедельник. В понедельник я узнал, что апелляционная комиссия работала в субботу вечером и все воскресенье. Так как нам, абитуриентам, было предоставлено место в общежитии на весь июль месяц, я решил осмотреться в Москве и обойти технические вузы. В конце июля меня попросили освободить место в общежитии МГУ, и я пошел забирать документы. Когда я их забирал, заметил свою работу по математике и попросил разрешения посмотреть ее. К моему удивлению, кроме галочки напротив решения 1-й задачи,

я не обнаружил никаких других пометок ни в тексте, ни на титульном листе моей работы. В ответ на мой вопрос, чем это вызвано, меня пригласили в приемную комиссию, просмотрели работу и сказали, что работа выполнена на четверку и по ошибке оказалась недопроверенной. Так как все экзамены уже прошли, то что-либо исправить невозможно. Мне посоветовали приехать на следующий год, так как, по их словам, я обязательно поступлю. Однако родители и старший брат настаивали на том, чтобы я поступал в СамГУ, а затем перевелся.

На физфак СамГУ я поступил без труда. Первые 2 курса окончил в числе лучших студентов. Сразу после окончания 1-го курса перевестись я не смог, так как по существовавшим тогда правилам переводы разрешались только после 2-го курса. После 3-го семестра я разослал свои заявления с копиями документов в 10 лучших (на мой взгляд) вузов страны, в том числе в МГУ и ЛГУ. Восемь из них ответили приглашением приехать после летней сессии. Из ЛГУ ответили, что принять не могут из-за отсутствия мест в общежитии. Из МГУ просто не ответили. Ехать в вузы, которые сразу дали свое согласие на мой перевод, я не стал и решил штурмовать МГУ. Сдав экзамены, я прибыл в Москву, попал на прием к заместителю декана физфака. К моему удивлению, он вспомнил о моем письме, извинился за то, что они не ответили, вспомнил моего старшего брата, который к тому времени окончил физфак, внимательно меня «прощупал» на знание общей физики и предложил приехать через год, так как в 1966 году было землетрясение в Ташкенте и по распоряжению свыше МГУ перевел к себе большое число студентов из ТашГУ. Таким образом, судьба еще раз распорядилась так, что я не попал в МГУ. Но я решил, что приеду попытать счастья еще раз через год. После сдачи зимней сессии на 3-м курсе, на каникулах, я опять поехал в МГУ и опять пошел на прием к заместителю декана. Он посмотрел мою зачетку и сказал, что если я сдам летнюю сессию в СамГУ на отлично, то он не видит причин для отказа в моем переводе. По его словам, многие из переведенных ташкентских студентов не смогли выдержать учебу в МГУ, и места освобождаются. Обычно после зимней сессии на 3-м курсе происходит распределение по кафедрам, но на физфаке СамГУ для русскоязычной группы была лишь одна специализация – все попали на кафедру оптики, которую возглавлял тогда Акбар Касымович Атаходжаев. В 1979 году он стал академиком АН Узбекской ССР и ректором СамГУ. Акбар Касымович был учеником профессора Максима Филипповича Вукса, который долгие годы заведовал кафедрой молекулярной физики в ЛГУ. После окончания 3-го курса я подал заявление декану физфака СамГУ о переводе. Декан заявил, что не хочет терять сильного студента и потребовал согласия заведующего кафедрой оптики, который сказал, что он даст свое согласие только при условии моего перевода в ЛГУ, так как у кафедры оптики физфака СамГУ сложилось плодотворное сотрудничество с родственными кафедрами физфака и лабораториями НИФИ ЛГУ. Я решил больше не искушать судьбу и принять это предложение, тем более что декан и завкафедрой выдали рекомендательные письма и официальную просьбу на имя декана физфака ЛГУ о моем целевом переводе и обязательстве приема на работу на физфак СамГУ после окончания учебы.

* * *

Итак, я еду в Ленинград, иду на физфак на прием к декану профессору А.М. Шухтину. Он направляет меня к своему заместителю В.И. Валькову, который впоследствии оказал огромную помощь в решении целого ряда бытовых и материальных проблем, возникших у меня сразу после перевода. Валентин Иванович вообще был замечательным человеком, он знал и помнил состояние дел большинства студентов факультета (а их было около двух тысяч). После беседы, в ходе которой он проверил, насколько хорошо я знаю общую физику и соответствуют ли оценки в моей зачетке моим знаниям. Валентин Иванович выразил свое согласие на мой перевод при условии, что первый год я не буду претендовать на место в общежитии. Затем он сказал, что если я согласен на продолжение учебы на кафедре М.Ф. Вукса, то перевод будет без потери курса. Я спросил у него, смогу ли получить специализацию по теоретической физике. Он ответил, что это возможно лишь при условии, что я опять буду зачислен на 3-й курс и выдержу конкурс после повторной сдачи всех экзаменов. При этом я не смогу в течение года получать стипендию, так как за 3-й курс я уже ее получал. Посоветовавшись с родителями, я написал заявление о переводе с потерей курса...

Оглядываясь назад, я ничуть не жалею о том, что перевелся с потерей курса: удалось осуществить свою мечту и стать физиком-теоретиком, лишний год проучиться в одном из лучших университетов не только СССР, но и всего мира. Кроме того, лишний год я провел в прекрасном Ленинграде, который совершенно справедливо называют городом-музеем. Я был ошарашен и очарован и самим городом, и университетом, и физфаком, а также коренными ленинградцами.

* * *

В университете у меня вскоре появились друзья. Кроме Жени и Саши это были Леня Левицкий, Валера Лукьянов, Леня Танин, Володя Андрианов, Володя Фролов, Валя Привалов, Андрей Клыков, Вера Чельцова, Наташа Пенкина и Галя Климчицкая. Третий курс пролетел быстро, и после 1-й сессии в стенах ЛГУ по совету А.К. Атаходжаева, который хотел, чтобы на физфаке СамГУ был специалист по квантовой механике, я подал заявление на кафедру квантовой механики. Акбар Касымович посоветовал мне делать курсовую и дипломную работы у М.Г. Веселова или его учеников. М.Г. Веселов рекомендовал меня Тоомасу Карловичу Ребане, с которым меня впоследствии связало десятилетие совместной продуктивной работы.

Больше всего мне запомнились лекции профессоров Н.А. Толстого, Ю.Н. Демкова, Г.Ф. Друкарева, М.Н. Адамова. Впрочем, все преподаватели того времени были великолепны. Кстати, в годы моей учебы большинство из них выпустили монографии по тем разделам физики, по которым читали лекции студентам.

К семинарским занятиям и к экзаменам я обычно готовился в читальном зале одной из многочисленных университетских библиотек. Особенно комфортно я чувствовал себя в читальном зале старого матмеха на 9-й линии.

* * *

Моим руководителем по диплому был Т.К. Ребане. Диплом получился неплохой, хотя в ходе его выполнения случился казус. Темой работы был расчет влияния температурных колебаний на диамагнитную восприимчивость молекулы бензола. У меня получилось, что при переходе от абсолютного нуля к комнатным температурам восприимчивость уменьшается почти на 30 %.

Р. Шарибджанов на сборах в Выборге (июнь 1970). Фото В. Фролова

Тоомас Карлович сказал, что для диплома результат хороший и достаточный, но удивился, что экспериментаторы ранее это не обнаружили, и посоветовал тщательно изучить литературу. Времени у меня оставалось достаточно, так как разговор состоялся в мае, а защита предполагалась в январе, и я не спеша взялся за поиски. Основные экспериментальные работы в этой области велись французскими учеными, а французским языком я не владею, поэтому работа шла медленно. В конце концов где-то к концу ноября я наткнулся на работу 40-х годов, в которой экспериментально исследовался этот вопрос и было установлено, что в пределах экспериментальных погрешностей (примерно 3 %) эффект изменения восприимчивости не обнаруживается. Я спешно принялся за перепроверку своих расчетов и, к ужасу, обнаружил, что ошибся на порядок. В результате получились те же 3 %.

Когда я сообщил об этом руководителю, он сказал, что для дипломной работы этого недостаточно. Пришлось срочно дорабатывать диплом и добавлять объекты, в которых этот эффект мог бы проявиться. Из-за спешки (до защиты оставалось мало времени) работа получилась несколько скомканной.

* * *

По распределению я вернулся в Самарканд, а через несколько месяцев снова приехал в ЛГУ поступать в очную целевую аспирантуру. Началась напряженная работа над решением тех проблем, которые предложил Тоомас Карлович.

Не буду оригинален, если замечу, что в годы моей учебы атмосфера на физфаке была чрезвычайно творческая. Стиль жизни, который университетские наставники прививали студентам и аспирантам, и в частности мне, несомненно, повлиял на всю мою деловую карьеру.

В годы моей учебы в аспирантуре кафедрой квантовой механики заведовал М.Г. Веселов. На кафедре было около десятка узкоспециализированных семинаров и головной семинар, на который было весьма сложно пробиться с докладом. Иногда на семинаре появлялся академик В.А. Фок. Помню, что раз в месяц Влади-

мир Александрович принимал посетителей. Часто к нему приходили «опровергатели» теории относительности, с подобными чудаками ему приходилось общаться уже много лет. Он знал, что спорить с ними бесполезно, поэтому закрывал глаза, отключал свой слуховой аппарат и время от времени повторял, что на этом свете все возможно, что сразу нельзя ответить и нужно время, и потихоньку засыпал. Когда посетитель замечал это, он, как правило, спешно ретировался.

После смерти В.А. Фока заведующим теоретическим отделом стал М.Г. Веселов, а заведующим кафедрой квантовой механики избрали Ю.Н. Демкова. Эти изменения совпали с переездом в Петергоф. Свое первое выступление на кафедральном семинаре Ю.Н. Демков начал словами: «В жизни кафедры произошли два печальных события: первое – мы переехали в Петергоф, а второе – я стал заведующим кафедрой».

Запомнился экзамен кандидатского минимума по курсу теории атомных столкновений, который принимали Ю.Н. Демков и Г.Ф. Друкарев. Один из экзаменационных вопросов касался модели потенциалов нулевого радиуса. В этой области мои экзаменаторы сами очень активно работали, и, как говорится, эта модель была их коньком. А незадолго до экзамена я придумал способ устранения сингулярности, возникающей в этой модели при малых расстояниях. По совету своего научного руководителя я решил рассказать об этом на экзамене, что вызвало бурную реакцию у экзаменаторов: они по-доброму подшучивали над моими результатами. На экзаменационной оценке это не сказалось, но их реакция, мягко выражаясь, мне не очень понравилась. Однако следует отдать должное преподавателям: через несколько недель они предложили сделать доклад на их внутрикафедральном «столкновительном» семинаре, в конце которого Ю.Н. Демков сказал, что он долго искал способ устранения сингулярности, но не смог найти, а предложенный мною метод является простым и остроумным.

В итоге мы с Г.Ф. Друкаревым и его аспиранткой Инной Юровой через некоторое время опубликовали статью по использованию этого метода в расчетах сечений рассеяния электрона на молекуле водорода.

* * *

Все годы учебы на физфаке я жил в общежитии № 1 на проспекте Добролюбова, д. 2/5. До революции 1917 года в этом здании располагался публичный дом, описанный А.И. Куприным в романе «Яма». В общежитии был центральный вход и несколько черных выходов. До переезда физфака в Петергоф в нем проживали только аспиранты и студенты физфака (последние жили одной большой и в целом дружной компанией). Хорошо помню, как после официальной части празднования Дня физика студенты пригласили члена жюри по выбору «бабушки Архимеда», профессора Н.А. Толстого, к нам в общежитие. (В те годы была традиция на праздновании Дня физика избирать «бабушку Архимеда» под лозунгом «Архимед, который избирался в МГУ, не мог стать физиком без бабушкиных сказок»). Мы собрались в актовом зале общежития, узнали много интересного из истории факультета, о личной жизни профессора и его отца, писателя А.Н. Толстого, о литературе и искусстве. Встреча затянулась до утра.

После переезда физфака в Петергоф в общежитии остались только аспиранты-теоретики, а освободившиеся места отдали студентам юридического факультета. После этого события в той части общежития, которую занимали студенты юрфака, временами поразительно напоминали некоторые страницы «Ямы» А.И. Куприна. Администрация общежития, встречаясь с нами, физфаковцами, говорила: «Какие вы были хорошие по сравнению с юрфаковцами, как жаль, что мы вас в свое время не ценили».

В студенческие годы я в основном питался в университетских столовых и кафе. Но когда учился в аспирантуре и уже не нужно было каждый день по 6-8 часов сидеть на лекциях и семинарах, я в основном питался в общежитии. Плотно заправлялся утром и вечером: рядом с общежитием был очень хороший гастроном «Буревестник», с утра я в него заходил, покупал только что привезенные с мясокомбината сосиски, сардельки или колбасу, дома варил картошку, макароны или рис, завтракал и шел в библиотеку, в Вычислительный центр или на кафедру, на семинар. Днем обычно обходился чаем или кофе с пирогами в университетском кафе, а вечером у меня в общежитии был очень плотный ужин.

Существенная часть моей кандидатской диссертации была связана с проведением расчетов на ЭВМ. Отлаживал программы я в Вычислительном центре ЛГУ, а рутинные расчеты большого количества вариантов, в которых менялись исходные параметры, мне иногда помогали делать мои университетские друзья, которые в то время работали в Ленинграде в прикладных НИИ. С машинным временем в НИИ было существенно проще, чем в ЛГУ.

После окончания аспирантуры мы с моей семьей обосновались в Самарканде. Я много лет работал на физфаке ассистентом, старшим преподавателем и доцентом. В начале 80-х годов появилось новое направление – вычислительная физика. Я организовал и возглавил одну из первых в среднеазиатских университетах кафедру вычислительной физики. Регулярно публиковался, всего у меня около 70 статей.

Связь с ЛГУ и с друзьями я не терял никогда: регулярно приезжал на конференции и в командировки, старался выкроить время и встретиться с теми университетскими друзьями, которые жили и работали в Ленинграде. Обычно мы встречались дома у Володи Фролова, Жени Друкарева или Саши Лаврова. Я обязательно готовил настоящий узбекский плов. Рис и специи привозил с собой, а баранину мы вместе с друзьями покупали на рынке. Запивали мы плов зеленым чаем, а также иными, более крепкими, напитками.

* * *

Несколько слов о моих братьях и сестрах и о современном Пенджикенте. Нас в семье 4 брата и сестра, я – второй. Все братья – в Москве и в Подмосковье, сестра – в Питере. Самый младший из нас, Рамазан, окончил факультет прикладной математики СамГУ, сейчас он бизнесмен. Перед ним – Мавлет, окончил физфак СамГУ, директор средней общеобразовательной школы в Москве. Последний раз я был в Пенджикенте в 2007 году. В целом люди стали жить хуже, чем до 1992 года, большинство молодых и работоспособного возраста людей находятся на зара-

ботках за границей (в основном в РФ). Бытовые условия тоже стали хуже: большие перебои с водопроводной водой, газом и электричеством. Между Таджикистаном и Узбекистаном достаточно напряженные отношения, действует визовый режим. Так как Пенджикент находится в ущелье, которое выходит в Узбекистан, у горожан возникло много дополнительных проблем по сравнению с остальными жителями Таджикистана, хотя и в других городах люди живут далеко не лучшим образом.

* * *

Сейчас, когда мне уже за шестьдесят, мне кажется, что громадным положительным моментом в жизни во времена СССР была стабильность.

Оглядываясь сегодня вокруг себя, я пытаюсь сформулировать главное в современной жизни. По моему разумению, главное в современной жизни – ее неустойчивость. До сих пор не ясно, к чему мы придем. Я смотрю на современную молодежь, и мне кажется, что в ней слишком много хамства, безалаберности и безответственности. По-моему, ни к чему хорошему это привести не может.

В моей жизни было много разных событий. Но годы учебы в ЛГУ, мои университетские друзья и наши прекрасные преподаватели со мною всегда...

Наши студенческие годы: советское и «антисоветское» на физфаке и вокруг

М.А. Шеляховская (Груздева) (студентка 1965–1971 гг.)

Советский: ...Относившийся к СССР, связанный с ним... Свойственный СССР, характерный для него и народа, проживавшего в нем... Принадлежавший СССР... Созданный в период существования СССР.

<http://www.rulib.info/word/sovetskij.html>

Наши университетские годы пришлось на начало последней трети советского периода истории страны, так что мы соприкоснулись как с очевидными плюсами, так и с разнообразными минусами и нелепостями этого периода.

Вступительные экзамены проводились в начале августа, и, когда списки поступивших стали известны, принятым на физфак тут же сказали, что во второй половине августа, то есть между окончанием экзаменов и началом учебного года, надо приходиться убирать университетские помещения после ремонта. Кто увидьнул (рассудив, что не отчислят же вот так сразу за неявку на уборку), а кто и приходил. Я приходила, полная радостных чувств: поступила, начинается новая жизнь! Нескольким девочкам, включая меня, было сказано мыть полы в здании истфака – там паркет был запачкан побелкой из-за косметического ремонта стен и потолков. Мы старательно отмыли это белое, но на следующий день оказалось, что ремонт еще не закончился, и несколько дней подряд нам приходилось отмыывать очередные белые пятна на тех же полах снова и снова. Было досадно даже не столько то, что с нашим личным временем обращаются бесцеремонно (в конце концов, если полы надо отмыть от побелки, то почему бы и не помочь – теперь уже своему – Университету), сколько то, что из-за бестолковой организации дела наш труд получается чудовищно непроизводительным. Это было, пожалуй, первым столкновением с недалёковидным советским администрированием. Системная административная недалёковидность, как мы знаем теперь, в итоге привела к исчезновению СССР.

Позже я поняла, что администрация физфака по возможности сопротивлялась тогдашней общегосударственной тенденции эксплуатировать студентов для затыкания прорех, не имеющих отношения к приобретаемой студентами квалификации. Распорядители советской экономики норовили «на халяву» отвлекать студентов на разные посторонние работы не только в свободное от занятий время, но и в учебное. Но на физфаке, как правило, поддерживалась идея о том, что

обязательной работой для студента должна быть только учеба и отнимать у него время занятий нельзя. И наш курс в сентябре уже не отправляли на многодневное житье в колхозы-совхозы «на картошку», как отправляли наших предшественников в 1950-е. Отдельные выезды в совхозы, даже в субботу (учебный день), были и на нашем курсе, но только однодневные. Помню, осенью то ли первого, то ли второго курса мы собирали урожай турнепса. Остальные подобные выезды (осенью убирать морковку, в начале лета пропалывать капусту) помнятся уже не из студенческих, а из более поздних лет, когда я после защиты диплома уже работала на кафедре физики атмосферы.

Вообще, запомнилось хорошее отношение преподавателей физфака к студентам. Тем первокурсникам, которые, как и я, пришли на факультет из школ с физическим и математическим уклоном, входить в учебный процесс было легче, чем выпускникам обычных школ, потому что мы были уже знакомы с основами матанализа, одного из основных предметов первого курса. А в программу обычных школ никакие элементы высшей математики не входили, и тем, кто впервые встретился с матанализом, пришлось в течение первого семестра усваивать гораздо больше нового материала. На нашем первом курсе матанализ преподавал – и, соответственно, был одним из экзаменаторов, принимавших экзамены в конце семестра, – профессор Широхов, удивительно добродушный человек. Его доброта подразумевала не отсутствие требовательности, а умение приободрить студента на экзамене. Уже на консультации перед первым экзаменом в зимнюю сессию он настраивал нас ободряюще: «Вы экзамена не бойтесь, если я увижу, что студент слишком волнуется, буду наводящие вопросы задавать – так, чтобы на них наверняка можно было ответить. Ведь можно задать вопрос типа: что такое – маленькое, красненькое, а посередине вишневая косточка?»

Примеров творческого подхода преподавателей физфака и к преподаванию учебного материала, и к проведению экзаменов можно привести множество. Так, профессор Никита Алексеевич Толстой специально заботился о том, чтобы мы не только могли вникнуть в то, что он говорит на лекциях, но и о том, чтобы после записи его лекций по общей физике у нас получались конспекты, эквивалентные хорошему учебнику. Это очень облегчало подготовку к предстоящим экзаменам, хотя курсы Н.А. Толстого охватывали весьма обширный материал. На первой же лекции он предупредил: «Когда я объясняю новый материал, я терпеть не могу склоненные головы. Пока объясняю – ничего не пишете. Потом я продиктую то, что необходимо, и у вас будет возможность все спокойно записать».

Однажды я, на четвертом, кажется, курсе, пришла на экзамен по радиофизике сильно расстроенная тяжелыми семейными обстоятельствами, которые были связаны с болезнью родителей. Экзамен есть экзамен – как бы ты ни был расстроен, а сдавать надо. Трудно было сосредоточиться, из-за этого робела, на вопросы отвечала неуверенно. В конце экзамена профессор Молчанов, его принимавший, сказал мне удивительную фразу: «Вы знаете больше, чем вам кажется».

Запомнился еще один психологически интересный эпизод, связанный с экзаменами. На пятом курсе в программу входил предмет, обязательный для всех советских вузов, который назывался «научный атеизм». Лектор (жаль, что не пом-

ню его фамилию), обладая незаурядным творческим интеллектом и преподавательским талантом, очень интересно построил курс: давалось много фактической информации, но не было и тени пропаганды атеизма как мировоззрения. Между тем в экзаменационные билеты входили, разумеется, не только вопросы, освещавшиеся на лекциях, но и другие темы, предусмотренные обязательной программой. Материал, который на лекциях не затрагивался, мы готовили, как водится, по стандартному вузовскому учебнику. Экзамен принимал сам лектор. Мне достался билет с вопросом о взглядах Ленина на религию. Я тогда находилась под впечатлением поздних статей Ленина (мы знали их из семинаров по истории КПСС) – «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин». Эти статьи мне нравились, и, перенеся на тему билета, касающуюся Ленина, свои положительные эмоции, я начала бодро барабанить выученное по учебнику: «Ленин утверждал, что: для коммуниста недостаточно быть просто не верующим в Бога, каждый коммунист должен активно бороться с религией». В этом месте моего монолога экзаменатор, к моему удивлению, пристально посмотрел мне в глаза с каким-то глубоким сожалением. Мой ответ он не комментировал и дополнительных вопросов не задавал, за экзамен поставил мне пятерку, но этот взгляд добавил значимую деталь в общую картину мира.

Вернусь к воспоминаниям о первом курсе. Это были годы холодной войны между СССР и США, и мы жили под угрозой того, что в любой момент может начаться война с применением ядерного оружия. В связи с этим в первом семестре был предмет «гражданская оборона», сокращенно мы его называли, разумеется, «гроб». На занятиях по «гробу» учили, в частности, надевать противогаз. У многих девочек, в том числе и у меня, были длинные волосы, а носить длинные волосы распущенными тогда было не принято – их укладывали в прически. Да и те девочки, у кого волосы были подстрижены, старались укладывать их красиво. И вот на эту красоту пришлось напяливать уродливые, тесные, душные резиновые колпаки! После этого наша ненависть к идее ядерной войны, дотоле теоретическая, переросла в практическую и окончательную.

На физфаке, в соответствии с требованиями будущей исследовательской профессии, надо было усваивать огромный объем знаний. И начиная с первого курса к экзаменам зимних и весенних сессий мы часто готовились не в одиночку, а объединяясь по двое; на старших курсах иногда и компаниями по три-четыре человека, вместе разбирая материал, который предстояло сдавать. Мне очень нравился такой способ занятий – можно было не только заниматься конспектами лекций и учебниками, но в перерывах между этими занятиями и поговорить о том о сем, что было хорошей профилактикой переутомления. На первом курсе мы частенько занимались вдвоем либо с Тамарой Жигаловой, либо с Ниной Агарковой, которые учились в той же группе.

Высокую интенсивность учебной нагрузки можно проиллюстрировать следующим эпизодом. Нина Агаркова была закаленной спортсменкой, занималась в секции художественной гимнастики и имела первый спортивный разряд, да и я на здоровье не жаловалась; но при подготовке к какому-то нелегкому экзамену в весеннюю сессию первого курса мы с Ниной все же обе так устали, что сразу

после экзамена безумно захотели спать, еле двигались. И Нина сообразила, что в факультетском общежитии, что на углу проспекта Добролюбова, недалеко от здания факультета на набережной Макарова, можно поискать место, где передохнуть. Пошли туда. И действительно, там нашлась пустая комната, куда были сложены общежитские кровати с металлическими пружинистыми сетками, без одеял и подушек. На одну из этих кроватей мы и рухнули без сил – и тут же заснули прямо на голой железной сетке, приткнувшись друг к другу и подложив руки под щеки.

Однако не всем и не всегда удавалось преодолевать усталость подобными «экспресс-методами», и переутомление у некоторых ребят иногда достигало рискованной степени. Но тут тоже, как и с преподавателями, студентам нашего факультета посчастливилось. В университетской поликлинике физфаковцы были «приписаны» к врачу Ганелиной. Освоившись на факультете, мы узнали, что она славилась исключительной чуткостью: даже если у пришедшего к ней студента не было никаких внешних симптомов заболевания, она не подозревала в нем лодыря, а давала освобождение от занятий, если студент просто говорил, что плохо себя чувствует. Резон был простой: если человек так говорит, значит, у него на то в любом случае есть причина – вполне возможно, что именно переутомление. А зачеты и экзамены студенту все равно сдавать придется, так пусть сам думает, как ему эффективно использовать свое время. Об этом рассказывали как о необычном явлении, потому что для советской системы такой либеральный подход был совершенно нетипичен.

Студенты, со своей стороны, просьбами об освобождениях не злоупотребляли, ведь было много таких занятий, которые посещать было явно полезно, не говоря уж о том, что многие лекции, семинары и лабораторные работы были к тому же необыкновенно интересны. Для большинства лекций с благословения деканата в течение всех лет обучения практиковалась свободная посещаемость. Из лекций на первом курсе были обязательными только лекции по истории КПСС, самые скучные. Только на них посещаемость проверялась.

Тамара приехала в Ленинград из Петрозаводска; на зимние каникулы первого курса она пригласила меня съездить туда вместе с ней. Там, после ее отъезда из дома на учебу, жила одна в однокомнатной квартире ее приветливая и гостеприимная мама, преподаватель Петрозаводского университета. Запомнился новогодний концерт в этом университете, особенно песня «Тбилиси мой, любимый и родной», которую очень хорошо спела девушка по-грузински и по-русски. Песня эта была тогда очень популярна, и благодаря ей даже для таких, как я, которые в Тбилиси никогда не бывали, этот город был «немножечко родной». С грустью пишу это, но не потому, что прошло уже сорок пять лет после тех беззаботных каникул, а потому, что пишу после войны между Россией и Грузией, произошедшей три года назад. И те люди, которые довели отношения между нашими странами до кровавого конфликта, тоже выросли, увы, в том самом Советском Союзе...

Нина Агаркова в детстве лишилась обоих родителей, ее воспитывала тетя, жившая в Риге. И вспоминается еще одна популярная лирическая песня тех лет, благодаря которой и Рига была «немножечко родная»: «Ночью в тихих улочках Риги / Слышу поступь гулких столетий...» По приглашению Нины я побывала

вместе с ней в Риге в летние каникулы 1966 года. Нинина рижская тетька жила в романтично старом двухэтажном деревянном доме (на второй этаж вела на редкость скрипучая лестница), на тихой улице в стороне от центра. В той семье были еще родственники в латвийской деревне. В вечер нашего приезда они тоже приехали в гости к Нининой тете и привезли гостинцы, в частности сметану. Меня стали угощать этой сметаной, а я, помня ту кислятину, которая в Ленинграде называлась сметаной и продавалась расфасованной в двухсотграммовые стеклянные банки некрасивой формы, всячески отказывалась – говорила, что сметану не люблю. Меня уговаривали: «Ну хоть попробуйте!» Я попробовала – и поняла, что, оказывается, сметану-то я еще как люблю! Так я обнаружила, что до визита в Латвию не знала, что такое настоящая сметана отличного качества. То, что сметана была деревенская, означало, что она была не колхозная и не совхозная, а из частного хозяйства. А слово «частник», согласно советской идеологии, считалось негативным. Малозначительный, казалось бы, эпизод с деревенским угощением оказался одним из поводов серьезнее задуматься о том, все ли в порядке в советском государственном устройстве.

С пребыванием в составе одной страны с Латвией, Литвой, Эстонией связаны многие хорошие воспоминания о беспрепятственных поездках туда во времена нашей молодости, когда ни заграничного паспорта, ни визы для таких поездок не требовалось. Рижское открытие мной, ленинградкой, такого необычного явления, как вкусная сметана, – это только одно из таких интересных воспоминаний. Что же до явлений, так сказать, нематериального характера, то, например, однажды несколько ребят из нашего факультетского хора экспромтом поехали в Эстонию на хоровой фестиваль – не как официальные участники, а просто посмотреть и послушать. Вернулись в восторге. С увлечением рассказывали: огромное поле, на нем тысячи человек, все поют, и поют замечательно!

Тем же летом 1966 года, когда мы с Ниной Агарковой съездили в Ригу, успели еще месяц проработать в стройотряде. Участие в факультетских стройотрядах было абсолютно добровольным. Отряды были разные; работа в дальних местностях оплачивалась лучше, чем в Ленинградской области, где почти все заработанное уходило на оплату собственного пропитания в стройотрядовский период. В дальние отряды был конкурс, а в Ленинградскую область брали без конкурса. Туда ездили только ради общения и новых впечатлений.

Отряд, в который мы с Ниной записались летом 1966-го, отправился в пограничную зону к границе с Финляндией, в поселок Лесогорский. Первое запомнившееся впечатление: едем в поезде, вдруг в вагон быстрым шагом входят люди в военной форме с автоматами наперевес (как оказалось, пограничники), для проверки наших паспортов, причем вошли они не на станции, а на дальнем перегоне, когда поезд в очередной раз набрал скорость, – если что не так, то уже не выскочишь!

На стройке сначала копали канаву под фундамент жилого дома, затем наши мальчишки сделали из досок опалубку в этой канаве, и канаву постепенно, день за днем, общими стройотрядовскими усилиями заполнили бетонным раствором. Жидкий бетон периодически подвозили в машинах. Видеть, как делаются фун-

даменты, было интересно, но еще интереснее стало, когда появился фронт работ, связанный с кирпичной кладкой. Профессиональный каменщик показал, как надо правильно лóжить (именно так, ударение на «о», профессиональный жаргон!) кирпичную стену, и нескольким стройотрядовцам доверили сооружать стены небольшого здания, предназначенного под склад. Я была среди тех, кого перекинули на этот новый вид работы; склад мы построили, внимательно следуя инструкциям. И сколько же некачественной кладки вижу я с тех пор наметанным взглядом каменщика в стенах советского периода: «шов на шов», «пустые швы», небрежная расшивка... В кладках дореволюционных стен такого, надо сказать, не наблюдается.

Второкурсники едут в пригородный совхоз на уборку урожая.

Слева направо в 1-м ряду: Т. Жигалова, Н. Агаркова, М. Груздева, М. Суров; слева от М. Сурова В. Венгеров и Ю. Стренцель; крайний справа Н. Борисов (1966)

Где стройотряд, там и гитары, и песни. Я любила петь, и в лесогорском стройотряде интерес к музыке сблизил меня с Галей Смирновой, с курса постарше. Она рассказала мне, что на физфаке есть хор, что она поет в нем, и пригласила меня тоже прийти туда осенью. Я пришла, и последующие шесть лет моей факультетской жизни были связаны с хором довольно тесно.

Хор (в нем было человек около тридцати) существовал на правах коллектива художественной самодеятельности. Это значило, что ему предоставлялись помещения для репетиций и возможность участвовать в разных концертах в залах Университета, а иногда и в других залах города. Например, как-то раз мы участвовали в большом сборном концерте для делегации японских профсоюзов, который проводился во Дворце культуры имени Ленсовета. В том концерте участвовали не только любительские коллективы, но и несколько профессионалов – артистов Ленинградского мюзик-холла. Уже не помню, сколько всего номеров мы пели, но точно помню, что среди них была песня «Широка страна моя родная»,

с профессиональным певцом-солистом. Солист начинал, мы вступали на припеве. От родителей я знала, что эта песня появилась в середине 30-х годов и поэтому для многих сразу же после своего появления звучала издевательски: «От Москвы до самых до окраин, / С южных гор до северных морей / Человек проходит как хозяин / Необъятной Родины своей. / <...> / Широка страна моя родная, / Много в ней лесов, полей и рек! / Я другой такой страны не знаю, / Где так вольно дышит человек». Хорош хозяин, когда пикнуть не смеешь – арестуют и посадят, вот тебе и «вольно». Поэтому мое отношение к этой песне было двойственным. Когда мы были студентами, словосочетание «37-й год» уже прочно ассоциировалось с ужасом арестов и расстрелов в сталинское время, но шли уже шестидесятые годы, да и страна действительно была «широка», и что правда, то правда – много в ней лесов, полей и рек. Музыка вполне соответствовала тому, что страна широка и что лесов, полей и рек много, слова про хозяина досталось петь солисту, а к фразе про исключительную вольность дыхания можно было, в конце концов, отнести как к художественному преувеличению. Так что песня в нашем исполнении прозвучала достаточно внушительно. Организаторы концерта явно хотели, чтобы он произвел наилучшее впечатление на делегацию японских профсоюзов, и мероприятие было настолько крупномасштабное, что тем хористам, которые к тому времени уже окончили Университет и работали, дали официальные справки, подписанные городским профсоюзным начальством, об освобождении от работы в дни последней репетиции и самого концерта.

Нашим хором бесценно руководила Людмила Созинова, сначала студентка, затем выпускница дирижерско-хорового факультета Консерватории. Мы звали ее Мила. К делу она подходила очень серьезно и толково: не только репетировала с нами то, что предстояло петь на концертах, но и проводила занятия по сольфеджио. Хор был академический, то есть пел разнообразную музыку без инструментального сопровождения, обычно на четыре-пять голосов, а иногда и на восемь. «Навскидку» из репертуара помню русские народные песни в интересных обработках (в том числе в обработке Свешникова), произведения российских композиторов (Танеев, Свиридов) и западноевропейских (Палестрина, Моцарт, Брамс, Кодаи). В репертуаре были также афроамериканские спиричуэлс (тогда говорили негритянские) в обработке самой Милы. В городских смотрах студенческих хоров мы регулярно занимали высокое место – второе после большого общеуниверситетского хора, которым руководил широко известный в городе Григорий Сандлер. С тех пор я еще и потому люблю ходить в концертные залы Консерватории и Академической капеллы, что приятно вспомнить: когда-то и мы пели с этих сцен, и весьма неплохо. В концертном зале Консерватории Мила защищала на нашем хоре свою дипломную работу на следующий год после того, как я пришла в хор. Защита происходила так: мы пели довольно много произведений, целый концерт, а в зале сидела комиссия и слушала. Работу оценили на отлично.

Летом 1967 года, после второго курса, я ездила в стройотряд уже с хорошей компанией, тоже в Ленинградскую область, в поселок Рябово (железнодорожная станция Куолемярви). Там мы строили жилой кирпичный дом на уже готовом фундаменте – под присмотром профессионального каменщика, как и за год

до этого в Лесогорском. Иногда опять, как и раньше уже бывало, поражала плохая организация работ. Например, привезла машина кирпичи, их перевозят аккуратно сложенными на специальных деревянных поддонах в так называемые блоки размером примерно $1 \times 1 \times 1$ м. Эти блоки, по идее, надо разгружать подъемным краном, но крана на стройке нет. Раздается команда: «Скидывать кирпичи с грузовика на землю, срочно!» (Грузовику надо быстро освободиться от груза и уезжать.) Кидаем вручную кирпичи вниз в кучу, сколько их при этом бьется – никто не считает. Через какое-то время приезжает кран. Чтобы он мог поднимать кирпичи и подносить их к нужному месту, они должны быть в блоках. Поэтому следующая команда – отбирать из бесформенной кучи более-менее целые кирпичи и опять складывать их в блоки на те поддоны, с которых их только что скидывали...

Года до 68-го с добровольностью поездок в стройотряды на факультете не ощущалось особых проблем. Кто хотел ездить в стройотряд – ездил, кто не хотел – распоряжался своими каникулами как-нибудь по-другому. Но у кого-то из партийных идеологов страны в тот период зародилась идея «третьего трудового семестра», обязательного для студентов, и пошло-поехало. Физфаковские комсомольцы-активисты, верные принципу «работа студента – это учеба», настаивали на добровольности стройотрядов, секретарь факультетской парторганизации назвал это политической ошибкой. В городской комсомольской газете «Смена» появилась объемистая статья, автор которой ругал комсомольцев физфака за отстаивание ими «политически неправильной позиции» стройотрядовской добровольности. Комсомольцы физфака собрали факультетскую конференцию для выражения протеста против написанного в статье. В числе делегатов той конференции была и я. Конференция была, насколько я помню, открытая; во всяком случае, народу собралось много, вся Большая физическая аудитория в НИФИ была заполнена (это было еще в старом НИФИ, до переселения в Петергоф и переименования НИФИ в НИИФ). Также присутствовал на конференции и активно выступал и приглашенный туда автор статьи в «Смене». (Не хочу называть его фамилию, через двадцать лет после той конференции он уже активно поддерживал горбачевскую перестройку, хочется верить, что искренне.) Каждая из сторон стояла на своем; преподавательница истории КПСС обратилась к делегатам конференции с ласковой речью, сводящейся к чему-то вроде «дорогие ребята, ну что же вы так упираетесь», ее речь эффекта не возымела.

Не знаю, чем дело кончилось для тех курсов, которые были младше нас, но наш курс доучился без обязательки «третьих семестров».

Среди тех, с кем я более-менее регулярно общалась на факультете (с учетом хора и его друзей это было в общей сложности человек семьдесят), не было никого, кто в принципе был бы против советской власти как идеи разумного и справедливого народного самоуправления. Но в неформальной обстановке – в походах, например, – часто велись довольно критические разговоры «о политике».

Запомнилась фраза, жестко произнесенная кем-то из мальчиков в таком откровенном разговоре: «Самое страшное – это власть, вышедшая из-под контроля народа». Одна девочка как-то раз с иронией изложила трактовку официальных советских мероприятий как религиозного ритуала: в помещениях с сакральны-

ми предметами – статуи или бюсты Ленина – ритуально собираются люди, поют религиозный гимн с припевом: «Это есть наш последний и решительный бой», с трибуны читается проповедь, обязателен ритуал всеобщих аплодисментов.

Многие в хоровой компании обладали актерскими данными, и очень смешно выглядела сценка-анекдот, которую однажды на наших неофициальных посиделках исполнил один из ребят. Автором анекдота был не он, он просто передал в лицах где-то услышанную шутку. Слесарь (токарь, тракторист – неважно) Вася (Коля, Петя) вернулся домой из Москвы со съезда партии (заседания Верховного Совета), где он побывал делегатом. Сидит за столом, голова на столе, дремлет. Жена спрашивает: «Вася, борщ будешь? – Вася, не поднимая головы, молча поднимает руку: «за». – Сметанки положить? – Рука опять вяло поднимается: «за». – А водочки?» – Так же медленно и сонно поднимаются две руки, изображают аплодисменты: хлоп-хлоп-хлоп.

Мандат делегата комсомольской конференции, созванной для выражения протеста против статьи в газете «Смена», критиковавшей позицию комсомольского бюро факультета (1969)

Над лезущей изо всех щелей ритуальностью советской пропаганды вообще шутили разнообразно. То во время так называемого агитпохода за город в ноябрьские праздники устраивали на лесной полянке (без посторонних зрителей, для собственного удовольствия) пародию на ноябрьскую демонстрацию, перед выходом на которую каждый наряжался, как хотел. Кто-то из девочек повязывал красную косынку вокруг головы, как у рабочих-колхозниц на советских плакатах, и выходил с «плакатным» выражением лица, кто-то из мальчиков наряжался одноглазым пиратом, закрыв один глаз черной повязкой и нарисовав себе углем залихватские усы, выражение лица при этом принималось, соответственно, «пиратское»... То позволили себе выразить скепсис на смотре художественной самодеятельности, где хору в виде добавки к подготовленному Милой репертуару навязали песню «Комсомольцы-добровольцы», некоторые слова которой были

на редкость несуразны. Заранее даже не сговариваясь, мы, несмотря на то что уже были обучены тонкостям хорошего пения, выплеснули со сцены свое протестное настроение именно в пении. Спели навязанную песню нарочито нахраписто, с преувеличенным энтузиазмом: «...Кам-са-моль-цЫЫЫ-да-бравольцЫЫЫ! Мы-сильны-нашей-вернаю-дружбай! Сквось-агонь-мы-прайдем если нужна-аткрыВВать! Маладые путИИИИ!» и т. д. (от Милы, правда, после выступления получили нагоняй за издевательство над музыкальным производением). То на день рождения хориста Валеры Фоканова подарили ему пластмассовую игрушку с дребезжащими натянутыми проволочками, изображавшую балалайку, на которой написали две фразы, вторая из которых была тогда широко известна как восторженное высказывание Ленина: «Вчера опять слушал Фоканова. Нечеловеческая музыка!»

На навязчивый лозунг «Дело Ленина живет и побеждает!» реагировали при сказкой «Ленин умер, а дело живет, лучше бы было наоборот». Не знаю, кто придумал это двустушие, но услышала я от кого-то из однокурсников.

Ни наши рискованные по тем временам посиделки с «разговорами о политике» в относительно узком кругу, ни даже пародийные «антисоветские» шутки не имели никаких чрезвычайных последствий. Хуже сложилась ситуация для Юли Гольдштейна с кафедры электрофизики (он учился на несколько курсов старше остальных хористов), которого после окончания Университета распределили работать на завод в Волгограде. Он организовал там кружок, где обсуждались вопросы, как-то связанные с политикой, изучались работы Плеханова. Кто-то наступал на него, его взяли прямо на работе, завели уголовное дело, судили и дали два года лагерей за антисоветскую деятельность.

По сравнению с Юлей повезло и той нашей хоровой компании, которая однажды в погожий выходной ездила с другом хора Наташей Александровой, студенткой факультета журналистики, в Белоостров, где в домишке-развалюхе жила ее мама. Несмотря на хорошую погоду, в тот день было не до прогулок, так как оказалось, что у Наташи есть самиздатский экземпляр романа Солженицына «В круге первом», который ей дали всего на один день. Читали не во дворе, а в доме, чтобы никто не видел. Нас было человек восемь-десять, сели в круг, машинописные листки с текстом молча передавали по кругу: прочитал – передаешь направо, а слева тебе передадут следующую страницу. За хранение и распространение такой литературы (она почему-то считалась антисоветской) по законам тех лет полагались тюрьма и ссылка.

Окончание Университета на нашем курсе ознаменовалось трагикомической историей, отзвуки которой и поныне слышны в виде анекдота. Осенью 1970 года, когда все экзамены по программе уже были сданы и дело шло к завершению и защите наших дипломных работ, в этом последнем семестре как снег на голову свалилась новость: для нас ввели дополнительный экзамен – госэкзамен по философии! Марксистско-ленинской, разумеется. Сдавать его предстояло практически сразу после защиты дипломов. Спасать ситуацию стала профессор Тамара Витальевна Холостова. Мы знали ее еще со времени обучения то ли на третьем, то ли на четвертом курсе, когда она интереснейшим образом преподавала нам све-

дения о различных философских направлениях и учила размышлять над ними, хотя преподаваемый ею предмет стандартно обозначался как истмат, то есть всего-навсего исторический материализм. Когда свалилась новость о предстоящем госэкзамене, Тамара Витальевна срочно подготовила курс обзорных лекций по нескольким ключевым темам программы и в аварийном порядке прочла нам его. Но понятно, что, поскольку материал по философии так внезапно вклинился в работу по подготовке диплома, многим этот экзамен дался с трудом. И после экзамена по факультету пошла гулять следующая байка. Одному из наших однокурсников (это был серьезный молодой человек с суровыми манерами, на первый курс он поступил после службы в армии) на экзамене задали вопрос: «В чем разница между Кантом и Контом?» На что последовал решительный ответ: «Я не читал ни того, ни другого, но классовое чутье мне подсказывает, что оба они идеалисты».

Каково государство, таковы и государственные экзамены. Экзаменационная комиссия смирилась с абсурдом ситуации и обладателю догадливого школярского нюха поставила тройку. Эта зачетная оценка означала для него безусловный успех.

Физфак – наш отчий дом

М.А. Горяев (студент 1966–1972 гг., доктор технических наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена)

Студенческие годы – самая прекрасная пора в жизни очень многих, а если ты провел эти годы на физфаке, то безо всякого преувеличения можно сказать, что тебе крупно повезло. Ученые-физики самого высокого уровня и блестящие преподаватели обеспечивали при должном желании учиться прекрасное образование. Но главное заключалось в том, что сама атмосфера на факультете впитала в полной мере весь дух университетской свободы и, надышавшись за пять с половиной лет учебы этим замечательным воздухом, ты заряжался на всю жизнь и мог оставаться и в дальнейшем достаточно свободным и независимым, без чего, по-видимому, невозможно ни научное творчество, ни просто сколь-нибудь нормальное человеческое существование. Конечно, для полного раскрытия всего многообразия составляющих этой атмосферы нужен недюжинный талант, и я не берусь за столь грандиозную задачу, но рассказы о нескольких эпизодах моей физфакской жизни, надеюсь, будут верными штрихами в общей многокрасочной картине факультета.

Заочное знакомство с физфаком у меня началось еще в школе, поскольку в 9-м и 10-м классах я учился в 45-м интернате, где профильные дисциплины вели в основном преподаватели и аспиранты университета, а выпускной экзамен по физике принимала А.В. Тиморева. Физике нас учил Виктор Кириллович Кобушкин – незаурядный педагог, уроки которого доставляли огромное удовольствие и оставили неизгладимую память об этом замечательном человеке. В школьные же годы я и очно бывал «на факе, где гавкают собаки» и куда Виктор Кириллович направил своих учеников-десятиклассников заниматься в кружке Л. Баскина, который учил нас задачам на колебания, знакомя с методами решения дифференциальных уравнений. В.К. Кобушкин навсегда заразил нас физикой и привил любовь к этой науке, так что задолго до окончания школы я однозначно выбрал свой дальнейший путь, и путь этот лежал через физфак.

Однако в конце 10-го класса в интернате прочел несколько лекций декан биофака А.С. Данилевский, и под впечатлением этих лекций я решил в будущем заниматься биофизикой и поступать, соответственно, на биофак. О своем решении я сообщил учителям, поскольку в интернате, естественно, интересовались, куда будут поступать выпускники. На нашем выпускном вечере был В.И. Вальков и всем медалистам, решившим поступать на физфак, вручил значки факультета. Меня, конечно, среди этих счастливицков не оказалось, поскольку я собирал-

ся идти на биофак. Но после торжественной части В.К. Кобушкин подвел меня к Валькову, который начал нашу беседу словами: «Мальчик, ты собираешься заниматься биофизикой, а главный биофизик страны А.Н. Теренин работает у нас на факультете...» И в конце нашего разговора, в котором меня убедили изменить свое решение, Валентин Иванович снял значок физфака со своего пиджака и вручил мне.

В сентябре 1966 г., уже после поступления на физфак, я встретил в Петергофе А.С. Данилевского и сообщил ему об этом. Александр Сергеевич одобрил мой выбор, сказав, что прежде всего надо получить хорошее базовое образование, наличие которого позволит при желании вполне успешно заниматься любыми вопросами, в том числе и биофизикой. К сожалению, мне не удалось лично поработать с А.Н. Терениным (Александр Николаевич умер в начале 1967 г.), но с полным основанием могу отнести себя к его школе, поскольку окончил физфак на кафедре фотоники и после окончания университета работал в лаборатории фотохимии ГОИ, где под руководством непосредственных учеников академика и его ближайших сотрудников сделал свои первые шаги в науке, определившие всю мою дальнейшую научную деятельность.

Вспоминая вступительные экзамены, должен отметить, что для меня они прошли не совсем гладко. В год нашего поступления был почти двойной конкурс, поскольку проходила реформа средней школы и по всей стране одновременно выпускались 10-е и 11-е классы. В 1-м общежитии, куда меня поселили после сдачи документов в приемную комиссию, в большой комнате кровати стояли в два яруса и все места поначалу были заняты. Причем среди моих соседей были и абитуриенты, поступающие на другие факультеты университета. Но вскоре в общежитии стало свободно, т. к. более половины абитуриентов провалились уже на первом экзамене. У меня на первом экзамене тоже произошел прокол: при решении задач по невнимательности я не в ту сторону поставил знаки неравенства, поэтому по письменной математике получил четверку. На устной математике мне попался билет с вопросом о скрещивающихся прямых. Выслушав мой ответ, принимающий экзамен Б.С. Павлов резюмировал, что в целом хорошо, но определение угла между скрещивающимися прямыми дано неправильно, а потому он ставит мне четыре. Выйдя с экзамена, я нашел школьный учебник и, прочитав нужное определение, убедился, что оно, действительно, отличается от моего, но тут же увидел, что определения эквивалентны. Я вернулся в аудиторию, где проводился экзамен, и доказал эквивалентность обоих определений. Борис Сергеевич, дав мне еще пару задач (решение которых не вызвало никаких вопросов), вынужден был исправить оценку и, собрав в экзаменационном листе подписи всех членов приемной комиссии, поздравил меня с пятеркой. Но полученная на письменном экзамене четверка означала, что придется сдавать все остальные экзамены, поскольку для зачисления медалисты должны были сдать обе математики на отлично. Однако почти сразу же выяснилось, что особых причин огорчаться по этому поводу не было, т. к. «счастливые» медалисты, получившие обе пятерки по математике, были отправлены до конца вступительных экзаменов на сельхозработы в колхоз, а я спокойно сдавал оставшиеся экзамены. Это занятие было мне больше по душе,

потому что после окончания интерната наша подготовка по всем предметам была на достаточно высоком уровне, к экзаменам мы привыкли, их сдача не требовала чрезмерных усилий и даже доставляла некоторое удовольствие.

Студенты 1-го курса. Слева направо: В. Юркин, Г. Адельшин, М. Горяев, В. Докучаев (физфак); В. Гольховой, М. Ястребов, О. Батунер, В. Шестаков (матмех) после лекции В.А. Рохлина по топологии (сентябрь 1966)

Глубокая подготовка и огромный запас знаний, которые дал нам интернат, безусловно, делали учебу на первых курсах сравнительно несложным занятием, что обеспечивало дополнительные возможности для проявления других интересов и дальнейшего расширения кругозора уже в стенах университета. Так, несколько первокурсников-физиков из числа выпускников интерната ходили на матмех и на биофак слушать лекции В.А. Рохлина по топологии и Ю.И. Полянского по зоологии беспозвоночных. Нельзя сказать, что такие мероприятия очень много давали нам в профессиональном плане, но мы делали это, как говорится, для общего развития (готовность и потребность в подобного рода деяниях была в значительной мере заложена именно в интернате) и, конечно, получали истинное удовольствие от лекций прекрасных преподавателей.

Однако фундаментальные знания, полученные нами в интернате и делавшие нашу учебу на физфаке не чрезмерно трудным занятием, играли порой и негативную роль, обеспечивая не только прочную базу для дальнейшего наращивания интеллектуального потенциала и необходимую уверенность в своих силах, но и вызывая временами излишнюю самоуверенность. Последняя, к счастью, достаточно быстро улетучивалась при столкновении с реалиями жизни на физфаке. Так, моя первая сессия получилась, как первый блин, – комом. Учеба в первом семестре проходила вполне успешно, хотя и возникали некоторые сложности вследствие того, что из-за ремонта общежития на Добролюбова жили мы в Петергофе. В се-

редине семестра я немного приболел и несколько дней не ездил на занятия в университет. (Надо сказать, что я старался не пропускать занятия в университете, в особенности когда проводились контрольные работы, поскольку придерживался бытовавшего в наше время правила: настоящий физфаковец зачеты не сдает – он их получает. А для того чтобы автоматом получать зачеты, необходимо было выполнить все контрольные в течение семестра.) Как раз в этот период М.Ф. Широхов, который читал лекции и проводил в нашей группе семинары по математике, назначил контрольную. В тот день с утра из-за болезни я не поехал на занятия, а потом был перерыв в расписании электричек, пришлось добираться в город на перекладных через Стрельну, и появился я на физфаке только в середине пары, на которой проводилась контрольная. Тем не менее за оставшееся время я успешно справился с предложенными заданиями, что отдельно отметил Михаил Федорович, когда оглашал результаты написания контрольной. Так же успешно я написал и вторую контрольную и, окрыленный своими достижениями, сдуру, а точнее из-за появившейся самоуверенности, записался на досрочную сдачу экзамена по математике – на 3 января. В итоге после нормальной встречи Нового года в компании интернатских друзей у меня не было достаточного времени для должной подготовки к экзамену (ведь к серьезному экзамену, а именно такие и были на физфаке, нужно и готовиться серьезно), и М.Ф. Широхов вполне заслуженно поставил мне тройку. А Коновалов, принимавший через неделю следующий экзамен, посмотрев на мою первую оценку в зачетке, без особых раздумий поставил тройку и по физике.

Первая сессия стала для меня уроком, хорошенько отрезвила, и в дальнейшем я старался избегать излишней самонадеянности при сдаче экзаменов на физфаке. Но нет худа без добра: после первой сессии у меня получились почти месячные зимние каникулы, это так понравилось, что в последующие годы я почти все сессии заканчивал досрочно, тем более что на физфаке досрочная сдача экзаменов была нормальной практикой и даже приветствовалась. Конечно, требования преподавателей на досрочных экзаменах были, как правило, несколько выше, чем при сдаче в стандартных условиях, но это меня нисколько не смущало, т. к. еще в интернате нас приучили придерживаться замечательного правила: «Я не знаю теорему, если не могу ее доказать», т. е. коль скоро ты серьезно решил изучить какую-то дисциплину, то нет смысла ограничиваться только заучиванием подчас не очень понятных положений, заниматься зубрежкой, а надо постараться вникнуть в суть проблем и стремиться освоить предмет, его методологию так, чтобы можно было достаточно свободно ориентироваться как в самой дисциплине, так и в различных ее приложениях. В большинстве случаев досрочные сдачи завершались отличной оценкой, но иногда реалии не всегда предсказуемой студенческой жизни вносили свои коррективы.

Конечно, не одной только учебной и экзаменами мы жили в те годы. Естественными для нас и довольно частыми были посещения театров, филармонии, концертных залов и т. д. Впечатления бывали яркими, а последствия воздействия «волшебной силы искусства» иногда случались неожиданные и, с теперешней точки зрения, несколько странные. Так произошло, например, после того, как мы,

три друга-однокурсника (Володя Докучаев, Женя Соловьев и я), побывали в БКЗ «Октябрьский». В тот вечер в нем давали оперу Дж. Гершвина «Порги и Бесс» в исполнении гастролеровавшего тогда в Ленинграде оперного театра из Таллина. Волнующая музыка, необычный сюжет, баритон Георга Отса, занятого в главной роли, – все это сильно захватило и, похоже, оторвало нас от действительности.

После спектакля мы все же вспомнили о материальном и зашли на Московский вокзал, чтобы перекусить в привокзальном буфете. И вот здесь то ли из нежелания возвращаться с высот искусства к прозе жизни, то ли еще и по другим причинам, которые теперь восстановить трудно, мы, вместо того чтобы поехать в общежитие, сели в приглянувшийся нам поезд и отправились в «Путешествие из Петербурга в Москву». Билетов у нас, разумеется, не было, как, впрочем, не было и денег для их приобретения.

Проводник вагона ни к нам, ни к нашим билетам большого интереса не проявил и нам никак не препятствовал, однако предупредил, что после Калинина весьма вероятно появление ревизоров. Далее мы забрались на третьи полки, заснули и проснулись, когда уже стали подъезжать к Калинин. Тут, воспользовавшись вернувшимися к нам способностями рассуждать прагматически, мы решили, что, пожалуй, встреча с ревизорами нам ни к чему, а посетить Калинин, где никто из нас ранее не был, даже интереснее, чем ехать в Москву.

Погоуляв полдня по городу, познакомившись с местными достопримечательностями и посмотрев на Волгу, мы стали пытаться уехать обратно в Ленинград. Дело это оказалось не очень простым, поскольку проводники пускать в свои вагоны трех безбилетников категорически отказывались. Ситуация складывалась печальная, и свою печаль мы отразили в открытке, которую отправили Толе Кучме – моему тогдашнему соседу по комнате в общежитии. Открытка, отправленная сорок с лишним лет назад, благодаря сохранившему ее Косте Воеводскому жива, как ни странно, до сих пор.

Попытка разжалобить начальника станции, изложив ему придуманную историю про отставание от своей команды с соревнований, не помогла. Единственное, что нам присоветовал начальник, – добираться на перекладных: на электричке до Бологого и дальше как повезет. Так мы и сделали. В Бологом же, напрягши фантазию и включив все имеющиеся лицедейские возможности, уже поодиночке напросились к проводникам в разных вагонах и поздним вечером добрались до Ленинграда.

Что ж, «блажен, кто смолоду был молод»...

А на следующий день у меня был назначен досрочный экзамен по математике. И хотя я немного пытался подготовиться на обратном пути (у меня с собой были конспект и учебники), но обстановка никак этому не способствовала, и на экзамен я пришел не в лучшей форме. Поэтому ответ мой был отнюдь не самым удачным, тем более на фоне блестящих результатов сдававших одновременно со мной М. Семенова-Тян-Шанского и В. Васюнина, и А.С. Благовещенский (как мне показалось, несколько смущаясь) поставил четверку.

В результате досрочной сдачи экзаменов почти каждый год (за исключением лета после 5-го курса, когда нас направляли на военные сборы) летние месяцы

оказывались свободными, и их надо было разумно провести. Просто отдыхать было бы бездарно, да и была насущная необходимость что-то заработать, поскольку на студенческую стипендию прожить было весьма проблематично, а родители имели очень ограниченные возможности помогать мне материально. Конечно, самым распространенным в наши годы способом решить эти летние проблемы было участие в студенческих стройотрядах. Но у меня к этому с самого начала было двойственное отношение: с одной стороны, совместная работа и жизнь со своими сокурсниками – это очень здорово, а тяжелая физическая работа меня не страшила, и я всю свою жизнь достаточно много и не без удовольствия ею занимался. С другой стороны, я уже тогда полагал, что неквалифицированный труд – не самый лучший способ зарабатывания денег, и для этих целей надо эффективнее использовать то, чему тебя научили, и стараться выбирать занятия, которые были бы тебе по душе и желательно находились в русле твоей профессии. К тому же всегда было достаточно предложений работы на летние месяцы, из которых можно было выбрать подходящий вариант. После окончания интерната я поддерживал контакты с некоторыми нашими преподавателями, тем более что среди них было много сотрудников университета. Так, знакомый мне еще по интернату историк А.Я. Лейкин в конце 1-го курса предложил поработать в пионерском лагере, где он в течение нескольких лет был начальником. Я почти сразу же согласился и три летних месяца проработал вожатым в чудесном месте у Комсомольского озера, на Карельском перешейке, совместив приятное с полезным.

А на 2-м курсе работавший в интернате выпускник физфака В.М. Терехов сообщил нам, что один из его сокурсников, работавший во Всесоюзном институте разведочной геофизики, ищет студентов физфака для работы летом в полевой партии на Северном Кавказе. Еще ранней весной мы втроем (вместе с В. Докучаевым и А. Кучмой) начали готовиться к поездке в экспедицию, поскольку надо было заранее сделать противоэнцефалитные прививки, а в июне уже отправились в Карачаево-Черкессию. Уже на месте мы встретились с нашими сокурсниками – Е. Яновской и И. Смурыгиной. Были там еще студенты геофака, химфака и Горного института, да и штатные сотрудники ВИРГ в основном были достаточно молоды и телом и душой, так что компания подобралась очень неплохая. Жили мы в палаточном лагере на берегу реки Уруп, которая бежала с гор и имела достаточно низкую температуру воды и быстрое течение, но мы почти каждый день в ней купались после возвращения с маршрута. Работа была интересна и тем, что наши ежедневные маршруты проходили каждый раз в новых интересных и красивейших местах, и тем, что в экспедиции в основном отрабатывались новые методы геофизической разведки, использовалась новая аппаратура, что требовало определенной квалификации как раз в области выбранной нами будущей профессии.

Но помимо работы интересной и насыщенной была и остальная жизнь в экспедиции. После работы мы собирались у костра с неизменным песнопением, временами играли в палатке в преферанс, ходили к соседям-аборигенам на посиделки с национальными плясками, да и просто гуляли, наслаждаясь чудесной кавказской природой, темными южными вечерами, сопровождаемыми незабываемым лягушачьим хором долины Урупа. Кроме того, накопив по несколько

выходных, мы на 2-3 дня выезжали на экскурсии в Домбай, Архыз, Ессентуки, через перевал на Черное море. Все было просто и очень естественно, т. к. ездили мы на своих грузовиках, со своими спальными мешками, в которых располагались на ночь прямо под открытым небом. В общем, впечатления от времени, проведенном в экспедиции, остались на всю жизнь, и эти впечатления самые прекрасные.

Вполне естественно, что и следующие два летних сезона я провел в экспедициях с той же полевой партией. В 1969 г. работы на открытом несколько лет назад месторождении в районе Урупа сворачивались, его было решено законсервировать, поэтому построенный для освоения месторождения поселок Юбилейный заметно опустел и мы уже жили не в палаточном лагере, а в освободившихся щитовых домиках. Там я встретился с А. Лавровым, который учился на физфаке курсом старше.

Хочу вспомнить еще о двух эпизодах этих сезонов. Нам совсем не зря делали противоэнцефалитные уколы, поскольку в тех регионах, где мы работали, действительно водились зараженные клещи. И во втором сезоне после возвращения с маршрута я обнаружил у себя в паховой области впившегося клеща. Медпунктов поблизости не было, но среди нас оказались бывалые люди, поэтому прямо на месте своими силами простым ножом вырезали этого паразита, хорошенько продезинфицировали снаружи и изнутри, и все прошло без каких-либо последствий. В последний сезон 1970 г. мы работали

в Нахичеване, стояли палаточным лагерем в абрикосовом саду на берегу горной речки Вананд, почти каждый вечер проводили за душевными разговорами под чинарой в чайхане, и все было опять чудесно. Но в августе в стране разразилась эпидемия холеры, причем несколько случаев заражения было зарегистрировано в Азербайджане. Армения, которая со всех сторон окружает входивший в состав Азербайджана Нахичевань, сразу перекрыла границу на карантин, и быстро выдаться в Ереван, через который только и можно было вылететь в Ленинград, легально было невозможно. Поэтому начальник партии выделил нам газик, и мы окольными путями незаконно пересекли границу, опять же без каких-либо негативных последствий.

Почти всегда работа в науке в той или иной степени связана с педагогической деятельностью, и свои первые шаги на педагогическом поприще я сде-

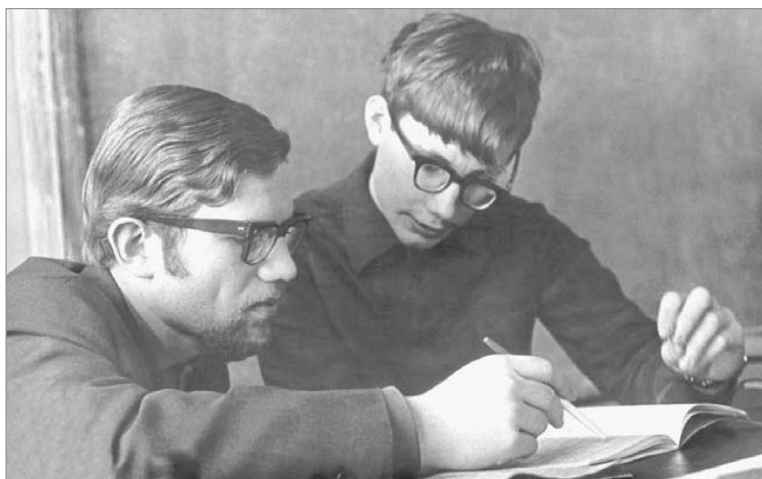

Слева направо: А. Кучма, В. Докучаев, М. Горяев (физфак) и Л. Прусаков (Горный институт) на Домбае (июль 1968)

лал, учась на физфаке. Еще в самом начале учебы, на 1-м курсе университета, по приглашению нашего интернатского учителя физики В.К. Кобушкина несколько его бывших учеников пришли в интернат, чтобы позаниматься после уроков с его новыми учениками и помочь адаптироваться в новых условиях вновь поступившим ребятам. Постепенно степень участия в педагогическом процессе школы возрастала, и на первых двух курсах мы проводили школьные олимпиады, помогали принимать вступительные экзамены в интернат, а начиная с 3-го курса уже стали вести регулярные занятия по физике (с А. Кучмой мы стали первыми выпускниками интерната, ставшими в нем штатными учителями физики). Конечно, нагрузка наша в школе была небольшой, и мы вполне совмещали ее с учебой, тем более что на физфаке (кроме военной кафедры) никогда не было жестких требований к посещению занятий. На первых порах мы работали на одном классе в паре с тоже еще молодыми, но уже гораздо более опытными преподавателями физфака: Толя – с Ю.Ю. Дмитриевым, а я – с Е.И. Бутиковым, но постепенно набирались опыта, стали вести классы самостоятельно, и на 5-м курсе у меня была уже почти полная учительская нагрузка в интернате – 16 часов в неделю. Работа была интересной и в профессиональном плане (ведь лучший способ хорошо изучить какую-нибудь дисциплину – это суметь рассказать другому и довести ее до понимания своим слушателем), и в плане общения как с заинтересованными учениками, так и с окружающими коллегами. А это было время расцвета интерната, когда энергичный выпускник физфака А.А. Быков, работавший завучем, сумел создать прекрасную команду молодых преподавателей (и не только физики), которые сеяли разумное, доброе, вечное, и эти семена, попав в благодатную почву, давали замечательные всходы.

Важным и не менее интересным компонентом работы в интернате были поездки в различные регионы Северо-Запада, где мы как представители университета проводили областные олимпиады для школьников, а также вступительные экзамены в интернат. При этом мы одновременно занимались и просветительской работой среди местных учителей, объясняя им решение задач повышенной трудности или рассказывая об использовании осциллографа в школьном курсе физики. И тут нас, конечно, переполняло чувство гордости за себя, когда видели, как внимательно слушали молодого студента порой убежденные сединой и умудренные опытом учителя. С такими лекциями мы выступали не только в областных центрах, но и ездили в глубинные районы: в 1970–1971 гг. я выезжал в несколько районных центров Архангельской области. Эти мероприятия проводились, как правило, во время школьных каникул, и на них съезжались учителя со всех школ района. Естественно, что в таких ситуациях случались накладки на расписание учебы в университете, но благодаря чуткому отношению к нам преподавателей все заканчивалось вполне благополучно. Так, во время зимней сессии на 4-м курсе я единственный раз в университетской жизни пропустил экзамен по математической физике (ее нам замечательно читал В.М. Бабич) из-за поездки в Пинежский район на встречу с учителями. Но сразу по возвращении в Ленинград я договорился с Василием Михайловичем и, чтобы вовремя завершить сессию, сдал экзамен на матмехе, где он принимал очередной экзамен у математиков.

М. Горяев ведет занятия в 45-м интернате (февраль 1971)

В заключение хочу сказать, что на физфаке мы жили, как в хорошей семье, где мудрые родители дают своему чаду самостоятельно развиваться, всемерно заботясь о нем и лишь временами ненавязчиво направляя это развитие в нужную сторону. В подтверждение тому приведу пару характерных примеров. Как-то на физфаке серьезно обсуждался вопрос о государственном экзамене по физике на завершающей стадии обучения. На ученом совете факультета яркими сторонниками такого экзамена выступали С.Э. Фриш и Н.А. Толстой. Но декан А.М. Шухтин высказался примерно так: «Государственный экзамен по физике – это очень полезная вещь для физиков, но он требует серьезной подготовки. Если же предложить Сергею Эдуардовичу сдавать без подготовки государственный экзамен по его же курсу физики, то больше, чем удовлетворительно, он вряд ли получит. Наши выпускники показывают высокий уровень подготовки, успешно работая после окончания факультета во многих областях науки и производства. Это определяется и тем, что они делают серьезные дипломные работы, что требует значительных, в том числе и временных, затрат. От других государственных экзаменов мы студентов освободить не в силах. А дополнительная нагрузка для подготовки к новому экзамену приведет только к ухудшению качества дипломных работ». На этом вопрос о госэкзамене по физике был закрыт.

По окончании университета почти половину нашего курса оставили учиться еще на полгода с тем, чтобы дополнительно обучить вычислительной математике. И это был весьма дальновидный шаг руководства факультета, поскольку многим это очень пригодилось в их будущей профессии, а кому-то помогло обрести себя в новой тогда, но бурно развивающейся области компьютерных технологий.

Физфак – это моя юность!

В.А. Крылов (студент 1966–1972 гг.,
кандидат физико-математических наук)

Мне выпало счастье учиться на физфаке Ленинградского университета. Мне очень везло, начиная с того, что я поступил, хотя в тот год выпускались одновременно и десятые, и одиннадцатые классы и количество поступающих было в два раза больше, чем обычно, и кончая тем, что для преддипломной практики и написания диплома меня направили в ФТИ им. А.Ф. Иоффе АН СССР, где я и остался работать после защиты диплома.

Вот самые яркие моменты начала моей студенческой жизни.

Старый наш физфак

До сих пор я с замиранием сердца прохожу мимо старого здания на набережной Макарова, где прошли прекрасные годы моей юности, где я приобрел лучших друзей и познакомился с женой. Вспоминаю, как с Витей Сергеевым мы пришли ясным июльским утром подавать документы в приемную комиссию и с нами беседовал незабвенный В.И. Вальков. Взяв меня за пуговицу рубашки, он сказал:

– Ну, мальчик, почему ты решил поступать к нам?

Пять с половиной лет обучения пролетели, в Петергофе построено новое здание физфака, но моим физфаком навсегда осталось здание рядом с институтом Павлова, откуда лаборантки выводили гулять в заросший кустами сирени двор подопытных собачек с торчащими из животов трубками, где знакома каждая аудитория, каждая ступенька лестницы.

Для выпускного вечера мы, как всегда, подготовили капустник, который заканчивался моей песней:

Там, где даже мухи не летали,
Где покрыты шпорами полы,
Мы ступени лестницы стоптали
И прожгли окурками столы...
Пусть физфак красивый в Петергофе,
С ним тягаться нашему – слабо...
Не забудем мы, как пили кофе
И играли во дворе в футбол.

Привет:

Помнишь, товарищ, грозовые дни:
Сессии, зачеты, лекции Куни?
Помнишь завал и вызов в деканат?
Помнишь, как поехал летом в стройотряд?
Помнишь, товарищ, старый наш физфак,
Запах сирени, Неву и лай собак,
На этажах – табачный сизый дым,
Помнишь, куда вошел ты молодым?

Оредеж

В те годы все абитуриенты после поступления обязательно направлялись на две-три недели помогать сельскому хозяйству – «на картошку». Но мне и тут повезло: в составе небольшого отряда новоиспеченных студентов я был направлен в Оредеж ремонтировать узкоколейные железные дороги местного значения.

Присматривал за нами уже тогда легендарный Валерий Сергеевич Рудаков – перспективный физик, альпинист. Своими ненавязчивыми, вскользь бросаемыми фразами, на самом деле – несущими глубокий смысл, он сумел создать в нашем отряде замечательную атмосферу.

Работали мы отнюдь не надрываясь, а сбереженную энергию использовали для вечерних развлечений. Главными из них были песни под гитару, которой мастерски владели Паша Петрашень и Витя Сергеев, и беседы о физике. Все в нашем отряде окончили специализированные физико-математические школы, и самомнение было весьма высокое. Помню убийственную характеристику, данную Пашей Петрашнем одному из ребят: «Что с ним говорить, он даже Фихтенгольца не читал!»

До сих пор перед глазами стоит картина: вечер, звездное небо и мы, несколько мальчишек, стоим у вагончика, в котором жили, вдохновенно поем под гитару, а в перерывах с апломбом рассуждаем о природе серебристых облаков, о «парадоксе близнецов» в теории относительности, о «принципе неопределенности» в квантовой механике... Мы были полны веры в себя, и казалось, нет в физике неразрешимых для нас задач.

Но вот и первая зарплата! Вечно голодные молодые организмы рванули в столовую. Помимо обеда с двумя вторыми я купил четыре румяные булочки и, съев три с чаем, наслаждался тем, что вот передо мною лежит еще одна булочка, а я уже так сыт, что ее не хочу!

А Витька Сергеев с Вовкой Гизлером затеяли соревнование: кто больше съест. Победил Гизлер. В дальнейшем он стал большим ученым, организатором и участником нескольких антарктических экспедиций, очень напряженно работал и рано ушел из жизни. А В.А. Сергеев – всемирно известный ученый в области геофизики. Так что прав был Н.А. Толстой в напутственной речи на первом собрании нашего курса.

Первое собрание

Нас собрали в Большой физической НИФИ. Я с благоговением смотрел на настоящих ученых, которых видел впервые. Они один за другим говорили нам напутственные слова. Запомнился, конечно же, колоритнейший Никита Алексеевич Толстой, в вельветовом пиджаке, картинно куривший, выпуская из губ маленький комочек дыма и тут же заглатывая его обратно. Поразили его слова: «Здесь, в этом зале, собрались будущие доктора наук, академики, директора... Будущее Советского Союза!» Я был потрясен: а ведь, действительно, все директора и академики были когда-то мальчишками-школьниками!

И еще запомнился профессор Г.А. Остроумов. Седой, в очках, с бородкой, в строгом костюме с галстуком – просто классический профессор из фильмов про науку. Но говорить он стал, в отличие от других выступавших, совсем не пафосные вещи: «Вы должны беречь здоровье, питаться не чаще чем через четыре часа и не реже чем через шесть часов...» Странно было это слышать: ну кто в семнадцать лет думает о здоровье? Но, увы, к диплому одни подошли с язвой желудка, другие – с надорванным в студенческих стройотрядах сердцем...

День первокурсника и другие капустники

Я совершенно не представлял, что это такое – День первокурсника. Думал, подобие первого собрания с официозом речей, но все же пришел в актовый зал. А там несколько веселых студентов старших курсов с юмором рассказывали про ожидавшую нас студенческую жизнь. Более всего меня поразил рассказ о том, кто такой «настоящий профессор». В качестве иллюстрации на листе ватмана был нарисован в профиль абсолютно голый Н.А. Толстой с огромным волосатым животом. Выступавший, водя по рисунку указкой, объяснял, как устроен профессор и что у него для чего. А в первом ряду сидел сам Никита Алексеевич и весело смеялся! В нашей строгой 239-й школе такое даже вообразить было невозможно!

Освоившись в студенческой жизни, наша дружная компания примкнула к веселым создателям знаменитых физфаковских капустников, среди которых блистали такие яркие личности, как автор всех сценариев Юра Магаршак, а также исполнители его сценок Юра Игнатьев и Андрей Халявин с его знаменитым «отнюдь!». Мы с восхищением смотрели на них, подыгрывали на вторых ролях, но прошел год-другой, «старики» ушли, и мы уже сами стали сочинять сценки и разыгрывать их.

На День физика ломились студенты (особенно – студентки) всех факультетов. Вот сохранившиеся в памяти песенки из капустников:

В Большой физической
Академической
Студент, языческий
И заводной,

Он чешет темечко,
Глядит на времечко
И шевелит извилистой мозгой.

Там люди лучшие
В года минувшие
С утра работали
До twelve o'clock,
Как, например, Макштас...
Коленька,
Меркурьев Стас
И академик Фок.

Кто знает, может быть,
Доску когда-нибудь
Мемориальную
Сюда прибьют:
«В года такие-то
На месте этом-то
Здесь часто сиживал
Игнатъев Ю.»

* * *

Сейчас сюда майор войдет,
А на углу девчонка ждет
С двумя билетами в кино.
Но если я сейчас уйду,
Мне в сотый раз наряд дадут
В «секретной части» мыть окно...
Девчонка любит – подождет,
А если – нет, так пусть идет
Смотреть свое кино одна,
А коль дождется, буду рад
В кино – и на последний ряд,
Как только кончится война!

* * *

Как хорошо быть аспирантом!
Как хорошо быть аспирантом!
Лучше работы, право, ребята, я не ищущу!
Буду я точно аспирантом,
Стану я точно аспирантом,
Если в солдаты, если в солдаты
не засвищущу...

Оперотряд

В СССР было много общественных организаций, в которых люди, параллельно с основной работой или учебой, выполняли какие-то обязанности. Нередко эти обязанности были лишены какого-либо смысла и сводились к составлению планов работы и отчетов об их выполнении. Но существовали и эффективно работающие организации. Одной из них, несомненно, был КМОО – комсомольско-молодежный оперотряд. Для пополнения физфаковского КМОО нас, первокурсников, собрали в Большой физической, и оперативник из Большого дома (Литейный, 4) стал рассказывать о преступности в Ленинграде и о трудностях борьбы с ней. Запомнились его слова: «Подвиг – это не Александр Матросов, бросившийся грудью на пулемет. Еще неизвестно, о чем он думал в тот момент. Подвиг – это прачка, двадцать лет стирающая белье разъеденными от щелока руками, чтобы кормить своих детей». Наверное, потому это так врезалось мне в память, что в моем дворе, в подвале соседнего дома, располагалась прачечная. Стиральных машин тогда не было, и прачки стирали белье вручную в больших корытах, полных пены (мы, конечно, не преминули заглянуть туда однажды из мальчишеского любопытства). Летом прачки выходили после работы с красными по локоть, распаренными руками, а зимой из открытых форточек прачечной постоянно шел пар.

Мы всей нашей дружной компанией вступили в оперотряд. Это было настоящее и нужное дело. Мы действительно хотели вычищать город от всякой мрази. Работа в оперотряде выглядела привлекательнее, чем в ДНД – добровольной народной дружине, где все сводилось к патрулированию улиц. А тут мы работали вместе с настоящими операми из Большого дома!

Мне открылась та сторона жизни города, о которой я и не подозревал. Оказывается, все «сомнительные» точки – гостиницы, ювелирные мастерские, магазины «Березка» и т. п. – находились под непрерывным наблюдением. Как правило, получив вызов, на следующий день я рано утром, вместо занятий на физфаке, приезжал на Литейный. Там меня уже ждал пропуск. Я входил в это огромное мрачное здание, пропитанное табачным дымом. Нам никогда ничего не объясняли – зачем нас вызвали, что мы будем делать... Иногда, продержав впустую пять-шесть часов, меня отпускали без всяких объяснений. Иногда я участвовал в опознании: меня проводили в кабинет, вместе с другими четыремя-пятью неизвестно откуда взявшимися людьми сажали на скамейку, потом впускали потерпевшего, и он должен был узнать среди нас преступника. Честно говоря, очень неуютно чувствовал я себя в такой роли! Изредка случались интересные дежурства: меня сажали в машину, и вместе с опером мы ехали на слежку или на обыск. Но во всех случаях от нас не требовалось никакой активности: мы исполняли лишь роль понятых при задержании или при обыске.

В один из таких выездов я побывал в знаменитых «Крестах». Незабываемые впечатления! Коридор через каждые метров десять-пятнадцать перегораживала решетка с дверью, которую сопровождавший нас охранник открывал огромным ключом и, дав нам пройти, сразу же запирал. В камере 2 × 2 м² – прикрепленные

к полу стол и табуретки. Я сопровождал адвоката, прибывшего для ознакомления подсудимого с его делом. Меня поразило, что мужик в арестантской одежде совсем не листал свое дело, а только выписывал из него адреса всех свидетелей.

Несколько раз довелось дежурить в гостиницах: «Астория», «Европейская», «Ленинград»... Там я впервые увидел «живьем» настоящих проституток. Какие красивые это были девушки и как шикарно одеты! А я-то был уверен, что в СССР проституции нет!

Комсомол

Идеологическая работа в СССР была поставлена хорошо, и вся наша компания была убежденными комсомольцами. Мы весело шли в колоннах праздничных демонстраций, от души орал «Ура!!!». Я искренне верил в «руководящую и направляющую роль партии» и не сомневался, что через несколько лет вступлю в ее ряды. А пока я добросовестно старался быть хорошим комсомольцем. В то время это значило вести большую общественную работу. У меня с этим было все в порядке: работа в оперотряде, участие в капустниках... А в один год меня избрали в комсомольское бюро курса. Мы часто оставались вечером в какой-нибудь аудитории, что-то обсуждали, спорили, писали планы работы... Угробили уйму времени. Но весной, к концу учебного года, у кого-то из нас вдруг возник вопрос: а что конкретно мы сделали за этот год для студентов нашего курса? И мы с изумлением сошлись на том, что единственным практическим результатом нашей напряженной годовой деятельности можно было признать лишь действительно интересную стенную газету про войну во Вьетнаме с уникальными для того времени фотографиями, по случаю добытыми одним из нас.

Стройотряды

Учась на физфаке Ленинградского университета, я каждое лето ездил в студенческие строительные отряды, с которыми побывал в Казахстане, Коми, Карелии, на Сахалине... В отличие от многих других вузов, на физфаке это было делом абсолютно добровольным. Более того, желающих всегда было больше, чем мест в отрядах, и участников отбирали на конкурсной основе. Это объяснялось не только возможностью заработать, но главным образом замечательной атмосферой физфака. Ведь, если не побояться громких слов, в немногих вузах подобного уровня собралась будущая интеллектуальная элита страны, а высокий интеллект проявляется не только в учебе и работе, но и в отдыхе. На празднование Дня физика на физфак ломались студенты не только других факультетов, но и других вузов. Атмосфера шуток и розыгрышей процветала и в стройотрядах, где для нее было еще больше возможностей. Расскажу один случай.

Закончился рабочий день, и наши бригады стройотряда в Карелии одна за другой возвращались с объектов. Забежав в строение под вывеской «Ничто

человеческое нам не чуждо» с двумя входами, нежно поименованными «Лютик» и «Незабудка», и наскоро умывшись, голодные студенты столпились перед дверью, над которой на прибитой доске манила надпись: «Жральбище». Ужин запаздывал. Я взял гитару, и голодные глотки подхватили песню, сочиненную мною к празднованию Дня строителя в честь нашего завхоза Пашки Петрашени на мотив «Спасите наши души» В. Высоцкого:

Ослабшей рукою
Кидаешь песок.
Круги пред глазами,
В них – пыль со слезами,
Живот неспокоен,
Там льется рекою
Желудочный сок...

Прпев:

«О, дайте, дайте каши! –
Вопят желудки наши. –
О Паша, милый Паша,
Не поскупись!
Наполни наши чаши
Хотя бы простоквашей,
Наш дикий голод страшен,
Поторопись!»

И рвется наружу
Глухая тоска,
Желудок все уже,
Скорее бы ужин,
В глазах помутилось,
И в узел скрутилась
Прямая кишка!

Прпев.

Приходишь с работы
Похож на скелет,
В разводах от пота,
Голодный до рвоты,
От грязи лиловый,
Ты рвешься к столовой,
А ужина нет!

Прпев.

Паша был знаменит тем, что ухитрялся накормить отряд, несмотря ни на какие преграды и нехватку средств. Один из лучших студентов факультета, впоследствии он стал блестящим ученым, но в 90-е годы был вынужден эмигрировать в США и уже завершил свой жизненный путь. Светлая ему память!

Наконец дверь столовой распахнулась, и мы устремились к окну раздачи, где красавица Ира Бартошко накладывала в миски гороховый суп. Все изголодались, и за сколоченными из досок столами не слышно было разговоров, только стук ложек раздавался в тишине. Но вот первый голод утолен, и народ оживился. Поедая пшеничную кашу, парни и девчонки уже шутили, обменивались новостями...

Видя, что сидевший напротив меня мой приятель Шурик солил свою кашу, наклонив над ней банку с солью, я подтолкнул его руку, и соли в кашу просыпалось больше, чем нужно. В ответ Шурик опрокинул над моей тарелкой пол-литровую банку, и соль горкой покрыла мою кашу. Оглядевшись, чем бы ответить на его действие, я схватил с подоконника пузырек с черной тушью, которой наш художник выводил накануне название стенгазеты, и вылил Шурику в тарелку. Он зачем-то размешал ложкой содержимое тарелки, и крупинки пшена окрасились в черный цвет.

– Да это же черная икра! – заорал я.

Все вскочили со своих мест и окружили нас.

– А давайте разыграем мужиков с лежневки! – кинул кто-то идею.

Лежневка – это дорога в болотистом лесу, устланная поперек стволами спиленных тут же сосенок. Парни, клавишие ее, еще не вернулись: лежневка была далеко, их возили на грузовике, и они всегда запаздывали. Когда они, усталые и голодные, ввалились в столовую, все уже поужинали, но не расходились в ожидании зрелища.

– Мужики! – заорал я лежневщикам, – сегодня на ужин черная икра! Шурик, давай!

Шурик, лучась доброжелательной улыбкой, торжественно поднес голодным парням тарелку с ломтями хлеба, густо намазанными черной, круто посоленной пшенной кашей.

– Откуда это? – изумленно вылупились лежневщики.

– Мужики с Сахалина прислали! – выпалил я заготовленное объяснение. В то лето другой физфakovский стройотряд, в котором работали наши друзья, прокладывал на Сахалине железную дорогу.

– Вот это да! – охнули парни и, расхватав бутерброды, начали жадно пожирать их.

Отупевшие от тяжелой работы мозги не подсказали, что если с Сахалина и могли прислать икру, то только красную. К тому же черная икра даже дома не входила в наш ежедневный рацион, и вкус ее отнюдь не навяз у нас в зубах. Поэтому парни, причмокивая, покряхтывая и восхищенно мотая головами, уплетали угощение, изредка перемежая процесс фразами типа: «Эх, внукам своим расскажу, что на стройке черную икру ел!» Лишь Витька Сергеев позволил критическое замечание:

– Хороша, но солоновата!

От Сегеда до Байкала (Мои воспоминания)

Л. Нанаи (студент 1966–1972 гг.,
Full Professor, University of Szeged,
JGYTFK Department of Physics, Hungary)

Среднюю школу я окончил в городе Сегед. Школа была при университете Сегеда. Там изучал русский язык. В 1966 г. учил русский на подготовительных курсах в Киеве, много времени проводил на пляже у реки, там меня учили языку девушки-киевлянки.

Я уже не помню точно, почему поступил в ЛГУ, но знаю, что это были мои самые счастливые годы, и до сегодняшнего дня УТВЕРЖДАЮ, что получил отличное образование по физике твердого тела. Жил хотя и в скромных условиях, но чувствовал себя великолепно в обществе моих товарищей-однокурсников и друзей. Не говоря уже об очаровательных девушках! Одним словом, Питер – это часть моей жизни. Пару лет назад побывал там и погулял по старым местам факультета (хотя там уже студенты-психологи). Чувствовал себя как малыш, который вернулся домой.

Я мог бы писать об учебе, о жизни, о вечерах, об экзаменах, о лабораториях и т. д. Но мне сейчас хочется вспомнить о студенческом строительном отряде «Чунояр» 1971 г.

У меня были очень хорошие друзья, например Слава Сторунов, которые брали меня в этот отряд *нелегально*: мне, как иностранцу, не было позволено покидать Ленинград дальше 80 километров.

Если бы я обратился за официальным разрешением в иностранный отдел и ОВИР, мне бы дали его, быть может, спустя 3 года. Девчонки красивые в деканате сделали мне студенческий билет на имя Ласло Эдуардовича Нанаи (эстонец – это было близко по венгерскому произношению).

Со Славиком мы поехали зайцами до Москвы поездом Ленинград – Одесса. Хотели нас высадить, но это никому не удалось. В Москве уже купили билеты до станции Решоты, что недалеко от Иркутска. В дороге я учил играть в карты венгерских пассажиров. За это они нас кормили и поили почти всю дорогу.

Мы приехали первыми и сделали лагерь: построили шатры, кухню, туалет скромный. Потом приехали другие ребята и несколько девушек, и работа началась. Отряд трудился на перегоне Чунояр – Богучары в Красноярском крае.

Для меня это было чудо.

Абсолютная демократия и все-таки совершенная дисциплина. Комиссаром был тоже студент из МФТИ – Володя Готлиб, с большим авторитетом. Работа была напряженная. За время пребывания я сбросил 13 килограммов. Отрастил бороду, как все. Научился серьезно и ответственно работать. Мой отец был начальником станции, и у меня были какие-то знания в железнодорожном деле. Это приняли и использовали мои знания. Все мы без исключения работали напряженно. Когда узнали, что сил не хватит, все равно пели песни и т. д. Два раза мне поручали работать на кухне. Научился многому.

Стройотряд «Красноярск-71». Бригада В. Паутова. *1-й ряд (слева направо):* неизвестный, А. Мешик, неизвестный, И. Беляев (МФТИ), В. Паутов, В. Хорунженков (МФТИ), Л. Нанаи. *2-й ряд:* И. Макаревич, И. Гомоненко, А. Гуральник, В. Рейхерт (МФТИ), неизвестный, П. Щербиненко (МФТИ), Т. Мусиенко, О. Хачатурова, Т. Томм, В. Пургин, В. Вялых, неизвестный. *3-й ряд:* В. Веллинг, В. Пачин, Б. Задохин

Когда закончили стройку участка, мы поехали первым поездом «как груз».

Однажды случился побег из ближайшего лагеря для заключенных. Приехали солдаты и – на линейку. Мне, иностранцу, дал свой документ командир стройотряда. Мы все были одинаково одеты и с бородой. Военные, слава богу, не заметили, что я иностранец. Был с нами еще один иностранец – Мануэль из Португалии. Ему тоже удалось выдать себя за русского студента.

Еще одно замечание: я и Володя Веллинг были самые маленькие (по росту), поэтому мы носили домкраты, т. к. центр тяжести у нас самый близкий к земле. И физика работала!

Закончив работу, я на пару дней поехал в Иркутск и на Байкал. Чудесные дни! После возвращения в Питер у нас был банкет. Я получил награду «Железная рельса», которую с тех пор храню как амулет.

После ЛГУ защитил в Сегеде, в университете, диссертацию, преподаю и занимаюсь научной работой 40 лет. Стажировался в Москве и Питере, а также в университетах Западной Европы, США и Японии.

В заключение хотел бы сказать, что я очень признателен ЛГУ за то, что смог там учиться, жить в Ленинграде и получить такое чудо, о котором написал выше.

Memoirs of a Student, Junior Researcher and Private Scientist

S.S. Sazhin (student 1966–1972, Professor,
University of Brighton, United Kingdom)

Birth of a Private Scientist

In 1982 I left my position as a junior researcher at the Institute of Physics and unsuccessfully attempted to enter Theological Academy of the Russian Orthodox Church in Leningrad.

When I left my position as a junior researcher, there were some unfinished papers, including those prepared with my former students. To publish, I had to submit them first to the „panel of experts“ at our faculty. Fortunately, one of the members of this panel was my friend Nicolay Tsyganenko. He assured me that nobody will read even the titles of the papers and they will be signed off without problems. This worked fine a few times until somebody spotted my name on one of the papers. There was a lot of fuss: my name was too well known by that time. As a result I could no longer publish my papers in Soviet research journals. The only option which remained for me was to start writing papers in English and smuggle them to western research journals. My affiliation in these papers was: *Private Scientist; pr. Kosmonavtov 18-2-12, Leningrad, USSR.*

Thus a „private scientist“ was born. Since then, for almost thirty years, I have not written a single scientific paper in Russian, thus virtually losing my skills to write about serious matters in my mother tongue.

Why Physics?

I cannot say that that I was dreaming of physics all my life. In fact, my early interests were shared between literature, philosophy and geology. At Soviet times, however, everybody knew that literature/philosophy is fully controlled by the official propaganda machine. Geology attracted me as a chance to explore unknown lands. After meeting some professional geologists I understood that this profession is less about adventures and more to do with survival in inhospitable environments.

My choices were further restricted by the fact that the number of school graduates in 1966 was expected to double. School reforms dictated that an eleven year program was turned back to a ten year program. As a result, two school years graduated at the same time. I belonged to the younger group, for whom the chances of a university place

were expected to be about 1/3 of the chances which would be expected in a normal year.

Paradoxically, this additional challenge pushed me to apply to the faculty of physics of the main university in Leningrad. I considered it to be the best and the most competitive higher education institution in this city. Hard work preparing for the entrance examinations paid off and I was delighted to become a physics student.

I am a Student

The more time passes since I graduated from the faculty of physics in 1972, the more I appreciate the atmosphere which dominated during my student years 1966–1972. It formed me as an individual and future researcher and teacher. What matters is not what I learnt during these years, but how I learnt to learn new subjects.

It is not possible to start writing about all my professors, lecturers and fellow students at that time, but I would really like to single out Mikhael Fedorovich Shirokhov. He was my role model, who shaped my knowledge of basics of analytical geometry and calculus and helped me to form my own style of teaching. My thoughts on the teaching methods used at that time are presented in [1, 2].

Junior Researcher

In the second or third year of my undergraduate studies (1968) I saw a poster by Michael Ivanovich Pudovkin. It described his doctoral thesis; the topic was something like: „Morphology and theory of polar storms“. The title struck me. I imagined myself going somewhere close to the North Pole, measuring the speed of wind from a flimsy tent and then developing a theory of how this wind is formed. Michael Ivanovich became the supervisor of my final year project. I got to know him well, and I spent over 10 years (February 1972 – July 1982) working as a junior researcher in his laboratory. This laboratory had nothing to do with polar storms, despite my first impressions. Its work was focused on space plasma physics and the effects of this plasma on polar magnetic storms and Aurora Borealis.

Michael Ivanovich was a believer in giving his students general direction, but otherwise letting them grow and develop in their own approach. One of the most helpful aspects was his advice on how to present ideas clearly in scientific publications. When I showed him draft versions of my papers he made comments/corrections in almost every phrase. The number of corrections reduced only slightly when I brought him the second draft. There remained a lot of them when I brought the third and fourth drafts. Once I got frustrated with these endless corrections, took Michael Ivanovich's own book and found imperfections in almost each of his phrases. He smiled.

Michael Ivanovich passed away in 2004. I will always remember him as my teacher, who managed to turn a third year undergraduate student into a mature researcher by the time when I left his laboratory in July 1982. More information about him can be found on his webpage: <http://geo.phys.spbu.ru/magnetosphere/people/pudovkin/index.htm>.

Elena Ivanovna

Since my student years, the more Soviet propaganda I absorbed, the more I became convinced that there is something fundamentally wrong and evil in the Soviet system. Gradually, I started perceiving this system not as an abstract evil, but a kind of devil's anti-Christian force. To struggle with this force we had to use Christian methods: prayers and good deeds. This eventually led me and my wife to join a group of like-minded people led by late Professor Elena Ivanovna Kazimerchak-Polonskay.

Elena Ivanovna was an extraordinary lady, who returned to the Soviet Union from emigration after WWII. She was a spiritual daughter of Father Sergei Bulgakov, a close friend of Nicolas Berdiaev and other representatives of Russian religious renaissance in Paris. Apart from this, she was a well known astronomer.

We were not conventional dissidents. We did not sign letters of protest, or prepare political articles. Instead, we gathered to pray together, studied Bible and Orthodox liturgy alongside with the Soviet history largely unknown to most people in the former Soviet Union (mainly stories about new Soviet Christian martyrs). All of us had close links with late Father Basil Lesniak, who played a pivotal role in the Christian movement at that time.

As an individual, I had a number of contacts with people involved in conventional dissident activities and read so-called „anti-Soviet“ books. We tried, however, to do our best to exclude these activities from our meetings. As a result, these meetings never attracted the attention of the KGB at that time, to the best of my knowledge.

Thus, I effectively led a double life. My spiritual life was centred in Elena Ivanovna's group, while my daily work as a junior researcher effectively supported the Soviet system. I was not happy about this and shared my concerns with Elena Ivanovna. In her turn, she discussed my case with the then Rector of Leningrad Theological Academy, future Patriarch Cyril.

Vladyko (His Excellency) Cyril invited me for a meeting during which he told me that my application to the Theological Academy could be possible in principle, provided that I am not considered by the KGB to be a dissident or too close to the dissident movement. I was really happy with this idea. I did not plan to be a priest, but I hoped that within the Academic structures I would be able to settle in the Soviet Union without supporting the Soviet system.

After my meeting with Vladyko Cyril I started actively preparing for entrance examinations to the Academy (learning Greek and Old Slavonic languages, Bible, history, prayers). Following Vladyko Cyril's advice, I resigned from my position as a junior researcher and made a formal application to the Academy in July 1982. The formal examination took place about one month later.

Daily Life of a Private Scientist

I never considered myself as a conventional dissident. Firstly, I did not consider myself to be strong enough to confront openly the Soviet system and survive. Secondly, I felt that there was a risk of becoming a pawn in a big game between intelligence serv-

ices of superpowers. What I tried to do is not to support the Soviet system when and where I could do this (this is essentially Solzhenitsyn's advice). Unfortunately at that time even this rather neutral stance was considered as anti-Soviet. Once I had left the university, I was called to Leningrad KGB headquarters (Big House) for interrogations. After the exams to the Academy, I was told by Vladyko Cyril that he was powerless to influence the KGB and could not accept me to the Academy. This was followed by a second call to Big House. Eventually an article was published in a regional newspaper in which I was officially labelled as somebody who stands behind the dissidents who were charged for „anti-Soviet propaganda“ [3]. One of the dissidents mentioned in this article was my friend poet Rostislav Evdokimov. This was a dangerous turn of events for me.

Before making any further steps against me, however, KGB decided to organise a formal meeting at the department of the physics of the Earth (Michael Ivanovich's laboratory was part of this department), during which my former colleagues were expected to distance themselves from me. As I was told later, this did not work out this way. Only then secretary of the Communist party in our department (not from Michael Ivanovich's laboratory) said the words expected by KGB. Most of my colleagues tried to provide me as much support as they could.

This followed by one more meeting with the KGB. This time people with whom I spoke looked friendlier than during the previous two meetings. However, when I applied to the Academy for a second time in 1983, I was still not accepted.

My career as a private scientist continued from July 1982 until February 1988 when I left USSR for good. Surprisingly, I was never short of money to support myself and my family during this period. This is despite the fact that I could not get any conventional job in the country, and was not entitled to any unemployment benefits. Money to support my family was earned from a patchwork of informal jobs (temporary labourer in a brigade of builders, temporary cleaner, private coach in physics etc). To avoid the risk of being formally charged as a „parasite“, I signed a contract with Elena Ivanovna as her private secretary. According to the documents, she paid me 60 roubles per months. Of course she did not do this – on the contrary, I had to pay about 10 roubles of real money per month on her behalf as taxes for my employment. The situation was aggravated in 1985 when my wife Elena, a physicist also working in Michael Ivanovich's laboratory, had to face a choice: either to divorce me or leave the university. She preferred the latter.

During this period I never stopped my research in physics. What helped me a lot is that my Diploma of Candidate of Physical and Mathematical Science, which I got in 1978, allowed me free access to the library of the Academy of Science. My papers were smuggled to the leading western journals, in which most of them were published with my affiliation as a „private scientist“. Most of the papers published during this period were included in my second monograph [4].

My status of a „private scientist“ came to an end at the beginning of „perestroika“. In autumn 1987 I was called to our visa department (closely linked with the KGB), where it was suggested that I, my wife and our seven year old daughter Katia leave the Soviet Union for good. We were told to do this using Jewish visas (although we are not

Jews), and I was asked to sign a declaration on behalf of all members of my family that we will never return to the Soviet Union in any status. All three of us were stripped of our Soviet nationality.

Our plane landed in Vienna in February 1988.

References

1. *Sazhin S.S.* Small Group Teaching in Russian Universities. *Higher Education Review*. 1993. 25 (3). P. 66–73.
2. *Sazhin S.S.* Assessment in Russian Universities. *Higher Education Review*. 1994. 26 (2). P. 9–16.
3. *Vistunov E.* Windows Covered with Curtains (*Zashtorennye okna*). *Vechernii Lenin-grad*. 1983. 6th April (in Russian).
4. *Sazhin S.S.* Whistler-Mode Waves in a Hot Plasma. Cambridge University Press, 1993.

О Физическом факультете Ленинградского государственного университета в 60–70-е годы

С.А. Шляпочников (студент 1965–1972 гг., кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник ЦНИИ им. академика А.Н. Крылова)

Мощный поток абитуриентов – выпускников 239-й школы хлынул на Физический факультет Ленинградского ордена Ленина государственного университета имени А.А. Жданова в шестидесятые – семидесятые годы прошлого века, чтобы заполнить в дальнейшем бастионы советской академической науки. В оригинальном названии этого высшего учебного заведения отражался дух того времени и прошлых времен.

Мне довелось окончить школу № 239 в 1965 году, когда благодаря высокому уровню квалификации педагогического состава, где особенно выделился преподаватель математики В.А. Рыжик, поступление на Физфак не было особенно трудной задачей для подготовленного абитуриента.

Тем не менее вспоминается эпизод, когда несколько романтически настроенных школьников одиннадцатого класса (среди них Миша Гиршберг, Володя Фролов и я) пришли на Физфак с намерениями сдать какой-либо экзамен из университетского курса. Нас поразила романтическая атмосфера давно не отремонтированного здания Храма науки (бывшей таможни), где особенно выделялся коридор перед деканатом, увешанный расписаниями занятий с такими волшебными названиями предметов, как квантовая механика или электродинамика. Кругом сновали счастливики – студенты старших курсов пижонского вида, как потом выяснилось, не чуждые клептомании. По поводу сдачи экзаменов экстерном нас разочаровал милейший заместитель декана В.И. Вальков. Он справедливо заметил, что сейчас не царское время, когда В. Ульянов сдавал экзамены экстерном, и нам следует прежде всего окончить школу, принять участие в олимпиадах по физике и на общих основаниях поступать на Физфак Университета. Надо сказать, что олимпиады по физике проводили такие одержимые молодые ученые, как В.К. Кобушкин, А.С. Кондратьев, Н.А. Прияткин. Могу признаться, что решение некоторых олимпиадных задач до сих пор представляет для меня трудность. Например, как вычислить КПД электрической плитки, работающей на обогрев комнаты, и найти сопротивление между соседними узлами бесконечной сетки, элементы которой имеют определенное сопротивление постоянному току. На олим-

пиадах блистали будущие студенты: Володя Капустин, Миша Эйдес, Женя Крылов, Саша Панов и другие, судьбы которых сложились по-разному.

Итак, пришло время вступительных экзаменов. Наиболее трудными для меня были сочинение и экзамен по химии. Сочинение писал по «Поднятой целине», совершенно искренне веря в талант М.А. Шолохова. Сидя на экзамене с соучеником по 239-й школе Юрой Баланиным, мы сумели «проверить» сочинения друг у друга и получили по пять баллов. При сдаче химии я оказался у довольно сердобольной старушки, которая, глядя в мою зачетку с приличными оценками, вывела мне «хорошо».

Экзамены позади, и мы, студенты первого курса, слушаем неповторимые лекции по общей физике Н.А. Толстого и по высшей математике М.Ф. Широхова. Идеологическая закалка студентов также была поставлена на высокий уровень и продолжалась весь период обучения, от истории партии до научного атеизма. Надо сказать, что большинство студентов скептически относились к этим дисциплинам, в которых они искали забавные моменты. Так, на экзамене по научному атеизму был вопрос: «Чем белая магия отличается от черной?» Надо сказать, что в то время маги и экстрасенсы не занимали такого почетного места в обществе, как теперь, поэтому вопрос был непростым.

Военная подготовка проходила под руководством полковника Пудова. Забавный эпизод произошел на зачете, где нужно было определить параметры стрельбы по карте. Когда я принес результаты вычислений, полковник заявил, что я их списал, так как невозможно так точно решить задачу, и пригрозил отчислением, если я не пересдам зачет. К чести Пудова, при пересдаче все обошлось, и на военных сборах он вел себя гуманно.

Второй курс для меня начался уже с другим потоком, поскольку я был вынужден взять академический отпуск. В этом месте должен сделать грустное отступление, посвященное моему товарищу еще по начальной школе Толе Корякину.

Этот человек являл собой неординарную личность. Он не ходил на экзамены, пока досконально не овладевал материалом. И чем сложнее становился предмет, тем с большим упорством работал над ним Толя. Конечно, так долго продолжаться не могло, и на ядерной физике он крепко засел – не смог одолеть премудрости теории строения атома. Как мы ни пытались объяснить ему, что всю физику невозможно освоить в совершенстве, он был непоколебим, что и привело к его отчислению. Дальнейшая его судьба, несмотря на все наши попытки выяснения, остается неизвестной.

При выборе специализации кроме уровня интеллекта и способностей студента некоторое значение имела и повышенная стипендия, которую платили радиофизикам (сорок пять рублей), по сравнению с другими специальностями. Для меня, как «старого радиолюбителя», не стоял такой вопрос, причем в качестве узкой специализации я выбрал «распространение радиоволн» как наиболее теоретическую дисциплину. Радиофизикам было прочитано несколько теоретических курсов, среди которых выделялись «100 часов» Г.И. Макарова, посвященные распространению радиоволн вдоль поверхности Земли. Глеб Иванович читал свои

лекции утром на первых двух парах, а так как я часто просыпал это плодотворное время, мой конспект лекций оказался совершенно непригодным для сдачи экзамена. Выручил меня сокурсник А. Пискижов, который каким-то чудом нашел печатный вариант лекций Г.И. Макарова и В.В. Новикова, читанных ими на одной из летних школ физиков. Размноженный на ксероксе, курс лекций спас не одного прогульщика от заслуженного наказания. Не могу не отметить, что на спецкафедре блестящие лекции по радиотехнике читал подполковник С.И. Каплуновский, который как магнитом притягивал любознательных студентов, таких как В. Светличный и Н.И. Зернов, сделавший блестящую карьеру в дальнейшем.

Особняком стояли лабораторные работы по радиотехнике, которые под руководством Э.М. Гюнинена должны были быть выполнены не только радиофизиками, но и студентами других специальностей. Суть лабораторных состояла в разработке схемы и изготовлении видеосушителя на электронных лампах «металлической серии», которые, между прочим, могли быть использованы и для обогрева помещения.

Мне попала схема на трех пентодах. Как хорошо известно знатокам, такие схемы склонны к самовозбуждению, что и случилось с рассматриваемым макетом. Устранение этого дефекта, как и следовало ожидать, было осуществлено путем «развязки» по питанию. Этот пример показывает, насколько старая «ламповая электроника» была несовершенна по сравнению с современной. Вместе с тем техника шестидесятых – семидесятых годов прошлого века позволяла вмешиваться в физические процессы в схемах и понимать роль их отдельных элементов. Впрочем, ламповая техника в настоящее время применяется в высококачественных усилителях низкой частоты бытового назначения. Э.М. Гюнинен запомнился своей сентенцией относительно авторов книг, которых он делил на две части – тех, кто пишет для себя, и тех, кто пишет для других. Этим руководством я стараюсь пользоваться при написании собственных сочинений, при этом мне очень пригодились теоретические университетские курсы матфизики, особенно «Вариационное исчисление» и «Методы комплексного переменного».

Дипломы об окончании Университета нам вручали уже в новом здании в Петергофе. План перевода естественных факультетов в Петергоф был последним нокаутирующим ударом Власти по «научной вольнице», после которой, естественно, научное ядро Университета уже не оправилось.

Сейчас, когда я прохожу по набережной Макарова, мимо старого здания Таможни, которое теперь все сияет чистотой и светом, приходит на ум рассказ классика американской литературы «Там, где чисто, светло». И уже утром, когда юнцы, не знающие унижения братвы и мизерного оклада профессора естественных наук, направляются к своим компьютерам за стандартизованными алгоритмами, уничтожающими творческую мысль, кажется, что эйфория американца в данном случае неуместна, потому что поиски Истины, которым нас учили в незабвенные шестидесятые – семидесятые годы, бессмысленны там, где уже светло.

«Мужики» – последний вздох «оттепели»

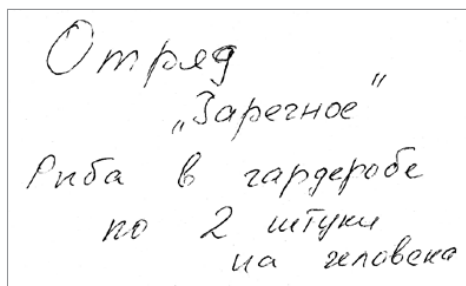
К.Э. Воеводский (студент 1967–1973 гг., кандидат технических наук, преподаватель АГ СПбГУ)

«Старик, ты уже давала Алешке грудь?» Это пример словоупотребления из пародийной инструкции «Как писать о физиках» – примерно 70-й год. Но еще лет за пять до этого на физфаке была компания, где обращение «мужик» тоже применялось безотносительно к полу собеседника. Это были комсомольские активисты, но ошибется тот, кто вообразит унылого карьериста 70-х. «Мужики» были симпатичные и способные ребята, а из среды однокашников их выделял горячий общественный темперамент. Активность их была разнообразной, но душу они вкладывали в стройотряды и на этой почве имели расхождение со всем остальным комсомолом страны.

Речь шла о толковании понятия «добровольность». Где-то было написано, что стройотряды комплектуются на добровольной основе. «Мужики» толковали это буквально: кто хочет – едет, кто не хочет – нет. Это была «персональная добровольность». А комитет комсомола ЛГУ опирался на ленинский принцип демократического централизма: ВЛКСМ в целом добровольно принимает решение, участвовать ли ему в стройотрядовском движении. И для каждого *отдельно взятого* комсомольца это решение обязательно – «коллективная добровольность».

Об этих разногласиях мы знали из стеновой печати. На обороте обойного рулона, развернутого возле 213-й аудитории или вдоль лестничного марша, можно было прочесть весьма смелые суждения. Помню критику милитаристской терминологии, которую как раз тогда стали применять к стройотрядам: «боец», «командир», «комиссар». Кто-то писал, что учеба в вузе это работа – не легче других, что она не меньше нужна Отчизне и за нее нужно платить полную зарплату. Но вернемся к стройотрядам.

Борьба «мужиков» за правду была вполне бескорыстной – сами они были яркими стройотрядовцами. Вообще, на физфаке от желающих поехать в стройотряд не было отбоя: влекли возможность подзаработать, экзотические края, по-

Объявление висело на физфаке. Рыбу действительно выдавали, так что это не первоапрельская хохма. Подлинник хранится в собрании автора (конец 60-х гг.)

ходно-гитарная романтика. Но важен был принцип, и на конференциях комсомола ЛГУ «мужики» не раз заводили дискуссию о добровольности. Как-то, видать, «оттепель» еще грела – им удавалось ставить вопрос на голосование, но большинства они не собирали; по их словам, из-за уловок «большого» комитета. Мы читали об этом на обоях, слышали на факультетских собраниях.

Внимание!
Завтра, 2 апреля в 16⁰⁰ в помещении
спецкафедры состоится доклад на тему:
"Почему я перестал носить бороду?"
из цитаты: "Будет ли это?"
докладчик: Вигдергауз С.Б. /физфак/.
доклад сопровождается диспутами, баллами и
собственными примерами.
Спешите видеть!!!

Объявление висело на физфаке 1 апреля. (С.Б. Вигдергауз – студент 1965–1971 гг., кафедра матфизики.) Подлинник хранится в собрании автора (1970)

Странно, но какое-то время партком (или кто там надзирал за идеологией) сносил эти художества. «Мужики» смелели, и на какой-то конференции, или даже не на одной, делегация физфака предложила признать работу комитета за отчетный период неудовлетворительной. И тут «мужики» остались в меньшинстве, но терпение начальства лопнуло.

Сначала их пытались укротить миром. Осенью 1967 года на факультет зачастила колоритная пара. Не знаю, кто были эти двое, но я много раз видел их вместе, то во дворе Двенадцати коллегий, то в академстоловой. Один – плакатный комсомолец с необъятным подбородком, парикмахерским пробором и приклеенным галстуком. стакан пива он подносил ко рту, как будто водружал Знамя Победы. Другой – со скорбным испитым лицом, черными подглазьями, в мешковатом свитере. С несколькими «мужиками» они надолго запирались на стул в какой-нибудь аудитории. Из-под двери сочился сигаретный дым. Когда уходили, на мордах было написано: «Тяжела ты, шапка Мономаха!»

Думаю, уже под самую зимнюю сессию я наблюдал последний визит. На этот раз на переговоры пошел только Парикмахерский Пробор, а Сосуд Мировой Скорби остался сидеть на столе у лестницы. Тут я и застал его, сорящего пеплом на ботинки. Со второго этажа донеслись стук распахнутой двери и знакомые голоса

«мужиков». По лестнице нисходил Парикмахерский Пробор. На физиономии значилось: «Ты этого хотел, Жорж Данден!» Больше я эту парочку на факультете не видел.

После зимних каникул (или позже) в «Смене» появилась статья о физфаковских оппортунистах (или уклонистах), свивших гнездо, и т. п. О наших «мужиках». Названия не помню, об авторе – ниже, а лексика была вполне погромная. «Мужики» не струсили, продолжали «рыпаться». Видно, они еще грелись в лучах умершей «оттепели» и не поняли, что им уже конец. На обоях вывесили громоподобный ответ и резолюцию с требованием исключить клеветника из Союза журналистов. Воздадим должное нашему тогдашнему деканату – все это какое-то время беспрепятственно висело, хотя людям постарше наверняка все было ясно. Да и поступили с «мужиками» по-вегетариански: никого не выгнали из университета и из комсомола – просто свергли с постов. Большинству это пошло на пользу – занялись физикой. Думаю, уже год спустя они так дешево не отделались бы.

И, наконец, об авторе статьи. Это был свежий выпускник журфака (1966 год) Ежелев Анатолий Степанович. В будущем – глашатай перестройки, глава ленинградского филиала «Известий». Судьба свела меня с ним в 1993 году в «Часе пик». Я не отважился сразу напомнить ему о его юношеском произведении. Было неловко. Думал, как-нибудь в другой раз, когда познакомимся поближе. Зря. Наверное, я стыдился за своего собеседника больше, чем он сам. А общение наше оказалось недолгим, но это уже другая история.

Глазами дворника

К.Э. Воеводский (студент 1967–1973 гг., кандидат технических наук, преподаватель АГ СПбГУ)

Шесть лет я был студентом Петербургского (или, если угодно, Ленинградского) университета. Потом почти всю жизнь прослужил в разных вузах и школах. Но если и оставил я след в истории отечественного образования, то случилось это в тот год, что я отработал в университете дворником.

Кажется, академик Тарле сказал, что нет такой цены, какую не заплатил бы историк за подлинный счет от прачки времен Наполеона. Но где он, этот счет? Диспозиция Аустерлицкого сражения – есть, акт отречения Наполеона – вот он, пожалуйста, а счета от прачки нет. И теперь не узнать, сколько стоило в Париже выстирать штаны во время Ста дней.

Чтобы не обделить наших потомков, как обделили нас архивисты прошлого, считаю своим долгом зафиксировать эту правдивую историю. Иной читатель спросит, есть ли у ее героев реальные прототипы. Искать их – пустое занятие! Я никого не выдумывал, и все действующие лица названы подлинными именами. Все описанные события произошли в действительности, их время и место указаны с максимально возможной точностью.

Итак... В дворники меня разжаловали из студентов. Дело было в 1968 году, и со временем доброжелательный фольклор связал это со студенческими протестами против оккупации Чехословакии. Как честный человек и добросовестный летописец, должен с сожалением эту версию опровергнуть. До августа 68-го оставалось еще полгода, причина же была в банальной студенческой пьянке. Сначала меня хотели совсем выгнать, но сжалились и перевели на вечернее отделение «с обязательным трудоустройством в ОХЭ ЛГУ (отделе хозяйственной эксплуатации) в качестве дворника». Если бы мое прегрешение имело серьезную политическую подоплеку, о подобном снисхождении нечего было бы и мечтать.

В те удивительные времена «воспитание трудом» было вообще в моде. Причем воспитательную силу приписывали труду непременно физическому и, по возможности, нудному. Не знаю, как сказалось бы на моем воспитании честное подметание тротуаров, допускаю, что благотворно. Но, прослужив дворником больше года, метлы в руках я не держал ни разу. Я был, пожалуй, дворником-теоретиком – нижней ступенькой в целой лестнице штатных бездельников, которыми был укомплектован этот самый ОХЭ.

День за днем в компании полудюжины таких же опальных студентов я маялся от безделья в прокуренном подвале, набитом какой-то ржавой дрянью. Этот вы-

нужденный досуг возглавлял и направлял наш старший товарищ по имени Коля, шуплый, но юркий коротышка лет сорока двух со сморщенным, как урючина, личиком. Был он пьяница и матерщинник, а по профессии – навечно разжалованный шофер. Не упомяну, в какой должности он официально числился, но фактическое его амплуа состояло в езде на маленьком мотовозе архаичной конструкции, а еще чаще в его починке. Поломки этой зари автомобилизма служили поводом отвергнуть начальственные предначертания, причиной же было щедрое разбазаривание «налево» запчастей и горючки.

С утра, насадив на макушку потасканную фуражку с зеленым кантиком и полустертыми следами железнодорожной символики, Коля отправлялся в обход подвластной территории. Насыщенная всевозможными НИИ и лабораториями, она сочилась казенным спиртом «для протирки оптических осей», а стакан Коля всегда носил в кармане. Оказав близлежащим научным учреждениям ряд мелких услуг и придя в хорошее расположение духа, Коля возвращался к своим питомцам для дальнейшего трудового воспитания.

Смоля «северок», он разворачивал перед нами страницы своей донжуанской биографии. Чаще других повторялась история, как Колю впервые застучала его первая жена. Рассказ вызывал жанровые ассоциации с «Песнями западных славян», так как адюльтер совершался на кладбище январской ночью.

Мне в мои девятнадцать лет казалось странным, что у таких пожилых людей могут быть эротические интересы, но для Коли они явно сохраняли актуальность. Это время от времени подтверждала его вторая жена, врываясь в нашу каморку с очередным скандалом. Она была дворником (в отличие от меня – настоящим, с метлой), но числилась рабочим какого-то там разряда. Всего дворничих было дюжины с полторы, и гнездились они в том же подвале, в соседней конуре. Эти тетki тоже сохранили интерес к вопросам любви и измены и быстро приходили на помощь своей товарке. Коля снова оснащался неизменным головным убором и переносил полемику на территорию неприятеля, причем самые острые стрелы он вонзал в главную дворницкую начальницу Людмилу. Она выделялась из всей стаи относительной молодостью и привлекательностью, а также тем, что улиц не мела, то есть была, подобно мне, дворником-теоретиком.

От нечего делать я интерпретировал этот феномен как модель диалектической спирали. Я не имел метлы в силу своей профессиональной незначительности. Выше и впереди я прозревал полноценных дворников с метлами, которыми они отрицали мою безметельность. Людмилу же отрицание метлы возносило на следующий виток – ровно над моей головой. Впрочем, по ведомости она была техником. А про спираль я читал сквозь щель в столе на экзамене по какому-то из предметов-паразитов.

– ...! ...! ...! – доносилось между тем из-за стены. Это Коля критиковал Людкино поведение.

– Под тобой не валялась! – не лезла и Люда за словом в карман.

Иногда дело доходило до «оскорбления величества». Нет, не тоталитарного режима – в такие высоты Колино негодование не воспаряло; но если Люда искала защиты чести и достоинства у руководства ОХЭ, то Коля не щадил и руководства.

Вся эта кутерьма без остатка съедала рабочий день, а на следующее утро Коле объявляли выговор. Не то чтобы выговор очень его огорчал:

– Я этот выговор ..., – за этим следовало описание сексуального надругательства с перечислением таких частей тела, существование которых у выговора едва ли можно было предположить. Но ситуация чисто эстетически требовала разрядки, так сказать, катарсиса. Поэтому Коля с чистой совестью запивал денька на два.

Еще рутину трудовых будней разнообразили редкие, но всегда экстренные указания начальства. Неписанный этикет и стихийное классовое самосознание требовали отвечать на них сдержанным ропотом и посильным саботажем. Но, честно говоря, они приносили и подсознательное облегчение: очень уж тяжким было безделье, вмененное в повседневную обязанность.

Чаще всего авралы были связаны с официальными праздниками. Горжусь тем, что дважды – накануне 1 Мая и 7 Ноября – мне довелось участвовать в повешении членов Политбюро на крутой крыше филфака. Командование такой неординарной операцией принимал на себя начальник ОХЭ. Впрочем, начальником он был в просторечии, а в штатном расписании значился как главный инженер по технике безопасности. По имени-отчеству был он Петр Федорович, но чаще его величали Менделеем. Откуда такое прозвище? Этого никто не знал. Быть может, от Менделеевской линии, протянувшейся вдоль фасада Двенадцати коллегий (Главного здания университета)? Не прямо же от Дмитрия Ивановича! (До последнего мы в нашем повествовании еще доберемся.)

Странная материя эта техника безопасности. Сколько раз при вступлении в должность я проходил длинейший инструктаж на этот предмет! Хотя каких, скажите на милость, мер безопасности должен придерживаться преподаватель математики? Не есть мела? Не бросать в студентов стулья? Тем более странно, что моя инаугурация в дворники обошлась без инструктажа. Не оттого ли, взявшись за Политбюро, я нарушил правила безопасности уже на второй минуте?

Вытащив из чулана какого-то то ли Сулова, то ли Пельше, я прислонил его к стене и пошел было за следующим, но тут-то Менделей и проявил бдительность: налетел на меня с кудахтаньем, что я совершил сразу две политические ошибки. Во-первых, поставил его (то есть Пельше-Сулова) вверх ногами (лучше сказать – плешью вниз, галстуком вверх, так как ног у него не было). Во-вторых, по какой-то известной Менделееву инструкции все такие священные символы нельзя являть народу в промежуточном, так сказать, состоянии – до того как они будут водружены в надлежащее место и в надлежащей позиции. Поэтому мне следовало повернуть портрет ликом к стене и лишь затем прислонять. Но и в таком сокровенном виде он не должен стоять вверх ногами. Я же говорил – непростая наука.

Следующего Пельше-Сулова я выволок на свет божий со всеми предосторожностями. А первый уже болтался на веревке и насупясь глядел на плывущую вниз салатную с белым стену дворца Петра II.

Еще мне запомнилась своего рода битва за урожай. Какой, возразите вы, на Васильевском острове урожай, среди асфальта и гранита! Не скажите... Во дворе вдоль Двенадцати коллегий тянулся узенький газончик, и еще в мае начались

разговоры и даже кое-какая переписка о том, чтобы скосить траву. Принимались сообразительности. Ей-богу, не вру! Перед глазами так и стоит красотка Надя – машинистка из ОХЭ. Хотя какая из нее была машинистка – при таких-то ногтях в два дюйма! Однако ее рабочее место было возле пишущей машинки, числилась же Надя зольщицей – имелся в штате такой бюрократический реликт дровяной котельной, упраздненной в незапамятные времена.

Так вот, была как-то Надя секретарем собрания (профсоюзного, что ли?) и, вооружась авторучкой, скребла своими бесподобными ногтями по протоколу. Мурашки стаями разбегались по телам трудящихся. По простоте душевной она так и записала – скосить, мол, траву.

– Произвести скашивание травы! – с нажимом трубил Менделей, заглядывая в протокол через Надино плечо. И сокрушенно крутил головой: ну как с таким народом работать – ни ступить, ни молвить не умеют.

Все лето искали косаря – в университете эта специальность была в дефиците. В августе я встретил во дворе своего однокурсника Марика Стрикмана. Он только что вернулся из стройотряда и страшно гордился, что научился там косить. Я представил его начальству, предвкушая, как этот начинающий Ландау и Лифшиц выйдет на покос, а я продекламирую ему: «Раззудись, плечо, размахнись, рука!»

Но ничего не вышло. С Мариком вежливо беседовали, пытались умозрительно оценить его квалификацию, спрашивали даже, нет ли у него своего инвентаря. На прощание просили наведываться, узнавать, «как и что». Но морды у начальства были какие-то косвенные. Я недоумевал и стал уже грешить на пятый пункт.

Позже все разъяснилось. Пожухлая трава уже готова была лечь под первый снег, когда труженики ОХЭ нудно прорабатывали в части «разное» дебелию и горюливую хохлушку – коменданта Главного здания. Оказывается, она давно уже получила гонорар и за «скашивание травы», и даже за стрижку торчащих из нее кустиков. Вкалили строгача. А мне пришлось сменить запланированный репертуар на «Только не сжата полоска одна».

Много хлопот доставило нашему брату приближавшееся 150-летие университета¹. В знаменитом коридоре Двенадцати коллегий затеяли перестилку пола, и нужно было освободить его от всего, что на нем стояло.

В торце коридора во всю стену громоздилась картина, представлявшая сдачу экзамена молодым Владимиром Ульяновым. Размеры ее были таковы, что она не висела, а стояла на полу внаклонку и даже без рамы. Не знаю, кто и когда ее написал; наверное, О. Бендер, воодушевленный триумфальной презентацией своего сеятеля облигаций.

У молодого Ульянова было одутловатое лицо идиота и пейсы на манер Добролюбова. Правым коленом он, видимо, хотел дать пинка зрителю, а напряженной правой рукой делал что-то непонятное со стулом – то ли с силой ввинчивал

---

¹ Мои молочные братья и сестры, с которыми мы минувшей осенью отметили 275-летие нашей *alma mater*! У вас, конечно, не возникнет преувеличенного представления о моем возрасте. Прошу вас, растолкуйте и другим читателям особенности нашего университетского летоисчисления.

в пол, то ли собирался завертеть его волчком. По левую руку от Ильича блаженно развалился в кресле кто-то с профессорской бородкой и в пенсне. Подразумевалось, что он кайфует от непревзойденного ответа экзаменуемого. Это напоминало диснеевскую черепаху: Белоснежка использует ее ребристый живот как стиральную доску, а черепаха жмурится и сучит ножками от сладостной щекотки.

Начать нужно было с эвакуации этой громадины, но как? Ни в какие двери она не лезла. Кулибины уселись в кружок, закурили и начали неспешную беседу, насыщенную техническими терминами:

– Ее бы, ибенть-ть-ть, на попа, скантовать, а там углом, углом да заносом с разворотом и ...

– Самого тебя за нос с разворотом! Как же ее, ибенть-ть-ть, углом ..., когда у нее, ибенть-ть-ть, углы поперек себя ...

Но тут явилось препятствие уже не технического, а, скорее, юридического свойства. Откуда ни возьмись налетела та самая хохлушка – виртуальный косарь с воплем, что она материально ответственное лицо и не позволит даже притронуться к картине. Попутно выяснилось такое занятное обстоятельство. Как всякая материальная ценность, картина имела какую-то оценочную стоимость, которая «висела» на коменданте. При деноминации 1961 года эту стоимость почему-то не разделили на десять, так что в рублях этот шедевр тянул едва ли не на Рембрандта. При всей условности цифр (ну кто бы вздумал продавать это чудо или тем более покупать) они десятикратно отягощали бремя ответственности коменданта. Словом, молодого Ульянова оставили в покое (как его потом вытащили, не знаю, наверное, сняли с подрамника) и приступили к гипсовым столпам петербургской научной школы.

Они стояли вдоль всего коридора в простенках: с одной стороны между окнами, с другой – между застекленными стеллажами с фолиантами. Первым стоял все тот же Ильич, но уже в более привычном, зрелом, обличье. За ним Петр I, потом Ломоносов, а там уж всякие чебышевы, менделеевы и прочие. Когда первых двоих отволокли в закуток рядом с коридором и поставили бок о бок, то, во-первых, обнаружилось, что Ильич на вершок выше дылды Петра. Во-вторых, стихийно образовалась неповторимая композиция (эх, был бы под рукой фотоаппарат!) – точь-в-точь памятник Шиллеру и Гете в Веймаре. Но вскоре эта пара затерялась в гипсовой толпе. Самым тяжелым (уж в этом мне поверьте!) оказался почвовед Докучаев, а самым легким – изящный Чебышев.

Под «юбилей» кое-где меняли мебель. На это нельзя было смотреть без зубовного скрежета. Из кабинета проректора по науке мы вытаскивали старый письменный стол. Что это был за стол! Да и сам кабинет! Угловой: одно окно на Неву, два – в сквер на Менделеевской линии, причем последние – арочные, с частым голландским переплетом. Петровское барокко! Стол – благородно потускневшего красного дерева. Без всяких там чрезмерных львиных морд, эклектических букетов и неуместных славянизмов – с суровыми ампирными пиками и ликторскими пучками. Столешница – палуба авианосца, покрытая чем-то вроде замши густо-вишневого цвета. За таким столом в голову сами собой лезут умные мысли. Я посидел с минуту, но минуты, видать, мало.

Взамен мы втащили в кабинет грязно-желтое с разводами чудовище из полированных опилок. Поставленное на пол, оно вяло и отрешенно колыхалось на своих анемичных ножках. К нему долго и с неизбежными профессиональными матюками прилаживали закоулок для секретарши, но в конце концов он так и застыл не в той плоскости и под беспокоящим глаз невнятным углом – не вполне прямым, но и не то чтобы откровенно отличным от прямого.

Откуда-то из недр геологического факультета выволакивали длиннющие лабораторные столы, обшарпанные, но сохранившие благородную осанку. На них стояли ящики с многопудовыми минералогическими коллекциями, и геологи строго-настрого запретили их снимать – чтоб не перепутались. Сдвинуть такой стол удавалось только вчетвером; но какова прочность! Его тащат волоком со всеми этими бульжниками, а он ни одной ножкой не дрогнет – как базальтовый монолит. И где только выращивали такую древесину (или таких столбчатых?)!

Ну вот мы и подобрались наконец-то к Дмитрию Ивановичу. В рамках подготовки к юбилейным торжествам нужно было воздвигнуть что-то временное и фанерное на «полукруге» – там, где сквер, так некстати заслоняющий фасад Двенадцати коллегий со стороны Менделеевской линии, расступается, действительно полукругом, перед главным входом. Нашу братию предупредили накануне, чтоб были как штык к девяти утра и никуда не отлучались. Коле велели починить машину, заготовить запас гвоздей и разных прочих разностей.

С утра мы дружно коптели потолок в нашей каморке. От начальства, по телефону и с нарочными, сыпались предупреждения о неукоснительной готовности. Коля матом парировал, что в таких условиях невозможно работать. Вдруг появился лично Менделей. Поскользвив пытливым взглядом по лицам, он уперся глазами в меня и позвал с собою в офис.

Так в предстоящем трудовом десанте мне была отведена особая роль. Высадившись вместе со всем личным составом на полукруге, я должен был войти затем в Главное здание, вооруженный кувалдой и ломом. Моей целью был мужской туалет на первом этаже. Это заведение, в остальном вполне ординарное, было замечательно тем, что унитазы в нем стояли не просто так. Для удобства пользователей они были как бы утоплены в облицованной кафелем приступке или пьедестале, не знаю, как и назвать.

Из уст пожилой секретарши Леонтины Леонтьевны я услышал легенду о происхождении этой архитектурной детали. В каждом почти учреждении есть такая Леонтина – хранительница преданий. Кстати, наша Леонтина, как и когитая Надя, числилась на должности зольщицы. По ее словам, один проректор (она назвала фамилию, но я не запомнил), кажется, еще до войны, сверзился с горшка и под впечатлением этого происшествия велел придать нужнику более дружественный интерфейс, чего ради и воздвигли эту злополучную приступку.

Много с тех пор утекло воды (но, как вскоре увидим, не вся), и вот явилась комиссия из санэпидстанции и нашла, что все это негигиенично. Этот вполне уже достоверный факт поведал Менделей. И к завтрашнему дню это архитектурное излишество нужно ликвидировать, что и поручается мне. Комиссия, правда, была

с полгода назад, но завтра она придет проверять. Почему-то к исполнению нужно было приступить не сразу, а дождавшись дополнительной команды.

Я присоединился к прочим героям труда, и мы продолжали дымить. Коля бегал к начальству согласовывать детали и все больше свирепел. Наконец он ворвался в подвал с отчаянным криком (мне придется процитировать дословно):

– Забирайте эти едучие гвозди, завожу машину, поехали на фиг!¹

Прошу извинения у читателя, но это так гармонировало и с целью операции, и с Колиным драндулетом!

Дальше все было просто и (рассуждая постфактум) вполне предсказуемо. Под кафелем объект моих усилий скрывал прочнейший бетон. Это бы и ладно: после многочасового безделья молодому, здоровому парню помахать кувалдой – только в радость и на пользу. Но опасное соседство хрупких фаянсовых изделий... После двух десятков глухих «бум» послышалось душераздирающее «дзиннь!». Откуда-то появилась лужа, потом озерцо.

Честно доложив начальству, я запросил дальнейших инструкций. Ожидаемого нагоняя не последовало, что, впрочем, понятно. Своим мощным, но неточным ударом я спас руководство от СЭСовских перунов. Даже Геракл не в силах был разгромить эту линию Маннергейма до конца дня; не говоря уж о приведении руин в порядок. А так – авария, обстоятельства непреодолимой силы, форс-мажор. Можно было умыть руки, и буквально, и фигурально.

Назавтра озеро в вестибюле еще держалось. Высокая комиссия не запаслась болотными сапогами, так что акт об исполнении распоряжения СЭС ей пришлось подписывать на берегу. Вестибюль перегородили и даже закрыли сквозной проход через Двенадцать коллегий с Менделеевской линии во двор. А вскоре накатила глобальная предъюбилейная реконструкция. Страждущие джентльмены протоптали новые тропинки. Но к юбилею все отремонтировали. Хлипкую фанерную дверь, через которую я ретировался от потопа, заменили красивой лакированной. Возле нее повесили табличку:

МУЗЕЙ МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАБИНЕТ Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА

В дни юбилейных торжеств ректор перерезал шелковую ленточку.

Осталось досказать то немногое, что я, каюсь, утаил для красного слова. Не то чтобы мемориальный кабинет Менделеева возник совсем из ничего на руинах разоренного мною клозета. Он существовал и раньше, но располагался в смежном помещении. Теперь же его расширили, упразднив де-юре то учреждение, которое я до этого упразднил кувалдой де-факто. Не знаю, способствовал ли я восстановлению исторической справедливости, вернув великой тени то, что было отторгнуто потомками, или, напротив, навязал ей фальшивый новодел. Хочется надеяться, что второе, так как теперь, спустя тридцать с лишним лет, таб-

---

¹ Адаптировано для барышень и священнослужителей.

личка висит на прежнем месте, а спорного помещения не существует вовсе: через него проложен новый выход во двор.

Не знаю также, где обретается теперь молодой Ульянов и сколько он стоит после всех инфляций-девальваций. А чем украшен нынче торец знаменитого коридора? Говорят, там нарисован Петр I, но, сколько ни хожу я мимо этого места, не могу запомнить, как он выглядит. По-видимому, новое произведение не столь экстравагантно, как прежнее. И то ладно.

Об учебе и учителях (40 лет спустя)

И.Е. Погодин (студент 1967–1973 гг.,
инженер... ведущий научный сотрудник НИИФ 1972–1994 гг.,
доктор физико-математических наук,
профессор ИНЖЭКОН)

*Светлой памяти Зои Васильевны Васильевой
и Натальи Эдуардовны Тимэ, с любовью учивших
родному языку*

В 60–70-е гг. прошедшего века физфак был, пожалуй, одним из самых трудных и в то же время самых интересных бастионов во всех отношениях Высшего Образования в Ленинграде. О том, что это был именно бастион, свидетельствовал, например, тот многомесячный шквал всеобщего дружного возмущения, который вызвала заказная обкомовская статья в газете «Смена» о недостатках идеологической работы на факультете. Еще раньше, при героических комсомольских секретарях В. Клейменове и Х. Шукурове, под знаменем: «Учиться коммунизму!» (в противовес бюрократии, догматизму и лицемерию) – факультет уже серьезно столкнулся с государственной репрессивной системой.

Для большинства Физика была не только модой, но Физика была также их судьбой, религией и – утратившим теперь свой смысл – призванием. Правда, и модой тоже она была, поскольку страна нуждалась в толковых физиках и инженерах, их охотно брали везде. У ленинградских физиков было при распределении по несколько мест работы на выбор. Иногородним, правда, найти работу по специальности было несколько сложнее. Всерьез «заболеть Физикой» можно было, к примеру, прочитав еще в школьные годы, причем взахлеб, романы Д.А. Гранина «Иду на грозу» или «Искатели». Физике служили семьями, поколениями, династиями, не боялись даже переехать поближе к университету, в Петергоф, и тем самым оторваться от собственно Ленинграда. Выбор именно Петергофа был сделан в романтическое время хрущевской оттепели академиками А.Д. Александровым, А.Н. Терениным и членом-корреспондентом С.Э. Фришем, единственным из троих, кому самому пришлось немало туда поездить. Даже при выделении некоторого количества квартир в Петергофе сам переезд из Ленинграда был болезненным: с заменой ректора на «варяга», с инфарктами, порой «навывает» сразу же после распоряжения о переезде «в 24 часа», с множеством увольнений.

В этом доме лет полста
Творили физику титаны,
Но ехать в дальние места
Туманные велели планы.

Закрутились колеса истории,
Не понять нам с тобою, которые
И, крутые свершив повороты,
Привели к Петергофа воротам.

Там, в Петергофе, рыли котлованы.
Въезжали физики в «гованы»,
На лес, на темный, робко глядя,
Кто на себя надеялся, а кто – «на дядю».

Люди с железными нервами,
Поехали оптики первыми.
Проклиная эпопею эту,
Ехали, как на новую планету.

Иные, поразмыслив, решили так:
«Искать работу и плевать на физфак!»
Кто поосторожней – тоже сомневались,
Но все-таки сразу уходить не решались.

А чуть попозже днем ненастным
Вдогонку оптикам несчастным,
Соблюдая графиков порядки,
Выставили физиков остатки.

И не то еще в жизни бывает –
В Ленинграде НИФИ закрывают,
А здание брэнное, вопреки логике,
Отдают людям от геологии.

Не стоит кидать на весы
Залива озон и дороги часы.
Забудем добрые привычки,
Полезем с толпой в электричку.

Хорошо, кто живет в Ульяновке,
Иные граждане – с Гражданки,
А эта девица молодая
И вовсе едет с Голодая.

У окна лысый – какая с(к)ука –
Говорит за физическую науку,
Хвалит ее всему миру
(Отвоевал в Петергофе квартиру).

Мелькают за окном какие-то поля,
Своим унынием не веселя,
Раздумий массу навевая мне
О сложной жизни и о бурном дне:

Пройдут года, сменяя ректоров,
Закон нашей жизни – ты знаешь, таков,
Но что-то скажут позже внуки
В адрес этакой науки?!

Нуждавшиеся в жилплощади выпускники чаще шли работать на крупные предприятия (Ижорский, Кировский заводы и др.), где было легче построить кооперативную квартиру, но потом все равно старались вернуться в Физику. Распределявшимся на периферию полагалось жилье как молодым специалистам бесплатно, без всяких ипотек. Десять-двадцать юношей из выпуска вынужденно попадали в офицеры на два года, однако после демобилизации могли успешно дорасти до докторов наук, к примеру Виктор Семенов; некоторые, чаще по семейным обстоятельствам, надевали форму на «25», но и в этом случае многие успешно занимались наукой и защищали диссертации. Поэтому особенно больно слышать теперь, как защищающие по-прежнему прекрасные дипломы, опустив глаза, вынуждены бормотать: «По специальности работать не буду, не смогу...»

Знать бы этим безнадежно опущенным головам, что своим сегодняшним унижением они обязаны в том числе и воспаленным головам, быть может, даже собственных родителей, которые в конце 80-х гг. в едином порыве возмущенно покинули физфаковскую лекционную аудиторию, когда их старый профессор-фронтвик П.М. Бородин, защищавший советскую власть всю войну, всего лишь поздравил студентов с очередной годовщиной этой власти.

Знать бы тем горячим головам, опьяненным иллюзорной свободой, что тогда их неокрепшие души вольно или невольно участвовали в другом развороте истории своей страны. Позади оставалась эпоха, в которой, при всех ее недостатках, в голодном Петрограде 1918–1922 гг. создавались ГОИ, ФТИ, БДТ, эпоха, в которой мальчишка с соломенной есенинской копной волос, первый грамотный в большой крестьянской семье, из незалежной теперь Украины после физфака мог одним из первых в выпуске 1971 г. стать кандидатом, а затем доктором наук. Впереди надвигалась эпоха с единственным идеалом «золотого тельца», эпоха, в которой гусеницы бульдозеров сотрут открывшие стране космическую эру ГИПХ, расчищая место тучам торгово-развлекательных комплексов, эпоха, в которой сотни тысяч лучших мозгов будут выдавлены из страны (в этом людском море песчинкой покажется знаменитый «философский пароход»), эпоха, в кото-

рой в Красную книгу попадут не только отечественная наука, но также бесплатные образование и медицина, эпоха, в которой шкурная пена новых русских эмигрантов – в отличие от эмигрантов первой волны где-нибудь в Безерте или в Европе – поспешит забыть даже родной язык...

А в те далекие теперь 60–70-е гг. большинство студентов, прошедших конкурс в три-пять человек на место, отдавались учебе с головой, были преданы Физике фанатично, искренне верили – как пелось на известный мотив «Дубинушки» – «...только в физике соль, остальное все – ноль...». Правда, вступительных экзаменов сдавали не восемь-десять, как в 40–50-е гг., а только пять (после 1967 г. и вовсе четыре – без химии). Сюда шли люди, разносторонне одаренные, практически со всего Советского Союза, из многих зарубежных стран, из семей с самыми разными доходами. Постоянно снимавший углы студент из бедной, пьющей семьи прошел службу в армии, после чего учиться было особенно трудно, к тому же оказался на семь лет старше однокурсников. Однако он самостоятельно овладел четырьмя иностранными языками, рисовал на профессиональном уровне, впоследствии защитил диссертацию и занимался своей теорией дифракции, находясь уже на пенсии, в постперестроечные времена, давно не получая за это ни копейки. Послевоенный сын вагоновожатой, никогда не знавший своего отца, мог стать высококлассным разносторонним физиком и прекрасным педагогом, для спасения которого его ученики по своей инициативе сдавали кровь. Успешный ученый, проректор университета по науке Федор Иванович Вилесов впервые увидел настоящий паровоз, когда ему пришлось ехать поступать в университет.

Владимир Васильевич Бакрылов, математик и педагог от Бога, предупреждал своих питомцев из 239-й Физико-математической школы так: «На физфак стоит идти только, если ты – по крайней мере – пол-Ландау или хотя бы четверть Эйнштейна!» Более половины выпускников физфака становились кандидатами, около 10 % – докторами наук, даже те, у кого по различным причинам не сложилось с наукой, стремились остаться хотя бы на технической работе, но при Физике. Даже ушедшие из Физики могли получить второе образование, стать хорошими юристами, журналистами, режиссерами, но при этом где-то в глубине души до конца дней жалели, что расстались с Физикой (быть может, за исключением разве что одного из вице-губернаторов города, сожалевшего, что не ушел раньше). Несколько студентов полутайком готовились в отряд космонавтов. Все эти годы и даже после переезда в Петергоф, по-видимому, вплоть до самой перестройки был нормой свет в нескольких окнах НИФИ далеко за полночь или в выходные дни. Многие аспиранты и студенты по несколько суток проводили в лабораториях, ночуя в спальниках или на раскладушках, и это считалось естественным. Шестидесятипятилетний профессор А.П. Молчанов с сотрудниками сутками напролет готовил экспедиционную аппаратуру к отправке в Гвинею и лишь по несколько часов спал в машине. За его плечами была организация без малого двух десятков только зарубежных экспедиций по наблюдению солнечных затмений. Один доцент, знавший о своем неизлечимом онкологическом заболевании, до самых последних дней превозмогал жуткие страдания и буквально ползал в НИФИ уже

в Петергофе, стремясь завершить начатый труд. Работали в прямом смысле слова на разрыв аорты, как, например, заместитель директора Ленинградского объединенного математического института (ЛОМИ) Анатолий Георгиевич Изергин. Студенты не только боялись опоздать на лекцию в Большую физическую аудиторию (БФА) старого НИФИ или в лекторий истфака, но порой буквально дрались за места в первых рядах (умещалось около трехсот человек – весь курс физфака тех времен, и никаких хождений по скрипучим лестницам во время лекции, да и двери обычно запирались). Впрочем, на публичную лекцию академика Владимира Александровича Фока, которого сам А. Эйнштейн называл «математической пушкой», в БФА набилось с полтысячи, остальные ловили звуки из-за дверей. Увлеченный задачей студент мог сесть на профессорскую шляпу. Заведующий вычислительной лабораторией Валерий Иванович Золотарев до одиннадцати вечера 31 декабря ждал, пока фанатичный студент боролся с упрямой программой на «ODRA-1204». Следует вспомнить, что до появления персональных компьютеров расчеты проводились на занимавших половину огромной комнаты вычислительных машинах, поначалу даже ламповых, под присмотром дежурных инженеров, нередко даже в пакетном режиме. Аналогами современных «флешек» служили перфокарты и бобины перфолент с пятью-восемью дорожками для отверстий (двоичных единиц). На машине «Проминь» программы набирались вручную из металлических штырьков-команд. В студенческих лабораториях встречались до-революционные арифмометры «Железный Феликс», а пользование логарифмической линейкой было нормой.

Наука наукой, но страсти в душах физиков бурлили нешуточные, да и «тормоза» бывали порой недостаточно исправны.

Действительно, все сказанное о серьезных взаимоотношениях с Физикой не мешало, к примеру, школяру проиграть в «преф» на черной лестнице старого физфака возле радиорубки свое теплое пальто и потом всю зиму проходить в свитере, закутавшись в шарф. (К счастью, жил он недалеко: на 6-й линии Васильевского острова.) Наверное, неслучайно директор НИИФ, увидевший в электричке играющих в карты студентов, требовал их отчисления с факультета.

В двухсоткилометровом походе на самодельных плотках по Уралу отвергнутый влюбленный сначала решил сброситься с гнилой триангуляционной вышки, а когда та под ним, к счастью, на небольшой высоте сломалась, – с крутого берега реки Чусовой, тоже, к счастью, (к вопросу о существовании Бога!), осыпавшегося под его ногами. В том же походе незадачливый спелеолог, знавший о пещерах разве что от Марка Твена, отправился в Пашийскую пещеру с двумя такими же первокурсниками, с бельевой веревкой и парой свечек – живыми вернулись по чистой случайности. К сожалению, один весьма достойный старшекурсник трагически сорвался с балкона дамы сердца.

После экзамена два приятеля взяли лодку у Петропавловской крепости (тогда там работала станция проката) и отправились вокруг Петроградской. (Не было тогда ни «Васьки», ни «Петроградки» в лексиконе даже молодых ленинградцев, уважавших свой любимый город. Грамотная речь всегда отличала ленинградцев: за все годы обучения, пожалуй, только у одного преподавателя иногда проска-

кивало: «отсюдова-оттудова». Вообще, к ленинградцам везде относились исключительно хорошо, с уважением – многие знали о блокаде. К примеру, в Нижнем Тагиле местные туристы подарили нашим столько самоцветов, что потом на крутом Демидовском тракте университетские туристы просто падали под тяжестью второго рюкзака с подарками – яшма, горный хрусталь, другие самородки.) Плавание «гардемаринов» по течению проблем не вызывало, но сильное встречное течение в узких пролетах под тогдашним мостом Свободы (Сампсониевский) выталкивало лодку, как скорлупку, и сломало весло. К тому же горе-гребцы промокли под внезапно хлынувшим дождем, чуть не угодили под прогулочный теплоход у «Авроры», естественно, опоздали к закрытию станции на несколько часов (вскоре ее ликвидировали из-за подобных случаев).

Первокурсница могла одна отправиться в совершенно незнакомый лес «разгонять душевную тоску», на несколько часов поставив на уши весь отряд.

Порой срезали путь, переходя Большую Неву по льду в паре сотен метров от Дворцового моста, где кроме торосов бывали трещины и промоины с тонким льдом.

В физиках 60-х было немало полудетской прямолинейности, порой наивности, чудачества, искренности и изобретательности во всем. Например, из пары безопасных лезвий со спичками между ними в общежитии можно было изготовить кипятильник. Чтобы не ослабеть физически от длительной «сидячей жизни», один из первокурсников постоянно таскал в своем портфеле пудовую гирию от общежития на Мытнинской набережной на Макарова, 6 (старый физфак), и обратно. Другой, стремясь сделать только что купленный пиджак однотонным, пинцетом вытаскивал декоративные фабричные вкрапления цветных ниток. Эффективность будильников повышали, помещая их в таз с монетами или запуская от их заводных головок заранее поставленную грампластинку. В африканской тропической экспедиции профессор А.П. Молчанов придумал способ защиты аппаратуры от пробоев и колебаний температуры, погружая приборы в машинное масло.

Много курьезов связано с экзаменами, с работой в лабораториях. В первой физической лаборатории студенты предложили однокурснице (золотой медалистке, впоследствии доктору наук), ранее в глаза не видевшей осциллограф, подсоединить один провод к ручке «яркость», а другой – к ручке «фокус», что она старательно исполнила; неудивительно, что порой можно было увидеть торчащие из розетки толстые штекеры, срезанные «вольтовой дугой» замыкания. Один – по тем временам юный нахал – вместо того, чтобы подробно изложить хитроумную схему измерения мощности в лабораторной установке, на вопрос «Как измеряется мощность?», не моргнув глазом, выпалил: «Ваттметром». Другой (явный Остап Бендер, действительно ставший впоследствии «крутым» бизнесменом криминального толка) на закономерный вопрос экзаменатора «Где вы взяли такую чушь? Кто вам лекции читал?» нагло ляпнул: «Слюсарев», которого он и в лицо не знал. После немой сцены покраснел не он, а сам деликатнейший Сергей Георгиевич Слюсарев. Еще один, поместив дифференциал переменной интегрирования не в числитель, а в знаменатель подынтегрального выражения, всерьез попытался обосновать свой поступок профессору Марии Ивановне Петрашень.

Единственная попытка автора этих строк принести «на пузе» под ремнем учебник для подстраховки на экзамен по теоретической механике чуть не привела к публичному позору. Из-за похудания за сессию брюки болтались свободно, и уже по пути от преподавательского стола с хорошей оценкой в зачетке непонадобившаяся книжка предательски поехала, угрожая оказаться на полу на глазах у всех, – пришлось поймать ее на согнутую крючком ступню и так на пятке дохромать до спасительной двери.

Физфаковские преподаватели сочетали в себе высокий профессионализм и требовательность с чувством юмора и добротой.

Долго обсуждались ответы двух преподавателей, данные физфаковской стенгазете «Голос», на вопрос «Как Вы проведете вечер, оказавшийся неожиданно свободным?» Доцент, бывший декан факультета, обаятельный, добрейшей души человек, ответил: «В филармонии». Его противоположность, профессор, еще студентом выступавший с докладом на первых послевоенных научных конференциях Ленинграда, имя которого встречалось в ссылках в учебниках крупнейших зарубежных ученых, однозначно выдал: «Пойду в лабораторию».

Пользоваться конспектами на экзаменах (было их около полусотни за все время обучения, и лишь один раз преподаватель поставил автоматом зачет по очень формализованному курсу всем, кто присутствовал на последней лекции) практически нигде не разрешалось, а для воспитания аналитического ума определенное время даже не рекомендовалось давать на лекциях графические иллюстрации. Когда единственный раз один из профессоров, читавший сложнейший курс статистической физики, стал на лекции подглядывать в свои рабочие материалы, аудитория мигом отвоевала право пользоваться конспектом на экзамене.

Доцент, позже профессор, Владимир Федорович Лазуткин искренне не мог поверить, что студенты списывают. «Зачем? Тут и так все понятно», – говорил он.

Второкурснику пришлось трижды переделывать лабораторную работу для получения необходимого значения постоянной Холла, и, возмущенная его «неудачами», преподавательница в сердцах была вынуждена поднять двадцатилетней давности паспортные архивы лабораторной установки. Там она с удивлением увидела именно представленный студентом результат, а не те, которые систематически подгоняли под справочник другие ее студенты. (Они не знали, что в установке использован другой материал и практически решали не менее трудную «обратную задачу», создавая результаты наблюдений по ожидаемому конечному ответу.) В итоге въедливая гроза всех студентов доцент Людмила Николаевна Лутченко, пораженная этим «открытием», впоследствии рекомендовала этого студента для поездки за границу, а позже для работы на кафедре после окончания университета и даже помогла ему при защите диссертации.

Тогда для заграничной поездки полагалось пройти многоуровневые «идеологические комиссии» и получить утверждение обкома партии (по сути фильтр КГБ), без объяснения причин отсеивавшего большую часть кандидатов на поездку. Можно было срезаться, например, назвав не всех членов Политбюро ЦК КПСС или из-за ошибки в числах плана выплавки стали на пятилетку. Одному сказали: «Отвеча-

ете вы правильно, но нет у вас огонька в глазах!» Рассказывали, правда, как один студент, не знавший номеров частей, освобождавших Будапешт, уверенно назвал несколько номеров телефонов своих знакомых, и комиссия ответ приняла. С другой стороны, не слышали тогда о различных мегаворах, свободно вывозивших за границу составами народное богатство, об использовании ими офшоров. Правда, дети и племянники именно членов таких комиссий позже первыми двинули за кордон на ПМЖ (постоянное место жительства).

Профессор Леонтий Нахимович Лабзовский мог на экзамене закрыться громадной газетой, а потом предупреждать: «Осторожно – переворачиваю страницу».

Измученный экзаменом и устроившийся в кресле лауреат Сталинской премии, ставший доктором еще до войны, в неполные тридцать лет, впоследствии член-корреспондент АН СССР, однажды носком ботинка указал студенту на сомнительную формулу в нижнем углу огромной доски. Мигом нашедшийся экзаменуемый задрал ногу на уровень плеча, на то место, где располагался вывод, в итоге – получил пятерку.

Бывало, что экзамен продолжался до одиннадцати часов вечера, а оценка ставилась уже у дверей забиравшего преподавателя такси.

Будущая доктор наук на третьем курсе только после удачно сданного экзамена отправилась прямо в клинику Отга и через несколько часов стала мамой.

Даже преподаватель научного атеизма мог сам рассказать «поплывшему» студенту содержание его билета, а потом сказать: «Того, что я вам рассказал, хватит для вашей тройки».

Студенту, перекроившему на свой лад уже готовую статью основателя лаборатории космического радиоизлучения А.П. Молчанова, старый профессор, всегда решавший любые спорные вопросы в пользу студентов, нисколько не удивился: «Мне нравится ваш критический ум, предлагаю вам остаться работать в лаборатории». Так решилась, а может, была предугадана Андреем Павловичем на двадцать лет вперед судьба мальчишки и двух его диссертаций. (Андрей Павлович – единственный из около тридцати учеников своего престарелого учителя – взял на работу этого обаятельного энциклопедичного человека, вынужденного содержать семью сына. Научную литературу на иностранных языках для всей лаборатории регулярно выписывал через Академию наук на собственные средства. Научно-исследовательское судно «Профессор Молчанов» носит имя отца Андрея Павловича, одного из создателей Главной геофизической обсерватории, изобретателя первого в мире радиозонда П.А. Молчанова.) Правда, был и другой случай, когда профессор кафедры оптики, впоследствии уехавший в Израиль, после экзамена проверил ящики столов, и найдя в одном из них библиотечный учебник, нашел по формуляру владельца и аннулировал уже поставленную в зачетку оценку.

Преподавательница истории КПСС задала на экзамене на редкость способному студенту Анатолию Барзаху, прекрасно знавшему историю (редкий сплав Рахметова из романа Чернышевского «Что делать?» и эрудита, вроде Анатолия Вассермана, владевшего множеством талантов, способного, например, без конспектирования, на слух, усвоить сложную лекцию), но подавшему заявление о вы-

ходе из комсомола в знак протеста против ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г., всего один вопрос о его отношении к этому событию и поставила тройку за «неправильное понимание политики партии». Только вмешательство

Ученики и коллеги профессора А.П. Молчанова: Н. Петерова (1957), И. Погодин (1973) и профессор Г.Б. Гельфрейх на Всесоюзной конференции по радиоастрономии (1974)

академика В.И. Смирнова и профессора О.А. Ладыженской спасли его от исключения из университета.

Илья Барсук, по-видимому, единственный на курсе студент, никогда не состоявший в комсомоле, приставал к преподавателю политэкономии (общественные предметы занимали до 40 % программы и в определенной степени обесценивали советские дипломы) с вопросом: «Почему, например, труды К. Вейерштрасса мы изучаем в виде кратких теорем, а работы В.И. Ленина – в полном объеме первоисточников?»

На одном из комсомольских собраний курса председательствовавший на нем студент, удивившись, что присутствовавший секретарь парткома постоянно вмешивается в ход собрания, выпалил: «Я вам не давал слова и лишаю вас его!» Разразился скандал.

В отношении физиков с партией все было не так просто и однознач-

но. Членов КПСС обязательно первыми включали во все зарубежные поездки, их присутствие в группе считалось необходимым. Однако известен случай, когда человек, в свое время вступавший в партию по убеждению, уяснив именно эту причину сделанного ему предложения, сам отказался от поездки.

Члену партии в первую очередь предоставлялось место в аспирантуре, однако принципиальное руководство кафедры – тоже коммунисты – могло отклонить такую кандидатуру за тройки в дипломе. Еще были живы те, кто вступил в партию на фронте, когда думали не о карьерных дивидендах, а о выживании и о победе. Один из них, закончивший войну в Праге, старший офицер спецкафедры, заметив, что его сын бездельничает, злоупотребляя относительной свободой научного сотрудника, и распутничает, сам через военкомат добился его призыва в Памирскую область. Помогло! Как здесь не вспомнить гоголевского Тараса Бульбу или пушкинского Гринёва.

Конечно, было и много других, в перестройку первыми рванувших в бизнес и выбившихся впоследствии даже в «отцы города» с мгновенным разворотом своей идеологической ориентации на «пи». Правда, рядовым коммунистам НИИФ такой человек мог запомниться тем, как на общем партсобрании до слез унижался, умоляя принять его в партию (ради карьеры – один из мудрых беспартийных

профессоров очень метко называл членский билет правящей, тогда коммунистической, партии хлебной карточкой), несмотря на развод, который был тогда серьезным препятствием. Десяткам тысяч ленинградцев он запомнился также тем, что его чуть ли не восемнадцатилетний сын (самостоятельно?) оказался в числе организаторов чекового инвестиционного фонда, ограбившего их в 90-е гг. (афера с ваучерами). Имена обоих попали в книгу «Кто есть кто в Петербурге» – такая, понимаешь, семейно-нравственная корреляция!

Наконец, были и третьи, кто ни дня не состоял в партии и весьма критически к ней относился, однако твердо стал на ее сторону, только пожив в новом российском капитализме.

Большинство преподавателей были достойными людьми, в глазах студентов располагавшимися где-то между все знавшими полубогами и фокусниками.

Запомнились блестящие физические демонстрации, например влияния ориентации проволок на рамке на прием поляризованного электромагнитного излучения или вязкой жидкости, капавшей в НИФИ еще со времен самого Дмитрия Ивановича Менделеева. Само упоминание о таких личностях было магическим. Трепет охватывал на радиоастрономической вышке над старым корпусом спорткафедры, за зданием Двенадцати коллегий, от осознания, что здесь проводил свои первые сеансы радиосвязи Александр Степанович Попов, а тут еще над краем крыши появлялась голова какого-нибудь альпиниста, для которого кирпичная стена служила учебным скалодромом, да и салют отсюда удавалось отлично рассмотреть.

Авторитет преподавателей был непререкаем, даже в мыслях нельзя было усомниться, что все изучаемое непременно пригодится в жизни. Лишь незначительная часть изучавшегося на факультете перечислена в незатейливой застольной песенке коллег из МИФИ, нередко бывавших на ленинградском физфаке в День физика.

Я пью за бетатроны,
За синхрофазотроны,
За плазму, чтоб устойчивой была,
За трэфу и за бубну,
За Обнинск и за Дубну,
Куда судьба мифиста занесла!

За автофазировку,
Пучка фокусировку,
За «кому», чтоб не портила пейзаж,
За Паули, за кванты,
Инжекторы, дуанты
И за константу планковскую h !

За скобки Пуассона
И за эффект Комптона,
За уравнения Максвелла в среде,

За постулаты Бора,
За правило отбора,
За термы и за множитель Ланде!

За старика Эйнштейна,
За Герлаха и Штерна
И за себя, за то, что я такой.
За наблу и Лапласа,
За деву экстра-класса,
Что навсегда смутила мой покой!

Я пью за мультиплеты,
Зачеты и билеты,
За сессию, которая как ад,
За то, над чем трудились
И Векслер, и Курчатов, –
За честный, благородный термояд!

Неудивительно, что печатавшая студенческую дипломную записку машинистка заменила по всему тексту малопонятные слова «якобиан» и «гауссиан» на более близкие «якобман» и «гауссмен».

Авторитет преподавателей складывался не только из блестящих лекций. Именно такими были, к примеру, лекции профессоров Владимира Сергеевича Булдырева, Глеба Ивановича Макарова, Никиты Алексеевича Толстого, а также непривычно свободные, полные живых дискуссий лекции и семинары по историческому и диалектическому материализму у доцента Тамары Витальевны Холостовой. Когда на февральской Ладоге пропала группа студентов, многие профессора и сотрудники на собственных машинах по зимним дорогам доставляли к берегу группы поиска из умевших стоять на лыжах добровольцев, среди которых были, в частности, и супруги-профессора Владимир Сергеевич Булдырев и Аида Андреевна Ковтун, нашедшие во льду следы несчастных.

Вызванный в обком КПСС профессор Г.И. Макаров (тогда ректор ЛГУ) ответил: «Я сейчас не могу – у меня лекция» (по тем временам неслыханная дерзость!). Его часто видели вечерами целый час плавающим без остановок в университетском бассейне или бегущим десятки километров общегородского кросса с Дворцовой площади на Выборг или Пушкин. Так что тщетно в зимнюю стужу сидевшие на лекции в пальто студенты «забывали» закрыть огромное окно на кафедре в 312-й аудитории старого физфака в надежде простудить строгого лектора, на доске отмечавшего каждую минуту студенческих опозданий вместе с фамилией, и отдохнуть от его перенасыщенных серьезной математикой лекций.

Только после войны освободили будущего профессора Георгия Андреевича Остроумова, арестованного в 37-м по печально знаменитой 58-й статье. (Поводом для ареста и ссылки в Пермь послужила адресованная коллегам по Нижегородской радиолaborатории фраза энергичного Георгия Андреевича: «Хватит дурака

валить, пора серьезно за дело браться!», истолкованная органами НКВД как призыв к подрывной деятельности.) По написанной им кандидатской диссертации оппонентом выступал будущий нобелевский лауреат академик Л.Д. Ландау, который сразу расценил ее как докторскую. Результаты «стойкого воспитания» 37-м годом прозвучали, например, в испуганном возмущении одного старого физика, поседевшего, по-видимому, еще в ту пору: «Что вы! Как можно в газету? В ней же напечатан портрет Леонида Ильича!» (Уборщица в университетской столовой-мавзолее предложила ему завернуть в газету обеды для его собаки.)

Когда к академику Владимиру Ивановичу Смирнову, автору многотомного курса высшей математики (в довоенных изданиях первых томов было два автора: В.И. Смирнов и Я.Д. Тамаркин – до эмиграции последнего из страны), пришли домой за подписью бумаги против академика А.Д. Сахарова, он выяснил, кому это надо, и, услышав «правительству надо», ответил: «Вашему правительству я ничего не подпишу», и прошлепал в домашних тапочках в глубь квартиры.

Доцент Виктор Федорович Бойцов вступился за девушку в пустой электричке, а после расправы над ним хулиганов несколько месяцев пролежал в больнице.

Ни с чем не сравнить ту школу экспериментальной физики, которую давали в учебных лабораториях, например, доценты Юрий Петрович Солоницын (позже профессор), Владимир Александрович Соловьев или прошедший фронт доцент Иван Николаевич Успенский. Отцом сотням студентов был заместитель декана фронтовик Валентин Иванович Вальков, абсолютно седой, мудрый, спокойный, простой человек, отдавший факультету много десятков лет своей жизни. «Ну что ж ты, мальчишка?..» – удрученно выговаривал он кому-нибудь за очередной неуд.

Интересно и очень полезно было на военной кафедре приобщаться к радиоэлектронике, тогда называвшейся электротехникой, логически отыскивая хитроумные неисправности в каком-нибудь блоке, подстроенные опытейшим инженером-подполковником С.Ф. Лобатым. Даже простая и, казалось, посторонняя лабораторная работа с теодолитом в первой физической впоследствии помогла одному выпускнику «выставить» радиотелескоп в далекой Африке, а другому в тяжелые перестроечные годы стать районным инженером-геодезистом («снятие» одной реперной точки для садоводов приносило 30 \$).

Было лестно, что занятия по физкультуре вел и гонял студентов бегом к Петропавловке, на старые стадионы Ленина (у Тучкова моста) и Кирова (в Приморский парк Победы) сам Ардалион Васильевич Игнатъев. Это был призер первых олимпиад с участием СССР (Хельсинки-1952, Мельбурн-1956), молодежи и студентов – 1953 (15 только золотых медалей за 1952–1959 гг.), шестнадцатикратный чемпион в беге на 400 метров, рекорд которого продержался более двадцати лет (за четырнадцать лет его рекорд улучшили всего на 0,1 секунды).

Для первокурсников, впервые выехавших на скалы в Хиитолу (Кузнечное), была неожиданной и приятной встреча там с бывалым альпинистом – доцентом, позже профессором, Д.П. Коузовым, преподававшим им математику. Сохранилась также старая фотография, на которой в том же Кузнечном запечатлены играющий на скрипке другой математик, доцент А.С. Благовещенский, тогда, по-видимому,

студент или аспирант, и легендарный ректор ЛГУ и заядлый альпинист, впоследствии академик, А.Д. Александров.

Университетской военной кафедрой долго заведовал генерал-майор Иван Павлович Кныш (орден Ленина и четыре ордена Боевого Красного Знамени), командовавший артиллерией еще в боях против войск Юденича.

Много десятилетий расписания всех занятий на факультете виртуозно составляла легендарная Галина Митрофановна Жданова, работавшая на физфаке с момента его отделения от математиков в 30-х гг. В свое время она, по легенде, всерьез волновала сердце самого В.А. Амбарцумяна, знаменитого астрофизика, звезды мирового уровня, академика, ставшего директором разгромленной в печально известном 1937 г. Пулковской обсерватории еще до своего окончания университета (диплом ему вручили на семидесятилетие).

«На первом на курсе носили галстук все...» (1968)

В «богемную сторону» отличался сын «красного графа», известного писателя А.Н. Толстого, Н.А. Толстой, знавший много языков, половину времени проводивший в командировках по линии ЮНЕСКО и на различных публичных мероприятиях. Однажды на предложение назвать пословицу, ассоциирующуюся с мелодией, наигранной им на пианино, какой-то мальчишка выпалил: «Не в свои сани не садись!» По легенде, его, пузатого барина, ходившего с дорогой массивной тростью и в галстучке-бабочке (студенты пели: «На первом на

курсе носили галстук все, но нам пример подал совсем иной Никита Алексе... Никита Алексе... Никита Алексеви́ч Толстой»), однажды остановил в старом НИФИ дремучий вахтер и потребовал пропуск, а услышав: «У меня нет пропуска, я – Толстой», заорал: «А мне хоть Толстой, хоть Толстый – покажь пропуск!» Много раз его фотографировали с дорогой сигаретой и чашечкой кофе на лекции в Большой физической аудитории под табличкой «НЕ КУРИТЬ!». Ему (?) принадлежало мнемоническое правило запоминания выражения для числа Рейнольдса: «ро-вэ-эл» равно революция, это хорошо, потому стоит в числителе, делить на «мю» равно «мюньшевики» – плохо, следовательно, в знаменателе. Правда, вместо ответа студенту, предложившему поставить перегородку в темной интерференционной зоне посередине между двумя противофазными когерентными источниками света, рассказал о жалобе одной дамы А. Эйнштейну на то, что теория относительности нарушается, когда она крутит головой перед веером вместо привычного обмахивания веером. Так звучал интеллигентный, на его взгляд, аналог ответа: «Вы баран, юноша», в котором сам он выступал в скромной роли Эйнштейна.

Истово относились на физфаке к студенческим строительным отрядам (ССО). Здесь были непонятны формулировки, долетавшие из других вузов: «поехать по разрядке» – плановые ограничения, если и бывали, то практически всегда только «сверху». Лишь после зачисления на первый курс полагалось отработать месяц «на картошке» или где-нибудь еще (в городе). Своего руководителя,

тогда молодого ассистента, впоследствии профессора, декана факультета, острые на язык первокурсники окрестили Дибитолем (Анатолий Анатолиевич Трусов). В стройотряды рвались все, сюда проходили конкурсный отбор: юноши до двух-трех человек на место, девушки по шесть-десять человек на место. География ССО охватывала всю страну (Кольский полуостров, Норильск, Сахалин, Астрахань, Ленобласть, Коми, строительство университета в Петергофе, ранее Мангышлак).

Единство пространства и времени: эта куртка побывала на студенческих стройках Ленобласти (Лужки), Сахалина (Холмск), Кольского полуострова (Ревда), Петергофа и прожила без малого полвека

Пожалуй, самыми яркими оказались впечатления о работавшем в Ленобласти ССО «Карьялайнен» (командир – А. Власов), в котором товарищеские отношения складывались на долгие годы, а энтузиазм был достоин агитплакатов («Так уж вышло, что наша мечта на плакат из палаток взята» – Н. Добронравов). К примеру, еще в детстве потерявший несколько пальцев на руке Слава Липовский страшно расстраивался, если бригадиры пытались отстранить его от плотницких работ с топором, и действительно, он научился работать на равных с другими. (Немногие знали, что дома для него было проблемой ввернуть лампочку в патрон и это делали друзья.) По возвращении в Ленинград он пригласил жить в своей старинной квартире на Серпуховской улице молодую семью товарища по отряду, причем бесплатно, что в те «совковые», дорыночные, времена было в общем-то нормальным. В свою очередь, уже в тяжелые перестроечные дни периодически работавший за границей его коллега по научным семинарам Анатолий Изергин помог Славе крупной суммой валюты на лечение, практически не имея никакой надежды на возврат денег. В заключение следует добавить, что лет через пять после преждевременного ухода их обоих из жизни родственники Славы отыскивали вдову Анатолия, чтобы вернуть долг. Порядочность и благородство в таких ленинградских семьях жили дольше самих людей.

Для получения разрешения на поездку в стройотряд приходилось обманывать медкомиссии. Трудно было близорукому, выучившему контрольную таблицу: «Ш Б М Н К...», но не видящему конца указки окулиста. Пытались доказывать врачам, что учитывать надо не худший глаз, а «средний».

Готовясь к стройотрядам, работали в Южном парке Ленина на Петергофском шоссе (юго-запад), на готовившейся тогда к открытию станции метро «Московская», на строительстве памятника защитникам Ленинграда у Средней рогатки.

Приехав квартирьерами на Кольский (Ловозеро), в первый рабочий день почувствовали непривычную усталость – оказалось, что, не имея при себе часов, не заметили, как высокое июньское полярное солнце отсчитало пять часов уже следующих суток. Были поражены красотой сахарных льдин, в июне плававших в цирках – глубоких круглых озерах между сопок.

Работали обычно по десять-двенадцать часов в день с одним-двумя выходными в месяц при питании копеек по 40 на человека в день, впрочем, кашу ели даже не мисками, а, скорее, тазиками. Однако раздача по одному бутерброду (кусочек белой булки с маслом и с сахарным песком) на нос автоматически создавала праздничное, приподнятое настроение. Для сравнения: тюремный рацион, говорят, составлял около 50 копеек, комплексный обед в университетской столовой – 40 копеек, мороженое – 7–28 копеек (задача Фихтенгольца: указать следующий член последовательности: 7, 9, 11, 13, 15, 19, 22, ... (28 – шоколадный батончик)), разовый билет в транспорте – 3–5 копеек, в некоторых городах – 6 копеек, полный месячный проездной билет – 3 рубля 60 копеек (студенческие – меньше 1 рубля), студенческая стипендия – 37 рублей 50 копеек, повышенная на кафедре радиопизики была вообще сумасшедшей – 62 рубля! В Ленобласти студенты зарабатывали 150–200 рублей за лето, на Сахалине – 400–600 рублей, молодой специалист получал 90–120 рублей, доцент – около 300 рублей, профессор – около 500 рублей в месяц; инфляции в стране практически не было. Трудно охарактеризовать экономное стройотрядовское питание лучше, чем это сделал (в адаптированном для печати варианте) приглашенный однажды к столу местный тракторист из совхоза «Краснозерный» (Ленобласть): «С такой кормежкой работать еще будешь, но больше... уже ничего не захочешь!» И тем не менее после рабочего дня ничто не могло сравниться (и помнится по сию пору!) с кружкой парного молока из «фляги» – так называл сорокалитровый бидон Евгений Моржевилов (ССО «Карьялайнен»), легко приносивший его на плече – с куском черного хлеба!

За один день собрали двухквартирный щитовой дом, а затем, обнаружив вечером несоответствие плану, в следующие сутки развернули его на «пи».

Однажды пятидесятисантиметровый выигрыш в соревновании на скорость косьбы с победителем международной олимпиады с матмеха кончился случайно перерубленными его азартной косой сапогом, портянкой и даже носком; сухожилие каким-то чудом уцелело.

Доводилось верхом, без седла, перегонять лошадь на трелевку леса за десяток километров, а потом несколько дней ходить с большим трудом, а она еще и на неопытную ногу тебе норовит наступить, счастье еще, если на рыхлом поле. Если кратко, у многих получилось по несколько дней рождения. Так, к отряду «Карь-

Позади Сахалин, а от Хабаровска до Ленинграда осталось не так уж много. Слева направо: неизвестная, И. Погодин, В. Мосяж, неизвестный (август 1970)

Строящемуся в Петергофе университету нужна надежная связь – пора кончать перекур. Слева направо: неизвестная, А. Баранец, И. Тамгорова, И. Погодин, Н. Шильдяева (июль 1971)

ялайн» было прикреплено четверо «трудновоспитуемых», не получивших реальный срок только из-за своего несовершеннолетия. Один из них ранее «испытывал» найденные им под Колпино боеприпасы военных времен на электричках и проходивших по шоссе автомобилях и в отряд сразу же притащил с проходившей неподалеку линии Маннергейма старую противотанковую мину, спрятав ее под свои нары в спальне на тридцать человек. От всех великая благодарность во время обнаружившему эту мину Жене Моржевилову, дежурившему в тот день!

На Сахалине окунулись в удивительную экзотическую природу с морскими ежами и звездами, с рыбой, которую можно было ловить руками, с фантастическими сопками на берегу Татарского пролива. Поэтому постель в 50 метрах от линии прилива по влажности мало отличалась от ванны. Для того чтобы защитить необдуманно воздвигнутый на самом берегу завод от затоплений цунами, студенты строили из бетона подпорную стенку, выдалбливая отбойниками специальные полости в аргелите (скальная порода). Однажды отбойник вскрыл полость с древней ракушкой. Интересно, что по прочности скала уступала старой японской плотине 20-х гг., которую тоже требовалось долбить. Студенты таскали шестидесятикилограммовые мешки с цементом, травились цементной пылью, отлеживались, иногда даже в больнице, и снова таскали... Экономили рабочее время, мастерком разгружая бетономешалку на ходу. При этом несколько раз студенты едва не лишились рук вместе с рукавицами, затянутыми под крыльчатку мешалки.

Спать доводилось в сутки по несколько часов – даже после тяжелого рабочего дня не устоять было перед романтикой ночных костров и гитары. Здесь порой звучали явно не современные песни, в частности романсы А. Вертинского «В бананово-лимонном Сингапуре» и другие в исполнении пятикурсника Бориса Великсона, сына довоенных реэмигрантов из Франции, который и в отряде-то оказался в тщетной надежде завоевать сердце хрупкой белокурой второкурсницы. У комиссара отряда Александра Яхнина одним из коронных номеров была песня американских летчиков «Бомбардировщики» конца 40-х гг.

Был озабочен очень
Воздушный наш народ:
К нам не вернулся ночью
С бомбежки самолет...

Один из студентов привез с собой проигрыватель с набором грампластинок классической музыки. На долгие годы отпечатались в памяти из той поры слова: «Кто мне вернет мой палаточный Братск, кто вторую найдет Ангару...», а также часто исполнявшееся на Сахалине Сашей Гнетовым и увеличивающее с годами свою актуальность: «Отбегалась, отпрыгалась, / Отпелась, отлюбилась, / Моя шальная молодость / Туманом отklubилась!»

Студенты готовили к сдаче первую очередь новых корпусов Петродворцового комплекса (еще не было платформы Университет), заново вручную прокладывали по всей территории телефонные коммуникации, оборудовали громадное резервное водохранилище (на случай нападения – было время холодной войны),

которое позже, в полуголодные перестроечные годы, было отдано сотрудникам под индивидуальные овощехранилища.

Отдельная страница студенческой жизни связана с военной кафедрой и летними военными сборами. Некоторое время они проходили в Выборге, на берегу Сайменского канала. Многие поколения физиков помнят посвященный этому событию гимн со словами собственного сочинения (быть может, Ю. Владимиров или Ю. Магаршак): «Нам ни капли, ни капли не боязно, не страшны нам ни лед, ни жара...», исполнявшийся, естественно, на мелодию «Прощания славянки». Однако и в этом испытании была своя школа. Во время марш-броска на морские стрельбы у полигона под поселком Кирилловским рядом с плетущимися под дождем изрядно промокшими студентами (сушить полагалось на себе, дабы не привлечь костром внимание «противника») лихо вышагивал прошедший всю войну, до Праги, полковник Я.Н. Пудов, не по возрасту молодцеватый и подтянутый, затянутый сверкающими ремнями. Не понимавшие причин засекречивания явно устаревших радиолокационных станций студенты спрашивали офицеров: «А что, разве у них мультивибраторы иначе работают?» На утреннем построении перед занятиями на кафедре студента, показавшегося офицеру длинноволосым, отправляли вместо уроков в парикмахерскую, а надевшего вместо пиджака какую-нибудь «буржуйскую курточку», хоть из самого Парижа, – домой, переодеваться (единообразия ради – именно так, единообразно, всем в казарме полагалось на ночь складывать галифе на табуретках). Заскучавший на изучении устава студент однажды начертал в секретной тетради: «С дуба падают листья ясеня... Ну ты и врешь, майор Беспрозванов», а тетрадь пошла на проверку... Зато эта же военная кафедра многим помогла на университетском газике бесплатно (как и всё в советские времена) научиться в системе ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту, бывший Осоавиахим) управлять автомобилем и сдать экзамен на водительские права. Приятным оазисом в этой среде были живые на ум и язык подполковники С.И. Каплуновский, а также А.А. Капун, по своей инициативе скрашивавший тягостные для глубоко гражданских мальчишек армейские будни летних сборов воскресными походами в старинный парк Монрепо.

Мы не хотим играть в войну
(Выборг, 1972)

«Как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя!»

О взрослении без розовых очков

И.Е. Погодин (студент 1967–1973 гг., инженер... ведущий научный сотрудник НИИФ 1972–1994 гг., доктор физико-математических наук, профессор ИНЖЭКОН)

В эпоху, когда печатались целые сборники: «Физики шутят», «Физики продолжают шутить» – и, выражаясь газетным языком, не утихала борьба физиков с лириками, у наших тоже были свои анекдоты и шутки, не всегда, правда, безобидные.

Как ни странно, но именно с матмеха пришли «расценки» на весовую единицу мозга различных специалистов: а) физика: 1 000 условных денежных единиц (у. д. е.); б) математика: 1 200 у. д. е., т. к. больше людей надо истребить для получения того же количества мозга; в) философа: 500 у. д. е., поскольку все равно такой мозг мало чего стоит.

Персонажи известных тогда фильмов, выражаясь современным языком, о «секс-символе» Тарзане. Тарзан, его девушка Дженни и обезьянка Чита, поступившие учиться, соответственно, в институт физкультуры, в институт культуры и на физфак, при первом же обмене впечатлениями заявляют, что они в своих вузах оказались: Тарзан – самым мужественным, Дженни – самой красивой, а Чита – самой женственной.

Ходила, наверное, уже к тому времени бородастая рекомендация организации работы физика: жене сказать, что пошел к любовнице, любовнице – что пошел к жене, а самому – бегом в лабораторию. Шутки шутками, но известны реальные сверстники-трудоголики, которые без кокетства могли впоследствии, уже на седьмом десятке лет, совершенно искренне признаться, что практически никогда не отдыхали в прямом смысле этого слова. Действительно, этот «снежный барс» (уровень альпинистского мастерства) проводил за какой-нибудь работой не только многие выходные, но даже все свои отпуска – где-либо в экспедиции или инструктором на горных восхождениях, в крайнем случае за каким-то строительством. Причем этот человек и в седобородом возрасте не имел даже медицинской карточки, а педантичных немцев однажды шокировал тем, что вместо вызова бригады профессиональных ремонтников привел в чувство сложнейший прибор с помощью отвертки и молотка.

Правда, встречались, к счастью, редко, и не физфаковские по происхождению прямые потомки Хлестакова – Бендера. В салоне «Волги» такого деятеля,

специально черного цвета – все как у госчиновников, постоянно висел китель не существующего милицейского полковника, а для создания себе авторитета перед «охмуряемым» из бумажника демонстративно ронялась специально заготовленная фотография, на которой герой был просто заснят на фоне крупного начальника, стоявшего в каком-то холле к нему чуть ли не спиной и разговаривавшего с совсем другим человеком. Действо сопровождалось словами: «Да это мы с Иван Иванычем!» (Как не вспомнить: «Мы с графом, Их Сиятельством, на „ты“ – он мне порой: „Пошел вон, дурак!“»).

По-видимому, с подачи Саши Николького гуляло выражение «пойти „кунем“», подразумевавшее характерную пружинящую походку профессора Федора Максимилиановича Куни, а также: «Что-то вы широко отвечаете» (обыгрывалась фамилия всеобщего любимца Михаила Федоровича Широхова).

Университетские физики активно сотрудничали со многими научными центрами страны и мира, в частности, даже студенты в течение ряда лет принимали участие в наблюдениях на радиотелескопе РТ-22 знаменитого ФИАН в Пушкино-на-Оке. В результате в местной стенгазете появился кроссворд с шуточным вопросом: «Три буквы, не имеющие отношения к ФИАН?» (ЛГУ).

Многие физики начиная, быть может, с будущего основателя лаборатории физики магнитосферы профессора Михаила Ивановича Пудовкина, тогда еще совсем юного, дружившего с пингвинами, участвовали даже в суровых зимовках в Антарктиде и Арктике, но и там не вымерзло их чувство юмора. Как рассказывал один из папанинцев, академик Евгений Константинович Федоров, институт которого долгие годы был одним из научных партнеров НИИФ, в ответ на требование руководства отмечать советские праздники спортивными мероприятиями в Москву полетела телеграмма: «Провели эстафету: „четыре по сто“ зпт первым пришел к финишу...» (далее следовала фамилия того, кому не по силам оказалось праздничное застолье).

Немного о работе режимных организаций

Было занятно наблюдать, как моментально сдуло всю вооруженную охрану сообщение о приезде американской делегации в наглухо закрытый Московский институт, куда и своим-то, имеющим необходимую форму секретности, пропуск на вход могли оформлять часами. При недостатке времени на подобное оформление на научный семинар в ФИАН однажды удалось на бегу артистично изобразить уверенное «доставание» (отсутствовавшего) пропуска из внутреннего кармана, зато неприятности ожидали уже при выходе из института, когда обнаружилось его отсутствие.

Когда при сдаче диссертационных документов в ВАК обнаружилась необходимость срочно перепечатать какую-то бумажку в чужой Москве лютой зимой 1978 г. и взгляд случайно упал на институт Склифосовского, местная машинистка на первом этаже вестибюля потребовала сначала получить разрешение на печатание у какого-то Иван Иваныча. Так как ни времени, ни шансов на получение оно не было, пришлось рискнуть и через две минуты, проведенные в коридоре,

уверенно заявить девушке о получении необходимого разрешения, а потом взглядом гипнотизировать дверь, чтобы она – не дай бог – не впустила этого Иван Иваныча.

Об авторитетах и самостоятельности

Гуляла тогда известная ритмовая песенка со словами: «Шагают бараны в ряд / И бьют барабаны... / А кожу для них дают / Сами бараны!» А вот как выглядело слепое стадное повиновение на плоскогорье возле Нурекской ГЭС: пыльный пазик едва ползет по некоему подобию дороги, которую на совершенно открытой ровной площадке пытается перейти большая отара овец; вожак спокойно переходит в полусотне метров перед автобусом, за ним тянется цепочка овец, которым со временем уже приходится догонять машину, чтобы обогнуть ее непременно спереди. В итоге, вместо того чтобы свободно пройти через дорогу десяток метров напрямую, но в нарушение примера «вождя» позади уже ушедшего далеко вперед автобуса, бедные животные во что бы то ни стало стремились, спотыкаясь, догнать автобус и пересечь дорогу перед ним, затем вернуться вдоль дороги практически назад! Подобный сюжет наблюдался в гвинейской квартире на первом этаже блочного дома, которую по биологическому гону по прямой пересекало полчище термитов. Возмущенные не очень приятными гостями хозяева поливают их узенькую тропку крутым кипятком, но ни один термит даже не пытается чуть сместиться в безопасную сторону и идти параллельно – только след в след за предшественником! Пригодилось бы Ивану Андреевичу Крылову для его поучительных басен, да и вчерашним студентам было бы полезно.

Общепризнанным контрацептивом справедливо считалась зарплата мэнаэса. Неудивительно поэтому, что, к примеру, даже талантливый сверстник-математик, в 26 лет в мае защитивший докторскую диссертацию и сразу же официально попавший в число выдающихся математиков мира за решение одной из проблем Гильберта, в июне того же года вынужден был поехать на стройку, чтобы достойно содержать семью. В то же время с не имевших детей замужних женщин и со всех совершеннолетних мужчин удерживался специальный налог на бездетность.

Несмотря на то что семейных студентов, особенно на первых курсах, было очень мало, существовала и переписывалась от руки в специальные тетради колыбельная со словами: «Спи, моя хорошая, вот вырастешь большой – на физфак поступишь, как и папа твой, так же, как и папа твой, ночь не будешь спать, если тебе завтра физику сдавать».

Многим действительно хотелось видеть своих детей физиками.

Прямо или косвенно, физфак, а также ставший в жизни многих его правопреемником НИФИ (позже НИИ Физики, однофамильцем которого был НИИ Фанеры на Обводном канале, напротив автовокзала) непосредственно через тесное общение с коллегами, а также через множество различных командировок давали школу взросления, этики человеческих взаимоотношений, неприукрашенной жиз-

ни и истории страны «изнутри», где, выражаясь по Д.А. Гранину, «слово „поле“ имело изначальный смысл».

Как и все люди, профессора, оказывается, тоже могли проявлять себя по-разному – как шутили друзья-биологи: «Одни были по китам, другие – по котам».

Один, несомненно, талантливый, но обуреваемый манией собственного величия, чтобы стать первым в списке авторов коллективной монографии, воспользовался длинным летним отпуском и просто исключил сотрудника с «более ранней» по алфавиту фамилией. «Исключенный» особо скандалить не стал, несмотря на то что честно прошел пехотным лейтенантом всю войну на восьми фронтах и участвовал в кровопролитных боях, штурмуя четыре плацдарма, в том числе Сандомирский (вспоминается фронтовик – артист Г. Стриженов – из к/ф «Гараж»).

Другой, по-видимому, считая себя ответственным за все, происходящее на его кафедре, неизменно, пренебрегая алфавитом, присутствовал первым практически во всех публикациях сотрудников. Правда, своим громким именем он также мог облегчить им публикацию – прежде всего собственным детям, поразительно быстро взлетевшим на самую вершину научного олимпа. К слову, одного профессора из ИЗМИ РАН не приняли в члены-корреспонденты АН СССР только потому, что посчитали подозрительным его авторство чуть ли не в сотне публикаций за год.

Однако третий, не признававший другого порядка авторов публикаций, кроме алфавитного, порой, прочитав работу, подправив ее и посчитав свой вклад недостаточно существенным, без кокетства собственноручно вычеркивал свою фамилию. Так он помогал сотрудникам проявить свою индивидуальность и увеличить долю их авторства в работе. Характерно, что этот человек, потомственный ученый с мировым именем, обращался по имени-отчеству даже к очень молодым сотрудникам и нисколько не стеснялся того, что из расстегнувшегося воротника его рубашки был виден номерок прачечной, а кепка и пальто не сильно уступали ему по возрасту.

Одного из разработчиков языка программирования «АЛГОЛ» – члена-корреспондента Академии наук С.С. Лаврова, читавшего днем лекции, вечерами можно было увидеть на ЭВМ ODRA-1204, где он получал время для работы по общему графику, наравне со студентами.

Однажды в ИЗМИ РАН на сцену зала, где ожидалось выступление академика из Москвы Р.З. Сагдеева, задерживавшегося в 40 километрах, как-то незаметно вышел какой-то рыжеватый, в пестром пиджаке и модном галстуке, человек лет сорока, молодой для академика даже на взгляд постстуденческой, никогда не видевшей его аудитории (должно быть, местный электрик, докладчик позже придет?), и молча начал в течение нескольких минут раскручивать стойку с микрофоном; после этого знаменитый плазменщик так же плавно перешел к лекции. Это потом он, эмигрировав в Штаты и женившись на внучке экс-президента Эйзенхауэра, начнет поносить Советскую страну, а тогда он покорила аудиторию.

В Дубне питался за соседним столом общей столовки и сам водил пеструю экскурсию по институту, сильно прихрамывая на раненную еще на фронте ногу,

один из основателей советской ядерной физики (знаменитые довоенные работы с Петржаком) академик Г.Н. Флеров; это его имя включено в менделеевскую таблицу, это он, уже в возрасте далеко за семьдесят, в тяжелые перестроечные годы спас от сокращения едва ли не пол-института, предложив использовать бомбардировку пучками ускоренных частиц обычной полиэтиленовой пленки, чтобы получать из нее мембранные фильтры для опреснения воды.

К подлинной истории страны можно было приобщиться по воспоминаниям живших и работавших рядом институтских старожилов.

В 20-х гг. члены всех небольшевистских фракций вдруг дружно переселились из университета на Соловки.

Один кадровик из НИФИ очень преклонного возраста, в прошлом однокурсник А.Н. Косыгина по Ленинградскому текстильному институту, по комсомольскому набору на всю жизнь ушедший в органы НКВД, как-то, расслабившись, вспоминал сладостные времена, когда во время коллективизации в Крыму он был «хозяином жизни», не знавшим меры ни в безропотных девочках, ни в прекрасных винах.

Даже в 30-е гг. поступлению в университет могло помешать «происхождение», например, будущего члена-корреспондента Академии наук в течение нескольких лет не принимали в университет только потому, что его отец был всего лишь мастером на Ижорском заводе. Неслучайно в эстрадном номере тех лет великовозрастный детина жалобно причитал: «Дайте мне за все червонцы папу от станка!» Впрочем, даже в 60-е гг. деканат во имя статистики порой более бережно относился к студентам с «правильным» социальным происхождением. То же еще резче проявлялось при приеме в партию.

Многие помнили, как в трагическом 1937 г. физики потеряли едва ли не самых лучших: Бурсиана, Круткова, Лукирского, Фредерикса (дядя последнего был бароном и членом Временного правительства), причем на допросах их, молодых сотрудников, следователь с несколькими классами образования за плечами мог, например, спросить: а умный ли такой-то профессор? Тучи сгущались даже над головой будущего академика В.А. Фока за немецкие крови в его родословной, и только глухота как-то спасла его.

Еще раз о папанинцах, в спасении которых на историческом ледоколе «Красин», попутно перегонявшемся на Дальний Восток, участвовал Анатолий Александрович Тудоровский, обеспечивавший радиосвязь с находившимся на льдине Эрнестом Теодоровичем Кренкелем. Из легендарной четверки героев-полярников только Кренкель осмелился отказаться принять дарованное Сталиным звание академика, сославшись на недостаток образования. К слову, на одном из кремлевских приемов Сталин попросил известного в то время пародиста и рассказчика Ираклия Луарсабовича Андроникова (немного изменившего фамилию для «благозвучия» и уменьшения путаницы с не менее знаменитым родным братом, ленинградским физиком академиком Андроникашвили) изобразить и его, Сталина. В ответ услышал от пародиста, мгновенно принявшего точно соответствующую вождю позу, характерно скопированное: «Нэ смэю».

Один из тогда еще молодых радиоинженеров, принимавших участие в пробных стендовых испытаниях первой отечественной радиолокационной станции «Редут» на заводе им. Н.Г. Козицкого, вспоминал, что в сентябре 1941 г. они увидели на экране появление мощного засвета целей, как позже оказалось, от армады немецких самолетов, шедших бомбить печально знаменитые Бадаевские склады с большим количеством продовольствия для всего Ленинграда. (В блокаду люди соскребали там землю, пропитанную расплавившимся при пожаре сахаром.) Однако во избежание по законам военного времени жестокого наказания за паникерство сообщить об этом системе ПВО инженеры не рискнули...

О самой войне пережившие ее говорили мало. Пожалуй, лишь от воспитанника фотокружка Ленинградского Дворца пионеров в Аничковом дворце В.И. Сереброва, призванного во фронтовую фоторазведку в 1943 г. восемнадцатилетним мальчишкой, доводилось слышать о далеко не парадной стороне тех страшных лет: как застрелил он своего первого немца, бывшего парикмахера, случайно заглянувшего в подвал, откуда В.И. вел наблюдения; как с воплями «Мукхи!» сдавались в плен гитлеровские солдаты, меньше боявшиеся советской пули, чем полчищ лесных комаров; как урывками спали по несколько человек на дне окопа, пока дежурный вычерпывал из него непрерывно поступающую воду; как он регулярно фотографировал передний край вражеской обороны, включая положение каких-нибудь вил в незаметном стоге сена за линией фронта – условном передатчике информации; как дал ошибочные данные для артиллерийской стрельбы с координатами штаба своего полка, за что его, как предателя, ждал расстрел (родителям уже отправили похоронку), и лишь какой-то лейтенант в последний момент случайно спас мальчишку, сообразив, что горе-разведчик перепутал при расчетах синус с косинусом – весьма поучительная история для разгильдяистых студентов!

Имевший, таким образом, в своей жизни фактически несколько дней рождения, он, задолго до горбачевских гласности и перестройки, частенько шокировал окружающих весьма вольнодумными для тех лет высказываниями, включая нелицеприятные сравнения с Западом. В итоге один из фанатичных молодых коммунистов предложил партийным органам не рекомендовать Сереброва для участия в заграничной командировке. Сделано это было открыто и совершенно искренне, но проливалось некоторый свет на один из механизмов возникновения трагического тридцать седьмого года.

Задиристый В.И. Серебров и в мирной жизни умудрялся попадать в щекотливые ситуации. Например, однажды, случайно направив на горизонт радиоастрономическую антенну, напоролся на место первых захоронений отходов атомной электростанции, что за десять лет до Чернобыля было не принято афишировать.

Бывший фронтовой фоторазведчик и после войны был верен своим привычкам: до своих последних дней перемещался только на велосипеде в любую погоду и на любые расстояния, а в собственном портфеле оборудовал скрытую фотокамеру для весьма неожиданных кадров, в нужный момент незаметно нажимая на спуск в ручке портфеля.

Профессор А.П. Молчанов, случайно уцелевший при аварии севшего на «брюхо» на картофельное поле самолета (нервные тики остались у него на всю

жизнь), вспоминал и комичные эпизоды военных лет, причем «физические». В ледяном цеху военного завода хоть для какого-то обогрева рабочие пустили ток по натянутой над головами проволоке. Проверяющему пожарнику стало жарко из-за «Ленца – Джоуля», и он набросил свой шарф на эту проволоку, мгновенно получив в руки две его половинки.

К реальной, неофициозной, политической жизни страны тех лет за стенами лабораторий и к предвестникам ее будущих крутых поворотов приближали многочисленные научные командировки по всему Союзу еще задолго до его разрушения, а также за его пределы.

Церкви в 60-е гг. уже практически не взрывали, зато однажды для того, чтобы отвлечь молодежь от пасхального крестного хода, только в эту ночь на всех экранах города пустили широко разрекламированную чехословацкую пародию на американский боевик «Лимонадный Джо» («чтобы в муху метко бить, надо „кололоку“ пить» – явно подразумевалась кока-кола).

С большим трудом удалось избежать крупного мордобоя только за сам факт разговора по-русски в 1971 г. на одной из улиц Варшавы (пришлось перейти на английский), а в 1976 г. и в ресторане Риги (а вот для группы из десяти лейпцигских студентов поздним летним вечером того же 1971 г. громкий немецкий возле ДК Кирова на Васильевском и вовсе обернулся едва ли не Сталинградом...); в 1982 г. какой-то таллинец, как в известном анекдоте: «Далеко ли до Таллина?» – «Та-а-а, теперь уже талеко-о-о», – старательно усадил командированных ленинградцев в трамвай, идущий в направлении, противоположном испрошенному. Стоило ли уже в 2010-м удивляться тому, что опытный экскурсовод решила повести по Амстердаму шокированную русскоязычную группу туристов под... эстонским флажком. Однако, с другой стороны, нельзя не признать, что все это была совсем иная, закордонная, культура и касалось это не только каких-нибудь экзотических парикмахерских для собак или мытья тротуара с шампунем, но и более глубоких проявлений.

Например, только в Прибалтике брала оторопь, когда какой-нибудь сверхвежливый водитель не просто пропускал пешехода, а, видя его непонятливость, выходил из кабины и жестами просил перейти дорогу. Литовцы искренне считали, что человек, в одежде которого присутствует более трех цветов, должен обратиться к психиатру. На абсолютно пустой ночной улочке Будапешта, на которой и днем-то редко появлялись машины, встречались горожане, ожидавшие непременно зеленого сигнала светофора. В датском Эсбьерге НИС «Профессор Зубов» за 15 минут пришвартовали два человека и сразу же уехали на автомобиле, а в родном Ленинграде этим занимались шесть человек, после чего устроили безразмерный перекур на причале. И совсем уж непонятное для «широкой русской души», когда в группе немцы платили каждый за себя не только в транспорте, но даже с приглашенной в ресторан дамой, отдавали пфенниги за (крайне редко) «стреляемую» у кого-либо сигарету. Правда, определенный моральный реванш

испытывался, когда, например, супервоспитанные японцы несколько раз проявляли особые симпатии к русским, говорившим по-английски с сильным акцентом (этого многие даже не знали), в заметный противовес присутствовавшим тут же иностранцам с безукоризненным (родным) английским.

Улицы Ашхабада в 80-х гг. на каждом шагу уже дружно пестрели табличками «Продается дом» мечтавших вернуться на «Большую землю»... Несколько позже, уже в Петербурге, стали появляться объявления наподобие «Куплю дачу»... Зато в те же 80-е радушие хозяев конференций в Тбилиси и в Шемахе (откуда была родом сказочная пушкинская царица) не имело аналогов.

На площади перед аэровокзалом в Душанбе, служившим перевалочным пунктом, местные блюстители порядка, быть может, для профилактики засветили пленку в висевшем на боку зачехленном фотоаппарате – так дышала Афганская война 80-х даже на тех, кого, по счастью, она не коснулась непосредственно.

Вовсю бушевала война холодная, порой с немалыми перегибами с обеих сторон (не случайно в не имевшем мощного пояса ПВО Ленинграде большинство станций метро 60–70-х гг. – синяя и зеленая ветки – имели одиночно располагавшиеся вестибюли со сферическими сводами крыш; в первую очередь строились только радиальные ветки; на картах города преднамеренно искажались расстояния; ограничивалась высотность зданий; по правилам строительства предполагалось иметь подземный выход длиной в треть высоты здания; на занятиях по гражданской обороне школьники шили белые маски на случай радиоактивного заражения и т. п.).

Однако, действительно, нельзя назвать приятными ощущения университетских физиков, изучавших Солнце на гражданском научно-исследовательском судне «Профессор Зубов» в 1982 г., когда при его выходе из Балтики в Атлантику через Бельтские проливы на высоте нескольких десятков метров над палубой боевые самолеты НАТО с ужасающим ревом проводили учебную атаку, заходя со стороны солнца, а позже в открытом океане судно частенько сопровождали на расстоянии натовские корабли гринписовского патруля.

Получившего на университетский адрес (домашний использовать не рекомендовалось) письмо «из-за бугра» могли пригласить в Первый отдел и попросить вслух прочесть его перевод, отдавали уже со штампом проверки. В итоге в доинтернетовские времена закордонная почта ходила никак не меньше месяца в любую сторону, а экспресс-почта могла обойтись в сумму, сравнимую с месячной зарплатой; привозимых же из-за границы предков современных мобильников пограничники отбирали прямо на границе как средства шпионской связи.

Приглашение иностранного ученого требовало детального обоснования для включения в план университета (или даже всего министерства) только на следующий год, утверждавшийся и в большинстве случаев терявшийся в Москве; сам прием и размещение все-таки прорвавшегося (самостоятельно) в Союз иностранца были отдельной большой головной болью...

Тем не менее, к примеру, на улицах экваториального Конакри всех советских специалистов гвинеяцы радостно приветствовали по-русски: «Юра, давай работать!» У местного населения советские люди (почему-то Юры) устойчиво ассоциировались с большой помощью в строительстве самых разнообразных сторон жизни стран третьего мира. (Пройдет, к сожалению, немного лет, и получившие свободу выезда русские Наташи у турецких мужчин будут вызывать другие ассоциации, но это уже совсем другая история.)

В той же Гвинее в начале 80-х было занятно наблюдать, как зарождаются чувство частной собственности и коррупция. При ужасающей безработице (45 % мужчин!) местное население стремилось не столько обеспечить, сколько занять себя какой-нибудь псевдокоммерцией: дети в учебное время бродили по полосе океанского отлива, собирая любую белковую массу, старались влезть в кадр, чтобы потом потребовать вознаграждение, четырех-, пятилетние предлагали поднести тяжести на голове, мужчины, целыми днями лежа в гамаке из двух веревок, «торговали» ржавыми гвоздями или консервными банками, выдавая их за посуду.

Укрывший при разгрузке мешок сахара гвинеец сначала убегал от полицейского, но, пробежав с ним сотню-другую метров, уже начинал чувствовать мешок собственным и вступал в драку с преследующим полицейским.

Родной брат Алика Аббасова, аспиранта шефа, погиб на острове Даманском во время советско-китайского конфликта в 1968 г. Именем героя назвали в Азербайджане улицу, а его семье правительство постановило выделить квартиру. После того как долго вымогавший взятку местный чиновник уже был вынужден в кабинете секретаря райкома партии отдать Аббасовым ключи от квартиры, потом в темном коридоре он все-таки пристал к Алику: «Ну ладно, давай хоть половиною!» Чем не предшественник гвинеянского грузчика, опередивший его на 15 лет!

Первое французское слово «кадо» (подарок) на гвинеянской земле прозвучало прямо у трапа самолета из уст местной таможенницы, открыто угрожавшей в противном случае «перелопатить» весь багаж, – удовлетворилась, к счастью, оставшейся от завтрака булочкой. Штатный местный крановщик, разгружавший в Конакри ящики с подаренным Союзом оборудованием, требовал у наших: «А что получу я?» («кадо») – «Так это же все вам!» – «Нет, что достанется мне лично?» Даже выпускники местного университета мечтали о работе в министерских структурах, по-видимому, рассчитывая на большие «кадо», – есть в этом что-то теперь хорошо знакомое...

После практически одновременной разгрузки двух танкеров из Союза и из Франции наши распределили горючее по социальным объектам (школы, больницы и т. д.), а французы продали посредникам для дальнейших перепродаж, и, как ни удивительно это было тогда для физиков из социалистического Ленинграда, симпатии многих в итоге оказались на стороне французов.

Наоборот, профессор Георгий Андреевич Остроумов учил молодых сотрудников рационально строить научные доклады, выделяя главное, не жадничая на второстепенных мелочах, на примере ловли мартышек, схвативших в узкогорлом тяжелом кувшине слишком много в прямом смысле пленительных орехов.

В то же время гвинейский профессор проректор университета Конакри Н. Магассуба, из бедной многодетной семьи, проучившийся по пять – семь лет во Франции и в Союзе, т. е. познавший обе системы изнутри, а не из средств какой-либо пропаганды, стал в итоге убежденным сторонником социалистической системы.

В радушной Японии, где только в путевом дневнике появилось описание более шестидесяти удивительных местных чудес света, никто из десятка дипломированных научных работников одной лаборатории обсерватории Нобеяма даже не слышал ни имени А.С. Попова (только Маркони!), ни о существовании формулы Кардано для корней кубических уравнений – образование глубокое, но очень узкое, в противоположность России тех лет. Зато не хуже китайцев схватывали все на лету, малевичский «Черный квадрат» стал прямоугольной открыткой с надписью Токуо Tonight. К «чудесам света» можно отнести, к примеру: безразмерный рабочий день в обсерватории (обычно где-то с полдевятого утра до десяти-двенадцати часов вечера), тщетные попытки администрации в течение года перейти на пятидневку, последовательно закрывая по субботам столовую, детский сад и т. п., погоню хозяйки магазина за рассеянным русским велосипедистом, оставившим в ее магазине бумажник с месячной зарплатой, отсутствие потребности (и возможности) заверять подписи, а часто просто личные штампики на документах и многое другое в таком же роде.

В той же, казалось бы, успешной Японии начала 90-х довелось видеть аналог «молочных рек» мирового кризиса 30-х, когда для поддержания уровня цен по экономическим законам рынка в огромную яму закапывалась, к примеру, уже собранная с полей капуста. Даже имевшие высшее образование жены руководителей обсерватории, по несколько лет ожидавшие места какой-нибудь медсестры за 40 километров от места жительства, с нескрываемой завистью говорили о том, что советские женщины были обеспечены работой. Впрочем, все это не мешало именно японцам, фантастически поднявшим свою страну из руин, во всем, на всех уровнях начиная с детского сада, максимально культивировать коллективизм и патриотизм в объеме, никак не уступавшем Союзу 60–70-х, строившему социализм.

Без излишнего пафоса такие моменты все-таки позволяли в определенной степени гордиться своим паспортом и не чувствовать себя экономическим эмигрантом из страны с неприлично далекими номерами в различных рейтинговых списках.

Моя *Alma mater* жила на набережной Макарова

В.А. Янковский (студент 1965–1974 гг.,
кандидат физико-математических наук, доцент кафедры
физики атмосферы физического факультета СПбГУ)

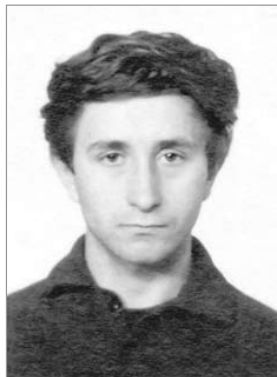
*Посвящается моим друзьям со студенческих лет:
Саше Глебовскому, Ольге Зарубиной, Борису Кюннеру,
Игорю Александрову, Андрею Раеву и всем истинным
физфаковцам*

Вступление

Автобус остановился около Адмиралтейства, и всех попросили выйти. Толпа, в основном это были студенты, потянулась через Дворцовый мост. Косой дождь шел не переставая. Я свернул на набережную и вдруг увидел волны, бегущие в сторону Менделеевской. Прохода к университету нет. Свернул на Таможенный переулок и мимо института Отта пришел на физфак. Во дворе отчаянно выли собаки, изувеченные павловскими садистами. При входе нас сразу отослали в подвал задраивать форточки и выносить, выносить, выносить... Нужна физическая сила. **НАВОДНЕНИЕ!** 18 октября 1967 года. Сначала несли мелочь: осциллографы, самописцы, монохроматоры, стеклянные установки, что-то из нашего любимого буфета и прочее. Пришла команда: делать слезы по лестничным маршам из подвала на главный физфаковский бельэтаж. На роликах два десятка сотрудников и студентов кадили по подвалу огромный токарный станок. Через два часа адскими усилиями всех эта махина преодолела два марша. К часу дня мы были на полпути к цели. Команда «Отбой!» застала станочек на правом непреодолимом повороте лестницы. Не чуя ног, почти без сознания я побрел домой. Наверное, сахар ушел из организма. Станок возвращали на свое место до поздней ночи. Второй раз в жизни я столкнулся с невосковой стихией.

Первый раз я встретил ее 15 октября 1955 года. Жил я тогда по адресу Мойка, 14 (или Желябова, 5, если угодно). Вода покрывала набережную почти от Капеллы и до Большого Конюшенного моста. Из воды с намеком на потоп выглядывали решетки набережной Мойки. Потом я узнал, что это было четвертое по величине наводнение в Петербурге за все времена (293 см выше ординара). В 1960 году мы переехали в Невский район.

Из обычной окраинной школы на Троицком поле я попадаю в феноменально сильную группу студентов: Володя Мостепаненко, Женя Друкарев, Володя Капустин, Миша Тендлер, Дима Абрамов и еще 20 суперов. Семинар по физике ведет В.С. Рудаков и читает условие задачи, а группа (кроме меня!) хором кричит: «Знаем! Эта задачу решали в школе, вот ответ! Давайте следующую». Я в отчаянии. Или знаменитый англичанин – любитель Большого зала Филармонии. Сдаешь текст. Выгон следует сразу. Вдогодку дано задание – учить произношение определенного артикля. С математикой гораздо легче: по совету Михаила Федоровича Широхова никогда не расстаемся с любимым трехтомником Фихтенгольца. Борис Сергеевич Павлов феерит на линейной алгебре. Все виртуозно и непонятно, но завораживает и студентов, и студенток. Холостова Тамара Витальевна открывает очарование игр разума титанов Серебряного века, безмолвных сорока лет ВОР и тающих проталин «оттепели». Чудесный расслабляющий сон-забытье в затемненном Эрмитажном театре с 19 до 21 часа после четырех-пяти пар на факультете. Годовой абонемент на лекции по истории искусства стоил для студентов, кажется, 1 рубль 50 копеек. Тихая музыка и зачаровывающий голос профессора Нины Николаевны Калитиной были едва слышны, а на сцене, вдали, проплывали слайды с картинами импрессионистов, романтиков: Рафаэля, Кривелли, Риберы, Гейнсборо, Гойи... Гойи... Гойи. И никаких соцреалистов!

В. Янковский (1970)

Повальное увлечение фантастикой. Оранжево-синий супер «Марсианских хроник» между вакуумметром и стрелочным вольтметром. Володя Мостепаненко спасает от депрессии, приведя на секцию фантастики в Дом писателей, которую ведет сам Стругацкий. Театр Товстоногова, «Идиот», байдарочные походы и влюбленности до последней грани, День физика и гениальный замдекана Валентин Иванович Вальков.

На третьем курсе у меня обнаруживают туберкулез легких. Отчисление. Три года больниц и санаториев. Все кончается хорошо – восстановлен! Но я пришел на другой физфак. Моя группа уже завершает учебу. Ощущение неприкаянности. С секретарем комитета комсомола физфака Борей Кюннером знакомимся на почве любви к театру, запрещенному кино и дискуссий о самоуправлении студентов. Он втягивает меня в работу академсоветов; сначала факультета, потом всего университета. Мы – гремим. Окончил кафедру атмосферы в 1974 году, где до сих пор занимаюсь фотохимией верхней атмосферы в пожизненной ссылке в Старый Петергоф. Последнее прости старому физфаку отдаю в тот год, когда запылила БАН. Со студентами курируемой мной группы мы ездили разбирать обожженные и окропленные той же самой невской водой груды книг во дворе между библиотекой и *Alma mater* на набережной Макарова.

Я перенес еще одну вселенскую катастрофу, равную по силе всем виденным наводнениям и пожарам, – переезд в НИИФ Старого Петергофа. Восстановление

лабораторных установок (тлеющий газовый разряд в кислороде, спектральный анализ, зонды, кинетика и моделирование механизмов свечения запрещенных переходов кислорода в плазме и в атмосфере) отняло три лучших года жизни.

Конец 60-х. День физика на старом физфаке

Пятница – ученый совет в БФА (старый НИИФ), на который раз в году приглашались студенты. Там были шуточные доклады профессоров. Вспоминаются выступления Друкарева, Павлова. Тезисы докладов публиковались заранее в общефакультетской стенной газете «Голос», которая, кстати, отражала не только официоз (комитет ВЛКСМ физфака), но публиковала литературные и искусствоведческие исследования и эксперименты студентов. Временами отдельные выпуски газеты достигали длины десяти и более метров и извивались вокруг лестничного пролета первого и второго этажа старого физфака. Однако настоящий праздник был лишь в субботу. В полдень выбор Мисс физики. Церемония происходила в актовом зале университета. Процедура была довольно простой и занимала чуть более получаса: проход претендентки по сцене, несколько вопросов, в том числе по физике, и все! Главный критерий все равно один: мисс нашего физфака должна быть обаятельной и привлекательной.

Далее происходили два «ритуальных» мероприятия. Одно из них – совместное с преподавателями распитие бочки пива в буфете в подвале старого физфака, сопровождавшееся пением наших традиционных песен начиная с «На Менделеевской открылась пивная...». Этот певческий праздник посещали и стар и млад. Неоднократно на нем бывал, к примеру, ректор ЛГУ Александр Данилович Александров.

А венцом Дня физика было исполнение фирменного физфаковского капустника, причем из года в год содержание его менялось незначительно, добавлялись лишь реалии прошедшего года. Исполняли его как ветераны, так и новенькие физики. Программа начиналась с выступления декана и некоторых официальных лиц, и все действие посвящалось мисс физике. Под этот праздник факультет арендовал какой-нибудь зал на Васильевском острове. Я, например, был пару раз в Дзержинке (военном училище). Билеты достать младшекурсникам было довольно сложно, так как одновременно это был и вечер встречи выпускников физфака разных лет. Все завершилось почти настоящим балом, на который по традиции приглашались студентки филфака и химфака.

Начало 70-х. Переезд в Петергоф

Переезд физического факультета происходил долго и мучительно. Сначала (около 1969 года) у физиков появилось общежитие № 7 в Старом Петергофе, спустя два года была сдана первая очередь физфака. Началось медленное выдвливание физиков в Петергоф, которое завершилось окончательным переездом всех студентов и научных сотрудников примерно в 1977 году. Кстати, платформа Университет появилась гораздо позже здания нашего нового физфака (кажется,

в 1973 году), и, как говорили тогда, только благодаря резкому нажиму профессора Гросса на городские власти. А до той поры цепочка студентов и преподавателей топала пешком из Старого Петергофа!

Поезда ходили быстрее (42-43 минуты до города), но гораздо реже. Физики, которые жили и учились в Петергофе, оказались отрезанными от остального университета и Ленинграда со всеми музеями, театрами, клубом ЛГУ и прочим. Делались отчаянные попытки сохранить уровень культурных притязаний, традиционно подобающий физикам. На физфаке были созданы несколько театральных студий, проводились выставки картин, графиков и фоторабот. В конференц-зале проводились премьерные просмотры фильмов, был абонемент «трудного кино» (фильмы Андрея Тарковского, Киры Муратовой и других неугодных властям режиссеров). В 1973–1975 годах мне при поддержке Бори Кюнера (секретаря комитета ВЛКСМ физфака в 1973–1974 годах) и клуба ЛГУ (директором был филофонист и меломан Олег Иванович Виноградов) удалось организовать цикл встреч «Петергофские субботы» с ленинградскими артистами. Проблем было много, начиная с того, что гонорар университетского клуба имел символический размер – 12-15 рублей, и единственным срабатывающим доводом ехать к нам на физфак было простое уважение к университету.

Труднейшим делом была организация самого путешествия из Петербурга в Мартышкино. Такси за город не ходили, отдельных частей автодороги практически не было. Иногда помогали друзья на легковушке, иногда носатый автобус-развалюха выделялся нам гаражом ЛГУ, расположенным тогда прямо в центре внутреннего двора филфака.

За те три года на физфаке побывало много теперь уже корифеев сцены: Олег Басилашвили, Олег Борисов, Игорь Дмитриев, Игорь Горбачев, Зинаида Шарко и многие другие. Одна из «Суббот» (с Сергеем Юрским 23 марта 1974 года) особенно запомнилась. Эта встреча, как и все другие, проходила за круглым столом в комнате комитета ВЛКСМ (тогда 321-я комната на физфаке). Он рассказал о том, как начал было учиться в ЛГУ, но все бросил и ушел в театральный институт. Говорили о недавней премьере «Мольера». Игра С. Юрского, О. Басилашвили, М. Данилова, Э. Поповой меня просто потрясла. Это была уже третья режиссерская работа С. Юрского. Конечно, спросили про многострадальную «Фиесту».

Председатель академсовета В. Янковский на заседании комитета ВЛКСМ физфака.
Фото В. Пучкова (1973)

Мне каким-то чудом удалось быть на прогоне спектакля со студентами, грезившими стать артистами. Однако в репертуаре он так и не появился. Ходили слухи, что его запретили власти. А почему? Однако Сергей Юрьевич уклончиво сказал, что

Программка спектакля БДТ «Карьера Артура Уи» с автографом С. Юрского (1973)

спектакль не подошел театру. Чувствовалось, что вспоминать ему об этом больно. По этому спектаклю он сделал черно-белый телефильм (несколько ролей играли другие актеры, чем в театральном спектакле, а пленка была на редкость плохого качества), который мы несколько раз уже видели в университете на просмотрах. Через несколько месяцев «Фиесту» действительно запретили, но по причине невозвращения Михаила Барышникова. В клубе ЛГУ рассказывали, что фильм «смыт». Спустя много лет, к счастью, оказалось, что кто-то сохранил копию фильма, но об этом очень много написано в Интернете. В память об этой встрече у меня сохранилась программка спектакля БДТ «Карьера Артура Уи» (история зарождения фашизма,

по Брехту, произвела на меня – школьника в 1964 году – сильнейшее впечатление), подписанная Сергеем Юрским. «Петергофские субботы» прекратились с момента открытия студенческого клуба в студгородке...

День физика. Петергофский период

Первый раз решили провести День физика на новом физфаке в 1974 году. Очевидные блага – свой зал, свое общежитие. Минусы – здесь не может быть дня единения физиков разных лет: им сюда просто не доехать (и не уехать). Хотя по инерции до конца 70-х пытались сохранить все традиции.

После первой же попытки запретили пивное действо (немного побили стеклянные двери столовой, которая тогда, в 1974 году, была в первом здании направо по дороге от платформы до физфака). Поэтому вечер песни превратился в лирический концерт и был удален из субботней программы. Безвозвратно канул

в Лету традиционный физфаковский капустник. Взамен «расцвели» капустники набравших силу в те годы стройотрядов. Здесь блистали вначале «Потенциал», затем «Аргумент», «Полярная звезда» и другие. Вообще, движение стройотрядов в какой-то момент захлестнуло весь физфак и подмяло под себя движение ВЛКСМ, что привело к длительной междоусобице, но это так, к слову. Однако капустники от стройотрядов были очень неравноценны, и через несколько лет их смели блестяще отточенные капустники гостей из других городов. Из года в год лавина гостей нарастала (физфаку передали целиком 14-е общежитие, тогда оно было практически бесплатное как для студентов, так и для гостей). Мы в лицо знали традиционные команды из университетов Одессы, Свердловска, Ростова, Москвы (МГУ, МИФИ, МЭИ и другие), Новосибирска и прочая, и прочая. Добавились две новые проблемы: во-первых, партбюро не успевало прослушивать команды гостей на предмет цензуры, и, во-вторых, эти программы стали занимать время иногда по 6-7 часов кряду (им всем очень хотелось выступить). Окончание концерта пытались ограничить восемнадцатью, затем девятнадцатью часами, затем как получится... Последующий бал превратился через пару лет в почти бесконечные поздневечерние танцы студентов в спортзале физфака.

Поток физиков-ветеранов (не работающих в НИИФ) на День физика таял с каждым годом и к концу 70-х годов почти иссяк – праздник стал воистину студенческим. Тем более у наших физиков появилась «своя гордость»: мисс физика Grandioso. Таким он стал с первой же петергофской попытки в 1974 году. Мой маленький вклад в общее дело того года заключался в дизайне и изготовлении короны с «изумрудами» (увы, из соответствующих пуговиц) для победительницы.

Ни один из университетов-гостей не имел ничего подобного. Прослеживалась даже определенная зависть, особенно у «вечно первых» москвичей и «самых острых» одесситов. На моей памяти остался эпизод, когда однажды один из московских вузов вообще отказался выступать на концерте и покинул праздник после неудачи их претендентки на выборах мисс физики. Как-то незаметно День физика превратился в Неделю физиков-студентов с субботним апофеозом и завершился в понедельник тихим отъездом гостей из общаги ранним утром.

Тот самый 1979-й. Возникновение Challenge Cup

Вдруг обнаружилось, что на Дне физика не осталось места не только для ветеранов, но даже для исконных сотрудников НИИФ и факультета. Это был уже не их праздник. Да! Их приглашали в качестве гостей, и только! Праздничный ученый совет был одним из двух десятков мероприятий, причем далеко не самым интересным для студентов, хотя оставался единственным во всей программе местом неформальной встречи преподавателей и студентов. Однако в 1977 и 1978 годах на эти встречи студенты фактически вообще не пришли (я там был, но студентом уже не был). Дело дошло до того, что после этого случая партбюро факультета поручило Оле Зарубиной (а она была выбрана замом по идеологии и по призванию курировала все студенческие организации физфака) вернуть студентов на ученый совет. В тот момент считалось, что надо именно «вернуть»,

что семантически приближалось к термину «завлечь» их (студентов), ибо они не понимают, что творят, игнорируя сие мероприятие.

Дело казалось совсем безнадежным на фоне буйных субботних сатурналий: мисс и капустников. Сначала мы (я и Саша Глебовский) вместе с Ольгой Зарубиной (она курировала всю программу Дня физика) методом мозгового штурма пытались что-нибудь придумать для «украшения» заседания ученого совета. Первоначальная идея состояла в том, чтобы подтолкнуть студентов вклиниться в это заседание с каким-нибудь докладом об аномальных явлениях и предложить профессуре экспромтом найти объяснение наблюдаемому абсурду. Однако среди студентов энтузиастов не нашлось. Тогда я вместе с еще одной участницей нашей инициативной команды Яговкиной Катей обратился в Ленинградский цирк. В тот период (февраль 1979 года) в программе цирка был блестящий иллюзионист Сударушкин (его коронные номера: многократное увеличение количества воды в результате переливаний из пустого в порожнее и мгновенное изменение цвета платья его жены прямо на арене). Самое смешное, что вначале ни он, ни директор цирка не отказались от шутовского участия в Дне физика. К сожалению, когда мы стали уже намечать содержание псевдодоклада и попросили видоизменить фокус, чтобы сделать его как бы демонстрацией непонятого физического явления, артист стушевался, и идея рухнула. Стало ясно, что на этом пути нас ждет тупик.

Тогда Ольга переформулировала нашу задачу. Она выяснила, что среди преподавателей и сотрудников института есть группа энтузиастов, готовая соперничать со студентами, но форма этого турнира не должна быть оскорбительной для обеих сторон. Тонкость заключалась в том, что «вклинивание стариков» в любые студенческие представления было бы игрой на чужой территории.

Нам с Сашей предлагалось придумать нечто новое. Лобовую идею с КВН мы с ним сразу же отбросили, так как в те годы он уже всем осточертел. В него играли все кому не лень: школьники, студенты, были даже КВНы между университетами города и т. д., а на ТВ они шли только в записи, как юмористические передачи, купированные в острых местах. К тому же опять разные весовые категории: студенты и «старика». И тут нас с Сашей осенило, что стар и млад объединяют традиционные физфаковские настольные, напольные, дворово-тротуарные и прочие игры. Таких было много на старом физфаке: пальцевый футбол с поролоновым шариком на аудиторном столе, волчок с маленькими кегельками между кофейными чашками, слон... Или вообще экзотика: игра в футбол автопротектором в переулке между физфаком и истфаком (виртуозом в этом виде «спорта» был ныне доктор физико-математических наук Саша Итс, давно работающий в США) и многие другие забавы, через которые прошли все.

Дальше пошло легче. Итак мы решили: проводим мини-олимпиаду для физиков разных поколений. Далее выбираем форму турнира. Наверное, почти никто этого уже не помнит, но в 1972 и 1975 годах проводились престижные серии матчей между хоккейными сборными любителей (таковыми считались игроки СССР) и профессионалов (естественно, Канада). Ажиотаж у нас в стране был огромный, событийный ряд этих матчей был у всех на слуху. Но самое важное: они имели

Справа налево: физики А. Глебовский, С. Багаев (был главным редактором «Голоса») и В. Янковский с членами интеротряда ЛГУ М. Московкиной (биолог), Л. Романюк (ПМ-ПУ) и О. Каверзиной (биолог) (май 1976)

запоминающееся название – Challenge Cup. Там действительно боролись за натуральный одноименный кубок. У нас роль кубка будет выполнять ящик пива. Студенты – любители, преподаватели – профи.

Ольге идея сразу понравилась. Она занялась формированием обеих команд и талантливо развернула, как теперь говорят, рекламную кампанию. Была середина марта, и до Дня физика оставалось три недели. Студентов эта идея тоже захватила. Пришли добровольцы для оформления и подготовки Challenge Cup. Кстати, именно под него впервые стали делать громадные «картины» в конференц-зале, от потолка до пола. До этого протестовали пожарники.

Мы с Сашей занимались формированием программы соревнований. Она быстро разрасталась. Хотя основной каркас был обговорен с командами заранее, программа до последнего дня менялась. Были заготовлены сюрпризы даже для Ольги, так как она много репетировала с командами, особенно с профи, и мы боялись, что она проговорится. Кстати, часть заданий была предложена самими командами. Там были выход и представление команд и три основных тайма-конкурса; в паузах, как на хоккее, звучали заставки на электрооргане. Сейчас, возможно, все это выглядит слишком схематично, но делалось-то в первый раз!

И, наконец, о непосредственных личных впечатлениях. Я провел все действие на сцене, непосредственно вел последний тайм – схватку капитанов. Эмоции зрителей, участников, да и мои собственные перехлестывали через край. Я долго не мог определить победителя в одном из рядовых конкурсов: передувании ртом воздушного шарика через теннисный стол. Оба капитана совершали это молниеносно! Но это был только один из множества эпизодов.

Что запомнилось? Профи заставили отгадывать себя на детских фото, апофеоз Благовещенского в конкурсе «Что можно сконструировать из одного листа бумаги?» (он просто надорвал его и объявил Римановой поверхностью), развалившийся слон профи, неожиданные песни на старый лад, «издание» мелодии из арифмометра профи Сашей Лопатиным, искренняя горечь профи, когда вместо ящика пива они получили утешительную бутылку шампанского. Градус эмоций просто зашкаливал! Такой реакции публики не ожидал никто из нас.

После первого Challenge Cup я им уже не занимался, хотя из года в год мы обсуждали с Ольгой все перипетии каждого очередного действия. Она пестовала его, как родное дитя. До последнего дня.

Правдивые байки из студенческой жизни

Е.Е. Рыбаков (студент 1969–1975 гг.,
кандидат физико-математических наук)

Жил-был студент когда-то,
Мечтал Эйнштейном стать.
Учился в Ленинграде,
Чтоб физику познать.

Физфаковский фольклор

Как мы с Шуриком пошутили на 1 апреля

Дело было весной далекого 1972 года. А поступили на физфак мы с Шуриком Барановым в 1969-м. Учились еще в исторических зданиях университета на Васильевском острове со всеми отсюда вытекающими прелестями ленинградской студенческой жизни.

Кругом сплошная история. Названия – песня: здание Двенадцати коллегий, Ректорский флигель, БАН, НИФИ, Большая физическая аудитория с вырезанными клинописью на дубовых скамьях словами вековой давности:

В Большой физической, академической,
Сидит студент ни мертвый ни живой,
Он чешет темечко, глядит на времечко
И шевелит извилистой мозгой!

Закончив грызть гранит науки, бежали перекусить в Академичку, «восьмерку» или спускались в кофейню, где шипели диким давлением хромированные заграничные автоматы «Эспрессо», где можно было гордо заказать двойной, а то и тройной кофе. А духовные ценности! Кругом музеи – Кунсткамеру знали как свои пять пальцев! А Невский, Васильевский, Петроградская, Петропавловка, общежитие № 1, гастронм «Буревестник», пивной бар «Пушкарь»... И все рядом, все под рукой. Да что там говорить, славное было время!

Но всегда найдутся люди, которым плохо, когда тебе хорошо. И эти люди решили перенести универ из центра цивилизации на окраину Петергофа, чтобы никакие блага и соблазны не отвлекали народ от занятий Великой Наукой. Первой жертвой выбрали физфак.

Как ни надеялись мы на пресловутый советский долгострой, а с февраля 1972-го пришлось-таки ездить в Петергоф. При этом на «войну», научный коммунизм, в библиотеки и практически на все спецкурсы приходилось ездить в Ленинград. Те же беды выпали и на долю преподавателей. Ну, отдельным, положим, пообещали в перспективе квартиры в Петергофе, а войдите, к примеру, в положение почтенного ленинградского профессора Марии Ивановны Петрашень! Вы только представьте себе эту картину маслом. Платформа Университет еще в проекте, автобус ходит в час по чайной ложке, забивается мгновенно бойкими парнями, которых даже трудно назвать счастливыми, поскольку, как поется в студенческой песне, «...мне ж мои оторванные пуговицы стоят уж дороже, чем пальто». Основная толпа топает километры пешком. В арьергарде – Мария Ивановна...

* * *

Теперь, собственно, суть дела. В последних числах марта движемся мы с Шуриком в обратном направлении, в родной Ленинградский университет, выходим на стрелке Васильевского острова и, минуя вечно в лесах здание Биржи, приближаемся к троллейбусной остановке. На столбе покачивается металлическая вывеска «Пушкинская площадь. Троллейбус № 1». Посмотрел на нее я мечтательно и говорю:

– Шурик, а здорово было бы...

– Точно! – отвечает Шурик. – Снять отсюда и повесить в Петергофе перед новым зданием физфака на 1 апреля!

Вдохновленные этой одновременно пришедшей в головы идеей и вооружившись пассатижами, под покровом глубокой ночи мы и совершили задуманное хищение городского имущества. Вывеска оказалась неожиданно больших размеров, спрятать было некуда, пришлось тащить через всю Петроградскую на глазах изумленной публики, которая, как известно, встречается на Большом проспекте в любое время ночи.

Дальнейшее было делом техники. В ночь на 1 апреля наша вывеска была успешно водружена на столб на площади перед зданием нового физфака, вызывая ностальгию у «стариков» и изумляя первокурсников. Долго под ней стояла Мария Ивановна, тщетно ожидая прибытия транспорта...

Безусловно, это была лучшая первоапрельская шутка физфака в 1972 году.

Как Никита Толстой про Америку рассказывал

Лекции Никиты Алексеевича Толстого произвели на меня в 1969 году незабываемое впечатление. Его явление первокурсникам было чем-то сродни явлению Деда Мороза детям на новогоднюю елку. Большой холеный «барин» в заморском вельветовом пиджаке свободного покроя, он заходил в Большую физическую аудиторию, как флагманский линкор в родную гавань. За ним эскортом лаборанты везли проекционный аппарат, лабораторный столик или просто несли чашечку кофе.

Начинать лекцию Н.А. не спешил. Вначале вальяжно и удобно усаживался в кресле, затем мог со вкусом выпить чашечку кофе, после чего приступал к ритуалу розжига – раскуривания и собственно курения трубки. Аудитория следила за священнодействием затаив дыхание. Наконец, он делал первую, самую сладкую, затяжку и выпускал клубы дыма ароматного голландского табака в первые ряды.

Но подобные представления продолжались недолго. Прочитав таким манером несколько первых лекций, Толстой укатил в длительную командировку в США и вернулся прямехонько к последней лекции по читаемому курсу. В начале лекции он сразу же предупредил о важности момента и о том, что мы сегодня должны завершить текущий курс и приступить к разделу «Статика»...

В это время с первых рядов приходит записка: «Никита Алексеевич! Расскажите, пожалуйста, про Америку!»

Толстой отвечает, что он бы с радостью, но ведь мы должны выполнить программу и начать «Статику»...

С первых рядов приходит вторая записка: «Статика не волк – в лес не убежит! Расскажите про Америку!»

Толстой сказал: «Ха-ха-ха!» – и начал рассказывать про Америку.

Про американскую науку вообще и физику в частности, про капитализм и его «сладкое загнивание», про эмигрантов и диссидентов, магазины и технику, телевидение и музыку, студентов и хиппи, мини-юбки и джинсы. Я уж не помню, про что еще, но хорошо помню, *как* он рассказывал, а мы слушали раскрыв рты. Рассказывал две пары подряд плюс часовой обеденный перерыв. И прекратил только тогда, когда пришел изумленный следующий по расписанию лектор и заявил, что сейчас – его время!

Как Станислава Петровича Меркурьева на физфак не пустили

На новом физфаке в Петергофе, уж не знаю, как сейчас, а в первый год отдельные вахтеры исполняли возложенные на них обязанности довольно рьяно: студентов без пропусков на входе задерживали на предмет выяснения личности.

И вот стоит такой амбал в дверях и категорически не пускает тщедушного вида студентика, которому ну страсть как надо пройти в храм науки! В это время подходит к ним молодой талантливый ученый Станислав Петрович Меркурьев, исполнявший в те времена обязанности декана физического факультета, похлопывает амбала по плечу и говорит:

– Пропустите, пожалуйста, этого студента, я его знаю!

И все было бы хорошо, но росточка С.П. Меркурьев был маленького, телосложения хрупкого и вообще по внешнему виду мало чем от защищаемого студента отличался. Поэтому наш амбал обернулся, посмотрел сверху вниз и говорит:

– А ты, шкет, кто такой и куда лезешь? А ну, покажь пропуск!

Вот пропуска-то у Станислава Петровича и не оказалось.

Как на военных сборах я женился. Семейное предание

Начало семидесятых – время дефицита и очередей, в том числе и в ЗАГС. Так уж вышло, что день торжественного бракосочетания, равно как и медовый месяц, пришелся у меня на период летних военных сборов под Выборгом.

Командование пошло навстречу, разрешив до поры не стричься, дало отпуск на трое суток мне и Шурику Баранову, исполнявшему роль свидетеля (сам Шурик женился на пару месяцев раньше, и отпуск ему очень даже не помешал). Командир части зачитал приказ и присовокупил:

– А от себя лично добавлю – большую глупость делаете, молодой человек!

Отгуляли мы свадьбу как положено и вернулись в расположение части для дальнейшего прохождения службы. Служим день, другой... Вдруг вызывают меня на КПП:

– К тебе молодая жена приехала!

Смотрю, и правда.

– Наденька, что случилось?

– Соскучилась! – отвечает. – Хочу еще трое суток отпуска!

Дело такое – надо идти просить разрешения у командиров.

В этом месте следует сделать важное пояснение. Начальником военной кафедры ЛГУ был в те годы участник боев по освобождению Ленинграда от блокады генерал-майор артиллерии И.П. Кныш, с протезом в серой перчатке вместо правой руки. Александр Намгаладзе в своих «Записках рыбакова-любителя» характеризует его так: «Вид у него был вполне генеральский, предметов никаких он не вел и обращался к студентам преимущественно по торжественным дням, вроде дня отправления на сборы».

Означенный генерал-майор прибыл на сборы с инспекцией или по иному поводу, уж не знаю, но сейчас он в сопровождении полковника Якова Михайловича Пудова следовал с удочкой на плече по направлению к заливу, все более удаляясь от границ части.

– Беги, догоняй!

Надежда вприпрыжку поскакала по проселку и вскоре скрылась из поля зрения. Вернулась она с гордым видом:

– Собирайся! Есть трое суток отпуска!

Я в подробности вникать не стал, мигом собрался, и отгуляли мы пожалованные трое суток по полной программе. Возвращаюсь в часть. На вечерней поверке командуют:

– Курсант Рыбаков! Выйти из строя! От имени командования вам объявляется благодарность за образцовое воспитание молодой жены!

Я как положено отвечаю, что служу, мол, Советскому Союзу, но сути дела – не понимаю... А суть оказалась в следующем. Наденька настигла командиров по середине дороги, забежала вперед и выпалила:

– Товарищ генерал! Разрешите обратиться к товарищу полковнику!

Обращение молодой девушки по полной уставной форме произвело сильный эффект. Растроганные ветераны улыбались и утвердительно кивали головами.

- Откуда это у тебя? – спросил я Надежду.
– Не знаю, само вырвалось!
Вот такое у нас с тех пор семейное предание.

Как на военных сборах старшину Приемышева изобразили

Уже повсеместно старшин вытеснили прапорщики, но нашей батарее достался, видимо, последний из могижан. Он старательно нас поучал:

– Что, думаете, вы умные? На физфаке учитесь? Ну, ничего, я из вас людей-то сделаю!

И заставлял снимать сапоги и перематывать портянки. Или придумает еще какое важное дело, причем нарочно в личное время, которого и так было мало. До того вредный был дядька, что у многих просто руки чесались...

Однако настало время традиционного капустника. Должен сказать, что было одно заветное место в казарме – сортир, в котором после отбоя мы часто собирались и устраивали своеобразный «спикинг клуб». Именно это место и изобразили наши артисты. Режиссура, если не ошибаюсь, Васи Киптилого. В зале сидят солдаты, курсанты, офицеры, прапорщики и единственный и неповторимый старшина Приемышев. А на сцене ребята снимают ремни, надевают их на шею, спускают штаны, берут в руки газеты, рассаживаются на «толчках» и начинают обсуждать наболевшее.

– А все-таки душевный у нас старшина... – говорит один.

– Да, – с натугой отвечает другой, – бо-о-льшой п-п-педагог!!!

Как на военных сборах мы стреляли

На военных сборах мы стреляли из различных видов оружия.

Из автомата Калашникова

Стреляли мы хорошо.

Калашников – это вещь! Впечатление такое, что пули сами притягиваются к мишеням. По окончании официальной части мне было предложено дострелять остатки. Я занял позицию для стрельбы лежа. По команде подняли мишень. Не успел прицелиться, как она упала. Оглядываюсь. За мной стоит довольный капитан в позиции для стрельбы стоя. Оказывается, игра заключалась в стрельбе наперегонки, что оказалось уже совсем не так просто.

Из пистолета Макарова

Стреляли мы плохо.

Увесистый пистолет Макарова удерживать на мишени тяжело, при выстреле его уводит в сторону, пули летели, как правило, «в молоко», что давало повод для язвительных шуток офицеров. По окончании официальной части они решили устроить нам показательные выступления. Особенно красиво, уперев левую руку в бок, вытянув правую и гордо откинув голову, стрелял сам командир части, полковник.

Но тут из наших рядов выдвинулся скромного вида парень и заявил, что может бравого полковника перестрелять. Заключили пари. Коньяк против трех суток отпуска. Парень неэстетично согнулся буквой «зю», держа пистолет обеими руками, но полковника таки перестрелял! Убедившись, что отпуск гарантирован, парень ответил на вопросы. Стойка оказалась «индивидуальной», а сам он – кандидатом в мастера спорта по стрельбе из пистолета.

Из гаубиц

Стреляли мы...

Собственно, стреляли не мы, а батарея, расположенная позади нас. Мы должны были передать ей координаты танка, движущегося перед нами. И опять же не мы – нас к этому ответственному делу не допустили. На РЛС работали офицеры-преподаватели спецкафедры, предоставив нам роль благодарных зрителей.

Действие первое. Танк тянут на лебедке, цель успешно засекали, координаты передать не успели – танк дошел до конца троса и остановился.

Действие второе. Танк зафиксировали в нужном месте и, не торопясь, передали координаты. Батарея дала залп. «У-у-у-у-у...» – запели снаряды над нашими головами и разорвались где-то за горизонтом. Перелет.

Действие третье. РЛС засекала разрывы перелетевших снарядов. Приняли решение скорректировать по этим разрывам наводку. Посчитали поправки. Передали на батарею. «У-у!» – коротко пропели снаряды над головами и разорвались прямо перед нами. Стрельбы в срочном порядке прекратили.

Стебель, гребень и рукоятка

Предварительная информация – историческая справка. Привожу ее в виде цитаты, которую нашел в Интернете: «На следующий год я пошел в школу. Мне там сразу понравилось: в первом классе у нас уже был урок военного дела. Мы изучали винтовку, и я до сих пор помню, как называются части затвора: стебель, гребень и рукоятка».

Теперь собственно история. В НИФИ пришел лектор-ветеран проводить среди ученых занятия по гражданской обороне. Начал с главного – устройства атомной бомбы:

– Атомная бомба состоит из трех частей...

Из зала кто-то радостно подсказывает:

– Стебель, гребень и рукоятка!

Вспоминая профессоров-преподавателей

Н.А. Тимофеев (студент 1969–1975 гг., аспирант 1975–1978 гг., доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой оптики физического факультета СПбГУ)

На память приходят две байки о наших профессорах-преподавателях. Первую, в стиле Хармса, вполне возможно (я думаю, именно так), придумал Эдуард Иванович Иванов, доцент кафедры общей физики, вторую я слышал от профессора Геннадия Николаевича Герасимова, сотрудника ГОИ. Надеюсь, что они будут интересны тем, кто знал этих людей.

Никита Алексеевич Толстой и Николай Иванович Калитеевский очень дружили и часто ходили в гости друг к другу. Бывало, придет Николай Иванович к Никите Алексеевичу и говорит:

- Никита Алексеевич, ты лучше меня!
- Нет, Николай Иванович, – отвечает Никита Алексеевич, – ты лучше меня!
- Нет, Никита Алексеевич, ты лучше!
- Нет, Николай Иванович, ты лучше!

Так они могли спорить часами. Иногда дело до драки доходило.

Однажды в Ленинград приехал молодой и очень амбициозный физик из Москвы по фамилии Мандельштам. Он делал доклад в БФА, и его в числе прочих слушал Владимир Александрович Фок. Все помнят, что он был глуховат, поэтому пользовался слуховым аппаратом, который частенько отключал, чтобы экономить заряд батареек. Владимир Александрович сидел на первом ряду, рядом с ним был Николай Петрович Пенкин. Вскоре после начала доклада, который молодой представитель московской физики делал с чувством явного превосходства над «провинциальным» Ленинградом – Петербургом, Владимир Александрович потерял интерес к докладу и заснул. Через некоторое время он проснулся и, не помня, кто перед ним, громко, как все глуховатые люди, на всю БФА спросил Николая Петровича:

- Кто это?!

Николай Петрович не менее громко, чтобы Владимир Александрович наверняка услышал, ответил:

- Это Мандельштам!
- Так он же умер!

После этого московского гостя мало кто слушал.

Посвящение старому физфаку

В.П. Устинов (студент 1968–1975 гг., научный сотрудник
Института экспериментальной метеорологии
НПО «Тайфун», Обнинск)

Я окончил физфак в 1975 году. Свободное время в те годы я посвящал художественной самодеятельности и поэтому участвовал во всех капустниках и представлениях. Посвящение старому физфаку мы пели на капустнике на праздновании Татьянинного дня в 1973 году. Посылаю.

Там, где даже мухи не летают,
Шпорами усеяны полы,
Мы ступени лестниц истоптали
И прожгли окурками столы.

Припев:

Помнишь, товарищ, старый наш физфак?
Дым коромыслом, громкий лай собак?
Помнишь завал и вызов в деканат?
Помнишь, как поехал летом в стройотряд?

Пусть физфак красивый в Петергофе,
С ним тягаться нашему слабо,
Не забудем мы, как пили кофе
И играли во дворе в футбол.

Припев:

Помнишь, товарищ, золотые дни:
Сессии, зачеты, лекции Куни?
Помнишь Валькова добрым и седым?
Помнишь, куда пришел ты молодым?

Помнишь сентябрь, как был встречам рад?
Но не вернуть нам этого назад.

Годы мои молодые... (Веселые истории для детей и внуков)

Л.Г. Писаревская (Хребтова) (студентка 1970–1976 гг.,
научный сотрудник НИИФ 1976–1983 гг.)

После окончания английской школы в городе Свердловске в 1970 году я поехала поступать в Москву. Изначала хотела в МФТИ (Московский физико-технический институт), куда с телеэкрана соблазнил их потрясающе остроумный капитан команды КВН Фима Оглицын. Но, приехав с мамой, мы обнаружили, что в МФТИ надо ехать на электричке, а вот физический факультет МГУ виден из окна квартиры, где мы остановились у знакомых. Увы, я на трех экзаменах набрала всего 13 баллов (4 + 4 + 5), а проходной был 14. Потом нас, самых-самых умных (а тогда «физик» была самая престижная профессия), но непрошедших, тут же зазывали к себе (по результатам этих же экзаменов) представители других вузов Москвы. Помню лозунг строителей (МИСИ): «Чем строитель хуже физика? Захотел – и выстроил себе другой физфак!» Меня это не утешило. По плану я могла еще раз попытаться поступить в Ленинграде. В Москве в ту пору специально делали экзамены на месяц раньше, чтобы непрошедшие смогли попытаться счастья в другом городе.

В Ленинграде, собравшись с силами, поступила. По второму разу все кажется гораздо проще. Сейчас, конечно, странно сознавать, что, обладая спецзнаниями по английскому и не пройдя особой подготовки по математическим наукам, я, ничтоже сумняшеся, дерзнула поступать на равных с победителями международных олимпиад и выпускниками физико-математических школ. Но когда молод – отвага бьет через край. Нас в нашей 13-й школе готовили быть правителями земли Русской. Пели же мы в нашем школьном хоре: «...и нам любое дело по плечу!» И верили!

Словом, я поступила в вуз, но условия жизни в Питере резко отличались от тепличных родительских: вместо отдельной комнаты с двумя окнами – угол в огромной комнате, где за шкафами спала слепая бабушка и тетя с внучкой, а на общей кухне – ее дочь с мужем. И еще комната с двумя соседками – сестрами-пенсионерками, потерявшими мужей в войну. Горячей воды нет, как и ванной, а по дороге за угол в туалет, под раковиной умывальника, дыра, в которой по вечерам снуют крысы. Общежитие не дали – доходы на одного человека в нашей семье превышали 60 рублей в месяц.

К первой сессии я готовилась в Публичке – библиотеке на Фонтанке. Вставала, чтобы успеть к открытию и занять местечко у стены, где поменьше шума. В обед выходила в кафетерий на углу Невского и Владимирского и шарахалась от гнусных, на мой вид, компаний молодежи. Потом писали, что это был знаменитый в Питере клуб «Сайгон», где тогда тусовались интеллектуалы. А в последнюю, так необходимую, ночь перед экзаменом я доучивала, сидя на скамеечке для ног и положив конспекты на журнальный столик. Чтобы свет не мешал остальным спать, я накинула на пластмассовый абажур настольной лампы какую-то тряпку. Абажур перегрелся и расплавился под мои чертыхания. Но экзамены, как правило, сдавала на отлично. Мама мне писала тогда: «Ни о каких четверках не желаю и слышать!» Приходилось стараться.

В университете я, памятуя свое жизненное правило «для тела и для души», сразу записалась в секцию велоспорта (мне дали бесплатно гоночный велосипед!) и волейбола (ибо школьницей я играла за сборную своего города и тренировалась у Карполя, ставшего спустя пару лет тренером женской сборной СССР). Также – в наш физфаковский хор, а не в общеуниверситетский Сандлера. Мы, физфаковцы, их презирали – гуманитарии, понимаешь ли... Парни зазвали и в математический кружок Б.С. Павлова: мне очень нравилась высшая математика, даже больше, чем физика. Конечно, по школьной привычке командовать я была еще и членом комсомольского актива группы. Девчонок было четверо, парней – 22. Мы как-то их поделили списком между собой на девичнике: каждой по 5 и двое – общий пул. Веселое было время – столько всего интересного, столько возможностей!

Поначалу я деньги расходовать не умела. К 1980 году правительство обещало построить коммунизм, и, видимо, поэтому считалось неприличным знать, как надо распоряжаться деньгами. Стипендию давали 35 рублей и еще 35 присылали родители. Это была средняя зарплата рабочего в то время. Соблазнов было много, особенно конфет, не считая тоненьких-претоненьких чудесных английских колготок по 7-70. Как красиво они смотрелись и как же быстро рвались! Тетя скоро меня отделила в питании, и, когда я начинала покупать гречку и варить на ужин кашку, Лева, муж двоюродной сестры, посмеиваясь, спрашивал: «Что, опять на мели?» Но это – жизнь, и так ей учатся молодые.

Из трех девчонок нашей группы Ольга, ленинградка, из семьи военного моряка, окончившая, как и я, английскую школу, стала на короткое время моей лучшей подругой. Сейчас у нее уже трое детей и третий муж в Москве, она доктор физико-математических наук, академик РАЕН. Словом, обошла меня. Но рассталась я с ней в студенчестве через два года дружбы, когда неожиданно поняла, что врет она мне без меры и вдохновенно. Еще на первом курсе она изобразила получение на физфак письма от англичанина-возлюбленного и потом «получила» сообщение о его смерти – взорвался-де баллон с пропаном, который он переносил с улицы в здание. Позже она мне сама призналась, что все выдумала – хотелось выглядеть лучше, чем она была. Она потом говорила: «Я ставила эксперименты: вот если человеку врать в глаза, отрицать очевидное – как он себя поведет?» Позже я поняла, что интересные люди еще и сложны, как правило, по характеру. Я не

жалею, что рассталась с Ольгой, но и не жалею, что дружила, – так было интересно тогда нам вдвоем! На первом курсе мы с ней вместе пели в хоре, катались с ребятами из нашей группы на лыжах в Кавголово по выходным, а с ребятами из хора ходили в походы в Ленобласть выступать перед жителями деревень. Помню, приехали в какую-то тьмутаракань, а там 6 человек осталось. И нас 6 – шутили: один на один со зрителем. Все равно отдохнули хорошо на природе.

* * *

Приближалось первое студенческое лето. Все тогда записывались в стройотряды. Первокурсники массой ехали на север, в Мурманск, но мне до того за зиму надоел холодный и мокрый Ленинград, что тянуло погреться где-нибудь на юге (собирали добровольцев, и – в отряд для сбора фруктов в Крыму). Однако мы с Ольгой сначала дерзнули замахнуться на самый-самый «крутой» стройотряд «Коми-Транспорт». Ребята строили железную дорогу, а девчонки готовили им на кухне. Как потом выяснилось, там платили бешеные по тем временам деньги: 1 000 за 2 месяца. Надо знать, что в то время средняя зарплата у взрослых была 120-140 в месяц. Но нас тогда деньги не волновали. На собеседовании девчонки выбирали девчонок. Парни говорили: «Им крутиться вместе на кухне, поэтому в их отбор мы не вмешиваемся». Не помню уж, почему отбраковали меня (а я, если честно, готовить, тем более на толпу народа, тогда не умела), но Ольга на вопрос, зачем она туда едет, ляпнула, не подумав, искренне: «Хочу изучать психологию людей для управления ими». В итоге обе пролетели.

Самое смешное, что я нравилась одному парню-третьекурснику, Боре Дегтяреву. Узнав, что я подала заявление в «Транспорт», он сделал то же самое. Его сразу взяли. А поскольку они все стриглись наголо, то в один прекрасный день на занятие хора (мы пели вместе, у Борьки был великолепный густой бас) он пришел совершенно обритый. Только тогда я и узнала о его чувствах (разведка донесла). Но, честно говоря, хотя он мне и нравился, я с ужасом как-то отметила его неподдельный интерес к моим рассказам о попытках приготовить суп. Мне было еще 18 лет, я только что вырвалась из-под плотной опеки родителей, и мне абсолютно не хотелось снова попадать под чью-то власть.

Проходя на Первомайской демонстрации в 1971 году по центру города, я заметила интереснейшее объявление о найме сезонных рабочих в экспедиции. Поделилась идеей с Ольгой, и она, почему-то пробравшись в морской порт, стала пытаться устроить нас на судно, уходящее в Антарктику! Там ей посоветовали обратиться на Фонтанку в Арктический и антарктический НИИ. В ААНИИ, перепутав нас с практикантками-океанологами, сказали: «Принесите направление из деканата – и все». И все?! Да для нас это раз плюнуть: девушки мы были активные, умные, успевающие (практически одни пятерки, английский сдали экстерном за 2 года вперед). «Поедете в Антарктиду??? – недоуменно-счастливо спрашивали преподаватели. – Конечно, рекомендуем! Что вам там надо написать?» Когда мы, радостно размахивая листочком-рекомендацией, ворвались в отдел кадров ААНИИ, нам человек-гора, поднявшись во весь могучий рост из-за стола, сказал: «Девочки, вышла ошибка. Мы думали, что вы – океанологи. Идите-ка вы лучше

в какую-нибудь сухопутную экспедицию». Мы обиделись и ушли. Ольга уехала на летние каникулы к бабушке на юг, в Новочеркасск. Ну а я, поскольку наша команда велосипедистов завалила классификационные соревнования и выезд в турне сорвался, после первого курса поехала в первую попавшуюся экспедицию в Карелию сезонным рабочим на так называемую камералку – обработку данных измерений. (Строить графики – это же элементарно!)

Мой отец, отпуская в город соблазнов, крепко наставлял меня вести себя строго. Сейчас смешно вспоминать, но, будучи вынужденной в маршрутах ночевать в одной палатке с молодыми парнями (четверо – студенты с университетского матмеха, а пятый – студент-заочник, геолог, все приличные ребята), я от ужаса даже не раздевалась. Так в брюках и ложилась спать в спальный мешок посреди палатки, крепко зажмуривая глаза, чтобы не смотреть на их лица справа и слева. Особенно тошно было, когда от дождя брюки намокали, и приходилось протискиваться мокрой в мешок. Парни подхихикивали, но не приставали. Написала о первых впечатлениях Ольге, и она, получив письмо, сорвалась обратно в Питер, нашла эту экспедицию и приехала ко мне. На вертолетах летали в маршруты. Охотились на лося. Открыли для себя оригинальный быт геологов. Познакомились с интереснейшими людьми, включая начальника экспедиции Давида Иосифовича Гарбара, лауреата Госпремии. Он и сказал тогда про нас замечательную фразу: «Далеко пойдете, если, конечно, милиция не остановит».

Милиция нас и остановила. Вернувшись, осенью Ольга записалась внештатным сотрудником уголовного розыска в ближайшее отделение милиции, рядом с домом (а у нас на физфаке в моде был тогда оперотряд, но там занимались помощью ОБХСС), и меня тоже привела туда. К неопикуемой нашей гордости нам выдали красные книжечки, дававшие право бесплатного проезда. От меня толку было мало, прямо скажем. Разносили повестки, брали простенькие объяснения со свидетелей. Но Ольга при мне довольно безжалостно раскрутила одно мелкое дело – нашла мальчишек, через дырку в заборе вытаскивавших с территории завода заготовки для значков. Собирались их потом отдать в какой-то специнтернат. Что там с ней было далее – не знаю, ибо однажды словно шоры упали у меня с глаз – я поняла, что она мне врала. «Я не могу проверять каждое слово друга, – сказала я ее матери, пришедшей ко мне домой нас мирить. – Мы с ней не ссорились – мы просто разошлись». Расставшись со мной, она быстро округила тогда самого симпатичного парня из нашей группы – Сережку Бурмистрова! Родила ребенка, и они поженились на 3-м курсе. Но неожиданно у него проявилось наследственное заболевание, и он умер от рака, оставив ее вдовой (в то время Ольга была аспиранткой кафедры электроники твердого тела и вскоре защитила кандидатскую). Чтобы содержать сына, как она потом сказала, вышла замуж за генерала, на много лет старше себя. После он с ней развелся. Потом нашла себе главного инженера какого-то завода в Москве, родила ему сына и дочь и потом уже защитила докторскую.

Конечно, я тогда переживала обман. В молодости все воспринимаешь гораздо резче. Тогда я бросила из-за нее все наши общие компании. Бродила в одиночестве вдоль рек и каналов, грустно пережевывая события. Весной на 2-м кур-

се были сборы в Кавголово и соревнования по велоспорту на шоссе и на треке. На треке я выступила неплохо для новичка, а на шоссе, резко дернув руль, сильно разбилась: велосипед по частям собрали и отвезли на мотоцикле с места падения. Чтобы развеяться, оставшись без подруги, съездила в стройотряд с ребятами на курс младше, а осенью на 3-м курсе записалась сразу в Студенческий эстрадный театр миниатюр на базе факультета журналистики (для души) и в группу туризма (для тела). Везде было здорово! В осенние каникулы ходили в «двоекку» (поход второй категории сложности) в Хибины, а в зимние – в «тройку» на Северный Урал. В Хибинах мне было особенно страшно, когда мы на лыжах шли по озеру, а лед прогибался и пропитывался водою после впереди идущих. Температура плавала от +2 до –2, и однажды ночью мои волосы даже примерзли к палатке. Назад, как оказалось, билетов на всех не взяли, поэтому мы вскочили в поезд в разные вагоны и рассредоточились, согласно инструкции лидеров. Пожалев меня, более опытные старшие туристы, уложили меня спать на 3-ю полку, замаскировав под рюкзаки, в один из которых – пустой – даже засунули мои ноги, чтобы не торчали вызывающе в проходе. Так я смогла пережить два ночных прохода контролеров. Ну а днем уже было не страшно: все собирались в одном месте, пели песни – кто будет разбираться, откуда веселая компания!

На Северном Урале мы посетили район Конжаковского Камня. Когда мы вышли из города, за нами КСС (контрольно-спасательная служба) закрыла этот маршрут для прочих желающих: морозы упали ниже –30°. У нас все обошлось хорошо, хотя один парнишка-географ с юга обморозил кончики пальцев, когда голыми руками взялся на привале за металлическую миску с супом. Пальчики так и пристали. Потом я ему обрабатывала пальцы мазью Вишневского и бинтовала перед утренним стартом.

Сережа Никулин, студент с факультета журналистики, лидер уральского похода, как и я, был и туристом, и артистом и, когда писал потом сценарий нашего водевиля, создал одну роль для меня. «Сидорова у вас звезда!» – скажут потом восторженные зрители, глядя на то, как Сидорова в моем исполнении в гневе клеймила героя с кафедры: «Все вы, мужчины, такие!» В тот сезон мы выступали с нашим водевилем на тему студенческой жизни 14 раз. Ах, как сладки были аплодисменты! Мы все играли на одном дыхании, я даже впадала в своеобразный транс – нервы горели синим пламенем от напряжения. До чего забавно было из-за кулис смотреть на зрителей, в буквальном смысле открывавших рты от восторга. Даже на нашем факультете.

Впоследствии эти ребята-журналисты то и дело мелькали на телеэкране (Вовка Летуновский, Лелик Загороднюк, Лиза Терешкина) и в газетах (Витя Терешкин – в «Часе пик», Витя Булавин – в «Смене»). Общаться с ними было мне, физику, очень интересно. Но с выходом замуж театр пришлось бросить, как и общественную работу. Вопрос муж ставил ребром: «Кто тебе дороже: я или общественная работа? Я или студенческий театр?» А была я заместителем секретаря факультета по идеологии, и планировали меня на следующий год, на моем 5-м курсе, в преемники Сережи Багаева – секретаря всего факультета (это более 1 500 человек!). Дело в том, что меня всегда отличала активная жизненная пози-

ция. Это – и от мамы-учительницы, и от воспитания в школе. Помню, на уроках географии мы планировали развитие Сибири или других регионов: здесь есть месторождение железа, там – угля. Значит, надо тянуть сюда железнодорожную ветку и строить заводы. Саша Жерздев, комсорг группы, предлагал мне быть идеологом потому, что я «генерировала много хороших идей» и старалась претворить их в жизнь: написала статью в университетскую газету – и физфаковцам на следующий год выделили больше мест в общежитии, «потрясла» профорга факультета – и, к удивлению, он обнародовал целый список льгот, пособий и путевок, на которые студенты смогли подать заявки. Были идеи и по созданию базы данных с перечнем возможных подработок и т. д. и т. п. Ленинградцы, на мой взгляд, были какие-то квелые: имея такие возможности, которые не снились нам, провинциалам, они много разглагольствовали, но мало делали. Студенты-журналисты, например, много выступали против идеи стройотрядов (предпочитали стажироваться в газетах), а вот нам, физфаковцам, нравилось и общаться в стройотрядах, и, конечно, зарабатывать. Так и во всем – когда нам спускали очередную директиву типа проведения общественно-политической аттестации (ОПА), мы не бухгалтели, а приспособливали очередной лозунг к своим нуждам по принципу: «Хоть горшком назови, только в печку не ставь».

* * *

После 4-го курса я помогла ребятам, с которыми была до этого в стройотряде в Ленобласти, организовать следующий стройотряд. Но под конец меня просто выкинули из списка: слишком много там было девочек, парни брали своих из предыдущих теплых компаний и решили пожертвовать мной. Это было подло, хотя формальная отговорка нашлась – из-за геологической практики от нашей кафедры в Крыму я смогла бы поехать только на один месяц. Помню удивление, когда Маринка Эскина из предыдущего отряда сказала: «Напрасно ты нас не внесла в первоначальный список: мы бы поддерживали тебя. А теперь вот сама осталась и мы не поехали!» Меня поразила ее хитрый расчет, я тогда была во многом еще очень наивной по сравнению с ушлыми ленинградцами. Такие ходы мне и в голову не приходили.

Со злости я устроилась в Международный студенческий лагерь «Буревестник» в Лазоревском на Черном море, где отдыхали студенты-иностранцы, обучавшиеся в наших вузах. Для разбавления туда брали и русских. Я прошла независимо сразу по двум каналам, получив рекомендации как артистка (мы с Витей Булавиным, впоследствии инструктором Ленинградского обкома партии по делам молодежи, должны были выступить со сценками) и как общественница-активистка. Отдых был чудесный. Помню, на женский матч по футболу сборной СССР против сборной всех остальных стран (Польша, ГДР, Куба и кто-то там из Афганистана) собралась огромная толпа. Лена Мамонтова (ныне председатель городского фонда «Наш город»), с которой мы делили комнату, студентка с матмеха, была нашим капитаном и забила единственный победный гол. Все мужчины были в экстазе от нашей игры и снимали непрерывно на фото- и кинокамеры. Кстати, в среде немцев постоянно, но неприметно крутился некто Вовчик, вроде как с юридического

факультета. Фамилию точно не помню, но, когда Путина избрали президентом, лицо его показалось мне удивительно знакомым. Интересно, а он меня помнит?

Потом через Керчь я перебралась в Бахчисарай, куда спустя 4 дня подъехала наша студенческая группа, и началась наша геологическая практика под руководством профессора Ансберга и путешествия на автобусе и автомашине по всему Крыму. Тут-то и решилась моя дальнейшая судьба – я понравилась своему будущему мужу, кстати, бывшему среди моих «обидчиков» из злополучного стройотряда. Так я им всем отомстила, полонив их самого интересного, душу их небольшой, но весьма сплоченной стройотрядами компании. Эта компания собирается каждый год вот уже более 40 лет на днях рождения, поддерживая друг у друга хорошее настроение и обмениваясь последними новостями за праздничным столом.

Свадьбу на 60 человек свекровь организовала в кафе на Староневском 13 декабря 1974 года. Позвали нашу студенческую группу, моих ребят из эстрадного театра и тех стройотрядовцев. Мои артисты сделали изумительный капустник. Сцены из нашей разворачивающейся семейной жизни по плану прерывались возгласами «Горько! Горько!». (Муж сидит дома с шестью детьми, а я якобы, уезжая в экспедицию, оставляю его готовить на всех, и, конечно, его суп отвратителен и дети кричат: «Горько!»)

* * *

С рождением первого ребенка (а я еще училась на 5-м курсе) сразу возникли проблемы с деньгами. Я считала, что раз создала семью, то финансовые проблемы надо решать самостоятельно. Хватит того, что мои родители по-прежнему высылали мне скромные 35 рублей каждый месяц на студенческое житье-бытье, обещав в свое время содержать меня, пока я учусь в вузе. Еще 35 давали стипендией и 35 – полставки на кафедре геофизики. Но ясно, что на ребенка бы понадобились дополнительные расходы. Поэтому я устроилась весной посудомойкой в университетскую столовую, на географический факультет на Васильевском острове (с 2 до 5 часов дня). Из-за простуды через 2 месяца пришлось бросить, хотя меня уговаривали остаться и даже предлагали более спокойную работу бухгалтером. Мне не нравилась приставка «бух» – какие странности иногда влияют на наши поступки!

Муж, организовав шабашку на лето для своих ребят (они заработали по 1 000 рублей), с ними не поехал, не захотев оставлять меня одну. Но с рождением сына в сентябре решил ходить на дополнительные заработки и устроился рабочим сцены в Дом мира и дружбы на Фонтанке. Работа за 60 рублей ему нравилась: выкатить на сцену рояль, закатить рояль, вынести стол и стулья, убрать их. В промежутках хочешь – смотришь выступления артистов, хочешь – телевизор, а то и вообще книжку читаешь или с артистами общаешься. Это, конечно, было гораздо легче, чем другая работа – утренним почтальоном за 30 рублей. В пять утра встать, на почте рассортировать газеты, а потом разнести по участку вдоль Обводного канала. Он ее еще долго вспоминал!

Родившись, сын почему-то все время плакал, вопреки ситуациям из фильмов, когда мать, покормив, откладывает дитя в сторону и спокойно занимается

наукой. Кое-как защитила диплом в июле 1976 года, и, хотя мне предлагали аспирантуру в Москве, где я работала с данными для диплома, я вынуждена была отказаться. Муж сказал, что без меня не потянет с воспитанием сына (его мама и бабушка не могли особо помогать). Кроме того, ясно было, что скоро родится и еще один ребенок (в марте 1977-го). Пришлось пойти младшим научным сотрудником на кафедру радиофизики НИИ физики при университете, где режим мне был устроен вольготный: два присутственных дня (вернее, две утренние половинки), остальное время я числилась работающей в библиотеке. Кстати, я действительно занималась там.

Муж – Сергей
Писаревский, участник
стройотрядов физфака
с 1971 по 1974 год (1974)

Муж распределился во ВНИГРИ (Всесоюзный нефтяной исследовательский геолого-разведочный институт) и с геологами каждое лето уезжал в экспедиции по всему Союзу. Денег по-прежнему не хватало: с рождением каждого сына мы вылетали за порог официальной бедности (50 рублей на человека), и государство нам выдавало по 12 рублей ежемесячно на каждого ребенка. Я очень хотела защититься, чтобы платили побольше, но в нашем отделе из 42 человек даже его начальник, Орлов Александр Борисович, был в 40 лет еще не кандидат, и много тридцатилетних парней не могли проскочить раньше него. Я, конечно, считала их всех неудачниками и думала, что уж я-то своего не упущу, вот только с детьми чуть-чуть разберусь. Сделаю открытие, получу Нобелевку – и заживем!

Денег в НИИ физики мне не прибавляли, об аспирантуре и слышать не хотели, а когда я стала пытаться «выцарапать» прибавку при очередной дележке, попробовали притеснить. Я написала заявление директору института Фомичеву, который был куратором нашего курса, когда я еще училась. Оказывается, он меня помнил и был очень высокого мнения о моих способностях. Я зашла к нему по вызову, и он, подняв голову от бумаг, произнес: «Так ваш начальник говорит, что у него якобы вашу ставку сокращают? Хорошо! Так вот я ее беру и с вами передаю на кафедру геофизики, которую вы кончали. Для вас у меня место найдется!» У меня не было слов – я вылетела от него на «орлициных» крыльях! Начальник сыграл отбой, прибавил мне 5 рублей к зарплате (стало 125), но злобу затаил. Я поняла, что мне оттуда надо уходить.

К счастью, друг мужа и наш однокурсник из Арктического и антарктического НИИ Александр Меркулов в это же время обратился к нему с просьбой подыскать программиста для работы с готовой программой на местной ЭВМ. Муж предложил меня, ибо опыт я имела, и я перешла туда. Там я побывала дважды в антарктических экспедициях и несколько раз – в арктических. Открытие я сделала, но Нобелевки оно мне не принесло. В кризис 1998-го, когда нам всем предложили писать заявление на отпуск за свой счет на полгода (в ААНИИ просто не было денег на зарплату – Москва не присылала), пришлось поехать вслед

Л.Г. Писаревская, младший научный сотрудник кафедры радиофизики.
Тридцать лет и три сына (1982)

за мужем в Австралию, оставив на родных всех своих детей. Там сейчас и живу: он работает по своей специальности в местном университете, а я занимаюсь наукой как хобби, изредка выезжая на конференции. Довольна своими тремя сыновьями, двумя внуками, двумя внучками. Физфак вспоминаю с теплотой. И до сих пор получаю удовольствие от разгадывания тайн Бытия.

Открытие – кто из нас о нем не мечтал?

Суть моего – в двух предложениях: считалось, что морская вода может увеличить свою плотность только за счет выхолаживания в атмосферу, то есть глубокая конвекция океана поэтому и идет в высоких широтах. Я показала данными и расчетами, что при таянии льда вытесняющиеся седименты (а ледник соскребает хороший слой, сползая по склону!), попадая в воду, также увеличивают ее плотность. И это зря никем не учитывается. Нет пророка в отечестве своем – проще экспедиции в Антарктику с помпой возглавлять и годами по следам американцев и англичан волочиться.

Опубликовала только в 2007-м, но доложила в Сан-Франциско еще в 2005-м, в Вене – в 2010-м, американцы похожие данные по Южному океану опубликовали только в 2011-м, давая ссылки на мои работы 1991 года. Не поняли до конца еще, что это такое – невидимая компонента глубокой конвекции. Да, довольна, но где фанфары, ордена и денежные премии?!

Физики и лирики

С.А. Трушкин (студент 1970–1976 гг.,
доктор физико-математических наук,
заведующий лабораторией радиоастрофизики САО РАН, Архыз)

Теперь математические и физические факультеты притягивают лучших людей нового поколения, там можно убедиться, что любовь к точности не убивает фантазии. Даже в области музыки, поэзии, живописи молодые физики куда более осведомлены и более требовательны, чем их товарищи – студенты философского, исторического или юридического факультетов.

И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Книга 7 (~ 1965–1966 гг.)

Когда мне прислали через аккаунт «ВКонтакте» письмо о подготовке сборника воспоминаний о физфаке, меня сама идея несколько смутила – что спустя 35-40 лет я смогу вспомнить о пяти студенческих годах, с августа 1970 г. по январь 1976 г. Действительно, кажется, прошло не сорок, а восемьдесят лет, столько всего изменилось: страна, наука, люди, друзья, семья, дети и уже внуки. И что самое важное, ты сам изменился.

Вспоминая и обдумывая прошлое, мы яснее оцениваем эти перемены. А что-то прояснив для себя, мы в состоянии поделиться своим опытом и в чем-то помочь молодым ребятам, вступающим в университетскую, а в недалеком будущем и в научную жизнь.

Поставив в качестве эпиграфа строчки из воспоминаний И. Эренбурга о молодых людях 60-х гг., я имел в виду не столько наше поколение, ставшее студентами ЛГУ в 1970 г., сколько всех выпускников 60–70-х гг. с сумасшедшими конкурсами на физические специальности в МГУ, НГУ, ЛГУ, МФТИ и МИФИ. Следует признать, что к 1970 г. конкурсы заметно снизились, но ранее выставленная планка для приема оставалась очень высокой.

Подозреваю, что мнение Эренбурга, будь он жив сейчас, изменилось бы, ведь современная активная молодежь охотнее подает документы на гуманитарные или экономические специальности университетов. Но я абсолютно убежден в том, что в современной науке нет более динамично развивающейся области, чем астрофизика, которая, конечно, плоть от плоти самая настоящая физика. Вероятно, только микробиология может с ней соперничать.

Я не рассчитываю, что кому-то моя личная история будет интересна, поэтому постараюсь не погружаться глубоко в личные переживания тех лет, уж сильно сильно изменилось студенческое бытие, как и жизнь современного человека,

но все же лелею надежду, что в чем-то студенческое сознание осталось прежним в его основе – в стремлении к научному знанию и в поиске своего места в науке. Надеюсь, мои краткие записки о физфаке и университете могут быть полезны.

Здесь мне прежде всего хотелось бы выразить свою искреннюю признательность всем нашим старшим коллегам, профессорам, доцентам – преподавателям, кто учил нас эти пять лет. Увы, фамилии многих достойных людей стерлись из памяти, к счастью, другие навсегда остались в голове, как имена первых школьных учителей.

Я следую некой заданной схеме, отвлекаясь на современную жизнь.

Причины выбора физфака: школа, кружки, олимпиады, друзья, родители, семья

Итак, в далеком 1970-м, как писали тогдашние газеты, в году ленинского юбилея и в завершающем году 8-й пятилетки, я приехал в Ленинград поступать в ЛГУ из военного городка на берегу Финского залива в Эстонии. Выбор не был случаен: на физфак после окончания 45-го интерната годом раньше поступил мой друг детства Сергей К. и его новые друзья. Мой одноклассник Сергей Д. тоже решил стать физиком, а одноклассница Наташа Л., последние два школьных года учившаяся в Ленинграде, собиралась на биофак ЛГУ. К тому времени я уже два года исправно выполнял задания заочной физматшколы, присылаемые мне из Ленинграда, с улицы Савушкина. От корки до корки я штудировал замечательный журнал «Квант», первый номер которого вышел в 1970 г., и трехтомник элементарной физики Г.С. Ландсберга. Научно-популярные журналы «Знание – сила» и «Наука и жизнь» я читал все школьные годы. Не то чтобы я был на сто процентов уверен в поступлении (именно поэтому не пошел на матмех на астрономию, куда, собственно, стремился с детства, но там конкурс был заметно выше физфакковского). Видимо, мной двигала «энергия заблуждения», что поступлю, ведь перерешены сотни задач по физике и математике, варианты прежних вступительных экзаменов и множество олимпиадных задач. Высокие результаты в школьных, районных и республиканских олимпиадах тоже прибавляли уверенности. Отец, военный моряк, видел меня курсантом или Поповки, или Дзержинки (ленинградских военно-морских училищ) и долго был обижен, что я выбрал университет. Много лет спустя он изменил свое мнение, увидев, как в эпоху перемен стала не устроена жизнь военного моряка. Впрочем, он не знал, а я не жаловался, что жизнь молодого ученого в 70–80-е гг. тоже была не сахар.

Вступительные экзамены

Мы приехали загодя и попали в общежитие на улице Добролюбова, и это была удача: на экзамены мы ходили пешком через мост Строителей, последние денечки перед ними проводили в Публичке на Фонтанке, ели в известном кафе-автомате, работавшем допоздна, или в пирожковой на Невском. Потом студентами мы часто посещали «Сайгон», кафетерий на углу Невского и Владимирского проспек-

тов – архипопулярное и легендарное место Ленинграда (см. М. Веллера). Хотя не могу похвастать, что я кого-то из знаменитостей знал в лицо – все-таки до времени тотального Интернета, твиттеров и фейсбуков было еще далеко. В «Сайгоне» кофе варили в огромных кофемашинах, и сорта были (как я, заядлый кофеман, понимаю теперь) ординарные, и, чтобы кофе был покрепче, мы обычно заказывали двойной. Рядом, на Владимирском, была очень популярная «Пельменная», где варили заводские пельмени, опять же их двойной порции хватало надолго. Очень популярны у студентов были многочисленные кафе-мороженые, особенно «Лягушатник» на Невском, называемый так из-за цвета интерьера. Советское шампанское было дешевое, а ленинградское мороженое всегда очень вкусным и сытным. Также популярны у студентов были кафе, где готовили пончики и чебуреки – студентки еще не особенно рьяно следили за фигурой. Расположенная рядом с Главным зданием, напротив БАН, университетская столовая № 8 стала любимым обеденным местом в первый год учебы. Изредка на старших курсах мы посещали рестораны («Невский» или «Метрополь») или более демократичные кафе-шашлычные (например, на Пяти углах), обычно отмечая какой-нибудь праздник, сдачу сессии и прочее, где за 10-15 рублей можно было и вкусно поесть, и выпить хорошего вина. Сухие столовые вина, как правило, были грузинские или болгарские. Ну а мне, жителю Эстонии, часто заказывали привезти «Вана Таллин», замечательный сладкий крепкий ликер в бутылках в форме таллинской башни Длинный Герман. Вообще Эстония была близко: с Варшавского вокзала каждый день около полуночи ходил поезд в Таллин. Обычно я покупал билет в общий вагон за 2,5 рубля по студбилету и всю ночь спал на 3-й полке, а утром пересекал на трамвае Таллин с ж/д вокзала на автовокзал и к 10 часам утра был дома у родителей.

Поступили трое из четырех абитуриентов нашей комнаты относительно легко, причем и я, и мой школьный товарищ Сергей Д. Третий, Витя У., веселый, добродушный парень, трагически погиб через 3 года при пожаре в стройотряде. Как сейчас помню: задание по письменной математике было заковыристое, у меня ушло все отведенное время на решение трех задач. Я даже запаниковал, что этого будет мало для положительной оценки, так как до задачи по стереометрии я не успел добраться. Однако получил четверку.

Математику и сочинение мы писали в Большой физической аудитории НИФИ, а другие экзамены проходили в здании физфака на набережной Макарова, куда, впрочем, мы попадали со двора, где в тесном скверике биологи выгуливали несчастных подопытных собак и кошек с вживленными в головы электродами.

Следует сказать, что письменную математику сдала только половина поступающих при начальном конкурсе 2 человека на место – даже четверка сильно увеличивала шанс пройти дальше. Как потом оказалось, оба варианта задания по математике на физфаке и матмехе были одними и теми же. То есть мои страхи оказались напрасными.

Много лет спустя, когда на физмех Политеха поступала моя старшая дочь, а годом позже на филфак СПбГУ младшая, я тоже не сильно нервничал: дочери были отлично подготовлены, хотя и не обошлось без репетиторов, явления совершенно невозможного в наше время, по крайней мере для поступающих на физфак.

Обе дочери поступили и уже давно получили высшее образование, младшая защитила диссертацию (PhD) в Германии. Когда я на живом примере хочу продемонстрировать коллегам и друзьям, как много в мире изменилось, привожу пример дочери – русской девушки, которая защитила диссертацию по немецкой грамматике, выступая на английском языке.

Первые впечатления и их динамика

Простой значок, который выдали вместе со студенческим билетом, был очень дорог, я его носил все университетские годы. На нем была воспроизведена замечательная формула Планка для кванта энергии $E = h\nu$. Пожалуй, она не менее знаменита, чем формула Эйнштейна $E = mc^2$, и олицетворяла и олицетворяет современную физику. Для нас причастность к такой науке была исключительно почетна и стала первым символом: МЫ – ФИЗИКИ!

Подозреваю, что сейчас студенты не ездят на «картошку», а тогда уборка картофеля на колхозных полях была обязательным «крещением» новорожденных студентов. Надо заметить, что школьником я несколько раз ездил на уборку картофеля, мы трудились не весь день – поля в Эстонии небольшие, было весело и нетяжело. Уже в САО сотрудников ежегодно посылали (по распоряжению райкома КПСС) на уборку картофеля, работали мы две-три недели, труд был довольно тяжелый, но у нас был свой интерес: каждый зарабатывал 200-300 кг картофеля в качестве «трудодней», что было достаточно для семьи из четырех человек, чтобы пережить зиму.

Но осенью 1970 г. я не поехал с нашей группой, так как по причине относительно высокого семейного дохода мне не дали койку в общежитии (в Старом Петергофе), и мне пришлось искать съемное жилье в городе. Найти комнату в коммуналке можно было или через знакомых, или через «Львиный мостик» – стихийно организованный рынок на канале Грибоедова. Однако это не освободило меня от работ, и я почти месяц участвовал в стройке физфака в Старом Петергофе (тогда еще не было платформы Университет).

Как известно, уже было принято решение о переводе ЛГУ в Петергоф, в первую очередь физфака, матмеха и химфака. Так наш курс и проучился половину срока на набережной Макарова, а другую половину в Старом Петергофе. Там мне все же довелось пожить в четырехместной комнате в 7-м общежитии, потом в частном доме в деревне Мартышкино, но большую часть студенческих лет я прожил в разных районах Ленинграда, снимая комнаты в коммуналках. Может, кому-то интересно: комната стоила 30 рублей в месяц, хотя иногда хозяева снижали цены в «неблагополучных» многосемейных квартирах или в пригородах.

Преподаватели, предметы

Самым ярким преподавателем первого года учебы был Никита Алексеевич Толстой. Не торопясь раскуривая трубку на лекции, он артистично выводил мелом на доске формулы распределения Максвелла и реактивного движения из курса

общей физики. Довольно часто отвлекался на разные околonaучные байки, и мы слушали его затаив дыхание. Неискушенному недавнему школьнику все было в диковинку: и огромная физическая аудитория в НИФИ, и здание Двенадцати коллегий с длинным коридором, и лавина новых терминов, формул, теорем. Высшая математика началась с места в карьер: дифференциалы, интегралы, пределы, леммы, теоремы, матанализ. И так почти 3 года. Помню, что физики учились в основном по В.С. Смирнову, а матмеховцы – по трехтомнику Г.М. Фихтенгольца, знаменитым курсам высшей математики для университетов, которые не потеряли своего значения и теперь, судя по многочисленным переизданиям. Классика вечна!

На лекциях по матанализу И.А. Молоткова запомнилось то, с какой легкостью профессор выводил сложные математические формулы или доказывал теоремы. Это и восхищало, и радовало – неужели и мы так легко когда-нибудь сможем?

На одной из первых лекций по теории поля запомнились рассуждения лектора по поводу пресловутого лямбда-члена в уравнении Эйнштейна, который великий ученый использовал для обоснования стационарной Вселенной.

Как известно, ознакомившись с решением гравитационного уравнения петербуржца А. Фридмана, предусматривавшего расширение Вселенной, А. Эйнштейн признал лямбда-член своей главной научной ошибкой. Теперь-то мы знаем, что из-за ускоренного расширения Вселенной, которое впервые было обнаружено в работах по сверхновым первого типа (SNIa), авторам которых в 2011 г. была присуждена Нобелевская премия по физике, в текущие космологические модели все-таки необходимо вводить лямбда-член. То есть вводить расталкивающую силу-давление, названную темной энергией. Замечательный пример «закона сохранения идей» в физике, даже если изначально идея была неверна. И именно темная энергия является главной составляющей: в терминах плотности Вселенной на всю материю остается не более четверти, а на ее видимую часть и того меньше, только 5 процентов. Астрономы, если отсчитывать от начала телескопической эры, 4 века изучают только эти малые проценты. Молодым физикам, приступающим к изучению законов материи, стоит с оптимизмом смотреть в будущее: перед ними необозримое поле деятельности – 95 процентов неизведанного.

Запомнились лекции по философии, увы, имя преподавателя забылось, но очень отчетливо помню ее слова: «Если удастся найти „Историю России с древнейших времен“» В.С. Соловьева, то обязательно читайте этот капитальный труд, пока не осилите все пятнадцать книг». Много лет спустя мне посчастливилось подписаться на собрание сочинений Соловьева, и я прочитал почти все. Я понимаю, что сейчас есть из кого выбирать, от Карамзина до Ключевского, но и теперь каждому студенту естественных факультетов (не говоря о гуманитариях), жаждущему узнать историю России в подробностях, стоит взять в руки томики «Истории».

Из всех общественных предметов исторический материализм был наиболее интересным и идеологически почти нейтральным. Семинарские занятия по нему проходили очень живо, часто в жарких спорах. Мы готовили рефераты по заданной теме. Помню, я тщательно изучал литературу к докладу «Соотноше-

ние биологического и социального в человеке». Тема настолько обширная, что, подозреваю, и теперь нет ясного ответа, чего же в человеке больше. Хотя в те годы мы наивно считали себя в высшей степени бесплотными мудрецами.

Конспектирование, учебники, библиотека

Библиотека им. М. Горького в Главном здании была очень популярна, так как в ее читальном зале можно было найти многое, что не давали на руки простым студентам, видимо, из-за подозрения, что «зачитают». Вообще обладание той или иной престижной книгой сильно повышало твой статус в глазах и девушек, и приятелей, как сейчас айпад или мобильник последней модели. Тогда по глупости я лишился нескольких ценных книг, в погоне за «рейтингом» дав почитать их университетским приятелям. Посещение «Дома книги» и «Лавки писателя» на Невском и книжных магазинов на Литейном было обязательным ритуалом – а вдруг что-то дефицитное и интересное «выкинут» в продажу. Тиражи книг, по современным меркам, были огромными, но книг все равно не хватало – в книжных магазинах они расходились за считанные часы.

В читальном зале кроме положенных учебников мы листали замечательные альбомы древнерусской или западноевропейской живописи, читали «Конармию» Бабеля или труднодоступные сборники стихов популярных поэтов. Разумеется, среди студентов ходили разного рода списки, рукописные издания редких книг. Огромное впечатление на меня произвела машинописная копия пьесы А. Вознесенского «Антимиры», которая к тому времени была поставлена в Театре на Таганке.

Я отчетливо помню тот день, когда по заданию руководителя курсовой впервые взял в руки номер *Astrophysical Journal* с нужной статьей по магнитосфере нейтронных звезд. Текст показался мне таким трудным, что я сидел над ним чуть ли не месяц. С тех давних пор я регулярно просматриваю свежие выпуски *ApJ* и за год прочитываю десятки статей из него. Теперь у меня самого опубликованы статьи в этом престижном научном журнале (США), и я рецензировал рукописи статей для него. Несомненно, для будущего ученого ознакомление со свежими статьями по специальности является неотъемлемой частью научной деятельности. Это особенно стало удобным с 90-х гг., когда была создана база данных препринтов, электронные копии которых доступны всем через ее вэб-сайт (arXiv.org).

Я понимаю, что читальные залы как в библиотеке физфака, так и в Главном здании были малы для такого числа студентов – в периоды подготовки к экзаменам мест в читалках никогда не было. На физфаке в Петергофе этой проблемы уже не было: помещений и аудиторий стало достаточно, но все-таки перевод трех самых больших факультетов университета в Петергоф был спорным решением. Недаром все гуманитарии так и остались в городе. Я бывал в нескольких западных университетах, редко факультеты разбросаны дальше чем на пару километров, всегда университетские кампусы прекрасно оборудованы, компактны и обособлены, но недалеко от городских центров, в них создана столь важная молодежная

студенческая атмосфера, где есть место интенсивной учебе, науке, творчеству, отдыху, спорту, здоровому соперничеству факультетов и романтическим отношениям. Увы, наши общаги без сколько-нибудь развитой инфраструктуры были совсем не приспособлены для серьезной учебы – больше напоминали ночлежки. Интересно, что мне, уже научному работнику, довелось жить в знаменитом Главном здании МГУ на Воробьевых горах в студенческом общежитии. Там комнаты маленькие, но удобны, меблированы и рассчитаны на ОДНОГО студента; с холодильником, кухней и ванной комнатой в едином боксе на двоих. А какой вид на Москву!

На физфаке учились немногие девушки, были и умницы и красавицы, но одним из самых сильных тогдашних впечатлений было случайное посещение Института советской торговли – от такого обилия со вкусом одетых стройных красавиц у меня голова пошла кругом. Секрет, видимо, был в том, что в такие вузы часто поступали дети родителей из той же среды, советских торговых и партийных работников, для которых не было проблемой достать (именно достать, а не купить) хорошую западную одежду своему любимому чаду. Надо заметить, что в целом мы сильно порицали фарцовщиков как наглых спекулянтов, но купить дефицит без «блата» в стране было крайне трудно, нередко люди были вынуждены покупать у спекулянтов что-то нужное или модное, переплачивая в 2-3 раза.

Зачеты, экзамены, хвосты

Прежде всего стоит сказать про пресловутые «тыщи» – так мы называли сдачу английских текстов определенного объема (без этого не получить зачет по языку). Измерялись тексты в тысячах знаков, и нормы сдачи росли с каждым семестром. Найти легкий и интересный политический текст было трудно, газетный английский мы осваивали в основном по Morning Star и Daily Worker – газетам английских и американских коммунистов. Moscow News и индийские газеты нельзя было использовать: считалась, что их английский язык был сильно упрощенным.

Тексты по специальности мы брали из научных журналов или монографий. Помню, я переводил книгу Мензела по физике Солнца. Наш первый преподаватель английского П. был настолько строгим, что его за отличное знание языка, некоторую чопорность и своеобразное чувство юмора мы за глаза называли английским шпионом. Но он был справедлив: знание английского языка абсолютно необходимо для успешной научной работы, и, чем раньше студент это поймет, тем легче ему будет во «взрослой» жизни. Сейчас это понимают даже школьники младших классов, для советского студента 70-х гг. возможность интенсивного общения с носителями языка была весьма призрачной.

Теперь из-за наличия электронных переводчиков такая система обучения, видимо, не применяется. Кстати, письменный перевод заданного текста с иностранного на русский мне кажется и сейчас эффективным способом освоения иностранного, да и родного языка.

Спецкурсы, спецсеминары, работа на кафедре, конкурсы, задачи, доклады, публикации

На 3-м курсе мы распределились по специальностям, я уже твердо решил делать диплом по радиоастрономии. К тому времени я купил замечательный учебник «Радиоастрономия» Джона Крауса, одного из основоположников американской радиоастрономии, поэтому пошел на «радиофизику». Теперь эта кафедра значителась как теоретическая; в то время студенты-радиофизики были потенциальными работниками закрытых НИИ, «ящиков» (в том смысле, что нормального адреса у них не было, только номер почтового ящика). Кроме того, именно радиофизиков чаще всего призывали офицерами в армию на 2 года после окончания ЛГУ, так как наша ВУС была довольно востребована. Однако был и большой плюс: все старшие курсы, мы при условии хорошей и отличной успеваемости, получали «чистыми» стипендию 69 рублей, так как подоходный налог начинали брать с дохода 70 рублей.

Чтобы перевести эту стипендию на сегодняшние деньги, нужно условно сравнить уровень цен на обычные товары тогда и теперь. Даже по самым заниженным оценкам коэффициент перевода не меньше 100. То есть моя стипендия была около 7 000 рублей в ценах 2011 г. Только не спешите завидовать: когда я пришел в САО РАН в 1976 г. на должность стажера-исследователя, мой оклад «чистыми» был равен 84 рублям. А для семейного человека это были весьма скромные деньги.

Хочется вспомнить семейную пару – Т.П. Егорову и Н.Ф. Рыжкова, сотрудников Ленфилиала САО, которые буквально дали мне путевку в жизнь. Я приехал к ним познакомиться в Пулковку, и они согласились направить в деканат физфака официальный запрос на мое распределение в Специальную астрофизическую обсерваторию. Надо заметить, что без постоянной ленинградской прописки я не мог рассчитывать на распределение в Ленинграде. В Эстонию уже некуда было возвращаться – отец перевелся в Смоленск. Поэтому я с легкой душой согласился на совершенно незнакомое для меня место на Северном Кавказе. Честно говоря, я не особенно понимал, что буду работать в НИИ Академии наук СССР. Новая обсерватория, начало новых исследований на крупном телескопе, желание применить знания – вот что прежде всего двигало мною при этом выборе. При официальном направлении на работу руководители кафедры, как мне показалось, были сильно удивлены моему выбору, ведь я мог рассчитывать на более выгодные условия в закрытых институтах, расположенных хоть и не в столицах, но в крупных городах СССР.

Главным спецкурсом на кафедре радиофизики были лекции Г.И. Макарова по распространению радиоволн. Читал он их блестяще, мы еле успевали за быстрыми мыслями профессора, а к концу лекции рука с шариковой ручкой просто

С. Трушкин (1976)

немела от объема написанного, в то время как Г.И. Макаров все сложные математические выкладки делал на доске мелом.

Г.И. был тогда ректором ЛГУ, но никогда это не показывал нам, своим студентам. Не помню ни одного конфликта на уровне ректора. Его сменил физико-химик В.Б. Алесковский, а потом ректором ЛГУ был избран блестящий матфизик С.П. Меркурьев. Традиция избирать на высший университетский пост представителя естественных наук не нарушалась в университете до 90-х гг. Кстати, а в МГУ до сих пор. И в этом есть определенный смысл гарантии академической независимости университетов и отражение того обстоятельства, что естественные факультеты – самые многочисленные и по профессуре, и по числу студентов. Конечно, я заметил, что в СПбГУ открылись новые факультеты с совершенно удивительными названиями, мне трудно судить, насколько они востребованны, могу сказать только, что естественные факультеты всегда должны оставаться ядром и основой главных университетов страны.

Стоит заметить, что в тех российских университетах, где ректоры – ученые из естественных наук, не было такой волны скандалов, которая прокатилась по СПбГУ в последние 10–15 лет. Назначение ректоров как госчиновников и назначение ими деканов выстраивает почти армейскую систему, что абсолютно губительно для развития университетской науки и демократических традиций в студенческой среде. Вряд ли можно сильно гордиться тем, что два самых знаменитых российских университета находятся в третьей или четвертой сотне в мировом рейтинге. У меня нет простого рецепта исправления ситуации, но с этим что-то надо делать.

Я с теплотой вспоминаю содержательные спецкурсы В.В. Новикова, ученика Г.И. Макарова. Именно в его лекциях мы познавали сложность и красоту магнитогидродинамики. Очень глубокие лекции по нелинейной радиофизике читал профессор В.Н. Красильников, позже занимавший пост проректора ЛГУ. Не могу не упомянуть об А.П. Молчанове, который с большим знанием предмета читал нам лекции по радиоизлучению Солнца.

Физкультура и спорт

По совету старших физфаковцев я сам пришел в секцию регби. Тогда мой вес было около 70 килограммов, а стометровку я бегал за 12 секунд. Это тренера удовлетворило, и меня поставили в «вееер» – защитником на бровке (14-й номер). У нас была дружная и веселая команда, тренер – фанат своего дела, глубоко понимающий регби. Мы регулярно тренировались и неизменно становились победителями первенства студенческих команд Ленинграда. Недавно я «с чувством глубокого удовлетворения» (выражаясь словами Л.И. Брежнева) узнал, что эта традиция до сих пор поддерживается. Физфак – чемпион!

К сожалению, в 2011 г. первый опыт участия сборной России в финале Кубка мира по регби в Новой Зеландии был более чем скромный: все матчи наши ребята проиграли, но отважно боролись. Чуть изменив слова из песни В. Высоцкого, скажем: а регбисты – до лучших дней!

Военная кафедра, лагерные сборы

Когда после сдачи на отлично экзамена по военной специальности, принятия присяги на сборах в Выборге я привез домой грамоту «Отличнику боевой и политической подготовки», отец выразительно повздыхал. И это объяснимо: некоторые старшие выпускники нашей школы уже командовали военными кораблями или подводными лодками.

Новая хлопчатобумажная форма, которую нам выдали на сборах, была пошита по лекалам формы пехоты Отечественной войны. Кто-то пошутил, что она лежала на складах с 1941 г. Картину дополняли кирзовые сапоги, которые мы остервенело надраивали, и пилотки. Отсутствие каких-то ясных знаков отличия, воинского звания или статуса часто ставило в тупик попадающих при встрече военных в Выборге. Мы же молодежато отдавали честь без тени улыбки. Финские туристы останавливали свои красивые автобусы, высыпали на дорогу с фотокамерами и начинали снимать нас, шагавших в новой форме и с АК-47 на плече, как что-то исключительно диковинное. Мы мирно и снисходительно улыбались такому вниманию, твердя про себя, что Выборг не отдадим. Надо заметить, что финны в ту пору из-за сухого закона в своей стране в большом количестве приезжали в Ленинград, чтобы оторваться по полной. Часто это выглядело отталкивающе: я наблюдал картину, как пьяные гости кидали в толпу ленинградских мальчишек у гостиницы «Европейская» пластинки жевательной резинки, хохотали и фотографировали, как те суетятся от таких подачек.

Как изменилась жизнь! Теперь ежедневно несколько поездов и множество автобусов привозят тысячи питерцев в Финляндию, и владельцы приграничных магазинов, отелей и ресторанов мило им улыбаются, понимая, что без этого потока русских их бизнес прогорит.

Кормежка на сборах была жутко плохой – не знаю, как это удавалось в то время выращивать свиней, состоявших исключительно из сала. Не было ничего противнее этого вареного сала с плохо сваренными перловкой или пшеном и жидким картофельным пюре.

После принятия присяги мы впервые стояли в карауле на постах с АК с примкнутым штыком и при двух снаряженных боевыми патронами магазинах, что вызывало некоторую опаску у местных солдатиков-срочников, планирующих ночную самоволку из части.

Зато мы отрывались на плацу, где пение и отработка строевого шага были главным развлечением. «Не плачь, девчонка, / Пройдут дожди, / Солдат вернется, / Ты только жди!..» – эта песня нашего взвода батареи. Казалось, что эта девчонка – собирательный образ из двух десятков почти осязаемых юношеских фантазий, рождающихся во время пения, – вот-вот появится из пены морской.

Интересно, что на сборах самыми боевыми были часто не те студенты, что выделялись на занятиях в универе. А некоторые выглядели настолько бравыми и естественными, что казалось, что уже многие годы они носили военную форму.

Артиллерийские стрельбы с участием местных офицеров, мастеров-артиллеристов произвели неизгладимое впечатление на нас: все мишени поражались

с 1-го или 2-го выстрела прямо у нас на глазах. А ведь батарея 155-миллиметровых гаубиц стояла в 5-6 километрах от стрельбища. К ней нас также отвезли, и мы увидели, как ведут стрельбу солдаты-срочники. Так как всю ночь перед этим мы провели у костра в разговорах и песнях, то утром уже на 3-4-м залпе сладко посапывали на травке, не обращая внимания на вой снарядов и гром пушек. Тем же вечером к нам в расположение взвода, в лес, прибыл танк Т-54. Экипаж состоял из ребят, которых призвали на 2-месячные сборы уже после армии, то есть они были нашими ровесниками. Мы не могли упустить такую редкую возможность проехаться на броне. До сих пор помню этот ни с чем не сравнимый заезд танка с облепившими его по кругу студентами в новенькой военной форме. Мы промчались по артиллерийскому полигону на большой скорости, наши души были полны счастья, а разговоров о мощи танковых двигателей было еще на несколько дней. Не попавшие на танк приятели завидовали нам так, будто мы слетали на Луну.

Колорит военных сборов я передал позже отцу, спев неформальные лагерные песни, он долго громко смеялся, хотя на флоте многое повидал.

Куратор

Куратором нашей группы был Александр Сергеевич Гребинский, который стал руководителем моей дипломной работы. Он был терпелив и не был излишне придирчив, я всегда с теплотой его вспоминаю. Мы встречались позже, когда в 90-е гг. он работал ученым-визитером в нашей обсерватории и был прикомандирован к Ленфилиалу САО в Пулково. В те годы была принята такая новая система интеграции университетской и академической науки. В чем-то она себя оправдала, так как умение выступать на семинарах и доводить свою мысль до аудитории у вузовских ученых значительно выше. А ученые из академической экспериментальной науки больше нацелены на результат и поддерживают более тесные научные контакты в мировой науке.

Однокашники

К сожалению, несмотря на частые командировки в Ленинград, я не бывал на физфаке, не общался со своими одногруппниками. Как-то сложилось, что мои друзья были из физиков других специальностей. Бывая часто в Пуццино-на-Оке, я неоднократно бывал в гостях у Кости В., который работает в Обнинске. Встречались мы с Валерием С., тоже с нашего курса, который, вероятно, одним из первых среди наших однокашников защитил кандидатскую диссертацию. Я всегда чувствовал их искренний интерес к достижениям современной астрофизики, а сами встречи были очень теплыми и наполнены воспоминаниями.

Бесспорно, любой студент университета встречается и общается с большим числом однокашников за годы учебы. И часто приятельские отношения переходят в постоянную дружбу, но нередко жизненные пути расходятся навсегда, мы теряем друг друга из виду, находя новых приятелей. Мне много дали стройотряды, когда нас объединяло не только банальное стремление заработать денег,

но и собственно коллективный труд, песни под гитару, разговоры у костра и участие в концертах агитбригад. Нередко в стройотрядах зарождались и романтические отношения. Я помню прекрасную пару, студента и медсестру, просто созданных друг для друга. Их знакомство состоялось из-за витаминов, за которыми мы послали нашего бригадира Сергея О. в местный медпункт в поселке. Осенью в Ленинграде была сыграна настоящая молодежная свадьба.

Стройотряды

Я ездил в стройотряды 3 года только в Коми АССР: Вуктыл, Троицко-Печерск и Тимшер. Стройотряды были замечательной возможностью заработать за 2 месяца от 500 до 1 000 рублей – огромные деньги для студента. Изначально для оценки труда в стройотрядах правительством предусматривался коэффициент 1,17, кроме того, имелись региональные коэффициенты: чем дальше на север, тем они выше, доходя до 2-х за полярным кругом. То есть за одну и ту же работу в Коми мы получали почти в 2 раза больше, чем в Ленобласти.

Сами стройотряды на общем собрании вводили коэффициенты к трудодням. Были поварские, командирские, бригадирские, мастерские коэффициенты. Квартирьеры – студенты, приезжавшие или раньше, чем весь отряд, или те, которые оставались для завершения всех работ до сентября, тоже получали больше. Нередко студенты в стройотрядах приобретали строительные специальности – бетонщика, сварщика, плотника и т. п.

Сейчас я понимаю, что стройотряды страдали всеми теми же недостатками, что и вся советская экономика, малоэффективная, основанная на мелких, а иногда и крупных приписках. Мастера (обычно не из студентов) часто обладали пониженными принципами морали (если не были просто пройдохами), от них во многом зависело, как закроят наряды местные руководители предприятий. Однако мы работали с искренним энтузиазмом, часто не считаясь со временем. И если путем штурмовщины делали все вовремя, то могли рассчитывать на аккордную, более высокую оплату. В Тимшере отряд работал под началом плотника Г., из выселенных еще в начале Великой Отечественной войны немцев Поволжья. Он был очень опытный строитель, мастер своего дела, многому научил нас, и в то лето наши заработки были особенно высокими.

Досуг

Когда вспоминаю студенческие годы, то понимаю, что самым главным источником активного досуга был сам город. По крайней мере, для иногородних. Русский музей и Эрмитаж – мировые музеи на все времена. Могу это ответственно заявить, так как бывал в Лувре в Париже, Национальном музее в Амстердаме, Британском музее в Лондоне и знаменитых музеях Молла в Вашингтоне. До любимых импрессионистов в Эрмитаже тогда мог бы дойти с закрытыми глазами, так часто бывал в этих залах. Улицы и архитектуру Ленинграда мы изучали со спортивным азартом. И многие архитекторы и сейчас легко узнаваемы. Прези-

ни, Растрелли, Росси, Монферан, Штакеншнейдер, Захаров – имена, которые никогда не забудутся. А как любимы были восстановленные после войны музеи и парки Павловска, Пушкина, Петергофа и Ломоносова! Надо заметить, что город серьезно готовился к празднованию 150-летия восстания декабристов (1975 г.), к этой дате были изданы или переизданы многие удивительные книги по истории Петербурга, на «Ленфильме» В. Мотылем был снят замечательный фильм «Звезда пленительного счастья».

Естественно, мы посещали филармонию, была распространена система абонементов – можно было купить билеты на весь сезон. Помню вечер М. Таривердиева, тогда, еще до всенародной славы музыки к «Семнадцати мгновениям весны», зал был полупустой. Елена Камбурова и сам М. Таривердиев исполняли написанные им песни и романсы. Очень выразительно и необычайно душевно звучал музыкальный цикл на сонеты Шекспира, который пел сам композитор.

БДТ – лучший театр Ленинграда в 70-е гг.: «Ревизор», «История лошади», «Мольер» и другие. На сцене блистали З. Шарко, Е. Лебедев, О. Борисов, Н. Тенякова, С. Юрский и О. Басилашвили. Последние двое выступали на своих творческих вечерах на физфаке в Старом Петергофе. Разумеется, с огромным успехом.

Замечательные спектакли ставились в ТЮЗе, где выделялся молодой Г. Тараторкин («Гамлет»). В театре Ленсовета блистала А.Б. Фрейндлих («Укрощение строптивой»).

Интересно, что «Гамлет» был необычайно популярен в те годы: многие помнят потрясающий фильм 60-х гг. Г. Козинцева с И. Смоктуновским, удивительно читал всю пьесу В. Рецпер (Театр одного актера), был поставлен балет на сюжет «Гамлета» на музыку Д. Шостаковича. Наконец, В. Высоцкий – Гамлет в Театре на Таганке.

Какое сильное впечатление произвели лекции сексолога А. Кона, проходившие в НИФИ! Несколько вечеров огромный зал был забит битком, сидели и преподаватели, и студенты. Всем было крайне интересен предмет выступления, хотя никакой эротики или физиологии в лекциях и в помине не было.

Запомнилось выступление Д. Голощекина со своей джаз-группой в старом здании физфака. Особенно поразило мастерское использование такого классического инструмента, как скрипка в джазе. Видимо, до джаза надо дорасти, много лет позже я им увлекся в полной мере, но точно могу сказать, что тогда живое исполнение джаза стало сильнейшим музыкальным впечатлением.

Гастроли Театра на Таганке – еще одно заметное театральное событие Ленинграда тех лет. Тогда я не увидел спектакли с участием В.С. Высоцкого – попасть на них было крайне трудно. Занятно, что я все же смотрел спектакль «Жизнь Галилея» с Высоцким в главной роли в Москве в 1969 г. Стоит ли говорить, что тот спектакль о жизни ученого-физика и первого астронома западного мира, взявшего в руки телескоп, чтобы изучать небо, оказал решающее действие в выборе профессии.

Также помню замечательный задорный музыкальный спектакль «Страсти по Тиллю» с Н. Караченцовым, который привозил в Ленинград московский Ленком.

Несомненно, самым распространенным досугом студентов было кино. В кинотеатре «Кинематограф» на Васильевском острове мы смотрели многие знаменитые западные фильмы и диснеевские мультфильмы.

Знаменитые фильмы А. Тарковского «Солярис» и «Зеркало» вышли на экраны как раз в эти годы. Конечно, «Солярис» мы читали, Станислав Лем был кумиром многих студентов-физиков. Нельзя сказать, что мы всецело приняли интерпретацию книги Тарковским. Мы рассуждали так: встреча с другими формами разума, совершенно отличными от человеческой, не может закончиться тривиальным рукопожатием сторон. Велика вероятность, что мы просто не поймем и не оценим друг друга – никогда человек не будет равен мыслящему океану. Но игра актеров в «Солярисе» была столь выразительна, так сильно подкупала искренностью, что мы прощали режиссеру отступления от глубоких идей книги. Замечу, что последняя версия «Соляриса» с отличным актером Дж. Клуни многократно уступает не только книге Лема, но и советскому фильму.

Функционирование комсомольской организации. Поездки за границу

Не хочется об этом говорить в деталях, знаю только, что 4-й абитуриент из нашей комнаты, исключительно талантливый парень, призер всесоюзных олимпиад, по его же шутливому признанию – гремучая смесь из корейской и немецкой крови родителей, был откровенно завален на экзамене «сочинение», где он что-то лишнее ляпнул в свободной теме о физиках и лириках.

Я не уклонялся, но и не лез в формальную комсомольскую работу. А вообще неискушенность или даже беспечная наивность нашего поколения в политических делах сочеталась с частым, хотя и нерегулярным слушанием «Голоса Америки», «Свободы», «Радио Швеции» и прочего. Недаром первым вождельным приобретением студенческих лет был рижский приемник ВЭФ-201, отлично принимающий западные станции в КВ-диапазоне (16–25 м). Этот приемник был куплен в магазине у порта по наводке знающих ленинградцев на первые заработанные в стройотряде деньги летом 1971 г. Позже я купил и катушечный магнитофон, куда переписывал концерты В. Высоцкого или сборники западной популярной музыки из передачи центрального радио «Запишите на ваш магнитофон».

Вообще от студентов-физиков не требовались постоянные и активные общественные действия, как на гуманитарных факультетах. Но современному читателю надо понимать, что такие обязательные курсы, как «История КПСС», «Политэкономия социализма», «Научный коммунизм» при публичном неприятии могли привести к серьезным неприятностям, вплоть до исключения из университета. У нашего курса были конфликты с некоторыми преподавателями общественных наук, но как-то они разрешались. Видимо, преподаватели были достаточно разумными людьми и понимали, что не стоит портить студенту жизнь, если он никак не может запомнить даты проведения всех съездов партии или нечетко знает 3 источника и 3 составные части марксизма.

Надо учесть, что военная кафедра на физфаке была довольно важной частью учебного процесса. Мне, сыну военного, это не было в новинку, но для некоторых моих товарищей «секретность» стала крайне обременительна. Была история с похищением одной из секретных тетрадей – конспекта лекций на нашем курсе. Подробности этой, почти детективной, истории уже забылись, но помню, что она плохо кончилась для двух или трех наших однокурсников. Так как Интернета тогда не было и не могло быть, то все подобные случаи не становились общественным событием и просто замалчивались. И хорошо, если тот или иной герой отделялся академкой – отпуском на год.

К сожалению, даже в таком живом деле, как стройотряды, случались ситуации, когда всплывали истории с «откатами». Дело кончалось не только исключением, но судом и реальными тюремными сроками. Не имею права называть фамилии даже по прошествии стольких лет, но я их помню, и мне искренне жаль своих товарищей.

Поездки студентов за границу в 70-е гг. были редки. Как известно, сначала советские люди «проверялись» на соцстранах. У нашего поколения много всяких поговорок на сей счет, например «Болгария – не заграница». Вот и 12 радиофизиков-старшекурсников (из двух полноценных групп) предполагалось послать в ГДР. Конкурс был жестокий, показатели в учебе и участие в общественной жизни были решающими факторами. Я попал в список кандидатов как активный участник стройотрядов и командир оперотряда. Все мы в обязательном порядке подготовили доклады по ГДР, другим соцстранам и СССР. Дружно выступили. ГДР имела лучшие экономические показатели в соцлагере. Помнится, что в конце 70-х в Москве открылся огромный универмаг «Лейпциг» с гэдээровскими товарами, обязательный для посещения многими приезжавшими в Москву в пору тотального дефицита.

Итак, для выезда осталось пройти парткомиссию факультета. Всех нас вызвали по одному на ее заседание, задавали каверзные вопросы, и, конечно, самым важным было знание Восточной Германии. Не дай бог не знать руководителей государства, среднюю зарплату и общественные фонды потребления в ГДР. Но мне достался вопрос о Бангладеше... Надо заметить, что эта страна с населением свыше 100 миллионов в ту пору (в 1971 г.) образовалась из восточной части Пакистана и была совершенно незнакома среднему студенту. Разумеется, я «поплыл», что-то вспомнив про бенгальских тигров и постоянные наводнения в дельте Ганга. Но вопрошающий меня вконец застыдил, сказав, что непростительно не знать страну с таким огромным населением, которая встала на путь строительства демократического государства. Не знаю, ставила ли комиссия оценки потенциальным выезжающим, но вряд ли я заслужил сакраментальной формулировки «политически грамотен». В завершение истории скажу, что последнее университетское собеседование в Главном здании я беспечно проспал и, разумеется, никуда не поехал. Потом страшно завидовал гэдээровским джинсам, привезенным группой счастливчиков.

Еще один раз я попал на выездную районную парткомиссию в 1981 г. уже на Кавказе, в станице Зеленчукской. Несколько молодых сотрудников нашей об-

серватории были отобраны для поездки в ФРГ для участия в конференции молодых радиоастрономов. На заданный вопрос о положении в ФРГ я бодро стал рассказывать о политике разрядки, о подписанных тогда главами западных стран и нашим генсеком КПСС Л.И. Брежневым мирных соглашениях по разоружению и прочем. Кстати, и Л.И. Брежнев почти в те же сроки должен был приехать в ФРГ с официальным визитом. Но я с ужасом увидел, что один пожилой член комиссии сильно покраснел от еле сдерживаемого гнева и выдал: «Не будь таким беспечным – ты что, не знаешь, что там живут одни фашисты?» Как вы понимаете, тогда мне стало совсем не до смеха – запросто могли и не пустить в ФРГ за такой «либерализм». И только авторитет Академии наук СССР помог мне впервые побывать в Германии.

Стоит ли говорить, что поездка была незабываема, хотя на неделю у каждого советского радиоастронома было около 30 германских марок и никакие западные джинсы мы не могли себе позволить.

Восприятие страны в период пребывания на физфаке

Я родился и вырос в относительно благополучной республике – Эстонии. Комсомольская организация и учителя в школе были весьма лояльны к западным тенденциям, нам разрешалось многое. Школьная музыкальная группа «Синус», созданная по подобию «Битлз», пела в основном их репертуар, а на школьных вечерах сначала твист, а потом шейк были обычными танцами. Весь радиоэфир был заполнен западной музыкой, а финское телевидение смотрела вся прибрежная Эстония. Но и поступив в университет, я не скрывал своих «космополитических» взглядов, но и лишнего не говорил, оставаясь всецело советским студентом.

В помещении военной кафедры на истфаке висел замечательный плакат «Герои Гражданской войны» с краткими биографиями. Только вот почти все герои закончили жизнь в 1938 г. Мы друг дружку с усмешкой спрашивали, что это за мор такой напал на наших легендарных командармов. Разумеется, многие студенты знали о XX и XXII съездах партии и о разоблачении культа личности Сталина. Знали и о Пражской весне, когда чехи и словаки хотели построить социализм с человеческим лицом, но им не дали советские танки. Но мы совершенно искренне верили, что это были перегибы истинно верных ленинских норм. По крайней мере, хотели в это верить. Правда, эта святая вера в социалистическую справедливость сочеталась в нас с весьма негативной оценкой состояния дел в стране. Позже я был в чудесной Праге, где творили Браге, Кеплер и Эйнштейн и где метро – копия ленинградского. Пражский памятник жертвам коммунизма – пронзительный укор системе нашей страны, сломавшей судьбы тысяч и тысяч своих и чужих граждан.

60-е гг. были еще относительно благополучные для СССР – они были временем бурного роста промышленности, освоения космоса и заметного роста благосостояния народа. Молодежь была полна энтузиазма и оптимизма. Но сельское хозяйство хронически буксовало, страна стала регулярно закупать зерно на день-

ги от продажи нефти, которой в стране было много. Физики были в почете. Как сказали бы теперь, было много «позитива», хотя очевидно, что это было не так. В 1972 г. из страны был выслан И. Бродский, в 1974 г. – А.И. Солженицын и за ним М. Ростропович и Г. Вишневецкая. А ведь мы слышали главы из «Архипелага ГУЛАГа» из передач западных радиостанций, читали «Один день Ивана Денисовича», опубликованный в «Новом мире». «Новый мир» времен Твардовского стоял в читалке библиотеки ЛГУ. Именно эти номера многое дали мне для воспитания самосознания.

В 70-е гг. советская интеллигенция зачитывалась «Литературной газетой», заполненной острыми социальными статьями, судебными очерками, писательскими и научными дискуссиями. Не пропускали мы и сатирический «Клуб 12 стульев» на последней странице «Литературной газеты».

Инакомыслие, свобода и прижим

Когда я услышал о восстании на корабле Балтфлота «Сторожевой», командиром которого был капитан 3-го ранга В.М. Саблин, меня это сильно поразило. У меня были школьные приятели – военные моряки, мой отец никогда не был упертым коммунистом, не раз за кухонным столом без всякой симпатии отзывался о высшем руководстве страны. Но все-таки выступление военного корабля против советской власти выглядело чем-то совершенно невообразимым. Что-то неладно было в советском королевстве.

Присуждение А.Д. Сахарову в 1975 г. Нобелевской премии мира стало резонансным событием, в некоторой степени Рубиконом. Страна неудержимо скачивалась к политическому зажиму, позже следующие годы до перестройки назовут безвременьем, началось уже не прикрытое никакой идеологической риторикой силовое подавление любого инакомыслия или даже слабого намека на него. О реальной позиции и высказываниях А.Д. Сахарова думающие люди слышали из сообщений западных станций. Хорошо известно, что позже, в 1980 г., когда Сахаров резко высказался против ввода войск в Афганистан, он был лишен всех наград и званий и сослан в Горький. Надо отдать должное Академии наук СССР – она отказалась лишить его звания академика. Перед легендарным I съездом народных депутатов СССР в 1989 г. проходило выдвижение кандидатов от общественных организаций. Ученый совет САО вместе с почти 150 другими институтами АН также поддержал выдвижение А.Д. Сахарова от Академии.

Стоит заметить, что присуждение Нобелевской премии по литературе А.И. Солженицыну в 1970 г. прошло для меня почти не замеченным – осень в Ленинграде была хлопотная. Но теперь-то я ясно понимаю, что обе «советские» Нобелевские премии были серьезными вехами в российской истории, лауреаты своими отважными действиями приблизили и перестройку во второй половине 80-х, и печальный, но неизбежный 1991 год.

Окончание Вьетнамской войны в 1975 г. стало еще одной вехой того времени. Не будет преувеличением сказать, что мы всем сердцем симпатизировали героическому народу Вьетнама все эти 10 лет. В такой позиции не было боль-

шой заслуги советского руководства, хотя военная помощь СССР Вьетнаму была огромна. Мы уже знали, как к этой войне относится западная молодежь, сжигающая призывные повестки, отказывающаяся от высших наград (Дж. Леннон) в знак протеста, устраивающая многотысячные демонстрации в поддержку мира по всему свету.

Атмосфера на физфаке

Одним из запоминающихся событий стал первоапрельский семинар (1971 г.) в Большой физической аудитории в НИФИ. Выступали по очереди преподаватели физфака с шутивными «научными» докладами, а потом точным акустическим прибором измеряли шум одобрительных аплодисментов – выигрывал тот, у кого уровень шума был выше. Доклады, произносимые совершенно нейтральными академическими голосами, сопровождалось гомерическим хохотом аудитории. Оказывается, советские физики ТОЖЕ ШУТЯТ.

Без преувеличения могу заявить, что сама учеба и жизнь в течение 5 лет в Ленинграде оказали решающее влияние на мою дальнейшую судьбу. Очень пригодился опыт выполнения лабораторных заданий, именно «лабораторки» приучили к выполнению физического эксперимента. Придя на работу в обсерваторию, я знал, что такое антенна, диаграмма направленности, волноводы, понимал волновые решения уравнения Максвелла, свойства электромагнитного излучения, оптические законы, строение атома и ядра – в астрофизике без этого делать нечего. Понятно, что мне пришлось доучиваться – астрометрия, сферическая астрономия, методика астрономических наблюдений были освоены самостоятельно или при поддержке старших коллег во время учебы в аспирантуре. Пришлось только пожалеть, что у нас не было полноценного курса по космическому излучению. Мне кажется, сейчас такой курс необходим всем физикам, оканчивающим факультет. Без ясного представления о достижениях современной (точной!) космологии и ключевых методах исследования космоса не будет квалифицированного физика. К тому же такие знания будут «прививкой» от всякой псевдонаучной космической чепухи, культивируемой некоторыми СМИ.

* * *

Итак, юношам и девушкам физфака могу по-дружески пожелать: цените своих преподавателей, поддерживайте в себе интерес к науке, непрерывно расширяйте свой кругозор постоянной учебой, даже сдав последний экзамен в СПбГУ. Сейчас для этого много возможностей: от книг и журналов до научных веб-сайтов и телеканалов. С другой стороны, неустанно углубляйте знания в области вашей специальности; чтение научных статей должно быть ежедневным, по крайней мере до защиты диссертации. Старайтесь участвовать в научных конференциях начиная со студенческих лет, слушайте доклады и стремитесь делать сообщения сами. Сейчас для поездки можно относительно легко получить финансовую поддержку или от оргкомитетов, или от различных фондов, к тому же имеется множество молодежных научных мероприятий, куда легче попасть.

Общие университетские курсы крайне важны – относитесь к ним предельно серьезно, особенно к математике – она основа и ключевой инструмент любой естественно-научной деятельности. Осваивайте новые математические методы работы с экспериментальными данными. И учтите замечательную истину, которую я услышал от своей дочери-филолога: «Английский – это не иностранный язык!» И если вы не жили в крупном городе (в нашем случае в Санкт-Петербурге), то всеми фибрами души впитывайте знание о нем: изучайте его культуру, историю, литературу, искусство, музыку и архитектуру. Посещайте музеи и театры. Полюбите этот город. Ничто так не облагораживает «научную почву» ученого, как культурный слой лет его студенчества. Иначе все останется пустой породой...

Эпизоды

А.М. Балонишников (студент 1971–1977 гг., доктор технических наук, профессор СПбГИЭУ)

Лекция по электродинамике. Профессор А.Н. Васильев (тогда доцент) произносит: «Электростатика... – подумав, – это когда все стоит».

Единственную двойку я получил по квантовой теории поля – было лето, и я наслаждался купанием и другими развлечениями. При передаче профессор М.А. Браун сказал: «Вы ответили на пять, но, поскольку это передача, ставлю вам в ведомость четыре». Сегодня я так же поступаю со своими студентами при передаче экзамена...

Куратор нашего курса доцент С.Ю. Славянов (ныне профессор) подходит ко мне после распределения по кафедрам и сообщает: «Думали (кто думал?), кого взять на кафедру квантовой механики: вас или Балицкого – выбрали вас». Это было приятно тогда, приятно и сейчас, зная, что Ян Балицкий – профессор в США.

С. Балонишников (1976)

Переключка студентов на военной кафедре, проводит майор Лаврик. Пытается прочитать мою фамилию (Балонишников), читает: «Балонш-ш-ш...» Продолжает переключку, доходит до студента Заяева, который отсутствует. Далее следует команда: «Студент Балонш-ш-ш, срочно привести студента Заяйца!»

Студент Куликов приносит из дома подушку и подкладывает ее себе под голову на лекции – поездка на электричке из Петербурга в Старый Петергоф очень утомительна, утром хочется спать.

Студент Пригожин пишет профессору Калитеевскому на лекции, что он (Калитеевский) плохо понимает оптику. Калитеевский спрашивает зал, кто напи-

сал эту записку. Встает Сергей Пригожин (я в ужасе). Калитеевский говорит Пригожину: «Садитесь».

Сдаю экзамен по теории атома аспиранту профессора Лабзовского Дмитрию. Я гриппую и получаю заслуженную тройку. В деканате предлагают пересдать (это моя единственная тройка в зачетке), но я отказываюсь – у меня путевка в зимний спортивно-оздоровительный лагерь в Рощино. Там друзья и красивые, умные девочки с филфака.

Сдаю экзамен по математике (всей группой письменно) у ассистента В.Б. Матвеева (ныне профессор). Владимир Борисович ходит по аудитории и внезапно заглядывает в стол студентам – не списывают ли. Поймал Надежду Богданову со шпаргалкой и поставил ей двойку. Потом они почему-то подружились. Теперь я так же пытаюсь поймать студентов со шпаргалками. Куда они их только не прячут!

Иногда мне снится один и тот же кошмарный сон – я не сдал один из экзаменов на физфаке, и меня могут отчислить из университета. Один из приятелей сказал, что это называется психологической травмой...

Несколько слов о моих наставниках

К.Н. Вишератин (студент 1970–1977 гг.,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник Института
экспериментальной метеорологии НПО «Тайфун», Обнинск)

Сентябрь, начало учебного года. Как-то вечером мы гоняли в бильярд в общаге Университета в Старом Петергофе, и зашел разговор о том, где бы подработать – 35-рублевой стипендии на месяц никак не хватало. Я тогда был третьекурсником. Ваня Кокшаров, старше меня на 2 или 3 курса, предложил устроиться на полставки лаборантом на кафедру физики атмосферы. «Найдешь Густава Моисеевича Шведа, он хороший мужик, возьмет». После блужданий по закоулкам и лестницам старого НИИ физики наконец я услышал стук форвакуумного насоса, указанный в качестве одного из ориентиров и вскоре оказался на кафедре физики атмосферы и был определен Густавом Моисеевичем в группу Людмилы Элиасовны Хворостовской. Валя Янковский, непосредственно пытавшийся добиться от меня чего-либо как от лаборанта, скоро махнул на меня рукой, но, видимо, что-то полезное все-таки я делал, т. к. в лаборантах продолжал числиться в течение нескольких лет. Все, что происходило на кафедре, было вновь и интересно, и, когда Густав Моисеевич через полгода (при распределении по специальностям) спросил, не думаю ли я продолжить учебу на этой кафедре, я согласился без колебаний.

Надо признаться, что на физфак ЛГУ я поступать не собирался. После школы (средняя школа села Корткерос Коми АССР) я намеревался пойти учиться в Ухтинский индустриальный институт, куда меня брали без экзаменов, т. к. с другими школьниками мне приходилось участвовать в геологических экспедициях (эх, был бы я теперь нефтяным или газовым магнатом!). Однако неожиданно пришло приглашение из Ленинградского университета на подготовительные курсы для сельской молодежи, и вот я оказался в общаге на 5-й линии Васильевского острова, где тем же вечером впервые увидел живого негра. Из курсов запомнилось, как математик за чем-то рассказал, как вычислять площади методом Симпсона, а физик сообщил, что он плохо запоминает формулы и не помнит констант. В общем, я сдал экзамены на четверки, но на «физику» это был непроходной балл. Я пришел за документами, но оказалось, что с такими, как я, будет беседовать Вальков Валентин Иванович. Он долго и как-то по-отечески расспрашивал меня про то, как я жил в деревне, про сенокос, про участие в олимпиадах, про родителей и затем протянул мне мое заявление и попросил добавить к специальности «физика» 3 буквы: «г», «е», «о». На «геофизику» 12 баллов были проходными...

С 1-го курса остались воспоминания о лекциях по физике: Никита Алексеевич Толстой, вальяжно раскинувшись и пустив вверх клубы дыма от сигары: «Конечно, законы физики многое могут описать, но движение этих частичек дыма вряд ли...» Было много разного и интересного, много любопытного, но остановлюсь только на нескольких фразах и ныне здравствующих и работающих на кафедре физики атмосферы профессоров.

Густаву Моисеевичу Шведу довольно сложно было сдать экзамен: 4 или 5 ставились после полного ответа на билет и 4-5 дополнительных вопросов. Как-то я сидел уже один, стараясь преодолеть последний вопрос на пути к пятерке. Густав Моисеевич подошел и, посмотрев на мои листки, неожиданно сказал: «Учеными не рождаются, ими становятся. Но для этого надо очень много работать. Только работа и труд». Сейчас эти слова кажутся очевидными, но я тогда был на 4-м курсе, и даже диплом был где-то далеко впереди... и работать особо не хотелось...

На каком-то другом экзамене у Густава Моисеевича мне попался билет с длинными математическими выкладками, и я не успел толком подготовиться к дополнительным вопросам. Густав Моисеевич предложил поставить 3. Я возмутился и сказал, что знаю минимум на 4 и приду сдавать в следующий раз. Густав Моисеевич присел рядом и медленно и четко произнес: «Я пол-нос-тью удовлетворен вашими знаниями. Именно поэтому я и предлагаю вам поставить 3 балла. Не тратьте свое время напрасно. Займитесь чем-либо более полезным. Ну, например, пригласите свою девушку сходить в театр или кино». Я растерялся и не нашелся, что ответить. С тех пор иногда, устав, или когда что-либо не получается, или получается не совсем так, как хотелось бы, я вспоминаю эти слова и думаю: а наверное, Густав Моисеевич был бы уже полностью удовлетворен тем, что уже сделано, – откладываю работу и иду заниматься «более полезными» делами.

Лев Семенович Ивлев читал нам мало, однако на производственной практике в Воейково он сказал примерно следующее: «Я никогда не доверяю чужим работам, пока сам все не пере проверю. И вам советую очень осторожно относиться к тому, что пишут в книжках и статьях». Конечно, с позиций сегодняшнего дня можно привести немало подтверждений этому тезису, однако для тогдашних студентов, которые считали, что статьи и книги пишут непогрешимые и недостижимые ученые, это высказывание было почти крамольным. Но запомнилось и не раз помогало, особенно на первых порах, преодолевать психологический барьер, ставить под сомнение и находить ошибки или неточности в чужих работах.

Юрий Михайлович Тимофеев в те времена, видимо, часто ездил в разные края и разные командировки. На лекциях он читал методы решения обратных задач применительно к дистанционному зондированию атмосферы – в общем-то насыщенный формулами и сходу трудно воспринимаемый курс. Однако Юрий Михайлович как-то умело, а иногда и смело увязывал материал лекции с рассказами о поездке. Однажды, вернувшись с симпозиума, он сопоставил речь одного из докладчиков со звуками, которые издает обезьяна, в первый раз используя палку в качестве орудия труда, и тут же предположил возможность обратной задачи по интерпретации этой речи с помощью регуляризации по Тихонову... Я до сих пор ясно представляю себе суть этой регуляризации и стараюсь по мере воз-

Пропуск в НИФИ К. Вишератина (1977)

возможности в своей преподавательской деятельности вносить в иногда скучный и неинтересный материал посторонние сюжеты.

И несколько слов об ушедшем в 2006 г. академике Кирилле Яковлевиче Кондратьеве. Тогда он был заведующим кафедрой, но со студентами, видимо, в силу занятости, встречался только один раз. Я беседовал с ним позже, когда работал в Обнинске, где созрела моя кандидатская диссертация и в силу ряда обстоятельств нуждался в поддержке. Во всех без исключения встречах, когда в назначенное время я приходил к нему – в Новосибирске, Москве или Питере, в номере гостиницы или в институте, – он всегда работал: или печатал на машинке сам или диктовал секретарше. В какой-то момент сложилась ситуация, когда мне надо было решать, поступать к нему в аспирантуру и переезжать в Ленинград или оставаться в Обнинске, где у меня была семья, общежитие и тоже сложились возможности для защиты. Кирилл Яковлевич на мой вопрос, как поступить, ответил: «Судя по всему, вы умеете работать – это главное, а место работы или защиты не имеет особого значения. Присылайте, когда напишете, автореферат».

Так уж сложилось, что в последние десятилетия проблемы, которыми занимается физика атмосферы – изменение климата, озоновый слой, загрязнение воздуха, – стали одними из самых актуальных, и я ни разу не пожалел, что в общем-то по воле случая поступил на физфак ЛГУ, учился на кафедре физики атмосферы. Я всегда вспоминаю с теплом преподавателей, и, конечно, не только тех, о ком шла речь в этой краткой заметке.

Физфак, хотя он и физфак, он – УНИВЕРСИТЕТ

С.В. Сипаров (студент 1971–1977 гг.,
доктор физико-математических наук, профессор кафедры физики
Государственного университета гражданской авиации)

Выбор

Я окончил школу № 24 (с углубленным изучением английского языка) Ленинграда. В наше время выбор будущей профессии определялся не заработком, а родом деятельности, которой хотелось бы заниматься в дальнейшей жизни. У меня многое получалось, поэтому одной из причин выбора именно физфака была следующая. Однажды, в 10-м классе, на перемене я листал учебник физики и где-то в его середине наткнулся на домашнее задание, которое выглядело так: «Выдуйте мыльный пузырь. Наблюдайте за игрой цветов на его поверхности». И я подумал, что это занятие – как раз по мне. В июле, придя подавать документы на набережную Макарова, я попал на вступительное собеседование и удивил каких-то, вероятно, студенток-старшекурсниц, работавших в приемной комиссии, заявив, что хочу заниматься теоретической физикой. «Какая скукота!..» – протянула одна из них. Но меня это не смутило. Перейдя затем к преподавателям, я получил вопросы по физике и математике. По физике нужно было найти теплоемкость такой системы: в воде плавает кусок льда, затем подводится тепло, и часть льда тает. А по математике нужно было построить график функции $1 / \sin(x)$. Обе эти задачи не были похожи на те, что я встречал в школе, но я с ними успешно справился, а после собеседования заглянул в туалет. Стены были покрыты рисунками и надписями, в этом не было ничего удивительного, но одна надпись привлекла внимание. Не слишком приличный стих выглядел так: «Доставай свой *** огромный и *** струю пятитонной». Ниже – другим почерком – шли формулы, с помощью которых на основании этих ограниченных данных определялись параметры соответствующего «огромного размера», и было приписано: «Нереально». И я убедился, что пришел по адресу.

Начало

После сдачи вступительных экзаменов по математике меня вместе с Сергеем Богдановым, Алешей Алексеевым, Валерой Кондратьевым и Шпитальной направили в стройотряд в Старый Петергоф. Там мы с Сергеем и Лешей попали в бригаду, которая рыла траншеи для телефонного кабеля вдоль дороги, ведущей

от железнодорожного переезда. Остальные бойцы отряда были отслужившие в армии ребята с подготовительных курсов, которых тоже уже зачислили на разные факультеты Универа. Бригадиром у нас был Леха – бывший моряк, ходивший в отпаренных клешах и работой себя особенно не утруждавший. Впрочем, руководил он хорошо. Трактор прокапывал траншею, а наша задача была ее углублять, где надо, расширять около бетонных колодцев, чтобы трубы попадали внутрь, и все такое. Пока трактор рыл, на поверхности земли появлялись любопытные предметы – два снаряда (один в гильзе) и ребристая ручная граната-лимонка. Их отложили в сторонку под дерево, и там они благополучно пролежали два дня. Затем трактор извлек еще один снаряд. Тут мы наконец вызвали милицию, и они приняли меры: поставили постового у того дерева, где был «склад» этих боеприпасов. Местные мальчишки немедленно заинтересовались, что это он там охраняет, и в скором времени один снаряд стащили.

Через день мы углубляли траншею немного ближе к станции. Стояли мы на дне траншеи примерно по пояс ниже уровня земли, метрах в пяти друг от друга. Вдруг парень, который работал рядом со мной, нагнулся, достал из земли какую-то банку, по размеру и виду напоминавшую болгарский консервированный компот, но у которой сверху торчали какие-то усики. «Сейчас Леху напугаю!» – сказал он, с улыбкой выпрямляясь навстречу подходившему к нему бригадиру, и взялся за усики, чтобы повернуть их. Все это не заняло и секунды, я ничего понять не успел, но почему-то тут же грохнулся на дно траншеи. Леха же с последним шагом залепил ему по морде – тот отлетел, отлетела на дно траншеи и банка.

Коллекция постового милиционера пополнилась. Вернувшись в сентябре в город, я пошел в Артиллерийский музей, где и обнаружил такую банку. Это оказалась немецкая противопехотная мина S-5.

Автобус

Наш курс был первым, кто учился в Петергофе. В 1971 году платформы Университет еще не было, и 300 человек студентов и еще сколько-то преподавателей и сотрудников приезжали в Старый Петергоф на электричке в 8:08 и должны были поместиться в единственный автобус, который через несколько минут подъезжал к станции и потом шел до физфака. Сразу стало ясно, что лобовая тактика посадки к успеху не ведет, и я использовал другую. Дождавшись, пока автобус полностью забьется атакующим народом и тронется (при этом на каждой двери висело еще по несколько человек снаружи), я некоторое время шел рядом (а автобус из соображений безопасности ехал медленно) и ждал, когда на нижней ступеньке появится место для ноги. Это происходило обычно метров через 20-30. Туда нужно было встать и еще немного поскакать на одной ноге, пока не проглядывало место для руки. Это решало дело, и еще метров через 50 упаковка становилась плотной настолько, что двери удавалось закрыть и можно было спокойно ехать. После этих упражнений никогда в дальнейшей жизни проблема посадки в городской транспорт передо мной не вставала. Возвращались же на станцию, как правило, пешком, и впоследствии мы с Кирилкой Полевицким

однажды прошли эти несколько километров по параллельным рельсам, ни разу не упав.

Вместе с Лешей Алексеевым и Сережей Богдановым я попал в 7-ю группу, в которой большинство ребят были из 239-й школы и еще трое из 45-го интерната. Нагнать их мне удалось только ближе к зиме. Жилось на физфаке весело и непривычно. Мы были там одни и чувствовали себя вольготно. Вместе с Колей Разумовским мы вылезали загорать на козырек над входом и обследовали темные подвалы, где как-то едва успели избежать нежелательной встречи с мрачным водопроводчиком. Из других развлечений вспоминаются игры.

Игры

«Боп-дон». Две команды садятся друг напротив друга за столом. У одной из них находится пятак, который надо спрятать в одной из ладоней участников, а затем с оглушительным грохотом (чтобы звяканья пятака о стол не было слышно) дружно выложить руки на стол. Другая команда должна угадать, в какой руке пятак, и имеет право требовать поднять руку, т. е. сжать ладонь в кулак. Пятак при этом у неопытных игроков может выпасть, что влечет проигрыш. Как-то этот грохот привлек внимание коменданта, и он с грозным видом вошел в аудиторию и спросил, чем это мы тут занимаемся. На что Кирилл Полевицкий, не колеблясь и очень серьезно, заявил: «Нелинейная акустика!» Комендант задумчиво посмотрел на нас, мы не менее задумчиво смотрели на него. Ничего более не сказав, он вышел.

«Коробок». Кладешь коробок (с 21-й спичкой) на край стола «рубашкой» вверх и поддаешь по нему щелчком ногтя большого пальца. Упал картинкой вверх – 2 очка, встал на боковое ребро – 5 очков, встал на торец – 10 очков, упал «рубашкой» вверх – прогар того, что набрано за этот ход, и переход хода к следующему. Можно набивать, пока нет прогара, и оставить набранное в любой момент, передав коробок следующему. Всего надо набрать 51 очко. Ясно, что должна быть разумная тактика – сколько оставлять за ход. Виталик Летавин и по 2 оставлял, а уж 4 – обязательно. Большинство же вело себя более азартно, стараясь набрать за один ход побольше. При этом, естественно, и риск ничего не набрать за ход возрастал. Виталик выигрывал часто, а я – редко, т. к. частенько брал за принцип не оставлять меньше 10. Ну и прогорал.

«Гонки». Однажды (уже курсе на 3-м) я вычитал (по-моему, у Гарднера) про игру в гонки и притащил ее на факультет. Правила там такие: берется лист бумаги в клетку, на нем рисуется трасса со стартом и финишем. На старте – точки-машины. Точка – это вектор скорости длиной ноль. За один ход можно изменить проекции своей скорости, изображаемой стрелкой, на одну клетку в любую сторону. Так происходят разгоны, торможения и повороты. Ну и поехали. Общественность охватил азарт. Рисовались разнообразные трассы, менялись свойства «пространства» (спуски и подъемы) и даже его структура (анизотропия), менялись правила (зеркала), на «войне» же играли преимущественно в «танки».

Однажды я попал в «чемпионскую гонку»: Миша Салль нарисовал супертрассу, участвовали Коля Разумовский, Сережа Пригожин, сам Миша, я, Сережа Федотов и еще кто-то 6-й. Они все были типа чемпионами нашего теорпотока или, по крайней мере, так себя чувствовали и вели, а мое место было, наверное, где-то в первой трети. После 1-го поворота мы вышли на длинный скоростной участок, в конце которого маячил крутой, градусов 300, и узкий поворот. Я помню, как просто впивался глазами в трассу, может, даже считая клетки, чтобы определить правильный режим разгона и торможения. И когда все они решительно дали газ «до упора», я так не сделал и к середине скоростного участка оказался в хвосте «пелетона». Но к концу участка оказалось, что они не успевают правильно затормозить и сильно проскакивают место поворота «с юзом». Я же «облизал» носик поворота и выехал на следующий участок первым с большим отрывом от остальных. «Ну-у-у...» – протянули они разочарованно и чуть ли не хором. Все было ясно: ехать им стало неинтересно, и гонка прекратилась и распалась. А жаль. Такая трасса пропала.

«Рэндзю». Это такая разновидность крестиков и ноликов, японская, более сложная. На неограниченном клеточном поле игроки по очереди ставят крестики и нолики, задача – поставить 5 своих фишек в ряд по горизонтали, вертикали или диагонали. Непростое дело. Были и у нас на курсе мастера. Я – не был, но особенно не переживал, да и не старался. Однажды Миша Андреев, один из лидеров и чемпионов, предложил мне сыграть с ним. Я неохотно согласился, зная, что проигрыш неизбежен. Мы довольно долго заполняли крестиками-ноликами листок, когда я заметил на периферии 3 свои фишки, стоявшие как надо. Сначала я поставил поближе к ним 4-ю, а на следующем ходу, недолго думая, поставил и 5-ю, чем и завершил встречу неожиданной победой. «Что ж ты не сказал мне, что у тебя там четыре?» – возмущенно-обиженно спросил Миша. Я недоуменно пожал плечами. Вообще-то я иногда видел, как опытные игроки предупреждали об этом друг друга, когда плели какие-то хитрые комбинации, вынуждая противника делать нужные им ходы. Но мне не казалось это обязательным, да и опытным игроком я себя не чувствовал. Не оправдал, стало быть. Миша, по-моему, обиделся и больше играть мне не предлагал.

Экзамены

Проходили по-всякому... Вспоминаются такие.

Математика. Владимир Лукич Олейник был у нас известен тем, что на экзаменах зверствовал и выносил направо и налево. Это не касалось только студентов его группы, к которым он благоволил. Я на экзамене попал к Лазуткину, сдавали мы какую-то теорию поля. Лазуткин был ужасен, разговаривал грубо, чем сразу выбил меня из колеи. Вдобавок от него попахивало спиртным. Поставил он мне 3 балла, и это был бы мой первый трояк на физфаке. Кипя от возмущения, я пошел к Сергею Юрьевичу Славянову, куратору нашего курса, отказался от тройки

и взял направление на пересдачу. На ней я получил билет, подготовился, но, когда пришло время отвечать, в аудиторию вдруг вошел Олейник, взял со стола зачетку и вызвал меня к себе. Ну, все, думаю, надо было тройбан брать. Ответил билет, Олейник ничего. «А как вы себе представляете ротор функции?» – спрашивает. Ну, я и стал ему «вкручивать» в буквальном смысле, жестикулируя и рассказывая про предел волчка. Это ему понравилось, и он поставил отлично.

Физика. Николай Иванович Калитеевский читал оптику, и, к сожалению, невразумительно. Понять логику изложения было невозможно никак. По его только что вышедшей книжке, которую разрекламировал Никита Алексеевич Толстой (запомнившийся также еще и тем, что непрерывно курил на лекциях и рассказывал про свое изумление, когда, будучи на выставке в Брюсселе, он обнаружил на башне старинные часы, шедшие против часовой стрелки), мы соревновались, кто найдет больше ошибок за определенное время. Победил, по-моему, Пригожин, нашедший 14 ошибок минут за 10. Вот и лекции тоже были так себе. Зато демонстрации были отличные (и я их помню до сих пор и рассказываю своим студентам). В итоге знал я этот курс не очень. На экзамене я пошел к Калитеевскому потому, что в том семестре решил почему-то все сдавать лекторам. Ответил было, по идее, на 4. Он попросил меня нарисовать спектр излучения черного тела. Я нарисовал. «А что на осях?» – спросил он. И я в горячке поставил на горизонтальной оси частоту вместо длины волны. «Да как же можно? – возопил Калитеевский. – Удовлетворительно!» Перелистывая мою зачетку, он обнаружил, что там одни пятерки, поставил свой тройбан, а потом встал с места и пошел – обошел всех преподавателей, показывая каждому мою зачетку и говоря: «Вот, смотрите, отличнику тройку поставил». И такая меня взяла злость, что подумал: «Подавись! Не буду пересдавать!» Так и получил в диплом тройку по физике, за тот единственный из пяти экзамен, который шел в диплом. Сейчас-то, когда сам преподаю, я догадываюсь, что ему просто стали пенять коллеги, что он слишком нетребователен на экзаменах. А тут я подвернулся. Ну и... Но тогда было обидно.

Политэкономия. Политэкономии нам читали 2 семестра – «Капитализм» и «Социализм». Капитализм тогда оказался разумен и постижим, его логика просматривалась. Социализм же не лез ни в какие ворота. Но был такой уговор, что за написанный реферат на экзамене прибавляли балл. Ну я и подумал: на тройку сам выучу, напишу реферат, четверки вполне достаточно. И про все забыл. Неделю за 2 до сессии я хватился и побежал к своей бывшей однокурснице, которая училась на экономическом факультете. Она мне дала какой-то реферат, я его переписал, не читая, отдал и снова все забыл. Подходит экзамен. Выучить политэк социализма так и не удалось, поэтому я протащил учебник и что-то как-то с него содрал. Ну кое-как ответил. Препад вытаскивает мою зачетку из кучи и говорит: «Ну что ж, удовлетворительно». Я говорю: «А у меня реферат!» У него рука с зачеткой так в воздухе и повисла. А какая же, говорит, тема вашего реферата? Очень ему не хочется мне 4 ставить. А откуда я знаю, какая тема? Но отступить некуда, одна надежда, что у него с собой нет списка, в котором это могло быть написано.

«Экономические связи СССР с развивающимися странами», говорю. «Ну, и какие же вы знаете развивающиеся страны?» Черт их знает, какие там из них развивающиеся. Мали, говорю. И попал. «А еще?» Я напрягся. Сомали, говорю. И смазал. Поставил, гад, тройку. А обещали!..

Стройотряд

После 1-го курса я поехал в стройотряд в Оленегорск. Отряд на собрании был назван *Mighty Men*, и сделано это было с прицелом называться в будущем *Mighty Men Revival*. Работа была тяжелая – бетон, разборка зон и т. д., 9-, 10-часовой рабочий день. Питались мы на 1 рубль 10 копеек в день, так что было еще и голодно. Но вечером, тем не менее, иногда ходили играть в баскетбол в местную школу, и вообще там было хорошо. Бригадиром у нас был Гена Яшин – парень на 2 курса старше. Однажды в конце дня мы пришли разбирать зону, т. е. вынимать из земли столбы, на которых раньше была колючая проволока. И столбы тут стояли совершенно намертво. Лопата грунт не брала. Попробовали ломом – что-то тоже не идет. Устроились рядом перекурить и подумать, что делать. Накопившаяся усталость сконцентрировалась в ярость: Гена, совершенно озверев, ухватил этот столб руками и стал его трясти. Смотреть на это было страшно, и, когда он через минуту отвалился без сил, поднявшаяся ярость охватила и меня: я так же ухватился за этот столб и так же начал его трясти... Третьим «берсеркером» стал Сережа Агуреев... А после этого мы уже без особых проблем раздолбили ломом подавшийся грунт, сначала скovyряли верхние сантиметры, а потом понемногу и остальное. В земле был примерно метр соснового ствола диаметром сантиметров 15-20 с торчавшими вверх оставленными сучками, заваленного камнями и утрамбованного.

ЮФШ и комсомол

Обучаясь на физфаке, я, как и некоторые другие ребята с нашего курса, проверял контрольные работы в ЗФМШ и преподавал в так называемой ЮФШ (Юношеской физической школе), организованной при факультете, которую посещали некоторые любители физики и математики школьного возраста. Интересно было подбирать для них задачи и решать их вместе с ними, переживая знакомый многим азарт. Среди моих тогдашних учеников была и Таня Суслина – ныне заведующая кафедрой матфизики. В тот же период на комсомольском собрании нашего курса Саша Казаков неожиданно выступил с резкой критикой работы тогдашнего комитета комсомола. Слышать это мне было непривычно, и от удивления я тоже как-то выступил и неожиданно попал в новый состав этого комитета, который Саша и возглавил. Впрочем, ничего особенного у нас не получилось, и я с облегчением избавился от этой должности через год. Тут подсказывают, что надо бы написать, какое было тогда (у меня) восприятие страны и ситуации. Думаю, что примерно такое же, как у большинства. Ни в какую компартию я вступить не стремился, ни в какой борьбе с режимом не участвовал, ни о какой возможности

реальных социальных изменений даже мысли не приходило, хоть известная оскомина иногда ощущалась отчетливо. Из периода обучения помню разве что воодушевление по поводу программы «Союз – Аполлон», стыковка этих космических кораблей происходила как раз тогда, когда мы были в походе в Фанских горах. Такой был своеобразный отзвук гагаринского полета, приведшего к возникновению Дня физика...

Сборы

На военных сборах командиром нашего отделения стал все тот же Саня Казаков (и с тех пор мы с Колей Разумовским и Серегой Булдыревым всегда знаем, к кому обратиться за указаниями, я так регулярно и обращаюсь). Мы там изготовили здоровенный бумажный змей и пытались запускать его на плацу. Я неожиданно для себя оказался запевалой взвода (вместе с Женей Тertiшниковым), хотя основные наши певцы (Типисев и Кубышкин), хорошо всем известные теперь по Дээфу исполнители достопроставленного «Гиппопотама», от этого уклонились. Какой-то местный капитан учил нас строевой песне про артиллеристов, но мы упорно продолжали маршировать под «От улыбки станет день светлей», «Я понапрасну ждал тебя в тот вечер, дорогая» и «Вражеским наветам красочным ответом». Строго говоря, маршем можно было считать только последнюю песню, но и под первые две получалось не хуже.

Однажды наша батарея должна была заступить в караул, т. е. с боевым оружием в течение суток охранять различные объекты. Нас построили и провели инструктаж и проверку знаний Устава и своих обязанностей. У меня спросили, что такое знамя. В голове ничего, кроме откуда-то взявшейся фразы «знамя есть священная хоругвь», не оказалось. Так я и сказал, с трудом и эканьем вырвав в последний момент с «хоругви» на «символ». Получилось «священная э-э символ». Офицер взбеленился и велел меня от караула отстранить, что влекло какие-то неприятности, поскольку «караул с боевым оружием» входил в набор обязательных мероприятий для последующего присвоения звания. Но как-то это забылось, и в караул меня взяли. Самое смешное, что как раз к знамени я и попал, но сначала отдежурил два ночных часа за забором у АРСОМ или СНАР. Было неудобно. Все казалось, что какой-нибудь злодей непременно позарится на мой автомат (что и произошло двумя годами раньше) и я попаду в переделку. Но все обошлось, и после двух часов отдыха в полудреме – еще продолжалась ночь – меня поставили к знамени. Я благополучно «пост принял» и встал по стойке смирно, таращась в пустой коридор и искренне надеясь, что пойдет проверка и я положу проверяльщика на брюхо, клацая затвором, и продержу до прихода вызванного начальства.

Но никто не пришел. И только через два часа явился разводящий с каким-то солдатом срочной службы, который должен был меня сменить. Я с трудом вспомнил номера на знамени, которые я должен был продекларировать, и сказал, что пост сдал. Однако солдат не торопился принять пост, как это сделал я двумя часами раньше: он подошел к знамени, вокруг которого висел бархатный канатик, закрепленный на столбиках с позолоченными шарами, и стал эти шары открочи-

вать, с неприятной и непонятной усмешкой поглядывая на меня. Я с изумлением смотрел на его манипуляции, а он с изумлением ничего не обнаружил под шарами. Вероятно, они (солдаты) прятали туда окурки и он, будучи уверен, что я тоже это сделал, хотел подсечь лопуха-курсанта. Мне же, естественно, даже в голову не могло прийти ничего такого – я даже не курил тогда. Он разочарованно принял пост, и мы расстались.

Туризм

Во время учебы на физфаке (как и до, и после окончания) я неизменно увлекался туризмом, и помимо всевозможных походов разной сложности случились несколько эпизодов, которые хочется упомянуть как примыкающие к теме.

В районе лагеря под перевалом Кшемыш.

Слева направо: А. Свешников, А. Новиков, С. Сипаров (1977)

Однажды Лена Шарапова, Сережа Булдырев (более известный как Була) и я поехали на выборгские скалы. Приехав вечером на финбан, мы обнаружили, что поезд ушел из-под носа, и, чтобы не торчать на платформе, заскочили в какой-то другой, чтобы добраться до Зеленогорска. И только вышли там, уже в темноте, – еще какой-то подходит. Мы в него – шась. Оказалось, что это был поезд Ленинград – Хельсинки, а мы попали в прицепной вагон, шедший до Выборга. В этом поезде мы разговорились с какой-то гражданкой, от которой я с изумлением узнал, что куры несутся и без петухов (вот что такое были диетические яйца!). Незадолго до выхода пришли контролеры, а билетов у нас не было. Но мы стали плакаться, и они взяли с нас по 68 копеек штрафа (половина стоимости билета от Ленинграда до Выборга) – якобы все, что у нас было. Стипендия тогда была около 36 рублей.

В обратную сторону мы решили билеты взять. А я как раз перед этим потерял студбилет, и мне взяли льготный по Бульскому студбилету, подойдя к кассе второй раз. Мы сели и поехали. А тут опять контролеры. И стали меня высаживать. Ну, я спорить не стал, взял рюкзак, вышел на платформу, пошел вдоль состава, а как только двери зашипели, я и заскочил в другой вагон. Посидел немного, да и пошел к своим. Прихожу, а их нет. Я у соседа спрашиваю: «Тут парень с девушкой сидели, не видели?» – «Как же, видел. Они только что вышли». Они – с билетами, стало быть, вышли, а я – без билета – еду себе. Вышел на следующей остановке и еще почти час ждал следующий поезд, в котором их и обнаружил.

А после 4-го курса мы спускались на байдах по Мсте. Ночью лежим у костра, на небо смотрим. Тут Була как подпрыгнет! «Этой звезды здесь быть не должно!» – сказал нам. А вернулись – он написал письмо в Академию наук и попал в первую тридцатку тех, кто заметил вспыхнувшую новую звезду в созвездии Лебедя.

Ладога

В 76-м году произошла трагедия, о которой тогда знал весь город – настолько она была необычной для того времени. Трое наших друзей: Кирилл Полевицкий, Алеша Молочнов и Маша Гущина – ушли зимой в трехдневный поход по Ладожскому озеру и не вернулись. Предполагалось, что изменившийся ветер оторвал центральное ледяное поле и они оказались отрезанными полынью. Мы вернулись из зимнего похода на Кольский полуостров и угодили напрямик на поисковые работы. Сначала 3 дня летали самолетом, барражируя над Ладогой на высоте 200 метров. Видимость была отличная – вплоть до следов лыжной палки, но ничего и никого найти не удалось. Потом стали высаживать группы на лед. Неподалеку от острова Сухо нашли вмерзшие в лед матрасы, связанные лыжами в плот. Но ребят не нашли. Тем не менее поиски продолжались по выходным до конца весны, в последний раз мы вместе с Кирилкиным отцом шли уже по майскому льду, покрытому водой.

Один из выходов, имевших целью обследовать юг Ладоги и траверз острова Сухо, закончился так. К девяти вечера мы добрались до Волховстроя, бегом бежали на последнюю электричку, но Вадик Шалыгин (Политех) все же успел на станции налить в котел воды. В тамбуре развели примус, поставили воду кипятиться. Наломались за два дня. А тут опять этот контроль. А билетов нет. У меня была гидрографическая карта Ладоги, на которой был записан какой-то телефон Большого дома. И, чтобы нас не высадили из поезда, я стал им ее показывать и объяснять, что вот, спасработы, мы – студенты, вот пусть позвонят в КГБ по этому номеру, там про нас знают... А Вадик тем временем сообразил, что горящий примус в тамбуре – это перебор, и ушел туда. Ну, от контроля мы отбились, но все же пошли за ними, прикрыть Вадика если что. Выходим вслед за ними в тамбур (они сразу в следующий вагон пошли), а в тамбуре Вадик сидит на котле, который стоит на горящем примусе, как на табуретке, упершись спиной в стену и растопырив колени, полы ватника свисают, и из-под него дым, в смысле пар,

идет. Картина! Но все обошлось. (Позже, зимой 78-го года, Саня Казаков, Коля Разумовский, Серега Булдырев и я попытались закрыть этот не пройденный Кирилкой маршрут и пересекли юг Ладоги с заходом на Сухо. Для преодоления полыньи мы брали с собой резиновую лодку, которую волокли на санках. Полынья оказалась такая широкая, что дальний край был едва виден на горизонте, лодкой мы так и не воспользовались и полынью просто обошли.)

Итого

Диплом я делал в Физтехе, в секторе теории полупроводников и диэлектриков. Введение работы было написано гекзаметром, что привлекло внимание Юрия Николаевича Демкова, и он специально пришел на мою защиту послушать эти стихи. При распределении меня пытались заманить в «ящик», обещая диссертацию через два года, но я не поддался, взял «свободный» диплом, что в то время было большой редкостью, устроился в Арктический институт и уехал на Северный полюс дрейфовать на льдине. Началась совсем самостоятельная жизнь.

Эти заметки, на первый взгляд, не касаются вопросов высшего образования и не описывают роль физфака в становлении личности советского студента. Между тем, именно физфак сыграл определяющую роль в моей жизни. Я не остался в Университете и не сразу нашел свое место в науке (которое можно обнаружить, например, в *Siparov S. Introduction to the Anisotropic Geometrodynamics. New Jersey – London – Singapore: World Scientific, 2011*). Тем не менее, сейчас я могу, ничуть не противопоставляя себя лирикам, с уверенностью сказать, что я – физик, и это в не меньшей степени жизненная позиция, а не только род деятельности. И сделал меня им именно физфак – такой, каким он был в наше время. Любые знания сами по себе доступны и общедоступны, но люди, которые их передают, – уникальны, и это их заслуга, что и кто из их учеников смог сделать своим. Мне повезло, что моими учителями были Сергей Юрьевич Славянов, Владимир Сергеевич Булдырев, Петр Александрович Браун, Марина Алексеевна Добровольская... Я упомянул здесь тех, с кем имел некоторый «персональный» контакт, хотя почти всех других преподавателей я тоже очень хорошо помню (во что можно поверить с учетом количества деталей, упомянутых выше) и испытываю к ним благодарность, хоть иногда и по разным причинам. Лучшей школы жизни представить себе я не могу, да и учиться лично мне было интересно.

В заключение я хочу привести текст, написанный мной для книжки, которая была подготовлена к юбилею Владимира Сергеевича Булдырева, профессора кафедры матфизики, который читал у нас лекции и которого я знал лично.

Була-старший

Так получилось, что я учился на одном курсе с сыном Владимира Сергеевича – Сергеем Владимировичем Булдыревым, который был известен среди нас как Була. Это – не только естественное прозвище, поскольку Сереж много, а Була –

один, и даже не только сокращение от фамилии. Известно – и Серега сам рассказывал нам об этом, – что когда он учился в школе, то полагал, что слова «парабола» и «гипербола» пишутся через «у» – «парабула», «гипербула», и прозвище это он получил еще в школе. И в этом был глубокий метаматический смысл. Именно поэтому Владимир Сергеевич в студенческом обиходе нашего курса проходил как Була-старший. И его первая известность и приятное отношение, опять-таки среди нашего курса, были связаны с тем, что он был отцом Сереги.

Владимир Сергеевич читал у нас линейную алгебру. И когда он пришел на лекцию первый раз, то был с палкой и хромал. Выяснилось, что он сломал ногу, катаясь на водных лыжах. То, что профессор раскатывает на водных лыжах и даже ломает ноги, вызвало дополнительный, хотя и своеобразный восторг, с ходу придав высшему существу вполне человеческий облик. А уж когда и на лекциях оказалось спокойно и ясно, что бывало (по крайней мере, у меня) далеко не всегда, то впечатление стало близиться к завершению. Интересно, что, хотя не все запомнилось твердо (до сих пор могу спутать строки со столбцами при перемножении матриц), это ощущение покоя и ясности сохранилось. И, наверное, это важнее – по молодости особенно не хватало уверенности.

Через какое-то время оказалось, что существует еще такое мероприятие, как «профессорский поход». Проходило оно зимой, в каникулы: группа профессоров уходила на лыжах то на Кольский полуостров, то на Урал, и с ними ходили и их дети – ребята нашего возраста. Завидно было ужасно. Однажды, в 76-м году, мы даже как-то полдня шли по лыжне этих профессоров, захавших в Сальные Тундры (север Кольского) на несколько дней раньше.

В том же 76-м году мне довелось пройти на лыжах и вместе с Владимиром Сергеевичем. Повод был невеселый – трое наших друзей не вернулись из похода по Ладожскому озеру, и с февраля по начало мая продолжались поиски. Мы должны были выйти из Приозерска, сделать двухдневный круг и вернуться обратно. Несмотря на трагичность ситуации, сохранилось ощущение человеческой близости, сознание того, что делаешь то, что надо, вместе со старшим товарищем.

Почти четверть века прошло с тех пор. В позапрошлом году мой сын, учившийся на статах, готовился к экзамену по книге Владимира Сергеевича. В наше время ее еще не было, а тут она была уже читаной-перечитаной. Я взял полистать – та же труднодостижимая ясность. Этим летом мне тоже пришлось писать учебник. Это, конечно, мучение. Еще на лекции иногда удается рассказать так, чтобы студентам было понятно, а то и интересно. Написать куда сложнее. А тут – простая проза.

И еще. Лет пять назад мы купались в Финском заливе в Комарово и увидели застрявшего в каменистой косе дохлого тюленя. А потом зашли в гости к Владимиру Сергеевичу. Я с некоторым раздражением упомянул про того тюленя. «Почему же ты не убрал его?» – спросил он. Я действительно его не убрал, и мне до сих пор стыдно. А вот Серега, наверное, это бы сделал. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Владимир Сергеевич, спасибо за то, что Вы есть.

Детство с Никитой

Т.Г. Бесташишвили (студент 1971–1978 гг.)

Ты куда поступил, Тимур?

– На физфак...

– О, спортсменом стал!

– Почему?!

– Ну, эта, значить... физическая культура...

Разговор с бывшим одноклассником, 1971 год

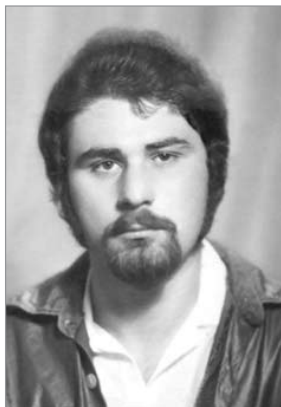
Интересно, а какие временные рамки отведены категории «детство» в жизни отдельного человека? Здесь, конечно, можно вволю предаться философским изыскам на тему соотношения социального и календарного возрастов. Вспомнить времена не столь отдаленные, например «наше все». Вот, кстати, когда читаешь «Воспоминания в Царском Селе», не будучи обремененным литературным багажом средней школы.

Впрочем, что-то я зарепортовался. Не обремененный вышеупомянутым багажом персонаж эту поэму читать не будет, да и вряд ли слышал о ее существовании. Однако это выходит за пределы ОДЗ, коллеги, поэтому данным допущением мы можем пренебречь. Итак, читая эти самые «Воспоминания», представляешь себе известные бакенбарды, трость, шляпу-боливар, «Онегин едет на бульвар...», ну и далее по списку. А потом взглянешь невзначай на дату, и мозг взрывается! Автору – 14 лет! Стиль, слог, рука сложившегося мастера! Поневоле представляешь современного 14-летнего обалдуя с банкой «Яги» в одной руке и сигаретой – в другой. Словарный запас этого создания не содержит таких терминов, как «ланины Флоры» или пресловутый «strasбургский пирог»... Рассуждения на тему «Не та молодежь нынче пошла» – бессмертны, и наш персонаж в свое время будет брюзжать по поводу того, что молодежь пьет всякое пойло, пренебрегая классическим, благородным «Клинским»... Если доживет, конечно. В общем, все это было и еще будет. И так – до скончания времен.

Но мы – не об этом. Мы – о другом, о нашем детстве. Когда оно перешло во «взрослость»? Не знаю, как другие, но я этот момент помню достаточно хорошо.

Осень 1971 года. БФА в НИФИ, на старом физфаке, точнее, не на самом старом физфаке, подход к которому сопровождался лаем собачек из здания по соседству – кто в теме, тот знает. НИФИ – это немного не там, это – на территории старого университета. Кто знает – не буду расшифровывать, тому, для кого эти

аббревиатуры незнакомы, все равно не понять священного ужаса, который охватывал «первокуру», впервые вошедшего в эту самую БФА, нацепив по случаю вхождения во взрослую жизнь маску отягощенного гениальностью молодого физика из эпохального фильма «Девять дней одного года». Вместе с маской пониже,

Т. Бесташишвили (1977)

на нейлоновую рубашку ослепительного апельсинового цвета, был нацеплен модный галстук на резинке, который своей тропической расцветкой стандарта «турецкий огурец» сделал бы честь Полиграфу Полиграфычу Шарикову. В общем, картина ослепительно живописная. Священный ужас «первокуры» вызвала затертая до потери первоначального цвета доска, которая виднелась где-то в невообразимой глубине амфитеатра аудитории. На антикварной доске были нацарапаны даже не формулы (то, что это именно формулы, описывающие вполне обыденные явления природы, стало понятно много позже), а некие ассирийские клиновидные письмена и египетские иероглифы. Неужели ЭТО можно понять? Ужас вызвали и пюпитры, покрытые битумной краской цвета «оптимистический антрацит», которая лежала многовековым асфальтовым слоем толщиной в палец. Под краской угадывались летописи, оставленные поколениями студентов. Впрочем, также угадывалось, что они не содержали каких-либо революционных идей в области физики, а были обычными, но, впрочем, бессмертными сентенциями типа «доцент Петров – дурак». Разве что самые древние были написаны немного по-другому: «Приват-доцент Петров – дурак».

Заранее прошу прощения у читателей с фамилией Петров, особенно у тех, кто отягощен этой высокой должностью. Я имею в виду, конечно, должность доцента (а вы что подумали?). Вы же понимаете, что это – образ, и я бы с удовольствием написал свою фамилию, однако в ней слишком много букв, поэтому уже на первом курсе мои соученики сократили ее немилосердно, до неприличия. Да и во времена употребления буквы «ять» мои предки априори не могли бы расписаться на пюпитре, так как усердно и весело давили вино в долинах Грузии, потом с энтузиазмом его пробовали, потом хором пели песни, потом закусывали чем бог послал, опять пели... Ну, дальше все вы прекрасно знаете. Впрочем, к сожалению, в наше занятое время даже намек на то, что сыны Грузии могут проявлять человеческие качества, а не точить кинжалы с утра до ночи с целью могучим ударом многомиллионной армии завоевать Россию и всех русских женицин, может показаться кое-кому из наших бывших самых замечательных выпускников физфака политической фрондой и гнусным выпадом. Но они этого, конечно, никогда не прочитают. У них – государственные задачи, что им наши воспоминания? Выборы на носу! Нет, мои веселые предки даже не мечтали когда-нибудь побывать в Его Императорского Величества Санкт-Петербургском университете. Вот оно как бывает...

Но мы – не об этом.

Первая лекция была по общей физике. Ну физика и физика, скажем мы. Что может быть особенно интересного на первой лекции по общей физике? Само собой, механика, точнее – кинематика, координаты там всякие, материальные точки, первые-вторые производные. Изредка, как знак приобщения к великому таинству законов природы, уже мог обозначиться некий интеграл. Я, конечно, понимаю, что среди читателей этого опуса имеют место быть гордые сыны физико-математических школ, аристократы первого курса. Они уже в школах увидели эту забавную закорючку, и некоторые даже знали, что с ней делать, поэтому поглядывали по сторонам с особенно гордым видом, свысока взирая на неопитов. Но мы-то, плебеи, выпускники обыкновенных школ, еще не вкусили всего этого великолепия и не познали глубин своего истинного незнания физики. Поэтому мы непривычным движением старательно вырисовывали занятную загогулину, наивно предполагая, что именно это рисование будет самым сложным и интересным из того, что нас ожидает впереди. О, как мы ошибались!

Но мы – не об этом.

Когда прозвенел звонок, в аудиторию вошел... Даже не знаю, как можно обозначить смесь ассоциаций, которая моментально возникла в голове.

Это и пресловутая фраза «Овсянка, сэр!», которая имела совсем другой смысл, ведь до появления замечательного фильма было еще много лет! При этом вид вошедшего никак не ассоциировался с тем, кто эти слова произносит. Но с тем, кому это говорят. Именно СЭР.

Это и маршакское «Мистер Твистер, бывший министр...», которое нам так нравилось декламировать в детском саду.

Это и чувство легкой философской безнадежности, которая была позже прекрасно выражена словами песни «Гудбай, Америка... / Где я не буду никогда». Ну кто же тогда знал, что вся эта железобетонная машина коммунистической власти рухнет, как песочный домик, и мы увидим и Америку, и Европу, и Восток? Но тогда вы бы в это поверили?

Это и звуки парижского аккордеона, это и прорвавшаяся через вой глушилок Yesterday на волне «Радио Швеции». И много еще чего.

Вошел статный человек с высоким лбом, в темных роговых очках, в бежевом вельветовом пиджаке – мечте фарцовщика с «галёры», в модных тогда круглоносых башмаках с золотистыми пряжками и – о чудо! – с галстуком-бабочкой, который мы в те времена видели по большей части в кинофильмах «про ихнюю жизнь». Он был велик и олицетворял собой в тот момент всю современную физику!

Он величественно вошел и... мгновенно, с блеском купил нас всех с потрохами, сказав гениальную фразу: «Здравствуйте, коллеги!» И это не было игрой, это не было снисхождением, проявленным божеством по отношению к низшим. Это было правдой. Он действительно искренне считал нас КОЛЛЕГАМИ. Для него мы уже вошли в это братство, в этот орден, к которому принадлежал и он. Еще вчера мы были чужими, а сегодня мы стали своими. С правами на внимание великих, но и с обязанностями быть достойными этого внимания, то есть не быть неучами и бездельниками. Именно этот момент был первым скачком в действительно

взрослую жизнь. Да, потом, конечно, был переходный период, когда мы все учились учиться и привыкали к тому, что теперь только мы сами отвечаем за себя. Это был переход, который я могу теперь назвать «детство с Никитой». Конечно, речь идет о Никите Алексеевиче Толстом.

Этот человек влюбил всех нас в физику. Или он влюбил в себя, как олицетворение физики? Или физика на каком-то этапе олицетворяла Никиту Алексеевича? Трудно сказать, кого мы любили – Толстого в физике или физику в Толстом? Я и сейчас не понимаю.

Первый перерыв после лекции был полностью посвящен обсуждению одной темы: «Он самый! Сын! Похож на папаню! Граф! Да, здорово! А как говорит!» Думаю, что не ошибусь, предположив, что многие мои сокурсники в тот же день достали с книжных полок томики Алексея Толстого и с особым чувством пробежали глазами «Детство Никиты». Конечно, отец писал о своем детстве, однако мы произвольно искали в мальчике из книги нашего великолепного джентльмена.

Он был великим педагогом. Я понимаю это сейчас, после многих лет собственной преподавательской деятельности. Никита Алексеевич умел очень просто объяснять самые сложные вещи, а это умение – признак истинного знания предмета. Невежество и некомпетентность всегда прячутся за многоумием и терминологическим частоколом. Но он виртуозно владел еще одним инструментом великого педагога. Вы помните его голос? Эти интонации и фразы человека, который с раннего детства говорил на грамотном и богатом литературном русском языке? Это была музыка! Впрочем, как мы все имели возможность быстро убедиться, он так говорил не только на русском. Как-то раз он очень просто и как бы между делом сказал о том, что настоящий физик должен знать свободно по крайней мере три языка. Английский – обязательно. И тут же предложил продолжить лекцию на том, который нам, его коллегам, будет предпочтительнее. Когда энтузиастов поддержать эту идею не нашлось, он просто укоризненно покачал головой.

Двойки, которые я получал до этого на парах по английскому, и зачеты по оному, сдвинутые по фазе на полгода, меня как-то особенно не трогали. Однако эта фраза, сказанная вскользь, заставила меня начать учиться. И я обязан именно Никите Алексеевичу тем, что довольно прилично знаю язык до сих пор.

Общаясь со своими бывшими одноклассниками, которые поступили в различные вузы, я очень быстро почувствовал принципиальное отличие учебы на физфаке. Думаю, многие из вас, коллеги, со мной согласятся. У нас было не принято быть ушлым идиотом. Поясню на примере: списать на истории КПСС – малядца! Тем более что выучить что-то там было невозможно – не было предмета изучения. Можно было только вызубрить все эти идеологические бессмысленные мантры. Списать на общей физике... Ну получил ты свою тройку, и что? Но как-то, как бы сейчас сказали в определенных кругах, запахло. Дураком и неучем быть на физфаке как-то неприлично. Не тянешь – иди в вуз попроще. А мои бывшие одноклассники, которые поступили в другие вузы, просто наперебой с удовольствием хвастались, как они списывали всё и вся! У нас, конечно, тоже попадались умельцы, которые могли, например, засунуть в штаны кирпич «Оптики» Борна

или трехтомник Фриша, однако их было мало и своими подвигами они публично не гордились. И мне кажется, что это отношение к учению было напрямую связано с отношением наших учителей к нам, желторотикам, как к равным и коллегам. Нельзя же обманывать ФИЗИКУ! Ее нельзя было не знать, поэтому учиться приходилось очень упорно! Не знаю, как гениям, но мне приходилось учиться на пределе умственных способностей. Коллеги, вы не поверите, но до сих пор мне иногда снятся сны о том, что я должен завтра сдавать ТФКП или «статы»... Господи, с каким облегчением я просыпаюсь со счастливой мыслью: «Сдал!!!»

Никита Алексеевич, как это ни странно сейчас звучит, дал нам всем ощущение безграничности мира и чувство внутренней свободы. Да, он приучил нас к мысли, что то, что кажется недостижимым, в принципе, существует. Кто не помнит его лирических отступлений от темы лекции, которые были всегда к месту? Шутки, анекдоты, смешные истории... А фразы типа «Я недавно был в Брюсселе (Амстердаме, Лондоне, Париже), так вот там со мной приключилась одна интересная история...» звучали очень своеобразно.

Из уст подавляющего большинства (из незначительного меньшинства!), тех, кто в те времена мог попасть за границу, такие фразы воспринимались как священное заклинание и оповещение всех о том, что он – избранный. Даже поездка в братскую Болгарию требовала годичного согласования, получения всех разрешений, подписей «тройки», а потом еще и собеседования, где трясущегося «туриста» угрюмые инструкторы райкома партии с аскетичными лицами средневековых инквизиторов могли запросто срезать на вопросе о том, кто является председателем социалистической партии Непала или Дагомеи. Незнание такого важного для недельной поездки на болгарский пляж (или базар, где можно было купить заветный Wrangler) ответа было совершенно недопустимо! Не знаешь – не достоин, ты еще не до конца советский гражданин!

А здесь человек просто говорит о том, что побывал опять в Брюсселе по делу, заехал по пути в Лондон. И эта естественность что-то будила в головах. Почему у нас в стране СЛОЖНО там, где может быть ПРОСТО? Да, мы были уже не совсем детьми и многое понимали: что, кому, как и почему можно. А кому и почему нельзя. Ребята у нас вообще учились не самые глупые, не правда ли? Да еще и славная когорта преподавателей истории КПСС, марксистско-ленинской философии и таких же бездельников от партии-комсомола сильно помогли нам открыть глаза и начать думать.

Помните этих ребят? Ну как же их забыть, некоторые до сих пор из дурацкого ящика не вылезают. И даже поднялись высоко, ничуть при этом не изменившись. Вот он, залог истинного бессмертия: быть нужным любой власти. Только цвет густого волосяного покрова изменился, а остальное – нет.

Не забуду одного эпизода. Однажды за пять минут до конца лекции наш бесменный факокомсомолец попросил слова для важнейшего объявления по поводу предстоящего комсомольского собрания, посвященного очередному (или внеочередному, пес их знает) пленуму КПСС.

Помню, как мы молились, чтобы этот поно... пардон, пленум не приключился накануне экзамена по какой-нибудь важнейшей для физика дисциплине, типа

истории КПСС или виртуальной, как бы мы сейчас сказали, политэкономии социализма. Ведь тогда половина экзаменационных вопросов менялась кардинально. И конспекты приходилось переписывать. И шпоры (ну не физика же!!!).

Итак, этот самый вышеупомянутый активист сквозь жиденькую тогда еще бородку гудел о том, что, вот, физики – несобранный народ, политически пассивный и не выполняет общественных поручений. Поэтому завтра – все как один, единым строем! Ну и так далее, помните, наверное... не стоит повторять. Но я помню, как на все это смотрел Никита Алексеевич Толстой. Он вполне дипломатично предоставил время оратору, присел в сторонке, достал свою знаменитую трубку и скрылся за пеленой дыма. Но из густого облака постепенно возникло что-то наподобие улыбки Чеширского Кота. Взгляд, полный одновременно философского смирения, иронии, отстраненности и живого интереса, который бывает, когда человек рассматривает какую-то редкую козявку. Он, наверное, удивлялся, как в этой среде могут появляться подобные личности. Один этот взгляд, по-моему, смог сделать для всех нас куда больше, чем целая толпа воинствующих профессиональных диссидентов, среди которых, справедливости ради нужно отметить, и тогда были совершенно inferнальные личности. Как сказали бы в компетентных органах, этот взгляд содержал в себе состав преступления по нескольким статьям тогдашнего УК. Нет, профессор Толстой не был борцом против существующего строя, и никогда публично он не сказал ни одного слова, которое можно было бы трактовать как фронт. Однако он сам был символом всего того, что было чуждо этой системе, – внутренне свободным и компетентным в своей области. А, как мы видим, любая диктатура означает власть зависимых и некомпетентных людей. Для диктатуры опасна любая компетентность и независимость.

Некоторые из вас, уважаемые коллеги, наверняка усмехнулись, прочитав эпитафию. Но, как это ни покажется странным, мой одноклассник оказался в чем-то прав: я действительно перешел в сферу спорта. Точнее, я уже много лет работаю в области организации фитнес-бизнеса. Наверное, это – уникальный случай смены деятельности после окончания физфака. Учю студентов, специалистов от топ-менеджеров до тренеров, проектирую и строю клубы. Публика замечательная, но... не физики, при всем к ним уважении. Но иногда...

«...если мы будем использовать этот метод снижения себестоимости фитнес-услуг, тогда величина прибыли будет исчезающе мала...»

«...ваша трактовка возможной траектории движения конечности в этом упражнении небесспорна, однако она имеет право на существование, пока мы не докажем обратное. Итак, сначала определим граничные условия...»

«...я вообще не вижу здесь никакой проблемы! В конце концов это – не сложнее физики, так что решим...»

«...нет, сила твоего удара не зависит от того, какое ускорение приобретает мешок. Все как раз наоборот...»

«...твое счастье, что пополам... Что пополам? Mv^2 пополам! Иначе ты бы в нокауте был...»

«...не надо путать налоговую инспекцию с Демоном Максвелла... Ну, кто это такой, я вам потом расскажу...»

«...уверенность заказчика в том, что реклама в таком виде обеспечит приток клиентов, нуждается в экспериментальной проверке в лабораторных условиях небольшого клуба...»

«...на вашем катке либо туман висит, либо с потолка капает! Вы что, не могли точку росы элементарно посчитать?..»

«...и тогда клиенты побегут к вам, опережая собственный визг. Как сверхзвуковые самолеты, преодолевая звуковой барьер...»

«...ты должен стартовать так быстро, чтобы вон тот красный кружок впереди позеленел. Был такой... Допплер по фамилии. Считай, что ему это удалось, и у тебя получится. Главное тут – скорость».

«...а похудеть тебе мешают два закона! Нет, не из Гражданского кодекса – закон сохранения энергии и закон сохранения вещества. Их не обманешь даже твоей диетой».

«...поток энергии космоса перетекает прямо в теменную часть? Пардон, какой энергии?.. Энергия течет? Хм... интересная трактовка...»

«...прибыль вашего клуба падает вниз с ускорением свободного падения...»

«...нет, вы мне все-таки скажите, что именно вы хотите получить от реализации проекта? Прибыль или удовольствие? Нет, и то и другое в этих условиях нельзя! Почему? Ну... как вам объяснить? Есть такой принцип неопределенности Бора – Гейзенберга. Это – не совсем об удовольствии и прибыли, но что-то в этом роде... Вот он и утверждает: или одно, или другое...»

«...не надо пить в процессе тренировки. Вы забыли, какая удельная теплоемкость у воды? Ну, кто мне назовет? Ой, извините, коллеги. Я перепутал аудиторию!..»

«В прошлом веке в Америке жил один из самых замечательных физиков. Его звали Ричард Фейнман...» Вступление к книге «Разумный фитнес. Книга руководителя».

М-да... Как сказал бы Зигмунд Фрейд, бессознанка лезет.

Вы не поверите, но я в течение десятков лет постоянно ловлю себя на том, что неосознанно копирую манеру речи и повествования Никиты Алексеевича. Иногда даже копирую позу и интонацию. Выходит, что на всю мою жизнь он оказал решающее влияние. Главное, наверное, в том, что и Никита Алексеевич Толстой, и другие ЛИЧНОСТИ, с которыми довелось встретиться на физическом факультете, сделали всем нам своеобразную пожизненную прививку. Молодые люди, которые входили в жизнь на обычных юношеских понтах, увидели, что каким бы ты ни был «умным» рядом с тобой могут быть люди куда умнее. Они так же, как и ты, ходят по тем же коридорам, пишут на той же доске, иногда даже могут стрельнуть у тебя «беломорину» в курилке. Но при этом их интеллект настолько выше твоего, что ты ощущаешь себя просто неандертальцем по сравнению с ними. И ничто: никакой антураж, посты, звания, цацки на грудь, особняки, тачки, яхты, самолеты – не может сделать тебя умнее ни на йоту! Это нельзя купить. Такой опыт, полученный в юношестве, определил жизнь многих из нас. Значит, нам говорили правду о том, что физика – это наука о жизни. И дословно, и фактически. Вот такие дела.

Физфак, люди, проблемы

В.А. Корнеев (студент 1972–1978 гг.,
кандидат физико-математических наук,
научный сотрудник НИИФ 1978–1990 гг.,
Staff Scientist, Lawrence Berkeley National Laboratory, USA)

Я никогда не жалел о выборе профессии. Ее помогли найти время и люди, на мою удачу встретившиеся мне в жизни. В шестидесятых (мои школьные годы) физики были элитой. Нас воспитывали фильмы «Понедельник начинается в субботу», «Девять дней одного года», харизма Ландау, успехи квантовой механики, компьютеры и хрущевская оттепель, заставлявшие верить в завтрашнее счастье. А вернее, эта вера была нашим настоящим счастьем. Проблемы куда поступать для меня не существовало.

Я окончил ленинградскую 113-ю школу, учиться в которой тоже оказалось везением. В микрорайоне вокруг школы жило много работников ЛГУ, дети которых и задавали тон. Я, например, близко дружил с Ю. Ребане, чьи родители работали и преподавали на Физфаке. С ним мы ходили на малый Физфак, где студенты занимались со старшеклассниками, читали лекции и решали задачи. Важную роль в моей жизни сыграла моя учительница математики И.В. Сазонова, которая разглядела во мне способности и поддержала их, заваливая меня разнообразными задачами. Более того, она ввела меня в свою замечательную семью – родители ее мужа (тоже институтского преподавателя математики), А.В. Верховская и Л.С. Сазонов, были детьми В.Н. Верховского и С.И. Созонова, известных авторов первого российского учебника по физической химии (история замены «о» на «а» в последней фамилии была и остается для меня загадкой). Научная библиотека, оставшаяся после их замечательных родителей, занимала все пространство отдельной большой комнаты, где мне посчастливилось часто бывать и держать в руках первые публикации Пуанкаре, Релея, Фока и многих других великих классиков. До понимания тех работ мне было еще очень далеко, но даже перелистывание тех книг погружало меня в завораживающую культуру научного исследования, между страниц часто попадались аккуратные рукописные листки с комментариями или выводами. Мог ли я тогда представить, что правнук знаменитых ученых (Д.А. Сазонов) будет писать у меня курсовую.

Но самым важным фактором выбора профессии все-таки были сами люди науки, с которыми мне повезло встретиться и которые мне безоговорочно нравились. Умные, доброжелательные, глубоко порядочные, я всегда чувствовал, что

хочу быть одним из них. Наш биологический вид сделал познание своим эволюционным выбором, где слово «интересно» часто является достаточным аргументом для принятия решения. Мне это очень нравится – я чувствую себя востребованным внутри своего вида.

Я поступил на Физфак жарким летом 1972 года. Принимали 300 человек на курс при конкурсе три на место. В том году экзамены на Физфак впервые сделали в июле, чтобы дать шанс провалившимся поступить куда-нибудь еще. А поступивших в августе направили в петергофский стройотряд, который работал вокруг основного здания факультета. Мы, в частности, делали разметку под будущие корпуса НИИФ и контура заземления корпусов А и Б. После работы иногда удавалось выкупаться в недостроенном бассейне кафедры акустики. Наш курс был первым, начавшим учебу в Петергофе с первого дня. Нам еще удалось застать и увидеть В.И. Смирнова, В.А. Фока, С.Э. Фриша, хотя они уже не преподавали. Первые три с половиной года мы учились по общей программе, и, по идее, это должно было позволить отложить выбор специализации и дать осмотреться. К сожалению, реальной связи кафедр с младшекурсниками практически не было. Этого мне не хватало, чтобы понять, в какой мере мне в будущем понадобится тот или иной предмет, и, соответственно, правильно расставить приоритеты. Из преподавателей, особо интересно читавших свои лекции, вспоминаются Н.А. Толстой (общая и молекулярная физика), Ю.М. Коган (атомная физика), В.С. Булдырев (линейная алгебра), С.А. Васильев (электродинамика), С.В. Муковозов (история религии).

Я жил на Выборгской стороне, и ехать до места учебы, в Петергоф, мне приходилось два часа. Чтобы не терять время, занимался в транспорте, что было довольно неудобно. К тому же в те времена большую часть лекции преподаватель посвящал записи формул на доске, а студенты еле успевали скопировать запись и добавлять комментарии. На осмысление записанного времени не хватало, и частенько при подготовке к экзаменам больше пользовались учебниками, а не конспектами. Самостоятельное получение знаний было существенной частью учебы. Я распределился на кафедру физики Земли, в Лабораторию динамики упругих сред (ЛДУС), где и стал работать после защиты диплома в 1978 году. Лабораторию основал Г.И. Петрашень, работавший в то время в ЛОМИ, который и стал моим научным руководителем и Учителем.

В конце мая 1990 года я поехал в Берклиевский университет по программе научного обмена. Предполагалось, что моя работа в Беркли продолжится семь месяцев, но в то неспокойное время трудно было загадывать – начавшийся экономический хаос чуть не уничтожил ЛДУС и привел к увольнению большей части сотрудников. Возвращаться было особо некуда. В то же время я получил предложение остаться в Берклиевской лаборатории Лоуренса, где и работаю до сих пор. Я благодарен судьбе и Физфаку за профессию геофизика и такое разнообразие интересных задач и проектов, с которыми приходится иметь дело. До самой кончины Г.И. Петрашенья мы продолжали с ним общаться. У меня, как и у многих других выпускников, сохранились хорошие рабочие контакты с сотрудниками и студентами ЛДУС, у нас много общих проектов. Интернет стирает границы,

а наши нынешние выпускники нарасхват принимаются на работу крупнейшими компаниями мира.

В заключение я хочу остановиться на двух важных проблемах, которые, к сожалению, остаются актуальными для студентов и выпускников Физфака. Во время учебы нас учили понимать физические законы и решать научные задачи. Это была важная, но не единственная составляющая научной деятельности, к которой мы готовились. То, чему нас не учили, либо учили бессистемно, – это коммуникация и структуризация научной информации. Нас не учили делать доклады, конспектировать, писать статьи, отчеты и проекты, не учили работать с источниками, оппонировать, рецензировать работы других. Нас не учили искусству дискуссии, не учили представлять свои результаты, организовывать научные исследования, руководить рабочей группой, редактировать. Всему этому пришлось доучиваться самостоятельно, но я глубоко убежден, что все это слишком важно, чтобы оставить без внимания и не придать системный характер. В этом смысле выпускники российских вузов невыгодно отличаются, например, от американских школьников, где подобные предметы изучаются с начальных классов. Я уверен, что положение можно и нужно исправить, введя в программу обучения соответствующие курсы за счет общегуманитарных дисциплин сомнительной полезности.

Вторая проблема – это недостаточное владение английским языком. Английский – это латынь наших дней, это язык, на котором говорит весь научный мир и на котором выходят все без исключения основные профессиональные публикации. Общий объем публикаций сейчас сильно возрос, и поэтому в поле зрения попадают лишь статьи из высокорейтинговых журналов мирового уровня, где они проходят полноценную процедуру рецензирования и редактирования. Можно быть уверенным, что статьи из разного рода «вестников» специалистами прочитаны не будут. Недостаточное владение английским оставляет российскую науку в изоляции, вне мировых профессиональных информационных потоков. Пути решения этой проблемы очевидны.

Будем надеяться, что престиж (равно как и зарплата) физика в России вернется на должную высоту, а Физфак войдет в очередную пору расцвета и воспитает собственных нобелевских лауреатов.

Физфак... как много в этом звуке для сердца моего слилось (не очень чтобы старого физфаковца...)!

А.Б. Булах (студент 1973–1979 гг., старший преподаватель
кафедры прикладной математики СПбГПУ им. Петра Великого)

М-да... Давно это было, давно. «Давно это было. Во сне, наяву ли?..» Но, как говорится (и это – правда!), студенческие годы – *лучшие* годы жизни! И это действительно так. (По крайней мере для меня...)

Думаю, что описание различных событий моей жизни *до* моего поступления в стены нашего прекрасного учебного заведения не представляет собой особо интересного для читателя занятия, поэтому сразу же приступим к моему «изложению», начиная именно с этого момента времени.

При поступлении на факультет нас, всех новоиспеченных, быстренько определили еще летом, сразу после экзаменов, в славный (уже *студенческий!*) стройотряд «Самсон», квартировавшийся в зданиях каких-то общежитий в Старом Петергофе. Народу туда было зачислено довольно много, годных по здоровью и проживавших в самом городе. Иногородные же (после успешно сданных экзаменов) отправились побыстрее обратно, чтобы там, у себя дома, вволю отпраздновать это событие. Ко Дню знаний, 1 сентября, они должны были явиться обратно для торжественного начала своей учебы в одном из действительно лучших вузов нашей страны в то время. Во вновь образовавшемся отряде было довольно много действительно интересных, разных людей, которые с любопытством смотрели друг на друга, зная, что всем им предстоит долгий и трудный путь длиной в шесть лет по этому бурному и беспокойному морю знаний. Для кого-то этот путь оказался действительно легкой прогулкой, поскольку в нашем потоке было большое количество очень одаренных ребят, для кого-то предстоящий путь отнюдь не вызывал спокойного состояния души, а для некоторых из нас он вообще закончился трагически вследствие их «отцепления» от всего «пелетона» из-за хронической академической неуспеваемости.

Но все это будет потом, а пока...

Надо сказать, что подробное описание всех дальнейших событий просто *физически* невозможно, так как есть ограничения в количестве страниц. Поэтому остановимся лишь на самых ярких воспоминаниях и впечатлениях об этих годах, которые навсегда остались в памяти как лучшие в моей жизни.

Честно говоря, нас, еще абсолютно «необстрелянных» новобранцев, использовали в этом первом студенческом отряде как обыкновенную затычку, перекидывая с места на место в качестве временного подспорья, и толку от нашей деятельности – большого толку «для развития народного хозяйства страны» – не было *никакого*.

Давайте сразу же определимся.

Я абсолютно, абсолютно игнорировал весь процесс своего обучения в течение этих долгих (а может быть, и быстрых) для меня лет пребывания на физическом факультете. Я просто упивался тогда той «свободой», которая так неожиданно (а может быть, и наоборот...) свалилась мне на голову. Полученный мною запас знаний в физико-математическом лицее с лихвой помог мне преодолеть первые два года, но потом... Потом «Колосс Родосский» стал потихонечку разваливаться, от него стали отваливаться куски, он стал осыпаться, пока не превратился в большую бесформенную грудку обломков, правда, еще временами сияющую в лучах солнца, иногда пробивающегося сквозь грозные тучи...

Ташиться каждое утро с улицы Тухачевского в эту глушь, куда «загнали» из города физический факультет, было довольно напряженным занятием, поскольку уходило на одну только дорогу, в одну только сторону, времени где-то порядка часов трех, если не более того... Да еще и обратно... И совершенно естественным было для меня тогда просто элементарно плюнуть на весь этот «учебный процесс» и тихо продолжать «плескаться» у себя дома, в своем семейном счастье.

Один раз я вообще в течение семестра оказался на факультете только раза три (или четыре...), чтобы «пропихнуть» все эти зачеты, лаборатории, получить допуски к надвигающимся экзаменам. Но поскольку голова у меня всегда была довольно неплохая, то мне удалось тогда «безбедно» продолжать свое существование на факультете, все время находясь на грани вылета из-за своей хронической неуспеваемости. Правда, уже в самом конце мне просто осточертело болтаться «как цветок в проруби», и я решил расстаться с факультетом, громко хлопнув за собой дверь. То есть сдал последнюю сессию на одни пятерки, чем привел в состояние легкого шока весь деканат. Но для этого мне пришлось весьма и весьма изрядно потрудиться, поскольку нужно было преодолеть «Джомолунгму» – финальный экзамен по теоретической радиофизике, которую нам читал заведующий кафедрой, будущий ректор университета Глеб Иванович Макаров.

Да... Воспоминания, воспоминания, воспоминания...

Один раз я со своим дружкой по кафедре, Старицыным Игорьком, промотал все лабораторные занятия, прочно и надолго засев в замечательном, просто упоительном пивном кабаке под названием «Петрович», который располагался тогда в Старом Петергофе, в подвалах самого императорского дворца. «Дивное» было место, где в основном собирался самый простой, недалекий люд со всей округи, включая и девиц легкого поведения. Провонявшие насквозь спертым пивным кислым духом старые облупленные казематы, огромные дубовые столы «под старину», тусклые в угарном чаду лампочки, громкий гул голосов и... Пиво, пиво,

пиво! Пиво в огромных полулитровых стеклянных кружках с пеной ценою всего... 20 копеек!!! С ума можно было сойти... (Тем более *сейчас*, вспоминая все это.) И постоянные кровавые стычки, выяснение отношений, пьяный разгул... Короче говоря – РОМАНТИКА!

Ну вот... А сдавать отчеты по несделанным работам все-таки было нужно. И что же нам оставалось делать тогда?... Писать откровенную липу? Так это сразу же станет понятно... Пришлось нагло пойти на хитрость.

Мы с Игорьком нарисовали какую-то абракадабру, а я все *это* разукрасил: виноградные лозы там пустил по листкам отчета, витиеватое переплетение цветов и листьев, ну и так далее, и тому подобное. И понесли мы это лубочное произведение искусства на оценку нашему приемщику, в качестве которого выступал очень тихий, скромный, интеллигентный до невозможности преподаватель кафедры – Андрей Илюбович Исаев. Увидев наше «творение», он буквально рыдал от смеха целых пять минут, утирая себе глаза белым платочком. Потом поставил нам по тройку и отпустил нас с Игорьком с богом с глаз своих долой.

Где-то на третьем курсе вся наша радиофизическая группа сдавала довольно любопытную науку «Нелинейные системы и теория устойчивости», которую вел у нас профессор Красильников. Довольно интересные вещи там оказались при ближайшем рассмотрении (чужих конспектов за три дня до экзамена...), занятные... Мне даже стало тогда интересно, и я пришел на экзамен, будучи твердо уверенным в своих силах. Вытащил билет и все по нему написал, поскольку весь материал курса отложился у меня в голове достаточно прочно и надежно. И надо же было мне умудриться (при полном знании сдаваемого предмета!) все-таки втихомолку посмотреть под свою парту в шпаргалку, чтобы быть *полностью* уверенным в том, что я не заврался и написал все правильно. Естественно, это мое «деяние» не осталось незамеченным. Прекрасно ответив по существу, справившись быстро и уверенно с дополнительными вопросами, я уже застыл в ожидании «чуда», то есть безоговорочно отличной оценки. Экзаменатор тогда задумчиво откинулся в своем кресле, посмотрел молча в окошко, потом перевел свой хмурый взгляд на меня. Потом постучал пальчиками по столу, потер озадаченно подбородок и снова уставился на меня.

– Хорошо, вот вам нетривиальный вопрос. Только не надо спешить. Подумайте сперва.

Я и подумал немного. Подумал и развил такую «теорию», от которой у него от удивления и удовлетворения полезли вверх брови.

– М-да!.. Получите.

И он отдал мне заполненную зачетку, куда я даже и не стал заглядывать. Только выйдя в коридор, я на вопросы своих товарищей по группе гордо открыл ее и... увидел там *хорошо*... А как же?... Ах, вот оно что!.. Все-таки застучал меня. Но ведь... Нет! Как говорят в народе, по Сеньке шапка!

Вот так вот.

Надо сказать, что первые два года обучения мы все сдавали одни и те же экзамены, правда, разбиты группы все-таки были по потокам. Был «элитарный»

поток, где учились студенты, наиболее успевающие по предметам, и «обычный» – для тех, кто не считал для себя необходимым проходить усложненный курс обучения. Особенно это касалось высшей математики (в простонародье – вышки). Если для «избранных» преподавание велось на очень высоком уровне, сравнимом с уровнем преподавания предмета «Функциональный анализ», то простым смертным всех этих красивых, но страшных по сути (а может быть, и простых, когда начинаешь понимать, о чем идет речь...) обобщений и премудростей совсем и не требовалось. Поэтому многие из тех, кто изначально хотел отхватить от жизни *все*, что она могла бы дать, со временем быстро сорвались с бортов стремительно несущегося вперед глиссера и отплыли в медленно расходящихся струях подальше, подальше от всех этих пенистых бурунов и завихрений, вырывающихся из-под бешено вертящегося винта. (Что и произошло со мною тоже...)

Один раз (это было где-то на втором курсе) я мимоходом забежал на огонек в 108-ю аудиторию, где лекции по молекулярной физике нам читал потомок древнейшего русского рода Никита Толстой. Этакая седая вальяжная личность, этаким барин сидел, развалился и забросив ногу на ногу, на стульчике перед аудиторией и, дымя вокруг себя гаванской сигарой, только время от времени переставлял слайды в диапроекторе, на которых был отсканирован текст его выступления. А вся масса слушателей (как египетские мальчишки!) лихорадочно строчила с экрана его «экзерсисы», пока он не успел сменить свой очередной кадр. И так это меня возмутило тогда, так мне стало неприятно все это показное презрение «высших» к «низшим», что я просто не мог тогда долго успокоиться. Ну а в конце «лекции» залу было предложено задать вопросы. И надо сказать, что нашлись такие люди, нашлись...

Вот тогда вся эта внешняя мишура мигом слетела с «лектора», и он очень спокойно и вьедливо стал разъяснять желающим различные ньюансы изложенного им материала. И со временем, через много-много лет, когда я сам стал преподавателем, я понял, что это – *хорошо!* Не надо расшибать себе лоб в бесплодных объяснениях всего вся и всем, нужно это делать только для *тех*, кто в этом действительно нуждается, кто в этом заинтересован.

Надо сказать, что и в этом «простом» потоке были такие вещи, от которых мне явно становилось тогда не по себе. Та же вышка и вдобавок еще суперпредмет под названием «математическая физика»... Бр-р-р! Все эти римановы поверхности, вычисление интегралов с помощью теории вычетов по разрезам... О боже... Лучше не надо.

Правда, в самом конце (до которого нужно было плыть и плыть) получалось такое выражение, простое объяснение которого приводило меня всегда в подлинный восторг!!!

Когда я «с блеском» (пропустив *все* положенные пересдачи и доведя дело уже почти до финишной черты) все-таки пришел сдавать теоретическую радиофизику к прелестной Базаровой Марине Павловне, то разговаривать нам с нею оказалось уже просто не о чем, поскольку она мгновенно поняла степень моей готовности. И тогда она меня просто спросила, какой «элемент» курса мне больше всего запомнился. Я и ответил ей тогда, что больше всего меня поразило объяс-

нение одного конечного результата (так называемый эффект шепчущей галереи), в котором полученный в точке приема сигнал трактовался как элементарное наложение многократных отражений излучения от многослойной структуры ионосферы, простиравшейся над трассой, связывающей источник и приемник.

Боже мой! Как это было просто... Но *как, как* это было получено, сколько «сил» было вбухано туда, чтобы прийти к конечному результату, к этому элементарному выводу, который и так был понятен с самого начала.

Да... Великим человеком был Глеб Иванович Макаров, великим... Он даже в свое время нашел *одну* (маленькую такую...) ошибку в рассуждениях всемирно известного блестящего немецкого математика Зоммерфельда и был этим фактом (как я думаю) весьма и весьма доволен. Правда, Глеба Ивановича за все эти «сложности» и «премудрости» его «доброжелатели» изрядно покусывали по той простой причине, что заложить весь этот «дикий» математический аппарат в простые и небольшие по объему алгоритмы (так нужные нашей авиации для своего ориентирования в пространстве) было просто *немыслимо*, тем более что все программы на кафедре в то время писались на древнейшем диалекте Фортрана, да и «гонялись» они на этих не сильно удачных заимствованиях – громоздких машинах типа ЭС-ЭВМ, «слизанных» нашей доблестной разведкой у американцев.

И кому все *это* было нужно?.. Непонятно. Тем более что мне рассказывали потом мои школьные друзья, что весь наш морской флот (и, в частности, подводные лодки) использовали исключительно заморские системы навигации, не сильно (мягко говоря) доверяя отечественным разработкам. Не знаю...

Был у нас в то время просто прекрасный замдекана – Вальков Валентин Иванович, просто дивной души человек, крайне доброжелательно относившийся к «племени младому, незнакомому», к «молодой цветущей зелени». Один раз, когда все мы сдавали предмет «оптика», курс лекций по которому у нас читал (надо сказать, довольно вальяжный) профессор Калитеевский, он пришел на экзамен в качестве ассистента и, удобно расположившись на каком-то ярусе амфитеатра аудитории в КЗ (конференц-зале), стал добродушно слушать ответы студентов. И мой товарищ по курсу, Серега Бром, быстренько к нему подсел *вне* всякой очереди, надеясь через него «прорваться» на волю, и весело и бегло стал рассказывать ему содержимое своих исписанных листочков, которое он только что «содрал» с недавно изданной книги самого профессора. А саму-то книгу засунул себе за спину, за ремень, за свой чистенький и отутюженный к «праздничку» пиджачок. («Экзамен, профессор! Экзамен для меня всегда праздник!») И так он лихо и нахально привел в радостное изумление Валькова, что тот только развел в стороны от удивления и удовольствия руки и дружески похлопал Серегу по спине... (Продолжать дальше не вижу смысла.)

Но были и «сволочи» среди преподавателей, которые находили удовольствие в издевательствах над бедными «страждущими», просящими милостыню на паперти. Был у нас такой человек по фамилии Т. (занимавший потом довольно высокие посты в административной структуре НИИФ), который нарочно проделывал дырку в своей газете и, якобы читая ее, «радостно» следил, как «змея

подколотная», приготовившаяся к прыжку, за глупыми «бандерлогами», которым была предоставлена неожиданная для них «свобода» действий. А потом их просто «сжирал»... Сволочь, да и только.

Как-то раз, когда мы сдавали утром в КЗ какой-то предмет, случилось одно событие, которое мне очень ярко запомнилось и память о котором я храню до сих пор. В то время произошли какие-то очередные неполадки в работе железной дороги, и многие электрички из города были отменены. Поэтому целая группа экзаменаторов не смогла вовремя добраться до факультета, и пришел к самому началу экзамена только один преподаватель, проживавший в то время в 23-м квартале в Старом Петергофе. А я – то ли заночевал тогда в университетском общежитии, то ли еще по какой-то другой причине, о которой я уже сейчас и не помню, – все-таки оказался тогда утром в этом зале и увидел собственными глазами все, что там происходило. Студенты, проживавшие в общежитии, довольно быстро заполнили зал, разобрали билеты и стали в напряженной тишине готовиться к началу испытания. А бедный маленький тихий преподаватель в одиночестве сидел перед полностью заполненной аудиторией и все чаще и чаще поглядывал на свои часы, ожидая прихода «помощи», которой все не было и не было... А отменять экзамен уже было поздно, поскольку «поезд уже пошел»...

Прибежала молоденькая секретарша из деканата и что-то тихо ему на ухо сказала, после чего он просто затравленно вжался в кресло и затих. Потом, когда отведенное для подготовки время закончилось, он, прокашлявшись, тихо сказал застывшему в ожидании залу:

– Кто хочет тройку, подойдите, пожалуйста, ко мне.

Прямо ледник с грохотом сошел вниз! С трудом заполнив огромную груды зачетов, он вновь тоскливо посмотрел наверх.

– Кто хочет четверку?..

Человек десять спустилось вниз, он с ними немного поговорил и отпустил восвояси.

В зале осталось человек пять, пятеро «смелых»...

– Ну а вам я и *так* поставлю!

Вот так вот! «Легким движением руки брюки превращаются... брюки превращаются... превращаются брюки... в элегантные шорты!»

* * *

ВССО – Всесоюзный Студенческий Строительный Отряд! Да... «богатыри – не вы!» Какое это было прекрасное время, прекрасное, сплошь пропитанное романтикой и *верой, верой* в светлое будущее! (Несмотря ни на что...) Действительно, это было богатырское, действительно, всесоюзное движение молодежи. Не зря про те времена слагались такие песни:

А я еду, а я еду за *туманом*,
За *деньгами* едут только дураки!

И как все перевернулось с точностью до наоборот...

А я еду, а я еду за *деньгами*,
За *туманом* едут только дураки!

Но *это* все случилось потом, потом, значительно позже, хотя...

Мгновенно в природе не происходит ничего, везде все имеет свои корни, свои начала. Все вокруг видоизменяется со временем, приходя в конце концов в свою *противоположность*. Закон диалектики, против него не попрешь...

Но тогда, тогда все вокруг меня было овеяно ореолом «боевой и трудовой» славы, просто дух захватывало, когда я видел на факультете этих просоленных, обветренных и загорелых молодых ребят и девушек в истертых и опаленных солнцем защитных стройотрядовских гимнастерках с огромным количеством различных нашивок, эмблем и значков. Я так хотел тогда побыстрее окунуться в эту новую для себя среду, так хотел побыстрее стать для них «своим в доску», побыстрее превратиться из желторотого чечака в возмужавшего старика, так хотел...

Но... Первый же свой настоящий трудовой летний студенческий отряд я провел далеко-далеко от «мест обетованных», далеко-далеко от Коми АССР, куда уезжали наши *лучшие* отряды с факультета.

Так уж все по-дурачки получилось (как всегда!)... Наверное, по моей собственной вине, поскольку я был страшно *обижен* и *обозлен* тогда на своих школьных походных друзей (с которыми я столько нахлебался в этих просто безумных туристических походах). А обозлен на них я был по той простой причине, что они (втихомолку от меня, как мне тогда показалось, не сказав мне ни слова!) все *дружно* подались в «самый-рассамый» («самее» не бывает!) могучий по тем временам на факультете стройотряд «Потенциал», о котором тогда ходили просто легенды. Работавший все годы своего существования на факультете исключительно в тяжелейших условиях в самых отдаленных уголках нашей страны, он не просто был «маркой» факультета, но и оставался страшно притягательным местом, куда все желающие испытать свои силы пытались попасть. Но отбирали туда на специально организованных собеседованиях далеко не всех, а только исключительно сильных в физическом плане ребят, способных вынести на своих плечах все тяготы той изнуряющей летней работы. Ну и совсем немного девушек брали с собою – они должны были выполнять беспросветные (в буквальном смысле!) функции поварих. То есть непрерывно готовить и кормить, кормить, кормить всю эту шатию-братию, чтобы она могла вновь уходить на свою работу. Поэтому отсеяв был громадным и многие из «неудачников» впоследствии довольно злобненько язвили по поводу самого отряда, считая его обычным «сливным бачком», куда удавалось попасть только самым-самым недалеким людям. (И надо сказать, что в массе своей это было правдой. Прискорбно, но факт...)

Для привлечения внимания вновь поступивших все стройотряды, существовавшие на факультете (а их было немало, ох, как немало!), ранней весной вывешивали свои рекламные газеты на втором этаже возле помещения столовой, в которых расписывали все прелести, которые ожидают их новоиспеченных бойцов. Особенно шокировала газета моего будущего отряда, которая была выполне-

на крайне лаконично и не содержала никаких лишних слов. Точнее, *вообще* их не содержала.

Сама газета состояла из длиннющего рулона бумаги, на которой сплошь, впритык, были наклеены огромные черно-белые фотографии формата А3, на которых была изображена вся трудовая деятельность отряда за прошедшее лето. Причем изображено все это было крайне живо и талантливо, с высоким художественным вкусом! И настолько все это было поразительно и неожиданно, что я просто в первый раз оторопело застыл перед этими снимками и никак не мог поверить в то, что все, изображенное на них, *правда* – от начала и до конца.

Но... я, плюнув (возможно, незаслуженно) на своих друзей, отправился первым же своим трудовым летом в Ленинградскую область, на самый ее краешек, который граничил с Финляндией, в славный город Светогорск, в котором продолжалось строительство огромного целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК) с участием нашей страны-соседа. При введении его в строй планировалась организация производства по переработке отечественной древесины в различные товары народного хозяйства. И если сказать откровенно, положила руку на сердце, то *ничего, ничего* хорошего, *ничего* путного мы там так и не сделали за все то лето. Так, отбывали повинность, но не более того. Остались лишь в памяти несколько эпизодов, воспоминаний об этом «пропащем» для меня лете, среди которых заняли особое место региональные соревнования по футболу между различными «линейными» отрядами, расквартированными на территории самой области, в которых мы умудрились стать победителями!

Но это было уже в самом конце «срока»...

А на следующее лето я, все-таки плюнув на свою гордость, пришел на собеседование в столь желанный для меня отряд. Я сидел там такой мрачный, взъерошенный, угрюмый, неразговорчивый, злобно озираясь по сторонам, такой, что... Короче говоря, никакого интереса к своей персоне я не смог тогда вызвать, и было принято решение оставить меня «за бортом». Но тут вмешались мои школьные друзья (которые в массе своей смогли преодолеть первое «испытание»), сказав, что *этого* человека взять с собою стоит. После определенного колебания вопрос был решен для меня все-таки положительно.

Надо откровенно сказать, что я всегда наплевательски относился к своему здоровью, через пень-колоду занимаясь различными видами спорта. Поэтому первая же неделя в отряде для меня явилась полным откровением, кошмаром, форменным крахом, поскольку *так* тяжело физически, *так* невыносимо трудно мне не было никогда в жизни. Я такого просто не ожидал...

Сам отряд был стандартно разбит на две половинки, где первая (наиболее «высокоинтеллектуальная») занималась исключительно «творческой» деятельностью – ремонтом обветшалых щитовых домиков в поселке, где квартировался сам отряд. А во вторую половинку «ссылали» всех вновь прибывших (вместе с туповатыми наставниками-«стариками»), поскольку базировалась она в глухой тайге и занималась строительством временных железных дорог («усов»), по которым мотовозики вывозили платформы с готовым поваленным лесом, отечественным сырьем, которое потом пускалось в обиход уже в самом поселке, может быть,

и дальше. А может быть, и еще дальше, так как Советский Союз был исключительно сырьевой базой и торговал со своими соседями в основном только природными ресурсами, поскольку выдержать конкуренцию на мировом рынке своими промышленными товарами он просто физически тогда не мог. (Да и сейчас тоже...)

И вот там-то, в лесу, я натерпелся *всего*, что только можно было себе представить и даже более того, значительно более... И я действительно тогда почувствовал на собственной шкуре – каково это было попасть в абсолютно безвинные заключенные (зэки) и беспросветно сгинуть здесь, в этих лесах и болотах окружавшей нас со всех сторон тайги...

Я единственный раз в жизни потерял сознание от физической усталости, и произошло это в тот самый злополучный для меня 1975 год, когда я впервые попал в эти «места обетованные», в страну эков, в Коми АССР.

В тот страшный для меня день с утра, когда мы после завтрака медленной цепочкой, прыгая по шпалам, растворились в утренней мгле, была какая-то мерзкая, ветреная и дождливая погода. Идти было не очень близко, поскольку место нашей работы находилось в полутора километрах от нашего «дома». И когда мы туда «допрыгали», то, передохнув немного, вновь погрузились в свое «беспросветное небытие», в этот бесконечный процесс работы «владимирскими тяжело-возами». И когда уже прошел обед и все началось снова, то единственной моей мыслью в голове в самом конце рабочего дня была только одна: когда же, когда же, ну когда же это все закончится? Когда...

Но это все не кончалось и не кончалось, и мысли мои стали путаться, когда я уже абсолютно тупо и безучастно, практически в состоянии анабиоза, совершал циклические движения из леса на просеку и обратно.

Ближе к вечеру все ушли куда-то вперед, а меня оставили одного с наказом продолжать вытаскивать на центр просеки шпалы из леса. И все действительно ушли и растаяли в пелене мутного, противного дождя, а я остался в полном одиночестве среди шумевшей вокруг меня тайги... Господи! Счастье-то какое... Ведь никто, никто, никто за тобою следить не будет. *Никто!*

Можно было бы присесть и закурить, хоть немного, но передохнуть... Но неотвязчивая мысль об этом моем малодушии тогда неуклонно стала грызть и терзать душу. Что же это такое получается? Там, где-то впереди, все будут продолжать по-прежнему «умирать», а я тут на «вольных хлебах» получается... Нет, так дело не пойдет. «Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса!»

И пришлось мне дальше «мордоваться», ежесекундно проклиная свою судьбу... А когда свет уже померк в моих глазах и на небе, то я еле-еле добрался к себе «домой», отчаянно надеясь побыстрее дорваться до теплой и сытной еды, побыстрее наестся ею и завалиться спать, чтобы хоть немножечко, немножечко восстановиться к следующему утру. И вот только я размечтался о долгожданном отдыхе, как неожиданно поступило новое «распоряжение» сверху, касавшееся всех вновь прибывших в лагерь. Необходимо было их срочно развернуть и послать обратно в лес, но уже в другую сторону, так как к утру в одном месте нужно было вытащить из леса на середину просеки заранее подготовленные ошкуренные длинные болванки под будущие столбы.

Темень уже совсем навалилась на нас, дождь продолжал поливать сверху, но... Но идти все же было *надо*. Приказ есть приказ! И *всё*.

А когда мы уже возвращались обратно, то я вообще стал плохо воспринимать все окружающее. Последний отрезок пути нам пришлось идти по недавно построенным клетям (специальным срубам из толстых бревен, которые закладывались в трясину вниз, в само болото. Потом сверху на них набрасывались всей толпой длиннющие хлысты лаг, а уж потом – шпалы, к которым приколачивалось специальными длинными металлическими гвоздями – «костылями» – уже само полотно дороги). Прыгнешь на очередное мокрое и скользкое от дождя бревно над черной пустотой, покачаешься, стараясь удержать равновесие, соберешься с силами и дальше прыгаешь...

Очень часто наша молчаливо прыгающая в кромешной темноте цепочка оглашалась истошным воплем и матом – когда кто-нибудь из нас проваливался, поскользнувшись, вниз...

Я тогда добрал *последним* до специальной палатки, стоявшей несколько в стороне, которую мы использовали для просушки своей мокрой одежды... (Вонь внутри нее стояла просто невероятная!) Я просто упал в нее и... больше ничего уже не помнил...

Очнулся я от холода, поскольку половина моего тела оказалась на улице и по нему хлестал злой, холодный дождь. С трудом заполз внутрь, содрал все с себя, развесил вокруг раскаленной печки и бегом припустил нагишом поскорее к себе в палатку, на свое «лежбище», чтобы там переодеться в сухую одежду и занырнуть в спальник, – очень хотелось урвать от оставшегося мне сна хоть маленький кусочек.

Кошмарное воспоминание... Просто кошмарное.

Проработав в лесу целую неделю, мы поздним мотовозиком вместе с местными работягами уезжали на выходные дни обратно в поселок. Для меня это было просто счастьем – вот так вот целых два дня подряд отъедаться и отсыпаться, *ничего, ничего*, ровным счетом *ничего* не делая!!! Покупали в местном магазине различную вкуснятинку и объедались ею просто до умопомрачения...

Надо сказать, что местное население относилось к нам довольно доброжелательно, так как мы работали именно для *них*, для обустройства *их* быта. Это касалось в основном поселковой части отряда, потому что ремонт щитовых домиков в преддверии наступающих холодов был просто жизненно необходим для местных аборигенов. Ведь зимы-то здесь стояли действительно крутые, просто лютые! А жить-то нужно было именно в этих избушках на курьих ножках, поскольку возможности улететь отсюда для большинства жителей не было никакой. С настоящими местными все было понятно – они корнями вросли в свою землю, но очень, очень большое количество жителей поселка составляли обычные ссыльные, обычные ээки, которых (после отбытия ими своего наказания) направляли куда-нибудь подальше от крупных городов. Так что этим людям дорога обратно была заказана.

А мы для них были как посланцы из другого мира...

Каждую субботу в клубе для местного населения мы устраивали концерты, на которых читали стихи наших великих поэтов, пели песни под гитару, устраивали различные сценки-миниатюры, демонстрируя экзотические приемы рукопашного боя – многие из наших ребят у себя дома посещали разнообразные секции, где занимались обучением этому «элитарному искусству». Причем идти и участвовать в концерте считалось самым обычным, естественным для нас делом. Да, мы несли тогда в эту среду какую-то совершенно другую культуру, что-то новое, совсем необычное для них, что-то (как это ни странно сейчас звучит!) *хорошее!* И это было прекрасно... Да.

Никуда не деться от того, что в *те* времена все студенческое строительное движение (в основе своей) было пропитано идеей романтизма, стремлением улучшить условия жизни окружающих людей, сделать их мир более насыщенным, ярким, богатым... Сейчас пытаются возродить это движение, но ничего, кроме грусти о прошедшем, оно уже вызвать не может. *Все!* Прошло то время, кончилось.

Ну и, конечно же, по воскресеньям мы устраивали товарищеские футбольные встречи с местной командой, хотя товарищескими их назвать было довольно затруднительно...

Разбитое вдрызг канавами, заросшее густой травой кособокое поле и команда местных костоломов, которая всегда перед игрой заливала себе за воротничок изрядное количество водочки, потому и выходила на поле с единственной целью всех и вся растоптать и размозжить. Чем они и занимались... Судейства обычно не было, а если и было, то толку от него не было никакого, потому что на поле шла такая форменная мясорубка, что встречать туда было опасно. А потом, обмыв свои раны, мы возвращались к себе домой, чтобы, переспав последнюю ночь, нагрузившись поутру своей поклажей, опять ползти обратно к своему мотовозику с вагончиками, где мы просто грудой вповалку валились на пол и досыпали еще целых два часа, пока нас не привозили обратно в лесной лагерь. И... по новой! По новой по старой колее. Тоска беспросветная...

...Ну а потом, когда все уже закончилось в то проклятое для меня лето и я смог возвратиться в свой родной город, то очень долго приходил в себя и *никакого, никакого* желанья возвратиться обратно у меня тогда не было. Но затем

Праздник в ССО «Потенциал».
На фоне бара

потянулся новый «учебный» год, новые заботы и проблемы навалились на меня, и потихонечку неумолимое время вновь подтянуло меня уже к очередной летней сессии, после окончания которой нужно было кардинально решить для себя вопрос: продолжать ли все это «безумие», либо... Либо вильнуть в сторону, в кусты, поскольку почти все мои школьные друзья вновь уже засобирались туда обратно. Ну... Человек, как это хорошо известно, животное стадное... Пришлось и мне уныло прицепиться к хвосту этого каравана, хотя *никто, никто* не горел желанием, чтобы я поехал с ними. Так, ни шатко ни валко... Обычный КТУ (коэффициент трудового участия), равный 1, – стандартная оценка для всех молодых и начинающих, но не более того. Но что-то во мне произошло, я как-то закалился в душе, и вновь свалившиеся трудности уже не явились для меня тем откровением, как это было в прошлое лето. Я сам, сам все время старался везде быть полезным – во всех начинаниях и при всех осложнениях, которые сопутствовали нам тогда. И так вот потихонечку, помаленечку я и окреп, «дослужившись» через год до КТУ, равного 1,2. А это «большое» число, ох, какое «большое»... Обычно так оценивалась штабом работа, *удачная* работа бригадиров в отряде. Больше обычно получали только комиссар – 1,3, мастер отряда – 1,3 и его командир – 1,4. Командир, на плечах которого висела вся, буквально вся, ответственность за благополучный исход всего этого «мероприятия». В основном *денежный исход* решал в те времена *все*.

А потом в отряд влились новые, свежие, силы – большая группа выпускников из элитарных математических школ города, ядром которой был выпуск нашего физико-математического лицея. И привнесли они в отряд какой-то совсем новый подход к вещам, какую-то свою, более высокую, культуру, нежели та, которая была в нем до сих пор. И все это крайне не понравилось старой части отряда, которая хотела жить так, как это было прежде. В результате произошел его раскол на две (возможно, неравноценные) половинки. От самого отряда отделилась, а может быть, просто ушла в сторону группа этих самых «старообрядцев» – «староверов», которая решила сменить свое название на «Потенциал – Транспорт», тем самым отмежевываясь от оставшихся в отряде бойцов, которые, несмотря на понесенные потери, все-таки решили поехать обратно под тем же самым старым названием. На сторону «стариков» переметнулись некоторые ребята из нашей группы, по всей видимости, исключительно из-за финансовых соображений, поскольку судьба оставшихся повисла в воздухе вследствие того, что все, практически все, квалифицированные кадры покинули отряд при его расколе. Возглавил «новый старый новый» отряд мой школьный туристический друг, мой одноклассник Витя Яковлев, который всегда и во всем был крайне упрямым и настойчивым, в первое же свое лето в отряде зарекомендовавший себя с самой лучшей стороны (в отличие от меня), резко заявив о себе как о потенциальном лидере. Этаким настырным «плотный кубик»...

Витя был из очень простой рабочей семьи, и ему позарез нужно было зарабатывать летом деньги, не только для себя лично, но и для всей своей семьи, которая пребывала тогда в нескольких стесненных жизненных обстоятельствах.

Сам новоиспеченный отряд просуществовал всего лишь год, максимум – два, а потом распался из-за бесконечных склок, дразг и раздоров, разгоревшихся

Песни на празднике в ССО «Потенциал». Слева направо: А. Воронов, В. Духняков, М. Попова, А. Булах, В. Хайлов, С. Андрианов, А. Савельев

внутри него между «стариками», которые в конечном счете предпочли более выгодным для себя уйти в такие маленькие шабашки, направлявшиеся туда же, в этот «золотой Клондайк» – в Коми АССР.

А сам Витя после окончания факультета безуспешно (впрочем, как и я) пытался защитить кандидатскую диссертацию на кафедре оптики, но потом быстро пришел к выводу, что время вокруг него резко изменилось и нужно ловить жирную рыбку совсем не в стенах этого учебного заведения. И ушел Витя в бизнес, где, в отличие от многих, весьма и весьма преуспел, но эта история его «взлета» вряд ли кому-нибудь будет интересна.

Структура работы в ССО «Потенциал» со временем претерпела изменения. Отряд по-прежнему много лет подряд после описываемых здесь событий выезжал в Коми АССР и по-прежнему был визитной карточкой (по моему мнению) факультета. Что касается меня, то я намертво прирос к нему своими корнями – меня в конечном счете избрали его комиссаром, многолетним *безальтернативным* комиссаром, что, наверное, не очень было хорошо...

Я очень долго продолжал ездить с отрядом в свой летний отпуск, уже давно окончив физический факультет и работая инженером-программистом в НИИФ. Теперь работа отряда уже полностью локализовалась внутри самих поселков, где мы продолжали ремонтировать щитовые домики и собирать новые, строить местные бани, заливать бетоном фундаменты многоквартирных домов, огораживать заборами требуемые территории, копать канавы и так далее, и тому подобное. На наших обычных праздниках мы теперь стали лепить в качестве угощения огромное, просто невероятное, количество пельменей, которые со свистом у нас уходили под неизменную водочку, и по-прежнему привозили мы оттуда весьма и весьма приличные деньги, но... Слишком, слишком много «поколений» уже про-

шло через мои руки, слишком много... Я с каждым новым годом все острее и острее чувствовал свой возраст, и в конечном счете все это должно было рано или поздно закончиться.

Мне вспомнился сейчас мой *последний* дождливый август в отряде, когда я зашел по каким-то делам в свою комнату и просто уткнулся лицом в сырой матрац, горестно завыв от тоски, от чувства, что здесь, здесь я уже стал чужим, совсем чужим... Все, время мое закончилось.

Я прекратил свой бесконечный (как мне казалось тогда) бег по этому кругу.
Всё.

* * *

Вторым моим «развлечением» на факультете было «рисование», которому я посвятил львиную долю времени. Когда я впервые вступил в его стены, мое внимание привлекла довольно большая газета, висевшая рядом со столовой на втором этаже, с интригующим названием «Голос». Я быстренько навел справки и пришел туда в тот самый момент, когда собралась в этой комнатенке (расположенной в коридоре, перпендикулярно отходящем от первого этажа главного здания и ведущем в сторону кафедры оптики) группа старшекурсников, которая довольно уныло стала подготавливать очередной выпуск еженедельной факультетской газеты. Надо сказать, что само содержание газеты было довольно неинтересным. С большим трудом собирался материал, который (наверное, после предварительной партийной цензуры) отпечатывался на пишущей машинке и приклеивался в соответствующие места на белое полотно бумаги. Честно говоря, у меня осталось впечатление от всего увиденного, как от обыкновенной рутинной комсомольской дребедени, абсолютно не вызывавшей в широких массах никакого интереса. Ну, положено было заниматься этим делом, значит, положено...

Моему приходу все были очень рады и, выяснив вкратце мои скромные способности, сразу же определили меня в группу оформителей. Помнится мне, что первым же моим рисунком в газете был вид заброшенного монастырского кладбища с покосившимися от времени крестами, все затянутое густой паутиной... А потом за мной пришли новые молодые ребята, и очень быстро старожилы поняли, что им пора уходить на покой, чему (как мне кажется) они были несказанно рады. «Дело» они свое сделали и передали будущим поколениям свою эстафетную палочку.

Любопытная «компания» у нас собралась в то время, любопытная... Все молодые, задорные, веселые!

Новым главным редактором газеты у нас стал очень спокойный и уравновешенный, всегда улыбающийся и молчаливый (но крайне аккуратный!) человек – Сережа Микрюков, который, по всей видимости, и явился той воздушной подушкой, тем амортизатором всей этой партийной «опеки», которая (все-таки!) была необходима в те времена. Хотя ее, эту «зловную» цензуру, я совершенно не чувствовал тогда, поскольку «дурили» мы там, в этой газете, как душе нашей было угодно. И очень быстро эта газета стала настолько популярной на факультете, что очень многие из студентов с большим нетерпением ждали ее оче-

Создание очередного номера газеты «Голос». Слева: А. Булах (1975–1985 гг.)

редного «выхода». «Выхода», когда все мы, участвовавшие в ее создании, взяв подсохнувший свежий номер за край склеенных вместе листов ватмана, торжественно цепочкой пронесли его к положенному месту и прикрепляли кнопками к деревянным стойкам, обрамлявшим стенки самой столовой. А писали туда все кому было не лень, про все, что их волновало и о чем «болела» душа. Не было просто отбоя тогда от всей этой груды валящегося на нас очередного материала, поэтому Сережа аккуратно «процеживал» сквозь свои китовые усы весь этот поток, оставляя только действительно наиболее крупные и волнующие заметки на интересующие всех темы. И вот так постепенно наш маленький коллективчик заметно разросся и укрепился. Теперь он уже стал оформительским центром всех мероприятий, которые проводились тогда на факультете. А жизнь тогда была очень интересной и насыщенной! Студенческие вечера песен, творческие встречи с интересными людьми, различные праздники, проводимые в КЗ... И, конечно, *особое, особое* место в этой череде «увеселений» занимал центральный праздник физического факультета, совсем не случайно совпадавший по дате с Днем космонавтики, – *День Физика!* (ДФ в простонародном жаргоне).

И как только мы не разукрашивали к этому дню помещения КЗ, где проводились *все* центральные мероприятия праздника, начиная с конкурса «Мисс Физика» и заканчивая (*впервые* при мне организованным) интеллектуальным соревнованием между командой преподавателей и командой студентов пресловутым Challenge Cup!

Ну а мне всегда и всего было *мало* от этой жизни в этой жизни... Я всегда был любителем крупных, очень крупных, очень-очень-очень крупных, «форм»! А как нарисовать действительно огромную картинку, когда технические современные возможности позволяют увеличить размер изображения самого оригинала до формата А3? Ну А1, а дальше-то что делать?.. Ведь длины сторон требу-

емого прямоугольника из склеенной бумаги будут просто гигантскими! Но, как известно, голь на выдумки хитра, ларчик просто открывался... Берешь само изображение оригинала и покрываешь его такой тонкой густой прямоугольной сеткой, нарисованной остро заточенным карандашом. Потом на самом полотне бумаги изображаешь (правда, совсем не так быстро, как рассказываешь...) аналогичную сетку. Садись себе на стульчик и запускаешь на поле будущей картинке с заранее определенного угла своего подсобного «рабочего-маляра», этакого тараканчика-янычара, который по твоей команде начинает ползти на коленках по листу то влево, то вправо, оставляя через проходимую им клеточку свой след, свой карандашный след. Крайне напряженной была для меня эта «навигационная работа» по правильной проводке по листу нужной мне линии, так как ежесекундно нужно было сверяться с разрисованным оригиналом, лежащем у меня на коленках, и правильно корректировать будущее движение своего «луноходика». Вот так вот и создавалось это «увеличенное изображение», которое потом подрисовывалось, подтиралось резинкой, исправлялось и, наконец, заливалось нужными цветами в требуемых для этого местах. Да... Это тебе не современный графический редактор, где всегда при необходимости можно скорректировать допущенный тобою промах или же вообще все начать сначала. Нет! Здесь ошибки уже быть не могло, поскольку просто неисчислимыми были бы материальные потери в виде огромной кучи испорченной бумаги, растрченных впустую красок и так далее, и тому подобное. А главное, главное – было бы безвозвратно упущено *время*, поскольку мы всегда работали в жесточайшем цейтноте и наши неудачи могли бы просто привести к полному срыву и краху намеченного праздника.

Естественно, что все *это* я делал отнюдь не в гордом одиночестве. По моей команде (уже на более старших курсах) на лист выползало человек по десять, которые заполняли нужные мне пустоты необходимыми цветами, а я только бегал с кисточкой (ругаясь последними словами) от одного к другому и пытался наспеш хоть немного, но подправить то, что они успели к этому времени натворить... В конце концов получались весьма занятные вещи, если только отойти от них подальше, подальше, когда становится уже видна сама «великая задумка»...

Боже мой! Чего я только не натворил в стенах этого учебного заведения за все те годы, отпущенные мне в нем для «учебы»! Чего только не натворил... Страшно вспоминать теперь все это, просто страшно.

Пожалуй самым «убойным» по физическим затратам была у нас подготовка ко Дню Физика, когда мы буквально сутками напролет (ночью урывками на факультете) все рисовали, рисовали, рисовали... а потом развешивали, развешивали, развешивали... а потом опять рисовали, рисовали...

В конце концов, когда все уже было закончено, у меня просто физически не оставалось сил присутствовать на этом ежегодном слете всех выпускников факультета. Я просто устало и опустошенно брел к электричке сквозь эту праздную веселую толпу желающих попасть на этот праздник и... часто не уезжал домой, а заходил в лесочек на той стороне полотна железной дороги, находил там на пригорке кучу весенних опилок без снега и просто в нее падал. Падал и засыпал... А уж потом возвращался к себе домой с чувством исполненного долга.

Надо сказать, что было просто огромное количество интересных встреч на факультете, но (за неимением возможности) хочется рассказать только об одной из них.

После полета американских астронавтов к единственному спутнику Земли – Луне к нам, в Советский Союз, привезли одного из них и стали возить по стране. И вот однажды к нам поступило сообщение «из верхов», что его со всей группой сопровождающих «знатных особ» собираются привезти сюда, в Старый Петергоф, в помещение физического факультета университета. Естественно, была организована большая рекламная работа, вещавшая об этом предстоящем событии, и был уточнен час, когда он должен был появиться перед нашими очами.

Ну... что такое *наши* космонавты по тем временам?! Так... покрутились, покувыркались вокруг Земли заданное количество раз, а потом их (как Белку и Стрелку) в специальном аппарате с парашютом «приземляли» на землю. Бац! И их с большим трудом подлетевшая спасательная команда «выковыривала» оттуда, из этого обгоревшего в верхних слоях атмосферы шарика... А тут!.. Да... Это тебе не в кошки-мышки играть... Смотреть туда и обратно (да еще с посадкой!) – это дорогого стоит. И была, помнится мне, тогда пятница, и встреча была назначена на пять часов вечера.

Обычно на факультете никого не сыщешь в это время, но сейчас прямо на глазах стал заполняться КЗ шумными и веселыми толпами людей разного возраста, специально приехавшими сюда, чтобы собственными глазами посмотреть на такое вот чудо! Да, действительно это было чудо – самим посмотреть на человека, вернувшегося *оттуда*, человека, который смотрел *оттуда* на наш маленький голубой шарик, пытаюсь увидеть на нем свою страну, свой город, свою улицу и дом, свою семью...

Битком, битком набитый КЗ весело и оживленно гудел, а люди все подходили и подходили... «А время шло, солнце стало уже клониться к закату на Патриарших прудах, а Консультанта все не было и не было...» (Почти цитата из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».) Но надо сказать, что *никто, никто* не покинул зал, хотя прошло уже более двух часов и стрелка двинулась в сторону цифры восемь...

Наконец по залу пронесся легкий шум – стало известно, что он все-таки прибыл. И через несколько минут он действительно вынырнул из маленькой боковой дверки вместе с толпой его сопровождавших лиц и очень скромно и как-то неуверенно вышел вперед к залу и вежливо ему поклонился. Маленький такой, неуклюжий с виду человек... Эх!

Надо было просто видеть, просто видеть, как *весь зал, весь зал* просто в едином порыве встал со своих мест и просто гром, шквал аплодисментов обрушился на него. Люди хлопали именно *ему, ему*, этому представителю нашего человечества, который смог совершить невозможное – оторваться от своей родной Земли и улететь в бескрайние просторы Галактики, нас окружающей. (Ну, недалеко, конечно, недалеко... Всего лишь на Луну и обратно, но и *этого, этого* уже было достаточно...)

А потом, когда все уже успокоились и расселись по своим местам, он стал нам рассказывать на американском диалекте английского языка о своем путешествии в «неизвестное». Он сказал нам тогда, что у него есть с собою коробочка со слайдами, снятыми им на Луне, и он хотел бы их нам показать. Тут же к нему подошли наши технари и стали быстренько налаживать саму диапроекторную систему, предназначенную для усиления эффекта его рассказа.

Но... Что-то у них стало не получаться, что-то там перегорело, нужно было опять срочно что-то там отремонтировать, заменить... И эта пауза, неожиданно возникшая в тишине, вдруг стала наполняться недовольным гулом, который все разрастался и разрастался и не закончился наконец оглушительным, просто оскорбительным... свистом! «Что же вы, паразиты, делаете-то?! Тут вам *такое* хотят показать, а вы... Ну...» Продолжать дальше цитировать несущиеся сверху гневные крики не имеет никакого смысла по очень и очень простым и ясным соображениям. Хотя бедному американцу они все равно были бы непонятны. Не та «культура», не тот «менталитет», чего уж там говорить...

Надо сказать, что я никогда, никогда не был активным комсомольцем в классическом понимании этого слова. Но как-то получалось, что меня все время выбирали в руководящие органы. Сначала – комсоргом группы, потом – комсоргом кафедры радиофизики, куда я перешел работать по распределению после окончания физического факультета.

Я никогда никого ни к чему не принуждал. Я все всегда делал сам, тянул на себе весь этот воз обязанностей, поскольку, несмотря на свой вспыльчивый характер, я всегда старался быть крайне аккуратным и исполнительным человеком во *всех* делах, которые мне приходилось в своей жизни делать. Но *все* (все без исключения) премиальные деньги, которые иногда сваливались на наш «дружный» комсомольский коллектив, которым я неизменно руководил, я всегда раздавал другим людям, не оставляя себе ни копейки. *Принципиально.* Вот *так вот.* Ну уж о вступлении моем в партию вообще речи не могло идти. Хотя очень многие из среды интеллигенции соглашались на это, мотивируя свое решение такой вот ставшей уже крылатой фразой: «Пусть хоть одной сволочью в ней будет меньше!»

Очень много еще хотелось бы рассказать про эти прекрасные студенческие годы, ох, как много... И про «обучение» наше на военной кафедре, и про колхозные наши приключения, и про... Но увы! Приходится ограничивать себя заданным прокрустовым ложем.

Ну и что же осталось *в итоге* (в сухом остатке) после окончания (всеми нами «дожившими» до этого знаменательного события...) нашего родного и любимого поныне физического факультета университета?.. Да вроде бы, и ничего, кроме получения диплома об его окончании и все-таки определенного «разворота» в направлении нашей будущей деятельности. Потраченное на «обучение» время не пропало у меня совсем уж чтобы даром, в отличие от некоторых других людей, которые, избрав именно *такой* жизненный путь, упорно продолжали грызть

гранит науки в течение всех этих долгих лет, продвигаясь со временем все выше и выше... Но их было, увы, совсем немного...

Большинство из нас просто плюнули на науку, развернув свой корабль в более «выгодные» (в финансовом отношении) направления, многие ушли «в бизнес», где (в массе своей) не снискали себе лавров, за исключением некоторых. А меня никогда, никогда не тянуло в это направление... Мне всегда хватало того минимума, который был необходим для нормальной человеческой жизни. А больше мне и не нужно было *ничего*.

Вот, собственно говоря, и все, что мне хотелось написать (в крайне сжатом варианте!) в качестве «воспоминаний» о моей студенческой поре. (Хотя на самом деле – далеко, далеко не все!)

Я вообще-то уже давно стал писать свои «мемуары», в которых более подробно описываю события своей жизни. Да и картинки свои продолжаю рисовать, продавая своим друзьям их ксерокопии...

Если кому-нибудь будет интересно, то приглашаю посетить в Интернете мой сайт (созданный моими американскими племянничками): <http://www.onlyup.net/art>. Здесь вы можете найти всю дополнительную информацию обо мне.

Физфак конца 70-х – начала 80-х: от позднего Брежнева до раннего Горбачева

А.Б. Уткин (студент 1976–1982 гг., аспирант 1982–1985 гг., кандидат физико-математических наук, Researcher of INOV – Inesc Inovaзro and ICEMS, Instituto Superior Tѐcnico, Technical University of Lisbon, Portugal)

Elle est en couleur mon histoire
Il était blanc elle était noire...

Guy Béart

Прелюдия

Моя дорога на физфак ЛГУ пролегла через 239-ю физико-математическую школу, так что выбор чем заниматься был сделан несколько раньше, чем в 1976-м. Да и не совсем мной – не могу сказать, что в то время я сильно интересовался физикой. В начальных классах я учился средненько, хватая то пятерки, то тройки. Часто болел после перенесенной во младенчестве пневмонии. Так часто, что врачи порекомендовали родителям увезти меня, хотя бы на время, куда-нибудь подальше от ленинградского климата. В третьем классе я был отправлен в деревню Обухово под г. Торжком на попечение дедушки и бабушки, где воздух был чище и слегка посуше, чем на невских берегах. Смена обстановки была разительной. Я и так пропадал в деревне с середины мая по август, но какова сельская школа представлял слабо.

Расскажу об этом чуть подробнее: непосредственно к физфаку и физике это отношения не имеет, но хорошо дополняет представление об эпохе, что воспета в песнях, прозе и стихах на этих страницах. Вместо многоэтажного здания меня встретила деревянная изба с тремя комнатами, одна из которых была столовой, а в двух других шли занятия. Мой третий класс обычно занимался с первым, а по соседству другая учительница «школила» второй и четвертый. Две учительницы и кухарка-уборщица составляли весь персонал школы. Деревенское хозяйство отнимало много времени, так что не всегда весь этот персонал был налицо. При отсутствии кухарки готовили учительницы, а уборку делали ученики. Часто одна из учительниц отбывала куда-то по своим делам, в РОНО или на прием к директору совхоза, и тогда все четыре класса собирались в самой большой комнате и постигали азы вместе. Места хватало, так как в каждом классе было по пять-семь человек, не более. Возникавшая неразбериха частично компенсировалась тем, что

сейчас принято называть «гибким расписанием» – собирались мы в школе около восьми, растапливали печь и ждали, когда подойдет ребятня из самых дальних деревень, отмахав километров пять-шесть. Зимой ходили на лыжах, а как сходил снег – катили на велосипедах. Это и были наши уроки физкультуры. Школьные же часы, отводимые в городе под спортзал, труд и пение, использовались для пиленки на дрова огромных кряжей, которые совхозный трелевщик приволакивал по осени на школьный двор. А и то правда – мускулы накачиваются, труд налицо, а души октябрят и пионеров поют от осознания общественной полезности деяния.

Когда печь прогревала школу до сносной температуры, начинались занятия, плавно переходившие в то, что в городе называлось продленным днем, или попросту – продленкой. Как правило, все домашние задания делались в школе, под присмотром одной из учительниц и с помощью «здорового коллектива». На меня, как на городского, этот самый коллектив возложил ответственность за домашние задания по природоведению (я уже не помню, был ли это всегда отдельный предмет или часть чего-то, но на селе природоведению, по вполне понятной причине, уделялось много внимания) и арифметике. По части природоведения помню только огромный, во всю стену, календарь природы, куда я заносил данные о погоде и о том, чем занимаются труженики полей. Поневоле изучил программу всех четырех классов, кое-что с большим интересом: следующий за нами второй класс занимался уже по экспериментальной новой программе, где в арифметике присутствовали уравнения с иксами, закладывая, по мысли китов педагогики, в восприимчивые детские головки основы алгебры и абстрактного мышления. На практике выходило не очень здорово – все заучивалось как система магических манипуляций (примерно о том же, но применительно к другому уровню и другой стране пишет Док¹). Решать уравнения с таким «иксовым» подходом у широкой общественности еще как-то получалось, а вот составление уравнений на основе текста задач совсем не шло. Приходилось часто перескакивать с одного описания на другое, что стоило немалых усилий – мой собственный котелок варил как-то не особо хорошо, но ударить в грязь лицом было стыдно. В конце концов я все-таки научился решать любую задачу двумя способами: и ортодоксальным, и прогрессивным, а в конце учебного года выиграл местную олимпиаду.

Вот так и пошло-поехало. Вернувшись в Ленинград, я обнаружил, что кое в чем сильно отстал от сверстников. Видимо, школьная программа для сельских школ была более щадящей. Пришлось прибавлять темп, занимаясь больше. В шестом и седьмом классах я получил несколько похвальных отзывов на городских олимпиадах по физике, математике и химии. И даже один диплом третьей степени, после чего меня пригласили на день открытых дверей в 239-ку. Там показывали много, по тому времени, диковинных вещей: физические опыты, класс «Железных Феликсов»² и даже один из первых электронных калькуляторов. Так

---

¹ Док В. Пятое правило арифметики, http://zhurnal.lib.ru/d/dos_w/5pravilohtml.shtml

² Основной механический арифмометр того времени. На «Железного Феликса» можно посмотреть здесь: <http://rk86.com/frolov/felix-d.htm>

что на вопрос родителей, понравилась ли мне 239-я, я с энтузиазмом ответил, что да, понравилась. А вскоре настал май, и отец забрал мои документы из старой школы – ему еще и математичка напела, что у нее сорок два человека в классе, и она обязана тянуть всех, а не заниматься персонально со мной. В 239-ку документы относил уже я сам. Было какое-то собеседование, но что я отвечал – уже не помню.

В новой школе было, конечно, гораздо сложнее. Из «местных светил» я сразу был разжалован в середнячки. Сначала дисциплина была очень жесткой, включая, например, синхронное вставание при входе в класс преподавателя. Замешкавшиеся на несколько секунд или нарушившие равнение рисковали сменить «сидячее» место за партой на «стоячее» в углу. Неожиданно устраивались тотальные проверки внешнего вида, называемые в народе банно-прачечными днями. Обладателям грязных ботинок предлагалось привести их в надлежащий вид, используя любой подручный материал (типа носового платка), а носители слишком длинных волос (критерий зависел от минутного настроения преподавателя) отправлялись прямо с урока в парикмахерскую. При этом на отсутствие денег лучше было не ссылаться: иной учитель мог от щедрот душевных выдать «бедняку» семь копеек и обязать подстричься «под Котовского». В ту пору моды на длинные волосы подстриженный под ноль чувствовал себя немногим лучше кота с обрезанными усами. Такая муштра, однако, продолжались около года, а то и меньше. Наведя железной рукой надлежащий порядок, преподаватели смягчились. Отношение к ученикам становилось все более уважительным, и неожиданно осозналось, что даже сам воздух 239-ки насыщен куда большим либерализмом, чем атмосфера обычных школ. Например, к огромной доске новостей и объявлений прикрепили ящик-урну для анонимных вопросов по поводу всего что угодно. На них отвечал, как правило, один из учителей истории. Большинство были беззубыми и порой наивными, но попадались и острые – по тем временам и меркам, конечно: «Я прочитал второй том повести Стругацких „Понедельник начинается в субботу“¹ и не нашел там никаких явных антисоветских идей. Почему же его не печатают?» На что историк возразил: «А если антисоветские идеи подаются не явно, а завуалировано? Зачем же издавать такие книги?» А после уроков по товарно-денежным отношениям появился следующий перл: «Булочка с творогом, стоившая в школьной столовой 5 коп., сейчас стоит 7 коп. Не является ли это первым признаком инфляции?» Ответ был вполне конкретным и быстрым: «Как я узнал, булочка за 7 коп. содержит творог повышенной жирности. На следующей неделе завезут нормальный творог, и цена на булочку стабилизируется.»

В начале последнего школьного полугодия нас опросили, кто куда будет поступать. Тех, кто собирался в Университет, подготавливали по физике и ма-

---

¹ Имелся в виду ходивший тогда по рукам машинописный текст «Сказка о Тройке: История непримиримой борьбы за повышение трудовой дисциплины, против бюрократизма, за высокий моральный уровень, против обезлички, за здоровую критику и здоровую самокритику, за личную ответственность каждого, за образцовое содержание отчетности и против недооценки собственных сил». См., например: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%BA%D0%B0_%D0%BE_%D0%A2%D1%80%D0%BE%D0%B9%D0%BA%D0%B5

тематике особенно интенсивно, давая на дом задания вступительных экзаменов предыдущих лет. После такой подготовки, несмотря на внушительный конкурс, попасть на физфак или матмех было несложно. Я подался, как и большинство моих друзей, на физфак.

Учеба и не только

Только что переехавший в Петергоф физфак запомнился поначалу не столько неустроенностью и грязью, сколько прикосновением к чему-то гораздо более серьезному, чем то, что давалось в школе. До поступления бывал там как минимум трижды, два раза в числе призеров городской олимпиады и один раз уже вместе со своим «физматшкольным» классом. Собирали всех в Большой физической аудитории и показывали опыты с электричеством, движением без трения и жидким азотом. На опытах по электричеству через одного из ассистентов пропускали ток высокой частоты и высокого напряжения. Треск, свечение и даже запах чего-то паленого были налицо, но подопытный успешно дождался конца экзекуции. Подвешенная над Л-образным рельсом (не то на воздушной, не то на магнитной подушке) тележка с таким же Л-образным пазом на брюхе налетала на свою копию. Первая останавливалась, а ее сестра-близнец принимала эстафету, добегая до края рельсы, упруго отскакивая от столбика-ограничителя, возвращаясь и в свою очередь ударяя нарушительницу спокойствия. В пенопластовую форму клали деревянную ручку, а в углубление на конце наливали ртуть. Поливали сверкающее озерцо жидким азотом и через несколько минут вынимали молоток, которым забивали гвозди и крушили на мелкие кусочки хрупкие как стекло куски замороженной тем же азотом кожи. Не могу не вспомнить и показ высадки американцев на Луну. Уж не знаю, как такой фильм попал к физфаковцам и как они решились его показать, но факт остается фактом; наверное, мы были одними из первых граждан СССР, посмотревших эту хронику, и по сей день уникальную.

Наше обучение на физфаке началось с трагедии – через несколько дней после начала занятий погибла под электричкой наша одногруппница Лена Ханьжина. Я ее близко не знал: хотя была она из нашей школы, из параллельного класса. Думаю, это была не последняя смерть на платформе Университет, электрички как-то особенно любили встречаться именно на переходе через железнодорожные пути.

В электричках проходила немалая часть нашей студенческой жизни. В те времена не было микроавтобусов и «подкидышей», так что серьезной альтернативы железнодорожному транспорту не наблюдалось. Этот срез уже ушедшей физфаковской жизни очень хорошо и подробно описал Андрей Соловьев¹. Я же приведу здесь в сокращенном виде один из своих рассказов, как раз связанный с железнодорожной темой:

---

¹ Соловьев Андрей. Электрички «Ленинский – Универ» и кое-что с ними связанное, http://andreysolovyev.blogspot.com/2009/06/blog-post_20.html, <http://andreysolovyev.blogspot.com/2009/06/2.html>

История эта произошла со мной давно, году в 82-м. Писал я тогда диплом. Физика была делом серьезным, а работа – каторжной. Так что компенсировать хронический недосып частенько приходилось в электричке.

Вот как-то раз на ночь глядя сморило меня, и вижу я чудесный сон... Про концлагерь, разумеется. Вроде как проснулся еще до поверки, и можно чуток на нарах понежиться. Увы! Вскоре врывается в барак здоровенный румяный эсэсовец, гаркает что-то неразборчивое на своем языке. Все нехотя плетутся на построение, один я лежу не в силах подняться. Эсэсовец принимает меня трясти, пинать, и я начинаю просыпаться.

С ужасом оглядываю дородную фигуру в черном мундире, офицерский планшет, фуражку с кокардой. На кокарде – какая-то фигня со скрещенными костями. «Мертвая голова», стало быть. Пытаюсь лепетать что-то в свое оправдание: «Енцуулдиген михь, герр офицер!» Но на этом мои познания кончаются. В голове, выражаясь языком Ильфа и Петрова, вертится лишь классическое «хэндэ хох!» и «русиш ивайн». На мое счастье и как бы в ответ на мои мысли в поле зрения появляется другой эсэсовец, поменьше и постарше: «Леха, давай быстрее вытряхивай эту пьяную свинью из вагона, нам через три минуты в депо отправляться!»

Проезд стоил, по теперешним меркам, next to nothing. Если память мне не изменяет, в конце 70-х цена годового проездного билета от Балтийского вокзала до Университета была чуть больше 20 рублей. Столь же дешевыми были и другие мелкие радости, типа «распить пивка»: кружка оного стоила в уличном ларьке 22 коп., в забегаловке или баре попроще 35 коп., в «солидном» баре – 45 коп. Автор этих строк, впрочем, никогда пива не любил, так что на пивную тему распространяться далее не будет, чтобы не походить на котенка, «который, право не путем, на голос лебеда мяучит».

Первый год запомнился интенсивной зубрежкой английского языка и бесконечными сдачами «тысяч»: в течение семестра надо было сдать определенное количество переведенного текста, измеряемое в тысячах знаков. Весь объем распределялся в определенной пропорции между научной и политической литературой. Последняя была представлена газетой британских коммунистов Morning Star, написанной на весьма трудно переводимом профсоюзном жаргоне. Помню ходившее среди студентов поверье, что тысяча знаков в Star – как раз то количество текста, что можно накрыть рублевой купюрой. На первом году обучения иностранного языка давали много, и основной «вынос» был как раз из-за него. При всем при том нормально говорить с потенциальными врагами не учили, и разницу между «Who are you?» «и What are you?» я постиг уже гораздо позже, вдали от родных стен. К всеобщей радости, на старших курсах «Старку» заменили на Moscow News, которая после британского новояза читалась с листа, оставляя только две-три непонятности на разворот. Злые языки говорили, что писаки из Morning Star как-то не очень ортодоксально осветили ввод советских войск в Афганистан, вот любовь и кончилась. А может, просто кто-то из власть имущих почитал тамошние перлы и сжалился над несчастными грызунами гранита науки.

С линейной алгеброй и матанализом¹ проблем было меньше, видимо, из-за хорошей школьной подготовки. Математику у нас вела пара Попов – Павлов. Первый вел семинарские занятия по учебнику Демидовича, и кое-какие каверзные задачки на сходимости и равномерную сходимости рядов я до сих пор вспоминаю не без трепета. В нашей группе, за исключением двух человек, все были из разных классов 239-ки, так что задания на дом давались щедро и без поблажек. Лекции будущего известного новозеландского математика Бориса Сергеевича Павлова были альтернативными. Студенты, не любившие обращения «господа» и негодовавшие по поводу определения вектора как «палочки с острым кончиком», могли прослушать более канонический курс, который читал Никита Владимирович Смирнов – довольно близко к тому, что писано в известном многотомнике его отца. Но считалось, что Смирнов – для слабаков, поэтому подавляющее большинство нашей группы ходило на Павлова. Манера чтения была колоритной, иногда Борис Сергеевич залезал в такие абстрактные дебри, что останавливался, в течение нескольких минут в полной отключке смотрел на исписанную доску, потом, довольный, кивал сам себе и бодро уносил нас к следующей лемме, теореме или формуле.

Не знаю, как для кого, но для меня самыми интересными были лекции по физике Евгения Ивановича Бутикова, первого из лекторов от Бога, с которыми мне посчастливилось встретиться в университетских стенах. До сих пор ума не приложу, как он умудрялся рассказывать о вообще-то скучных вещах (типа начал динамики и статики) так интересно и понятно, что, казалось, время не ташится, а бежит. Евгений Иванович принадлежит к числу тех очень немногих людей, которые научили меня, по выражению Петра Маковецкого, «смотреть в корень», вглубь, не скользя по поверхности, и порой открывать удивительные вещи там, где вроде бы все уже изучено-переизучено и открыто-перезоткрыто². А сколько чудес показал он, не прибегая порой к «физическим установкам» сложнее электрической зубной щетки!

Похожий стиль был и у Александра Николаевича Васильева, потратившего немало времени для того, чтобы показать, что в области электродинамики природа не могла изобрести ничего проще, чем уравнения Максвелла. Содержательную часть его лекций я сейчас совершенно забыл, зато хорошо помню, что это он научил нас уверенно оперировать с симметричными и асимметричными тензорами и суммированием по умолчанию (первые свидания с подобными объектами состоялись на лекциях Павлова, а Васильев наглядно показал, как это все может работать при решении более конкретных физических задач). Полученные знания трудно переоценить: и спустя десятилетия после лекций я смог читать серьезные теоретические труды не по складам, а достаточно бегло, четко понимая, откуда что берется.

Более строгими, но не менее интересными были лекции Игоря Васильевича Абаренкова по квантовой механике. Игорь Васильевич читал материал тихим го-

---

¹ Математическим анализом. Подробнее см.: <http://live.mephist.ru/?mid=1224682375>

² С радостью вижу, что Евгений Иванович и в свои семьдесят с хвостиком лет не потерял эту данную немногим способность. См.: *Butikov E.I. An Improved Criterion for Kapitza's Pendulum Stability*. J. Phys. A: Math. Theor. 2011. 44. P. 295202.

лосом (насколько помню, даже пользовался микрофоном), но никто на его лекциях не спал. Изложение никогда не комкалось, и гипотетический слушатель, который ничего не знает, но все может понять мог бы освоить весь материал, не прибегая к дополнительной литературе. Когда я сдавал Игорю Васильевичу «кванты», у меня от недосыпа случилось «подвижение рассудка», и во всех формулах, куда входили квантовые скобки Пуассона, я написал постоянную Планка не в знаменателе, а в числителе. Игорь Васильевич выслушал мой ответ до самого конца, потом нахмурился и спросил, не режут ли мне глаз кое-какие выражения. Отсадил меня в сторонку и принялся за другого студента. Я через несколько минут сообразил, что к чему, и сказал, что постоянная Планка не на месте.

– А почему Вы думаете, что не на месте? – спросил он.

– Это видно хотя бы из соображений размерности, – ответил я.

Игорь Васильевич просиял и поставил «отлично».

Еще более сложным был специальный курс Валентины Николаевны Ребоне о поляризионных моментах атомной матрицы плотности, но после общих курсов Бутикова, Павлова, Васильева и Абаренкова появившиеся на арене «страшища» типа 3-j- и 6-j-символов оказались вполне по зубам.

Как ни странно, самыми интересными были лекции по такому скучному предмету, как научный атеизм. Про это очень хорошо и ярко написал в сети другой современник событий, явно кто-то из моих коллег. Так что цитирую дословно, со ссылкой на первоисточник¹:

А по сабжу. У нас в Университете в рамках скуловоротно-густосового «Научного атеизму» в 1978–1982-х годах, пользуясь территориальной удаленностью физфака от контролирующих идеологических оргАнофф, доцент некто Муковозов с кафедры философии ЛГУ до поры (при Андропове его спровадили из преподавания) как раз и читал увлекательнейший курс истории мировых религий. Из озорства, по молодой фронде ну и просто – очень интересно делиться знаниями с заинтересованной аудиторией. Мои базовые знания о генезисе авраамических религий, вообще, о происхождении и истории становления мировых религий главным образом – оттуда.

Так у него на лекциях набиралось до 300 % посещаемости. Публика ломилась, в проходах сидели, с галерки свешивались. Текущий третий курс, студенты с прошлого года в полном составе и все, кто в курсах – с младших курсов (простите за каламбуры невольные).

Так что БЫЛО БЫ ЖЕЛАНИЕ составить истинно светский культурологический курс по истории религий для школьников – не проблема написать.

И уж зевоты на этом предмете не было бы – точно. И без религиозной составляющей, без РПЦы, равината и проч. религиозных комплотов бы обошлось, и скинхедам на этих уроках ловить бы нечего было, уверяю Вас.

---

¹ Некто Toft, Отщепенец и Маргинал, <http://www.otkpblto.ru/index.php?showtopic=12625&st=1230>

Все можно сделать – было бы искреннее желание делать именно то, что декларируется. Ведь именно в этом беда повальная сегодняшняя – в симуляциях повсеместных, за что ни возьмись.

А вот самыми полезными для меня оказались лекции по советскому праву. Собственно, не сами по себе лекции, а возникшее вследствие этого знакомство. Вскоре после получения диплома у меня и моей сокурсницы Любы Матвеевой родилась дочь, и Люба ушла в отпуск по уходу за ребенком. Работала она стажером-преподавателем в Ленинградском институте водного транспорта (ЛИВТ). Неожиданно одна из дам из высшего руководства института – не переходя на личности, назовем ее ДНВО¹ – «вызвонила» Любу в институт и в категорической форме потребовала уволиться из ЛИВТа. Оттрубив свой аспирантский день в Петергофе и вернувшись на ночь глядя домой, я застал жену в полнейшем, мягко скажем, смятении и расстройстве от такого совершенно неожиданно свалившегося на наши головы несчастья. А на следующий день я поехал к ДНВО разобраться, в чем дело. Потомившись изрядно в предбаннике, я был высочайше допущен в кабинет. ДНВО вызвала другую даму, назовем ее ДПН². Та явилась с уже подготовленными документами на увольнение «по собственному желанию», которые Люба должна была подписать, и обе особы стали петь мне песни про то, каким скверным преподавателем оказалась моя жена, особо напирая на то, что в ее группе много детей преподавателей ЛИВТа и они жалуются, что математика в ее изложении трудна и непонятна. Наказали с подписанием не тянуть, так как ставка нужна институту, и пригрозили на прощание, что ежели рыпаться будем, написать в трудовую книжку такую запись об увольнении, что потом устроиться на приличную работу сложно будет. Будучи человеком небыстрым на принятие решений, я подготовленные бумаженки забрал и удалился. Желание порыпаться, однако, не пропало, и я обошел несколько юридических консультаций в надежде узнать, насколько законно внезапное увольнение кормящей матери, да еще организованное в такой грубой и спешной форме. Картина везде почему-то была похожая: принимал просителей убеленный сединами и украшенный орденами старикан, который давал «классово верные» советы. Типа раз начальство решило, то так тому и быть, а если кто и может помочь, то только ректор, которому надо в ножки поклониться. Или уж прямо в Москву ехать с челобитной. Ни о каком анализе законодательства и статусе стажера-исследователя речи не заходило. Тогда я взялся за дело сам и порылся в библиотеке юрфака. Нашел с трудом кое-какие документы, но никакой четкой картины по-прежнему не вырисовывалось. Все больше попадалось про стажера-исследователя, и было неясно, насколько уложения об оном применимы в стажере-преподавателю. На юрфаке и вспомнилось мне, что был у нас курс по праву... Хорошо бы, думаю, и в конспект заглянуть. Придя домой и почитав запывлившуюся тетрадку, я понял, что идея оказалась не очень перспективной из-за все той же экзотичности должности стажера-преподавателя. Но эта идея по-

---

¹ Дама, Неприятная во Всех Отношениях.

² Дама Просто Неприятная

родила другую: на следующий день, приехав на физфак, я обнаружил, что молодой и энергичный преподаватель, читавший нам правовой курс, все еще числится в расписании. Найти его не составило большого труда. Посидев со мной около пятнадцати минут, он внимательно выслушал печальную повесть. Сразу же сказал, что содеянное не пролезает ни в какие правовые ворота, посоветовал ничего не подписывать и пообещал разобраться подробнее в ситуации. Через неделю мы встретились снова, и Преподаватель (вполне заслуживший написания с большой буквы) отдал мне выписки из законодательства. Из них следовало, что Любу могли уволить только по согласованию сторон или после того, как она возвратится в институт и отработает положенное время до конца. Запись в трудовой книжке могла быть лишь одна: «в связи с окончанием срока стажировки». На прощание Преподаватель выразил уверенность, что по передаче вышеизложенной информации другой заинтересованной стороне у последней не возникнет энтузиазма продолжать столь неудачно начатое мероприятие.

– А если все-таки такое случится, не стесняйтесь. Встретимся снова и будем действовать уже по-другому, – такими были последние слова нашей недолгой беседы.

Недолгим был и мой последующий визит к ДНВО. Вместо подписанного Любой заявления я отдал ей копии выписок из законодательства, вежливо объяснив, что мой старший коллега с юрфака проанализировал сделанное уважаемой ДНВО предложение освободить ставку стажера-преподавателя – видимо, кому-то из «родных и близких» сильно понадобившуюся – и пришел к выводу, что, увы, предложение это находится в кричащем противоречии с законом. И что если уважаемая ДНВО будет продолжать настаивать на уходе Любы, она поймет удовольствие познакомиться с представителями юрфака лично, но уже в других залах и сидя на других скамьях. Заодно она получит возможность познакомиться с представителями журфака, которые расскажут широкой публике все подробности этой истории. Сурово-надменная физиономия ДНВО немедленно преобразилась: рот открылся, и глаза, вперившиеся в бумаги, выпучились. Как у рыбы, которая всю жизнь плавала в мутной воде – и вдруг неожиданно затянула всеми жабрами глоток свежайшего, чистого воздуха! Я поспешил покинуть присутствие до того, как к ней вернулся дар речи. Вот, собственно, и конец истории, так как с той поры никто покой молодой мамы не тревожил. Да, Преподавателя звали Сергей Петрович Маврин, который сейчас является ни много ни мало заместителем председателя Конституционного суда РФ¹.

Диплом и аспирантура

Интересно, что руководитель моей дипломной (а потом и аспирантской) работы Евгений Данилович Мищенко был человеком совершенно не похожим на учивших меня профессоров. Попавший в физику через рабфак, телом огромный и рассудком холерический, он не любил писанину и формулы. Слово «ориентация»

---

¹ См.: <http://www.ksrf.ru/Info/Judges/Pages/judge.aspx?Param=12>

писал как «оереинтация», «длина» как «длинна» – от слова «длинный». Устав от всяких словоблудов, он в конце концов нашел замечательный способ писать отчеты и статьи: нанял грамотную машинистку и надиктовывал ей тексты, расхаживая по комнате от окна к двери и обратно, отчаянно при этом жестикулируя... Зато в экспериментальной работе равных ему не было. Только он один мог без всякой аппаратуры, полагаясь на какое-то особенное чутье, найти течь в огромной, размером с комнату, вакуумной установке. Человеком он был неуживчивым, порой даже грубым, но очень отходчивым. До сих пор помню, как я подключил к установке высоковольтный источник, который какой-то *ублю роог mentally challenged person* сконструировал так, что при всех повернутых в крайнее левое положение регуляторах на выходе еще оставалось напряжение около 600 В. Данилыч, которого я уверил, что все отключено, полез что-то менять в схеме. Тут же раздался резкий хлопок, и он завалился на пол. Посидел, помотал головой, но потом сказал только, что если я собираюсь убить своего научного руководителя, то таким напряжением это не получится.

Помню, как несколько раз мы «пробивали» мои студенческие полставки (37 руб. 50 коп. в месяц) через разнообразные бюрократические заслоны. Для получения означенной суммы надо было собрать семь подписей, от всяких низов до главбуха и замдиректора НИИФ. Меня одного обычно хватало на сбор трех-четырёх автографов. Потом очередной «шишкан» говорил, что денег нет, в стране напряженка, и он подобную бумагу никогда не подпишет. Но при повторном визите, уже с Е.Д., оказывалось, что не все так плохо – и в глобальном, и в локальном масштабе. С Е.Д. я прошел замечательную школу общения с людьми – с приятными и неприятными, с идейными и безыдейными, с профессорами, шоферами, цеховыми мастерами, работягами, кладовщиками, вахтерами и много с кем еще: огромный вакуумный стенд для испытания фотоионизационных спектрометров был собран в рекордные сроки из деталей, выточенных, выфрезерованных и сваренных на Ленинградском оптико-механическом объединении (ЛОМО) местными левшами. Движущей силой этой великой по размаху работы была раздача различных дефицитов на «бухгалтерском» этаже конструкторского бюро (эту тонкую работу, в основном с женщинами, проводил исключительно сам Е.Д.) и струение спиртовых рек в цехах (тут главным «трафикантом» был ваш покорный слуга). «Спасибо» не булькает! Раз в полгода устраивался ВЫВОЗ: на ЛОМОВском же грузовике, в заколоченных-запломбированных зеленых ящиках, под прикрытием договоров между ЛОМО и ЛГУ территорию орденосного объединения покидало все сделанное нами в его стенах. В этот момент распределение спирта и никогда не виданных мною в продаже конфет и духов достигало своего пика. Я уверен, что руководство ЛОМО обо всем этом знало. Но знало оно и другое – что вывезенное оборудование не спихнется налево и не выплывет в каком-нибудь неприятном «деле», что это действительно «для науки и ради науки», что есть у Е.Д. нравственные принципы, через которые он никогда не переступит. Можно бы было делать все и честным путем – денег на договорах Данилыча было более чем достаточно. Только пришлось бы включать эту работу в план ЛОМО, согласовывать в «верхах» и писать-писать столь нелюбимые бумажки. Лет за двадцать-

тридцать честной работы, после получения двадцати-тридцати тысяч подписей от «слуг народных» – все бы и построилось?

Другим человеком, давшим мне «путевку в жизнь», был Виктор Васильевич Борисов. Обстоятельства нашего первого знакомства были настолько необычными и для меня шокирующими, что врезались в память навсегда. Сдавал я экзамен по оптике, по курсу Николая Ивановича Калитеевского. Попались мне два вопроса, один из которых был про дифракцию на щелевой решетке. И на лекции, и в знаменитой «Волновой оптике» Николая Ивановича в формулах, описывающих интерференцию волн, временная компонента была опущена. И задает мне В.В. вопрос:

– Вот Вы говорите про сложение волн, а где же тут волны?

Я даже опешил, так как точно знал, что написал как в конспекте. И что в книге то же самое написано. Заставил меня В.В. вспомнить выражение для плоской волны в общем виде, потом увидеть несоответствие и уж потом написать формулы с полным пространственно-временным аргументом в комплексной экспоненте.

– Хорошо! Давайте теперь побеседуем на совсем простую тему – об уравнениях Максвелла для вакуума. Разницы между E и D и между H и B в этом случае нет, плотность тока и заряда нулевая, так что неизвестных скалярных величин – только шесть. А скалярных уравнений – целых восемь. Нехорошо получается, правда ведь?

В общем, повозил он меня, как теперь модно говорить, «фейсом об тейбл» где-то с полчаса. Я уже к «выносу» приготовился, но по завершении истязания получил отлично с заверением, что мои комментарии ему очень понравились.

Более близко мы познакомились через несколько лет, когда не любивший градиентов и дивергенций Е.Д. попросил В.В. «навести теоретическую тень» на плетень диффузии электронов в фотоионизационном спектрометре излучения, бывшем предметом моей кандидатской диссертации. Нам удалось решить несколько интересных задач, обогативших теоретическую часть моего труда, но до серьезных публикаций дело не дошло. По прошествии еще пары лет мы случайно встретились в читальном зале библиотеки Академии наук, разговорились и решили продолжить наши работы по описанию диффузии и распространения волн. Наша дружба и сотрудничество продолжались много лет, и я надеюсь посвятить еще немало времени развитию оригинальных идей, высказанных В.В. в те далекие годы, но нашедших дорогу к массовому читателю совсем недавно.

Хочу вспомнить добрым словом и многих других моих университетских учителей и коллег, помогавших мне на тернистом пути экспериментальных и теоретических изысканий: Марию Павловну Чайку, Николая Ивановича Калитеевского, Алексея Алексеевича Киселева, Эдуарда Ивановича Иванова, Игоря Ребо, Якова Тумаркина, Александра Чиковского и Василия Семенникова.

ССО СССР: Через тернии к звездам и нашивкам

Эту главу я поначалу вообще писать не хотел, так как, в отличие от туристских опусов, сходная стройотрядовская тема не вызывает воспоминаний исключительно приятных. Но из песни слова не выкинешь. К тому же в условиях стрес-

са человек надолго запоминает детали, возможно, вполне милые читателю этой книги.

Начиналось-то все хорошо: очень успешно отходяв еще школьником в летние и зимние походы, да не просто так, а ремонтником («За моей спиной тянется манюня. // То глотаю слюни, то вхожу в азарт...»), я получил вполне солидные рекомендации от старших сотоварищей и был зачислен в лучший по тем временам отряд «Потенциал», ежегодно выезжавший в Республику Коми. В начале комяцкой деятельности я с другими новобранцами крыл рубероидом крышу какого-то склада. В середине работы получили нагоняй от пришедшего с проверкой командира отряда Вити Яковлева, так как стелили рубероид не перпендикулярно, а параллельно коньку. Пришлось перестилать. Как говорится, даже среди согласных иногда попадаются шипящие, и процесс этот был воспет одним из недодавленных оппозиционеров на мотив «Крейсера Авроры»:

На проклятой крыше собаку мы съели
И знаем без лысых, как крышу нам стлать,
Тяни рубероид по методу Вити,
И дома нам не на что будет пожрать.

Неприятности начались после того, как меня направили в бригаду, занимающую сменой «стульев», на которых стояли щитовые домики нашего поселка. В то время как старшие товарищи занимались более интеллектуальной работой с деревом, на мою долю приходилась исключительно беспросветная копка. «...До крови натружены пальцы // У тех, кто постиг твою душу...» – лопата, лопата, лопата, лопата, лопата... Черт с ними, с нагруженными пальцами! Хуже было другое – во времена деревенского детства я неудачно спикировал на твердь земную и вдрызг разбил локтевой сустав правой руки. Мне на редкость повезло: врач местной больницы сумел виртуозно подлатать «попрыгунчика-стрекозла». Вот только в Коми оный сустав отказался сотрудничать с остальными частями тела бесшабашного организма и взорвался пронизывающей, неопишуемой болью. В первый день после «взрыва» я еле дотянул до конца рабочего дня, растянулся на земле неподалеку от места работы и около часа приходил в себя. Из последующих дней помню только боли и недосыпы, да понукания-призывы копать быстрее, быстрее и еще быстрее. На второй половине срока я был сослан «штрафником» в лес, работать на прокладке «усов» – временных узкоколейных дорог, тянувшихся от основной магистрали через болота и ручьи к районам лесоповала. Первыми в лес вгрызались вальщики с бензопилами, потом шли сучкорубы, а оголенные поваленные деревья нарезались на бревна кряжевщиками. «Носильники» сносили бревна на середину просеки и выкладывали рядком. «Потаскуны» захватывали специальными клещами выгруженные на самой крайней точке растущего уса рельсы, натаскивали их на бревна, а «шитики» – с помощью накладок, «костылей» и огромных молотков прибивали рельсы к этим импровизированным шпалам. Мотовозик выгалкивал платформу с рельсами на только что сделанный пролет, закрепляя достигнутый успех. Вот и все дела... Я загремел в сучкорубы,

что мою руку, естественно, не порадовало. От топора кисти рук тоже болели, особенно ночью, но эта боль очень хорошо лечилась погружением в холодную воду. А локоть, зараза, болел и после холодной воды. Повезло мне только один раз, когда приехала какая-то шишка из местных и сказала, что около километра просеки (а может, и больше – не помню уже) прорубили не в том направлении. И меня на три дня определили в «носильники», собирать бревна-шпалы в кучи для последующей переброски на «правильную» просеку. «Боец, знай – смог поднять, сумеешь и донести!» Вся нагрузка шла на спину и плечи, локоть отдыхал, и эти дни промелькнули как один. Да еще потом полдня была «лафа» – работал чекировщиком, протаскивая под бревнами трос, который потом затягивал их на трелевочный щит трактора.

Из остального вспоминаются только огромные «клетки», деревянные срубьмости, по которым «ус» переправляли через ручьи. Присланный на подмогу из штаба геркулесовского сложения Валера Ящук, стоящий по пояс в воде и закидывающий гигантское бревно на верхний венец клетки¹... Поедание черники, голубики и морошки на перекурах, тучи комарья да вагончики с нарами, где мы обитали... Армейского пошиба дисциплина с разделением на «молодых» и «стариков». Групповой «втык» от штаба, привезенный «комиссаром в пыльном шлеме». Насколько помню, со всех сняли по трудодню и на пару дней приспустили на мачте стройотрядовский флаг... Рельса-гонг, зовущая нас каждое утро на построение (примкнувшие к строю после третьего удара автоматически получали наряд вне очереди). Сами наряды – как правило, таскание воды из питьевой цистерны на кухню – если ведрами, то поодиночке, а если в котлах, то цепочкой. «Полурабочая» суббота и баня, после которой боль в руке тупела, разрешая телу тут же погрузиться в сон... День строителя, потешные драки подушками на ринге («молодые» на ринге, «старики» среди зрителей, «штабло» в роли судей), соревнования по распиливанию бревен. Турник с подвешенной банкой воды, которую надо было выпить, подтянувшись, – у большинства получалось лишь опрокидывание банки на себя любимого... Посвящение в бойцы, столы под открытым небом с яствами и подавоном. Нестройный, «охрипший от простуд и от водки», но громкий хор, до темноты горляющий песни...

Особым успехом почему-то пользовалась пиратская и воровская тематика: пели про угрюмо бурлящий океан, несущуюся по волнам шхуну, про ее капитана с замечательно красивым лицом, про старого боцмана дядю Сэма (чтоб он попался сексуально активным собакам!) и его рассказ об обнаруженных в трюме захваченного корабля молодых негритянках – штук под сорок (одна, впрочем, оказалась восьмидесятипятилетней молодухой). Пели на этот же мотив и собственную песню:

Казарян, известный всюду,
Заведет свою пилу

---

¹ Судя по публикациям, Валерий и в физике вполне преуспел и сейчас работает в Lawrence Berkeley National Laboratory.

И, как жук, в защитной каске
Пробирается в тайгу.
<...>

Ствол пилой порезав снова,
Положили по центру.
Вот и просека готова,
Побежали все к бугру.
Саня Кустов с умным видом
Отсчитал нам костыли:
«Чтоб забили до обеда,
Растудыть твою туды!»

Между тем на полубаке
Варят девочки обед,
Два бидона сладкой браги,
На второе – винегрет.
Отсосали половину
Брага очень хороша!
Повалилися на спину,
Отлетела в рай душа.

Вдруг из штаба донесенье –
Срочно выгрузить столбы.
Сразу кончилось веселье,
Нам столбы те на гробы.
На платформе – штук под сорок
Неошкуренных, сырых,
И, взорвавшись, словно порох,
Мы набросились на них.

Женя Лифшиц, знатный пахарь,
Сразу вырвался вперед,
И не охать, и не ахать
Призывает он народ.
Интегрируем полено,
Транспонируем бревно... Но!
Сингулярную систему
Мы получим все равно!

Все перечисленные в песне персонажи к тому времени уже покинули отряд и воспринимались нами, молодыми, как ушедшие на свой дальний Олимп загадочные боги. Пели и более простецкие песни, например, про праздник в доме дяди Зуя («what's up?»), выдававшему замуж Маруську, причем в куда более не-

приличном варианте, чем те, что ныне можно обнаружить в инете... Потом был замечательный день, проведенный почти без боли после трех стаканов не то спирта, не то водки...

«Мы трупами ляжем, но в августе скажем: готова дорога, земля!» «Ус» дотянулся до места назначения, и в последнюю неделю нас ожидала относительно легкая работа в поселке, на конопатке брусового дома (конопатку можно было держать в правой руке, а молоток в левой – и боль держалась во вполне сносных рамках). Наконец, отгремела отвальная, и мы отбыли в Ленинград...

Руке относительно полегчало только к следующему лету. Я решил уже совсем было завязать со стройотрядами, но уговорил себя отправиться хотя бы в Ленобласть. Прошел собеседование в ССО «Сампо», который из областных был одним из самых сильных. Работа всего отряда концентрировалась на одном крупном объекте – строительстве многоэтажного универмага. Надрываться так, как в Коми, не приходилось, и правая передняя конечность вела себя вполне терпимо, давая о себе знать лишь при значительных усилиях или при резкой перемене погоды.

Через год я поехал в то же «Сампо» завхозом, унаследовав должность от легендарной личности по кличке Квак. В первый год «старики» все приставали ко мне с каверзным вопросом, есть ли у меня «засеки». В ответ на мои просьбы объяснить, что это такое и с чем едят, они только укоризненно качали головой и говорили, что вот у Квака «засеки» были знатные, а я, стало быть, еще слабоват по этому делу. Только спустя несколько недель мне удалось разузнать, что в свое время Квак купил замки, оформив на это положенную квитанцию. Но так как все рукописные творения моего великого предшественника смахивали на куски частотно-модулированной синусоиды, нагрывавшая в положенный срок проверка прочитала название покупки как «засеки» и очень живо ими заинтересовалась. Насилу отбились от неприятностей. Почерк, конечно, в стройотряде ни у кого к лучшему не менялся – ни у завхоза, ни у мастера, ни у командира: помню, как долго мы смеялись, обнаружив в перепечатанном с рукописного проекта приказе о приеме на работу вместо Альтшуллера какого-то Алетигошера. Смеяться, впрочем, на новой должности мне приходилось нечасто: конец семидесятых и начало восьмидесятых были годами изрядных напряженок с продуктами, особенно с мясом. «Дорогой Леонид Ильич! Вот вам все время пишут, что то там с мясом плохо, то сям с мясом плохо. Вы им, пожалуйста, не верьте. С мясом хорошо, без мяса плохо!» Особенно трудно было в первый год – пришлось записываться на прием к председателю колхоза и ехать на центральную усадьбу. Тот в конце концов написал записку заведующей столовой: «А.И., продайте студентом мясо.» Я этой запиской регулярно наведывался к А.И., забирая коровьи мосталыги. Только уже к концу нашего пребывания зажимистый председатель прознал, что не один раз было продано студентам мясо, а еще много-много раз. Очень был недоволен, но содеянного было уже не исправить. Так я и выкрутился.

А отряд наш отработал очень хорошо, выбился в передовые и начал ездить уже в Коми. Там как-то попроще было: что надо рабочих кормить хорошо, понимали все. Нас прикрепляли к той же распределительной сети, что и котлопункты на лесоповале. Говядина, свинина, птица и рыба отгружались с леспромхозовско-

го склада. Основной проблемой была отчетность, так как весь расход продуктов мерился на глазок – не было весов, да и времени все взвешивать-записывать тоже. Приходилось ловчить с расходами на папиросы и спиртное, так как где-то в высоких кабинетах предполагалось, что на строительстве работают идеальные роботы с комсомольско-молодежным программным обеспечением и специфической биохимией, начисто отвергающей никотин и алкоголь. Во время работ никто не пил (кроме, естественно, нарядозакрывающих, которым вменялось в прямую обязанность быть более стойкими, чем проверяющие «подписанты»), но вот в День строителя и на отвальную хороший завхоз просто обязан был лить горячительное полным потоком, чтоб «всем хватило». И приходилось налаживать не просто хорошие, а очень хорошие отношения с теми, кто подписывал накладные и квитанции и закрывал глаза на «начесы».

– Не бойсь, Андрюха, – утешал меня Командир, – один не сядешь!

Боль в руке ушла так же неожиданно-негаданно, как и появилась, – где-то под конец учебного процесса. Собрались мы на квартире одного из друзей расписать преферанс, при этом все запаслись изрядным количеством пива. Я, еще в школьные годы спустившись с гор и перепив сего напитка в Самарканде, изрядно к пиву охладел, так что затарился «фаустпатроном» не то «плодово-выгодной», не то «слез Мичурина». Потягивая бормотуху на почти пустой желудок, допился до ощущения «ватности» в конечностях и почти сразу уснул. Проснувшись, почувствовал: что-то не так – ставшая уже привычной спутницей боль ушла безвозвратно!

В тот год я закончил свою стройотрядовскую эпопею почти на том же месте, где и начинал, в лесу на узкоколейке, только в другом стройотряде и на должности бригадира лучшей бригады... Так что в конце концов все устроилось. Неважно, сколько раз ты упал, важно, сколько раз поднялся!

Бригада (колхоз)

И.Р. Смирновский (студент 1977–1983 гг.,
кандидат физико-математических наук)

Кажется, на первом курсе, в сентябре, направили нас в колхоз. Так я оказался в селе Красносельском Выборгского района, в доме – школа или «пришкольное» что-то – вместе с Мишей Ивановым, Колей Симоновым, Евстифеевым (всех не помню, прошу извинить). Остальных разместили в других местах – всего несколько десятков человек.

Первым делом наше «школьное» подразделение (и кто был зачинщиком?) поставило брагу: в сельском магазине купили закваску, дрожжи и сахар. Ведро (раздобыли где-то) как раз под кровать влезло. Брага особых воспоминаний не оставила. Выпили при отъезде ее – это точно, но то ли сахара не доложили по неопытности, а может, и не пил я тогда.

Технология сбора картофеля была немудреная. Сначала трактор срезал борозды, некое устройство, пристегнутое к нему, просеивало землю так, что клубни оказывались на поверхности. Подвозили нас. Часть – по желанию – собирала картошку в ведра, другие, не склонные к столь созерцательному труду и покрепче, были на подноске и один-два – на «ведерной приемке» в тракторном прицепе. Носильщик забирал два ведра, полных картошки, и следовал к возку, который чаще находился в движении. Далее происходило метание снаряда-ведра с расстояния, которое ограничивалось лишь способностями «спортсмена». К траектории полета выдвигались два серьезных требования: во-первых, конечная точка должна была быть на уровне и вблизи рук принимающего коллеги в движущемся прицепе, и, во-вторых, ведро должно было принять в воздухе перевернутое положение – днищем вверх. Тогда принимающему оставалось жестко зафиксировать снаряд, при этом картошка высыпалась в кузов, и быстренько легким движением руки отпасовать пустое ведро на землю, где его так же быстренько подбирали. Заминки в приеме допускать было нельзя, так как за первым ведром с одной руки сразу летело второе с другой. Вот такая непрерывная карусель.

Эти упражнения (фитнес по-современному) настолько нам понравились, что мы стали регулярно перевыполнять план. Однажды даже сделали 250 % нормы, о чем было напечатано в районной газете. Не совсем честно это было, так как норма была выполнена часов за десять, вместо положенных восьми.

Заплатили неплохо: за месяц на руки за вычетом кормления-проживания получил примерно 130 руб., что при стипендии 40 руб. по тем временам было деньгами.

В памяти осталось очень мало фамилий, больше лиц: Игорь Осин, Олег Захаржевский. Про других не уверен точно, так как более поздние события наложились на воспоминания. Бригадиром был Данилевский, невысокий, щуплый парень в стройотрядовке. А вот соседняя бригада из Староселья ничем таким похвастаться не могла: там и 30 % не собирали.

Содержание

От составителей	3
Наши наставники	
Е.Д. Трифонов. Мои воспоминания о В.А. Фоке	11
Е.Д. Трифонов. Как мы с Марией Ивановной Петрашень писали книгу	16
И.Н. Мельникова. Кирилл Яковлевич Кондратьев – академик РАН, ректор ЛГУ, заведующий кафедрой физики атмосферы физического факультета	20
Т.В. Филиппова. Воспоминания о В.Н. Цветкове	23
О Юрии Николаевиче Демкове	26
С.Ю. Славянов. Я и мой Учитель	30
Н.Г. Петерова, И.Е. Погодин. Об Андрее Павловиче Молчанове (1918–1996)	32
А.А. Лисаченко. Заместитель декана физфака ЛГУ Валентин Иванович Вальков	42
А.А. Цыганенко. Учителя	47
Наша учеба и жизнь	
А.Г. Здравомыслова, О.В. Свердлова. О строительстве колхозных ГЭС студентами физфака	55
М.Я. Амусья. Отрицание отрицания (Ворота к воплощению уже было несбывшихся мечтаний)	60
Л.С. Ивлев. Светлая личность	94
А.С. Благовещенский. Я хотел бы только... (Вместо предисловия)	99
А.С. Благовещенский. День физика и его юбилей	102
Я.П. Корецкий. Мои воспоминания	105
В.П. Чечев. Вспоминая студенческие годы	113
В.Г. Раутиан. Выпускники Санкт-Петербургского – Ленинградского университета – представители семьи Раутианов	122
Н.Н. Розанов. Физфак 1958–1963 гг.	133
А.С. Галембо. Мое студенчество и мои друзья-воспитатели	136
М.Б. Миллер. Когда физики были в почете	149
С.Ю. Славянов. Переезд в Старый Петергоф: как это было	153
С.Ю. Славянов. Четыре стихотворения	156

Н.М. Анодина (Андриевская). Как хорошо мы раньше «плохо» жили!..	160
А.А. Намгаладзе. Из «Записок рыболова-любителя»	180
А.М. Кригель. Перчатки	194
А.М. Кригель. Ясности ради	196
Ю.Б. Магаршак. Былое физфака и думы о нем	199
А.П. Миргородский. Кто был и как было	218
В.М. Кошкин. Вспоминая общежитие	224
Н.П. Бахарева, О.Д. Бахарев (Буль). Вспомним физфак	237
А.О. Заленский, В.К. Рябчук. Физфак 1963–1969. Воспоминания через океан	259
А.А. Митюрева. О физическом факультете Ленинградского – Санкт-Петербургского государственного университета	283
К.А. Мошков. «Самоволка-67»	297
К.А. Мошков. ЛГУ. Лектор. Герой. Управленец	306
Н.О. Григоров. Воспоминания о физфаке	313
Э.И. Федорова (Буторина). Отечество – Макарова, дом 6	320
Т.В. Филиппова. Мои воспоминания, или Страницы из жизни дитя Победы	331
С.В. Антоневиц. Наши преподаватели	344
В.А. Веллинг, Н.П. Джагарянц-Слитков. Как хорошо мы плохо жили, или Трамвай идет в парк Блохина	348
В.А. Веллинг. Пролетели годы молодые, в памяти оставив лишь туманный трек	360
В.Ю. Горелов. По стихам, как по камушкам, вброд через реку Забвенья	373
Е.Г. Друкарев. То, что запомнилось	385
А.В. Лавров, А.Н. Шацев, В.В. Федоров, М.И. Эйдес. «Мангышлак-66»	404
А.В. Лавров. «Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...»	413
М.Б. Тендлер. Воспоминания	440
В.М. Уваров. Физический факультет Ленинградского университета в 1965–1971 гг.	444
Э.П. Федорова-Коваль. Мангышлак, июль 1966 года (Отрывки из дневника)	452
Р.И. Шарибджанов. Пенджикент – Самарканд – Ленинград	459
М.А. Шеляховская (Груздева). Наши студенческие годы: советское и «антисоветское» на физфаке и вокруг	466
М.А. Горяев. Физфак – наш отчий дом	477
В.А. Крылов. Физфак – это моя юность!	486
Л. Нанаи. От Сегеда до Байкала (Мои воспоминания)	494
S.S. Sazhin. Memoirs of a Student, Junior Researcher and Private Scientist	497
С.А. Шляпочников. О Физическом факультете Ленинградского государственного университета в 60–70-е годы	502
К.Э. Воеводский. «Мужики» – последний вздох «оттепели»	505
К.Э. Воеводский. Глазами дворника	508
И.Е. Погодин. Об учебе и учителях (40 лет спустя)	516
И.Е. Погодин. О взрослении без розовых очков	534

В.А. Янковский. Моя <i>Alma mater</i> жила на набережной Макарова	544
Е.Е. Рыбаков. Правдивые байки из студенческой жизни	553
Н.А. Тимофеев. Вспоминая профессоров-преподавателей	559
В.П. Устинов. Посвящение старому физфаку	560
Л.Г. Писаревская (Хребтова). Годы мои молодые... (Веселые истории для детей и внуков).....	561
С.А. Трушкин. Физики и лирики	570
А.М. Балонишников. Эпизоды	589
К.Н. Вишератин. Несколько слов о моих наставниках	591
С.В. Сипаров. Физфак, хотя он и физфак, он – УНИВЕРСИТЕТ	594
Т.Г. Бесташишвили. Детство с Никитой	605
В.А. Корнеев. Физфак, люди, проблемы	612
А.Б. Булах. Физфак... как много в этом звуке для сердца моего слилось (не очень чтобы старого физфаковца...)!	615
А.Б. Уткин. Физфак конца 70-х – начала 80-х: от позднего Брежнева до раннего Горбачева	634
И.Р. Смирновский. Бригада (колхоз)	650
Содержание	652

Шестидесятые годы на физфаке ЛГУ

Сборник воспоминаний

Выпуск первый

Проект и организация:

А. Лавров, В. Федоров

Составители:

Э. Буторина, Е. Друкарев,
А. Лавров, И. Погодин, В. Федоров

Литературные редакторы:

Е.Ю. Оrobeц, Е.С. Степовая

Техническое редактирование и оформление обложки

Т.А. Парфеева

Компьютерная верстка

Е.В. Веселовская

Компьютерная обработка текста и фото:

Е.В. Веселовская, А.Б. Кудрявцева, Т.А. Парфеева, Н.М. Сараева

Отпечатано в типографии ФГБУ «ПИЯФ»
188300, Гатчина Ленинградской обл., Орлова роща
Зак. 34, тир. 499, уч.-изд. л. 56; 27.12.2012 г.
Формат 70x100 1/16, печать офсетная